

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА. 1906-1917 гг.

«XI Муромцевские чтения»

Материалы
Международной научной конференции
11-12 октября 2019 г., г. Орёл
Часть 1

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессор Д.В. Аронова

Орёл
Орлик
2019

УДК 9

ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6

P764

ISBN 978-5-903259-27-4

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор

Кара-Мурза А.А.,

доктор исторических наук, профессор

Жураевлев В.В.

P764 **Российский либерализм и Государственная Дума. 1906-1917 гг.** / материалы Международной научной конференции. 11-12 октября 2019 г. Ч. I., г. Орёл, / Под общей редакцией д-ра ист. наук, проф. Д.В. Аронова. Орел: Издательский дом «ОРЛИК», 2019. – 408 с.

В настоящий сборник научных статей вошли материалы «Муромцевских чтений», прошедших в 2019 г. Они имеют целью показать результаты изучения столь знаковой для либерализма как политического течения и мировоззрения темы, как его понимание и трактовка такого способа социального управления, как парламентаризм.

Представленные в сборнике статьи также посвящены ряду традиционных направлений работы «Муромцевских чтений» – истории либеральных партий и движений, персональной истории российского либерализма, различным аспектам парламентского периода его истории.

Предназначен для всех интересующихся проблемами истории российского либерализма.

«Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-09-20032»

ISBN 978-5-903259-27-4

ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6

© Издательский дом «ОРЛИК», 2019.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
<i>В.В. Шелохаев</i> ИДЕЯ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ	10
<i>Д.В. Аронов</i> ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК ПОЗИТИВНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СУЩНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЯДРА ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ	16
<i>В.В. Журавлев</i> ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА: «ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС» РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА ДЛИТЕЛЬНОСТЬЮ В 72 ДНЯ	26
<i>К.А. Соловьев</i> ЛИБЕРАЛЫ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ	59
<i>А.Н. Медушевский</i> ПАРЛАМЕНТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В УЧЕНИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ: АКТУАЛИЗИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ	68
<i>В.В. Вострикова</i> КОНЦЕПЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ТЕОРИИ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА НАЧАЛА XX в.	88
<i>Н.И. Алымова</i> ВЛИЯНИЕ ДУМСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 1912 г. НА ФОРМИРОВАНИЕ МНОГОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ	104
<i>И.В. Сабенникова</i> ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В АРХИВАХ ЭМИГРАЦИИ	113
<i>Н.Б. Хайлова</i> ЦЕНТРИЗМ В РУССКОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ НАЧАЛА XX в: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ (сер. 1990-х – 2000-е гг.)	124

- М. Банашкевич*
**ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПЕРИОДИКА И ТРАНСФЕР ИДЕИ
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ**
(на примере библиографических обзоров иностранной
литературы) 141
- Ф.А. Селезнев*
**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
В 1906–1914 гг. (по материалам допроса П.Н. Милюкова в
Чрезвычайной следственной комиссии
Временного правительства)** 154
- А.С. Туманова*
**СВОБОДА СОЮЗОВ В ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ** 164
- А.П. Солова*
**ЗАКОНОПРОЕКТ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
ВОСХВАЛЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЕ ВТОРОГО И ТРЕТЬЕГО СОЗЫВА** 176
- О.Л. Протасова*
**ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ И
ТРУДОВОЙ НАРОДНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ В 1917 г.** 185
- Ф.А. Гайда*
**П.Н. МИЛЮКОВ В БОРЬБЕ ЗА ЕДИНСТВО КАДЕТСКОЙ
ДУМСКОЙ ФРАКЦИИ (1912-1917)** 194
- Н.Г. Карнишина, В.Ю. Карнишин*
**ЛИБЕРАЛЫ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ:
ВОСПРИЯТИЕ НОВАЦИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОЕ
НАЧАЛА XX в.** 202
- Н.В. Дмитриева*
**ВЫБОРЫ В I ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ И
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ПРОГРАММЫ КАДЕТОВ: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ И ОЦЕНКА
ИМПЕРСКИМИ ВЛАСТЯМИ** 208

- А.Н. Егоров
**НОВГОРОДСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И
ЛИБЕРАЛЫ НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДУМЫ** 217
- О.А. Харусь
**САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСЕРВАТИВНЫХ ЛИБЕРАЛОВ
СИБИРИ В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ ПАРТИЙНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ (конец 1905 – начало 1906 гг.)** 230
- В.К. Кантор
**ПЕТР СТОЛЫПИН В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
(ФЕНОМЕН ДЛЯЩЕЙСЯ ИСТОРИИ)** 240
- Д.С. Лавринович
**ГУСТАВ КАРЛОВИЧ ШМИДТ – ЛИДЕР МИНСКИХ
ОКТЯБРИСТОВ И ДЕПУТАТ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ:
ШТРИХИ К БИОГРАФИИ** 263
- Д.М. Усманова
**АЛЕКСАНДР БОРАТЫНСКИЙ: ВНУК ПОЭТА, КАЗАНСКИЙ
ЛИБЕРАЛ И ДЕПУТАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ** 274
- А. Босяцки
**ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ НА ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ
РУССКОГО РАЗДЕЛА В СВЯЗИ С ВЫБОРАМИ В
ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ДО 1917 г.** 285
- Б. Газински
**КОНЦЕПЦИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА
РОМАНА ДМОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ
РОССИИ И ПОЛЬШИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД** 301
- А.А. Сорокин
**А.А. ОСТАФЬЕВ – ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕПУТАТА I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ** 314
- О.В. Волобуев
**В.П. ОБНИНСКИЙ – СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ЛЕВОГО
ЛИБЕРАЛА** 320
- С.В. Беспалов
ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ П.Б. СТРУВЕ 329

- А.Е. Новиков*
**ОБРАЗЫ ЛИБЕРАЛОВ ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
В РАССКАЗЕ И.С.ШМЕЛЕВА «ГРАЖДАНИН УКЛЕЙКИН»** 338
- Игумен Иов (И.А. Чернышев)*
**ОЦЕНКА РУССКОГО ЛИБЕРАЛЬНОГО ТЕЧЕНИЯ В
НАСЛЕДИИ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ (НЕВСКОГО)** 342
- Е.Д. Неверов*
**К ВОПРОСУ О КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ ВРЕМЕННОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА: НИКОЛАЙ ЛАЗАРЕВСКИЙ В 1917 г.** 348
- Д.В. Тимофеев*
**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИДЕАЛЫ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ
ПРАКТИКИ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.** 357
- Е.А. Татаренкова*
**«БЕССМЫСЛЕННЫЕ МЕЧТАНИЯ» МЯТЕЖНЫХ ЗЕМСТВ КАК
ВЫСШАЯ ШКОЛА КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА** 366
- Р.М. Абинякин*
**ЗАРОЖДЕНИЕ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ И УЧАСТИЕ ВИДНЫХ
ДЕЯТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ** 380
- Д.В. Щукин*
**ВКУСОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ (КУХНЯ) В ЖИЗНЕННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИИ НАЧАЛА XX В.** 389
- Т.Н. Гелла*
**ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПАРТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНЦЕ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ
РУССКОЙ ПЕРИОДИКИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ)** 398

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник является логическим продолжением десяти предыдущих изданий «Муромцевских чтений». Организаторами Международной научной конференции в предварительно разосланном информационном письме предложено обсудить актуальную тему: «Российский либерализм и Государственная Дума России: 1906-1917 гг.»

В отечественной и зарубежной историографии, включая и вышеназванные сборники, изданные по результатам работы «Муромцевских чтений», эта тема, так или иначе, затрагивалась в ряде статей. Однако это, как говорится, было сделано либо «по ходу», либо «по поводу» рассмотрения тех или иных сюжетных линий истории российского либерализма.

Специальное обращение к этой теме как комплексной проблеме давно назрело. Речь, прежде всего, идет о теоретическом и методологическом осмыслении либеральной модели конституционализма в ее широком (в общеевропейском смысле) и узком (российском варианте). Это позволило бы выявить общие и особенные свойства и черты формирования и эволюции данной модели в условиях разноуровневого исторического развития стран, различного соотношения в них общественных сил, различной степени накала конфликтов в разных сферах – идеологической, политической, социально-экономической, национальной и конфессиональной.

Однако при всех исторически обусловленных различиях идея представительства являлась (и остается) одной из ключевых в либеральной модели конституционализма как целого. В логике именно такой постановки проблемы участники конференции оценивали степень зрелости конституционного законотворчества в России в условиях трансформации российской политической системы на основе Манифеста 17 октября 1905 г. и Основных законов 23 апреля 1906 г. Кроме того, участниками дискурса принимались в расчет сущностные подвижки в избирательной системе в 1905-1907 гг., оказавшие самое непосредственное влияние как на сам избирательный процесс, так и на социально-политический и партийный состав Думы.

В связи с этим участниками конференции было уделено большое внимание всесторонней характеристике и оценке результатов

избирательных кампаний, проходивших на основе двух законодательных актов – 11 декабря 1905 г. и 3 июня 1907 г., в известной мере определивших соответственно облик I-II и III-IV Государственных Дум, а, следовательно, в той или иной степени предопределивших не только законодательную проблематику, но и место и роль собственно либеральных законопроектов и предложений. Предпринятый в выступлениях участников конференции анализ социально-политического, экономического, национального и конфессионального содержания и направленности либеральных законопроектов позволил показать, с одной стороны, их различия и созвучия с правительственными законопроектами, а, с другой, – созвучия и различия с законопроектами левых думских фракций. Однако одним из важных итогов конференции явился комплексный подход к осмыслению либеральных проектов как целого.

Суть динамики законодательных либеральных проектов, внесенных в Государственную Думу, сводилась к намерениям идеологов и политиков российского либерализма к утверждению в России правового государства и гражданского общества, как предпосылок и условий для реализации их базовой идеи – утверждения прав и свобод Личности. Такой подход к раскрытию ведущих черт либерализма позволил показать, как закономерности, так и особенности исторического опыта российских конституционалистов начала XX в., вынужденных вести свою деятельность в условиях предельного обострения идейно-политической борьбы не только вне Государственной Думы, но и внутри нее. По сути, можно утверждать, что в начале XX в. в России сформировались не только основные черты либерализма нового типа, но и сформировалась национальная модель российского конституционализма, прошедшая свою «обкатку» в стенах Таврического дворца и получившая отражение в общественном сознании.

В статьях, представленных в сборнике, показан сложный процесс разработки наиболее важных либеральных проектов на уровне как центральных партийных структур (соответствующие комиссии), думских либеральных фракций (октябристов, кадетов, мирнообновленцев, партии демократических реформ, партии прогрессистов), трансляция их с думской трибуны, публикация в соответствующих либеральных органах печати в целях ознакомления с

ними общественности. По сути, речь идет о раскрытии механизмов либерального воздействия на массовое сознание.

Думаю, что материалы конференции будут полезны и поучительны для современных парламентариев, практических деятелей центрального управления и самоуправления, преподавателей высшей школы.

В.В. Шелохаев

ИДЕЯ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ

Учитывая, что данная проблема уже не раз оказывалась в центре внимания отечественных и зарубежных обществоведов, основное внимание сосредоточу на ряде проблем общего характера.

Во-первых, прежде всего, следует иметь в виду, что выше обозначенная проблема может быть понята и интерпретирована как составная часть общей либеральной модели переустройства России. В этой логике народное представительство видится, прежде всего, как одно из возможных средств законодательного закрепления прав и свобод Личности, являвшихся «инвариантным ядром» либерализма как целого, независимо от его хронологической и страноведческой привязки. Разумеется, данную проблему можно вычлениить и рассматривать и как самостоятельную, но при этом нельзя забывать, что всестороннее понимание возможно лишь в контексте целостного либерального мировидения, мировоззрения и мироощущения.

Во-вторых, с учетом вышесказанного, идея народного представительства может быть рассмотрена в органической связи с конкретными историческими условиями и с учетом соотношения политических и социальных сил в каждый из исторических отрезков. Поэтому использование либеральными теоретиками и политиками понятия «народное представительство» ни в коей мере не означало, что оно понималось ими одинаково на разных этапах эволюции русского либерализма как целого. Речь идет о динамике объема и самой структуры данного понятия, которые претерпевали трансформацию в зависимости от меняющихся объективных и субъективных обстоятельств, включая разные поведенческие ориентации разных поколений русских либералов. Исследователи, с одной стороны, должны учитывать сложносоставную социальную природу русских либералов, а, с другой, – динамику совокупных изменений в расстановке политических сил на исторической арене на том или

¹ Шелохаев Валентин Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра «История России в XIX - начале XX в.» Института российской истории РАН.

ином этапе эволюции либерализма. Наличие единого «инвариантного ядра», лежавшего в основе всех течений и направлений в русском либерализме и связывавшего их в единое мировоззренческое целое, не отрицало, а наоборот, предполагало множественность трактовок понятия «народное представительство» при разработке стратегического и тактического курса либералов разных поколений.

Суть проблемы в том, что в отличие от единой базовой теоретической посылки – права и свободы Личности – проблема народного представительства, образно говоря, принадлежала к числу функциональных, обеспечивающих их практическое достижение. Такой подход объясняет и наличие разночтений в либеральной среде по вопросу, как о типе самого народного представительства, так и о функциональной роли каждого из этих типов. Неслучайно, что на разных этапах эволюции русского либерализма в качестве таких типов представлялся Земский собор, Государственная Дума, Учредительное собрание. Характерно, что названные типы народного представительства соседствовали друг с другом, с одной стороны, подчеркивая преемственность в эволюции либерализма, а, с другой, обеспечивая вариативность достижения прав и свобод Личности посредством данного института.

В-третьих, умеренное крыло в русском либерализме на протяжении всего его существования в России предпочитало видеть в народном представительстве (Земский собор, Государственная Дума) такую институцию, которая позволяла бы в согласии с существующим политическим режимом найти мирное разрешение объективно назревших проблем. Ориентация на компромисс с существующим режимом позволяла, согласно представлениям умеренных либералов, обеспечить мирную модернизацию страны в общеевропейском русле. В такой системе координат мыслило подавляющее большинство либералов. Вместе с тем, радикальное крыло в русском либерализме уже в XIX в. выдвигало идею Учредительного собрания, выражая тем самым сомнение в способности власти к трансформации в конституционную монархию. Однако даже либералы-радикалы типа освободителей, а, затем, кадетов, не раз демонстрировали готовность к отказу от своего программного требования созыва Учредительного собрания и соглашались участвовать в деятельности Государственной Думы, проектируемой по лекалу самодержавной власти.

В-четвертых, наличие различных типов народного представительства в либеральных программах, с одной стороны, свидетельствовало о сложносоставном характере русского либерализма, а, с другой, – о вариативности достижения им одной и той же цели – обеспечении прав и свобод Личности. При Земском соборе и Государственной Думе это достигалось более медленным путем, а при Учредительном собрании более быстрым. Большая часть русских либералов, органически встроенных в существующую систему политических и социальных координат, выражала готовность пойти на сотрудничество с властью и максимально возможно долго ждать достижения своей цели – либо дарованных сверху, либо полученных через законосовещательные и законодательные институции прав и свобод Личности. Эти варианты обуславливались ссылками на исторические традиции, добровольные жесты самодержавной власти к уступкам, необходимостью «органического вживания» социума в новую историческую реальность. Что же касается либералов-радикалов, то они допускали, что при определенных обстоятельствах путь достижения прав и свобод Личности может быть «спрямлен» и, следовательно, «укорочен», если в результате политической революции власть перейдет к народу и он созовет Учредительное собрание.

В-пятых, вековой опыт эволюции либерализма в России убеждает в том, что разные направления и течения в русском либерализме демонстрировали (и на теоретическом, и на практическом уровнях) чудеса «гибкости» относительно выдвижения того или иного типа народного представительства. В конечном счете, русские либералы соглашались участвовать и в Земском соборе (умеренные) и законосовещательной Государственной Думе (практически все) и законодательной Государственной Думе (все без исключения). Разнотечения между разными направлениями и течениями в русском либерализме по данному вопросу сводились к тому, что каждое из них (исходя из своих теоретических и программных установок) рассчитывало, используя различные типы народного представительства, достигнуть, в конечном счете, своей цели. Так, в частности, кадеты на первых порах рассчитывали постепенно превратить Государственную Думу в Учредительное собрание. Однако вскоре они от этого благоразумно отказались, ограничившись тре-

бованиями совершенствования механизмов функционирования Государственной Думы.

В-шестых, опыт работы либеральных фракций в Государственной Думе, созданных по законам 11 декабря 1905 г. и 3 июня 1907 г., убедительно продемонстрировал тщетность их надежд совершенствовать данный тип народного представительства, находящегося под плотным присмотром модернизированного политического режима. В конечном счете, участие в Государственной Думе, созданной по лекалам самодержавия, не принесло либералам каких-либо позитивных результатов. Подавляющее большинство их законопроектов и законодательных предложений было либо заблокировано в самой Думе, либо отвергнуто правительством. К февралю 1917 г. либеральные фракции были разочарованы в эффективности подобного типа народного представительства. Не случайно, после победы Февральской революции Государственная Дума, распущенная накануне революционных событий по указу императора, так и не возобновила своей деятельности. Придя к власти, либералы-радикалы в лице кадетов вынуждены были возвратиться к своему первоначальному программному требованию – созыву Учредительного собрания. По мнению кадетских теоретиков и политиков, Учредительное собрание должно было законодательно закрепить права и свободы Личности. Однако политическая ситуация в стране к моменту созыва Учредительного собрания претерпела коренные изменения, что, в частности, сказалось на результатах избирательной кампании в эту новую институцию. Либералы в ее ходе потерпели сокрушительное поражение. Их мечта законодательно закрепить права и свободы Личности легальным путем посредством народного представительства так и не получила своей реализации.

В-седьмых, разумеется, было бы не совсем верно сводить деятельность народного представительства исключительно к решению центральной проблемы либерализма – законодательному закреплению прав и свобод Личности, как основной предпосылке и условию раскрытия ее творческих потенций. Согласно либеральным представлениям, народное представительство должно было разработать и принять комплексную программу коренного преобразования страны. Речь шла о трансформации политической системы (конституционная монархия, конституционно-парламентарная мо-

нархия, республика); создании условий и предпосылок для формирования гражданского общества; преобразовании экономики (очищение ее от реликтов прошлых эпох и закрепление института частной собственности); разрешении в демократическом духе национальных и конфессиональных вопросов; проведении масштабных культурных преобразований; создании современной армии и флота. Эти стратегические задачи получили обстоятельное отражение в законодательных проектах и предложениях (правда, с разной степенью глубины и масштабности), представленных либеральными думскими фракциями.

В-восьмых, на протяжении 12 лет существования Государственной Думы внутри думского либерального спектра происходили вполне определенные подвижки, выразившиеся, в конечном счете, в полевении либеральной оппозиции и закреплении политического лидерства кадетской фракции. На долю кадетов выпала одна из ключевых ролей в создании Прогрессивного блока, а затем и «раскачке» третьеиюньской политической системы как целого.

В-девятых, идея народного представительства, вначале вброшенная в общественное и массовое сознание, а затем ставшая реальным фактором исторического развития страны на ее ближайшую перспективу, в конкретных российских реалиях сыграла двоякую роль. Будучи производной от Первой российской революции, Государственная Дума до определенного момента стала фактором вывода страны из революционного кризиса и способствовала стабилизации обновленной политической системы. Избирательные компании в Государственную Думу способствовали развитию общественного и массового сознания в России, ее, хотя и медленно, продвижению в сторону формирования гражданского общества и гражданского самосознания. Причем эти процессы находились в зависимости от эффективности законотворческой работы Государственной Думы, которая воспринималась и оценивалась общественным и массовым сознанием. В этом одну из ключевых ролей сыграл роспуск I и II Государственной Дум и изменение избирательного закона 3 июня 1907 г., критически воспринятые массовым избирателем. Две последующие Думы, формируемые по новому избирательному закону 3 июня 1907 г., общественным и особенно массовым сознанием воспринимались как «господские», отстаивавшее интересы имущих классов населения. С этого момента ин-

ститут народного представительства в большей степени стал фактором «раскачки» общественного и массового сознания, чем фактором политической и социальной стабилизации российского общества. Эта тенденция стала стремительно набирать силу в условиях Первой мировой войны. Постепенно становясь выразительницей «народного гнева», Государственная Дума объективно стала фактором подготовки Февральской революции. Однако после ее свершения Дума должна была уйти с исторической сцены практически одновременно с породившей ее третьеиюньской политической системой.

В-десятых, парадокс истории состоял в том, что в России в течение 12 лет «обкатку» проходила не либеральная идея народного представительства, а ее самодержавная вариация, в рамках которой и вынуждена была действовать либеральная оппозиция. Либералам пришлось принимать участие в игре, правила которой написала власть. Либеральная модель народного представительства, предлагаемая разными направлениями и течениями в русском либерализме, оказалась не востребованной, а, следовательно, и не апробированной на практике. Поэтому исследователи могут рассуждать о некоей причастности либералов к разработке проекта Основных законов 1906 г, проектов по созданию Государственной Думы, о предлагаемых ими проектах по ее реформированию, однако судить о эффективности или не эффективности собственно либерального проекта народного представительства они не могут, ибо он не получил практической реализации. Речь может и должна идти о теоретически мыслимых либеральных альтернативных проектах народного представительства, к которым также могут быть применены гипотетические оценки их практической эффективности. Тем не менее, исследование либеральных проектов народного представительства крайне важно для понимания и осмысления формирования и эволюции общественной мысли в России, а разработанные думские либеральные проекты содержат в себе значительный интеллектуальный потенциал, который может быть востребован и в наши дни.

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК ПОЗИТИВНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СУЩНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЯДРА ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Основой современного понимания либерализма, отграничивающей его от иных форм восприятия политической действительности, традиционно выступают два базовых элемента, которые должны быть присущи некоей данности, чтобы мы вообще могли классифицировать ее как либерализм. Первое – это права и свободы человека. Не уходя в тонкости юридического позитивизма, следует указать, что существуют разные толкования соотношения понятий «право» и «свобода»; отметим сейчас одну из современных тенденций к определению их как единого понятия. И второе – это неприкосновенность частной собственности как материальной основы реализации этих прав. Здесь, конечно, с точки зрения формирования идеологии национальных моделей либерализма все далеко не так однозначно. В качестве примера приведем тезис, предложенный, в частности, Р.М. Нуриевым в его предисловии к книге Поля Грегори «Политическая экономия сталинизма». В нем он писал, о том, что если на Западе власть следовала за собственностью, то в России этот процесс шел в обратной последовательности, когда собственность следует за властью. Полагаем, что это обстоятельство не отменяет присущее отечественной либеральной модели стремление к защите частной собственности, но оказывает влияние на ментальное восприятие правовых средств защиты собственности со стороны населения страны.

Полагаем, что общий путь к пониманию национальной модели либерализма опирается на ряд парадигм, которые должны быть не только общим политическим лозунгом, отраженным в партийной программатике. В отечественной исторической науке идет процесс постоянной переоценки места и роли политических партий, которые последовательно переходят из разряда условно «плохих» в разряд «хороших» или, как минимум, прогрессивных партий. Сначала этот

¹ *Аронов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.*

процесс коснулся кадетов, что было вполне понятно, т.к. отказ от их ленинской оценки как «могильных червей революции» требовал объективизации взглядов на программатику и политико-правовую практику партии. Правды ради, отметим, что ряд современных исследователей не склонны к безусловному отнесению кадетов к либеральному лагерю. Основанием здесь выступает разница в оценке идеи кадетского аграрного законопроекта, содержащего в качестве элемента реализации институт принудительного отчуждения (отметим в скобках – сопровождаемый институтом компенсации) ряда категорий частновладельческих земель.

Сегодня набирает обороты процесс отнесения к либеральному лагерю октябристов. Хотя, как представляется, тут ситуация сложнее. Не вполне понятно отнесение к либеральным политической партии, которая в формате своих съездов, как это там звучало, по соображениям сохранения единства партийных отделов на местах, объективно в резолюциях партийных форумов ограничивала свободу по национальному признаку, относя это к вопросам будущей, более благоприятной политической обстановки.

Об этих пограничных состояниях оценки в классификации политических партий и их программатики можно и должно говорить; тем не менее, общий набор черт вполне устоялся. Но тем не менее, с формальной точки зрения, среди десятков, если не сотен партийных организаций России начала XX в. была масса тех, которые также имели в своей программатике и права человека, и сохранение частной собственности в той или иной ее ипостаси. При этом пока еще не отмечено какого-либо стремления записать их общим чохом в либеральный лагерь. Это вполне естественно, т.к. любое подобное действие требует изучения не только партийной программатики, но и политико-правовых практик. И здесь, как нам представляется, целесообразно внесение в сущностное ядро либерализма еще одного критерия принадлежности партии, мировоззрения, учения, да и конкретного политического актора.

Полагаем, что к двум базовым, так сказать, основополагающим признакам либерализма необходимо добавить еще одну черту. Она, может быть, и не всегда явно тезисно выражена в программатике, но является более чем фундаментальной. Имеется в виду отрицание насильственных способов социального конструирования. Может ли либерал звать на баррикады? Может ли либерал брать в

руки оружие и во имя святого права, «ибо нету большей благости, чем жизни положите за други своя», вести к торжеству либеральных идеалов насильственным путем. Полагаем, что нет, а альтернатива – это постулирование примата мирных способов преобразования социума в достижении базовых черт либеральной модели социально-политического преобразования страны.

Есть и другие варианты оценки того, к чему ведет либеральная альтернатива развития, будь то в государственном управлении, теории общественного развития и прочее, прочее. Есть немало нюансов, по которым делили и делят либералов на несколько направлений, а то и оттенков. Также дискуссия о разнице в программатике партии демократических реформ и мирнообновленцев, динамика их взаимодействия с программатикой конституционных демократов и ряд других, не менее увлекательных исследовательских сюжетов. Мне не раз доводилось писать о самых различных аспектах политической биографии Сергея Андреевича Муромцева. В его лице действительно абсолютизировался тип политика «чистых рук», который имманентно не мог переступить через внутреннюю нравственную парадигму¹. Позднее П.Н. Милюков несколько ернически писал о том, что Муромцев в стиле архаизирующегося парламентария прошлого оставил строчку «Призван не был», а сам к императору не пошел. Конечно, Муромцеву ставят в упрек прежде всего подписание «выборгского воззвания» – факт известный, современников тоже интересовавший. Отвечая на этот нелегкий для него вопрос, Муромцев видел в основе своего решения некое сиюминутное настроение.

Однако следует остановиться еще на одном моменте, который в данном случае применим к Муромцеву и показывает, что идея бесконфликтности в общественных преобразованиях витала в воздухе. В период поисков общетеоретических подходов к формированию либеральной модели развития страны в политико-правовой либеральной мысли России в лице Муромцева как раз и получил выражение тезис о неприятии насильственного социального конструирования. Более того, Муромцев отрицал не только революцию как способ изменения общественного строя, он полагал, что даже

¹ См. например: Аронов Д.В., Смирнов И.М. Консервативный либерал или либеральный консерватор – С.А. Муромцев во главе Первой Государственной Думы // Тетради по консерватизму. 2019. № 4. С. 235-244.

кардинальная, избыточно масштабная реформа социального устройства может иметь для общества негативные последствия, способные в своих крайних вариантах перекрыть результаты в совершенствовании системы социального управления. «Резкие перемены и крупные перевороты, – писал он, – оживляют, но также и потрясают общественный организм. От государственной власти зависит доверить суду постоянное и постепенное проведение в жизнь справедливости»¹.

Конечно, никто не отрицает участия европейских либералов в подготовке общественного мнения к революционным изменениям в Европе XVIII вв., а также поддержки российскими либералами (по крайней мере их левым флангом) революционных событий 1905 г. Однако, как нам представляется, здесь существует мнимое противоречие между ориентацией либерализма как мировоззрения, как инструмента социального конструирования, очищенного от противоречивой повседневной практики, и его политико-правовым воплощением во всем бесконечном многообразии эпох и времен. Соответственно, желание использовать революционные процессы и их реальное использование может сочетаться с базовыми ценностными установками и взглядами на социальное реформирование. Симптоматичны в этом отношении события 27 февраля – 3 марта 1917 г., когда усилиями ВКЧГД был замещен практически одновременно возникший вакуум власти. Стремление видеть руку либералов в целенаправленной организации данного процесса не подтверждается результатами конкретно-исторических исследований. Можно в этом месте было бы порассуждать на предмет того, что делать либеральному политику в случае, если власть своими действиями ставит под угрозу интересы общества в целом, трактуя их как угрозу, в отношении которой необходим насильственный сценарий противодействия. Однако ввиду высокой степени субъективного усмотрения понимания парадигмы национального развития этот аргумент представляется излишне субъективным.

Еще один момент, на который следует обратить внимание применительно к поиску либеральной модели и опять же, обращаясь к третьей составляющей либерального мировоззрения, либеральной сущности как таковой. У Бориса Слуцкого есть примечательные строки:

1 Милюков П. С.А. Муромцев // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 10.

*Держава, подданных держа,
Диктует им порядки.
Но нет чернил у мятежа,
У бунта нет тетрадки.
Когда берет бумагу бунт,
Когда перо хватается,
Уже одет он и обут
И юношей питает.*

Но, говоря о партиях либерального толка, мы можем отметить, что либерал и бунт – это разные вещи. У либералов было и перо, и тетрадка, и они уже все это написали. В одной из работ В.В. Шелохаева¹ отмечено, что идеи либерализма очень плохо воспринимаются, либо не воспринимаются вообще, обществом, находящимся в точке бифуркации, в состоянии изменения цивилизационной парадигмы. Эта идеология другого типа, наверное, психологически иначе воспринимаемая обществом. Если мы возьмем программы партий начала прошлого века и уберем названия, то только специалисты будут способны отличить программу-минимум большевиков от программы средненьких партий национального или либерального типа. Там все очень похоже. Другое дело, какими методами предполагалось достигать целей.

Короткий период, когда представители либеральных партий оказались во главе ряда институтов государственной власти, пришлось на тот момент российской истории, в котором одна точка бифуркации воздействовала на другую, вызывая появление третьей. Вряд ли синергетика сможет внятно выделить хотя бы в общих чертах базовые аттракторы весны – лета – осени 1917 г. Результаты, если брать в качестве критерия общественного прогресса расширение сферы реализации прав и свобод человека, достаточно хорошо известны. У Игоря Мироновича Губермана есть такие строки:

*«Пей, либерал, гуляй жуир,
бранись, эстет, снобистским матом,
не нынче – завтра конвоир
возникнет сзади с автоматом».*

¹ Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26-40.

Конечно, далеко не всегда в мировой истории всплеск либеральных идей должен завершаться конвоиром с автоматом. В контексте сделанного нами посыла о третьем базовом компоненте либерального «символа веры» здесь мы должны ответить на вопрос о том, приемлемо ли либерализмом насилие и применима ли либеральным политиком сила как таковые. На этот вопрос следует ответить положительно. Перефразируя известного автора начала XX в., мы вполне можем сказать, что любой либерализм (как национальная модель) только тогда чего-нибудь стоит, если он умеет защищаться. Последнее, чего хотелось бы от восприятия предлагаемого нами третьего элемента идеологического ценностного ядра либерализма, так это понимания его как простого некритического пацифизма, отрицающего насилие как таковое. Либеральный политик на любом уровне участия в государственном управлении не может не руководствоваться интересами нации, народа, национального государства как базовых институтов, обеспечивающих функцию социального воспроизводства нации во всех ее многочисленных ипостасях. И здесь, с учетом геополитических реалий, а также наличия в любом социуме левых и правых радикальных политических течений не обойтись.

Хотелось бы также сослаться на представленные Д.В. Тимофеевым в ходе Круглого стола предложения по парадигме понимания национальной модели либерализма через инвариантность ее сущностного основания: «В каждой стране инвариантное ядро либерализма обрастает новыми элементами, содержание которых отражает особенности структуры общества, характер развития экономики и политической системы»¹.

Полагаю, что с общим посылом следует полностью согласиться, однако определение не освобождает нас от дискуссии о сущности ядра либерального мировоззрения, и в этом отношении предлагаемая нами идея об имманентно присущем либерализму неприятию насильственных методов общественного конструирования остается на повестке дня.

Развивая этот постулат, Тимофеев вполне обоснованно отметил, что для понимания национальной модели либерализма, ее

¹ Российский либерализм: существует ли национальная модель. Круглый стол / Либеральная миссия [Электронный документ] // URL: <http://www.liberal.ru/anons/7247> (Дата обращения: 12.09.2019).

сущности и проявлений необходимо учитывать то обстоятельство, «что речь идет не об абстрактных категориях либеральной доктрины, а, прежде всего, о способах осмысления окружающей социальной реальности». Мы, собственно, и развиваем это положение, предлагая добавить в сущностные характеристики либерализма как политического течения критерий отношения к способам общественных преобразований. Это также вполне соотносимо с подходом Тимофеева, предлагающего понимать «под национальной моделью либерализма ... комплекс мировоззренческих установок, ориентированных на реализацию принципов свободы личности с учетом особенностей социокультурной среды распространения в той или иной стране».

Весьма продуктивным исследовательским инструментарием, предложенным Тимофеевым, становится вывод о двойственности трактовки либеральных принципов в конкретной национальной модели. Он отмечает, анализируя отечественный опыт, что: «с одной стороны, говорится о необходимости верховенства закона и равенства гражданских прав, а с другой – подчеркивается, что гражданские права, а тем более права политические не могут быть одинаковыми не только в разных странах, но и даже внутри одной страны. Потому что политические права должны быть неразрывно связаны со способностями человека осознавать ближайшие и отдаленные последствия своих действий и стремиться к достижению «общего блага». То есть с тем, что современники обозначали понятием «степень просвещения»¹.

Проецируя этот прием на понимание конституционализма и парламентаризма, следует согласиться с выводом Тимофеева о том, что «конституция и органы представительного правления в этот период представляются не как механизм ограничения самодержавия, а как некие институты, позволяющие выстроить информационные каналы взаимодействия власти и общества с целью минимизировать вероятность возникновения сколько-нибудь масштабных социальных конфликтов. Такая корректировка также была связана с концептом "просвещение" и признанием необходимости определения верховной властью "степени готовности" представи-

¹ Российский либерализм: существует ли национальная модель. Круглый стол / Либеральная миссия [Электронный документ] // URL: <http://www.liberal.ru/anons/7247> (Дата обращения: 12.09.2019)

телей той или иной социальной группы к участию в управлении страной»¹.

В ряде работ нам довелось обосновывать тезис о том, что отечественному либерализму была присуща не бездумная рецепция западных образцов, а процесс аккультурации общих идей применительно к отечественной ментальности.

Подводя определенный итог началу дискуссии о целесообразности внесения в совокупность критериев отграничения либерализма от иных политических течений отрицания (можно даже сопроводить это термином «априорное» или «имманентно присутствующее») насильственных методов социального конструирования, полагаем возможным отметить ряд, на наш взгляд, значимых моментов. Прежде всего, как это неизбежно в любой науке, договориться о значении употребляемых нами терминов. И здесь еще раз не можем не отметить, надеюсь, скорее случайное смешение понятий «неприятие насильственных методов социального конструирования» или, если угодно, несколько проще «социальных преобразований» или «кардинальных изменений (реформ) социально-политического строя общества» с дефиницией, имеющей вполне четкую коннотацию в современной политической истории, а именно с «отрицанием насилия».

Данное смешение искажает базовую идею расширения двух-элементной основы либерального «символа веры» – прав человека и неприкосновенности частной собственности до трехзвенной, добавлением отказа от насильственного социального конструирования. Вместе с тем, наличие третьего элемента позволяет четко методологически отграничивать либерализм от тех политических течений, которые используют права и свободы человека в качестве не более чем формального элемента своей программатики, фактически вводящего в заблуждение ту часть общества, которая в силу высокой общественной активности ищет себя в рамках структур, позволяющих сублимировать имеющуюся у них общественную энергию. Да и действительно, отрицание прав и свобод человека как таковых, это удел настолько узких течений, что они вряд ли имеют шанс выйти за рамки тех, которые определяются как марги-

¹ Российский либерализм: существует ли национальная модель. Круглый стол / Либеральная миссия [Электронный документ] // URL: <http://www.liberal.ru/anons/7247> (Дата обращения: 12.09.2019).

нальные. Собственно, и в России начала XX в. только крайние правые партии взяли на себя смелость написать в своих программах тезис о неприятии прав человека в их естественно-правовом варианте. На новом переломе веков подобное выглядит уже совершенно фантазийно.

Примерно та же динамика происходит и с существованием в партийной программатике трактовки института частной собственности. Длительное время формализации социалистических идей различного толка его пытались определить как элемент уходящей эпохи, однако события последнего рубежа веков показали, что при всех трансформациях он продолжает существовать и мало кто, за исключением леворадикальных партий коммунистического толка, берет на себя смелость видеть в собственности источник социальных бед. Есть очень слабо представленный ряд иных радикальных течений, но ввиду малых масштабов их рассмотрение в рамках статьи представляется нецелесообразным.

В итоге, мы получаем картину, когда практически все политические силы выступают за права человека и свободу (неприкосновенность) частной собственности. В чем же тогда отличие либерального подхода к политико-правовым практикам от позиции их оппонентов как слева, так и справа? Полагаем, что именно в выборе средств общественных преобразований.

Отсюда вполне логичным и обоснованным представляется внимание либеральных политических сил к альтернативным способам общественных преобразований, связанных с иными технологиями общественного конструирования. Среди них, в т.ч., а по ряду позиций прежде всего, по отношению к российскому либерализму, мы можем говорить о теоретической разработке обращения не к электоральной активности масс, а к получению влияния на структуры управления (на первом этапе каналов трансляции социальных запросов), использование механизмов государства как единственной эффективной силы социальных преобразований в стране. Опыт практики либерализма в Европе, теоретические разработки основателей либеральной теории, анализ специфики системы отношений в системе общество – государство в России привели отечественных либералов к сосредоточению внимания на разработке проблематики законодательной власти, той сферы, где они, хотя бы и теоретически имели потенциальное преимущество перед доминировавшей

в исполнительной власти ориентацией на превалирование приказа над законом, что характерно для «полицейского государства» позднего типа.

Одним из свидетельств либерального внимания к парламентаризму как средству общественных преобразований, инструменту социального конструирования служат как многочисленные проекты основного закона России, так и удельный вес в них текста, посвященного именно организации законодательной власти¹.

Незавершенная дискуссия об оптимальной структуре парламента, инвариантность партийной программы кадетов в части формы правления и избирательных прав женщин, мудрая поэтапность всеобщего избирательного права в мирнообновленческой и дореформистской программатике, – все это прямые свидетельства того, что реализуя себя в России, бывшей, говоря словами А.А. Кара-Мурзы «пространством повышенного исторического риска»², российский либерализм занимался активным теоретическим поиском тех альтернатив, которые давали ему шанс к реализации национальной либеральной модели социально-политического реформирования страны.

Эти и иные обстоятельства и подвигают нас к инициированию дискуссии о сущности ядра либерального мировоззрения, ядра либеральной модели как таковой и национальной, в т.ч. российской в частности, в рамках наших традиционных «Муромцевских чтений» и на страницах сборников, выходящих по их итогам.

¹ См. например: Аронов Д.В., Жилиева С.К., Коновалова М.А. Идеи представительной власти в либеральных проектах Основного закона российской империи // Тетради по консерватизму. 2019. № 4. С. 205-218.

² Кара-Мурза А.А. Между Евразией и Азией / «Набор логий» Сайт Михаила Белгородского с электронной библиотекой [Электронный документ] // URL: <https://rozamira.nl/> (Дата обращения: 12.09.2019).

**ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА: «ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС»
РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА ДЛИТЕЛЬНОСТЬЮ В 72 ДНЯ**

Была или не была Государственная Дума России начала XX в. парламентом в истинном смысле этого слова – вопрос широкой общественной и научной дискуссии, которая началась с первого дня работы этого представительного учреждения и с перерывами, то совершенно затихая, то вновь обретая свою силу и остроту, длится по сей день². Не подлежит, однако, сомнению, что в условиях отсутствия подлинных демократических свобод в стране история уготовила ей роль своеобразного органа – выразителя, рупора, ретранслятора – поднимающего голову общественного мнения. А также барометра – показателя степени воздействия этого мнения на те структуры исполнительной власти в лице царского правительства, которые, в конечном счете, определяли судьбы страны. На протяжении более чем десяти лет, с 1906 по 1917 гг., когда решался кардинальный вопрос российской модернизации – осуществляться ли ей в обстановке интенсивного и эффективного, но мирного, реформирования или стать жертвой очередного революционного взрыва – барометр Государственной Думы с удивительным постоянством указывал на то, что главным, судьбоносным для страны в решении данной дилеммы является аграрно-крестьянский вопрос, стержнем которого все указанное время оставался вопрос о земле. Аграрный

¹ Журавлев Валерий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории.

² Из вышедших в последние два десятилетия работ см. в первую очередь: Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная дума и ее депутаты: 1906–1907 гг. Пермь, 1995; Козбаненко В.А. Парламентские фракции в I и II Государственных думах России: 1906–1907 гг. М., 1996; Шевырин В.М. Первый опыт российского парламентаризма // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX в. М., 1996; Демин В.А. Государственная дума России: 1906–1917: Механизм функционирования М., 1997; Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Историко-правовой очерк. М., 1998; Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906-1917 гг.) М., 2005 и др. Вклад советской историографии 60–80-х гг. в исследование проблемы отечественного парламентаризма начала века определяется, в первую очередь, работами А.Я. Авреха, В.С. Дякина, В.И. Старцева.

вопрос, по справедливой оценке крупнейшего исследователя кадетской партии В.В. Шелохаева, был как в Первой, так и во Второй Государственной Думе «оселком политической борьбы, от ее результатов зависела и судьба самой Думы...»¹. Добавим: и не только Думы, но – в итоге – и самого монархического режима в целом.

Нежеланное дитя самодержавия: муки рождения

Дума – как первое в истории страны всероссийское представительное учреждение с законодательными функциями – была буквально вырвана у царизма размахом революционного движения в стране. В такой оценке появления на свет этого первенца отечественной представительной демократии с немыслимым для России единодушием, хотя и с различным обоснованием, сходились мнения сторонников самых несхожих политических течений в стране: от социал-демократов и социалистов-революционеров до монархистов черносотенного толка.

Первым замахом самодержавного режима на вынужденное, но крайне нежелательное для Николая II и его окружения, реформирование политического строя стал царский Манифест от 6 августа 1905 г., объявлявший «учреждение Государственной Думы». В соответствии с ним и опубликованным в тот же день «Положением о выборах» в Думу она наделялась законсовещательными правами, а электоральные права потенциальных избирателей резко ограничивались по сословному, имущественному, возрастному (с 25 лет), половому (только мужчины) и другим признакам. Всероссийская октябрьская политическая стачка смела эту родившуюся в недрах МВД идею так называемой «булыгинской» Думы.

Наращение революционной волны заставило царизм пойти дальше. Манифест 17 октября 1905 г. обещал народу уже законодательную Думу. Чему всячески противился император, подписав Манифест лишь под сильнейшим давлением своего ближайшего окружения. В том числе членов императорской фамилии, раньше него уразумевших смысл заявления С.Ю. Витте, что для спасения монархии надо «бросить кость народу» в виде декларированных гражданских свобод и некоторых урезанных конституционных прав. «После такого дня, – записал Николай в своем дневнике, – голова

¹ Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 252.

сделалась тяжелою, а мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и умири Россию»¹.

Однако полностью облегчить свою душу и, вместе с тем, довольно точно оценить ситуацию царь смог лишь 19 октября в письме к матери – вдовствующей императрице Марии Федоровне: «Мы обсуждали его (Манифест – В.Ж.) два дня, и, наконец, помолвившись, я его подписал. Милая моя Мама, сколько я перемучился до этого, ты себе представить не можешь! Я не мог телеграммою объяснить тебе все обстоятельства, приведшие меня к этому *страшному решению* (выделено мной – В.Ж.)... Исхода другого не оставалось, как перекреститься и дать то, что все просят... Мы находимся в полной революции при дезорганизации всего управления страной; в том главная опасность»².

Привычно уповая на Господа, пока еще самодержец не пожелал в этот «момент истины» задуматься, а что может и должен сделать для спасения страны и собственного спасения он сам. А на следующий день постарался выбросить из головы то, что накануне так его, казалось бы, озаботило: «Сегодня состояние духа улучшилось, так как решение уже состоялось и пережито. Утро было солнечное и радостное – хорошее предзнаменование»³.

В дальнейшем, за без малого 12 лет функционирования Думы, царь удосужился посетить ее лишь единожды – за год до своего отречения (9 февраля 1916 г.). Уделив депутатам 40 минут своего драгоценного времени, он даже пожертвовал очередной прогулкой⁴.

Все это априори, а затем и постфактум свидетельствовало о том, что еще не открывшейся Думе были гарантированы нелегкие времена. К тому же подписанные царем накануне открытия Первой Думы – 23 апреля – Основные государственные законы сузили круг

¹ Дневники императора Николая II (1894-1918): в 2 т. / отв. ред. С.В. Мироненко. Т. II. Ч. 1. М., 2013. С. 65.

² Российский Императорский Дом. Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992. С. 74-75.

³ Дневники императора Николая II (1894-1918): в 2 т. Т. II. Ч. 1. С. 61. Через год – 17 октября 1906 г. – уже после того, как Первая Государственная Дума была разогнана, память императора воскресила лишь обстановку «мучительных часов прошлого года» (Там же. С. 161), которые ему пришлось пережить, ожидая приезда Витте с текстом Манифеста.

⁴ Запись в дневнике от 9 февраля 1916 г. гласит: «Утром погулял... Завтракали в 12 1/2, после чего поехал в Петроград прямо в Таврический дв. ... Сказал приветствие членам Думы, осмотрел залы и уехал...» (Дневники императора Николая II. Т. II. Ч. 2... С. 210).

вопросов, подлежащих ее ведению. Присовокупив к этому некоторые юридические уловки в плане лишения Думы исключительного права на издание законодательных актов.

В том, что вопрос о земле будет самым главным и острым в ходе практической работы вновь сформированного представительного учреждения страны, не сомневался никто.

Левые партии, не веря в конструктивные возможности Думы, взяли на вооружение тактику бойкота выборов. Большевики при этом, не забыв уловки власти на этапе «булыгинской» Думы, обозвали Первую Думу «полицейской канцелярией»¹.

Партии же, принявшие участие в избирательной кампании, развернувшейся в феврале-марте 1906 г., должны были, так или иначе, откликнуться на крестьянский социальный запрос о земле. Наиболее основательно подготовились к этому конституционные демократы. Подвергнув на своем втором съезде (январь 1906 г.) аграрный вопрос тщательному и острому обсуждению, кадеты в принятой съездом программе партии посчитали необходимым поставить вопрос об отчуждении «в потребных размерах» частновладельческих земель с целью распределения среди остро нуждающегося в них крестьянства на условиях передачи земли в личное или общинное пользование². На такое решение, как подчеркнул в докладе на съезде И.В. Гессен, один из лидеров партии, кадетов толкали условия продолжающейся революции, «все более приобретающей стихийный характер. ...Она выдвигает настойчиво вопросы, которые так или иначе жизнь разрешает фактически. На первом месте здесь стоит аграрный вопрос». При таком положении вещей, резюмировал другой докладчик – Ф.Ф. Кокошкин, «практическая постанова в Думе аграрного вопроса является делом безусловной необходимости, как с точки зрения выборной кампании, так и по существу дела»³.

Действуя, прежде всего в интересах развернутой в стране избирательной кампании, делегаты первого всероссийского съезда «Союза 17 октября» (февраль 1906 г.) со скрипом, но все же отреагировали на идущий со стороны крестьян земельный запрос. Они постановили включить в программу следующее, не совсем внятно

¹ См.: Четвертый съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959. С. 487-488.

² Съезды и конференции конституционно-демократической партии: 1905-1920 гг.: В 3 т. Т. 1. 1905-1907 гг. М., 1997. С. 193-194.

³ Там же. С. 72, 76.

звучавшее (по крайней мере, для крестьян), положение: «Ввиду государственного значения всех мер, касающихся увеличения земельного обеспечения особо малоземельных крестьян, меры эти должны быть осуществлены при широком участии общегосударственных средств в виде безвозвратных затрат и кредита: ипотечного, мелиоративного, краткосрочного и переселенческого»¹.

Еще более обтекаемо выражали отношение к вопросу о земле в своих предвыборных декларациях представители консервативно-монархического крыла нарождающейся российской многопартийности. В обращении Союза русских людей к своим сторонникам накануне выборов (февраль – март 1906 г.) пресловутый пункт был сформулирован следующим образом: «Распределение земли законными способами между различными видами землевладения ради пользы государственной есть главнейшая задача государственного управления»². Это была неуклюжая попытка вывести земельный вопрос из ведения представительного учреждения, в качестве которого учреждалась Дума, оставив его решение в руках власти исполнительной, реально управлявшей страной.

Был вынужден коснуться этого вопроса и сам Николай II в своей тронной речи в Зимнем дворце в присутствии приглашенных депутатов Думы 27 апреля 1906 г. за несколько часов до открытия ее первого заседания в Таврическом дворце. Заверив, что он будет «охранять непоколебимые установления», им же самим народу «дарованные», царь выразил уверенность, что думцы приложат все свои силы «для выяснения (заметим – не решения! – В.Ж.) нужд столь близкого моему сердцу крестьянства». По впечатлению присутствовавшего на этом помпезном действе Витте «Его Величество был довольно бледен, но довольно спокоен...» и главный смысл своей речи воплотил в следующей фразе: «Да исполнятся горячие мои желания видеть народ мой счастливым и передать сыну моему в наследие государство крепкое, благоустроенное и просвещенное»³. В дополнение к тому факту, что не царь явился в Думу, а лишь некоторые избранные представители ее были «приближены к трону», речь Николая призвана была продемонстрировать «*urbi et orbi*» – го-

¹ Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: В 2 т. Т. 1: Протоколы съездов и заседаний ЦК (1905-1907 гг.). М., 1996. С. 161.

² Правые партии: 1905–1917: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1: 1905-1910 гг. М., 1998. С. 139.

³ Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. Т. 3. М., 1960. С. 360.

роду и миру, кто в стране был и продолжает оставаться неограниченным хозяином.

Депутаты Думы, в свою очередь, в ответном адресе на тронную речь императора от 5 мая 1906 г. посчитали необходимым напомнить следующее: «Наиболее многочисленная часть населения страны – трудовое крестьянство – с нетерпением ждет удовлетворения своей острой земельной нужды, и первая русская Государственная дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворения этой насущной потребности путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих»¹.

Ключевым, таким образом, для деятельности Первой Государственной Думы, а также для ее судьбы, стал термин «принудительное отчуждение». Поставив выраженную в этом термине заявку на реформирование поземельных отношений в стране, кадеты, получившие по итогам выборов 161 депутатский мандат, в союзе с депутатами от крестьян, образовавшими фракцию трудовиков (97 мандатов), были близки к реализации своих намерений (законодательно состав Первой Думы был определен в 524 человека)². Дальнейшие события, однако, показали, что уже сама идея принудительного от-

¹ Государственная дума. I созыв. I сессия. 1906 год: Стенографические отчеты: В 2 т. Т. 1. СПб., 1906. С. 241. В 1995 г. в свет вышла квалифицированно составленная публикация «Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917 гг.). Документы и материалы» под редакцией В.И. Черноиванова и В.В. Шелохаева, составитель – О.Н. Лежнева. Помещенные в томе документы в основе своей адекватно и репрезентативно отражают интересующую нас дискуссию. Исходя из интересов потенциальных читателей настоящей статьи, мы посчитали, что более удобным будет такой порядок, когда необходимые отсылки будут в дальнейшем производиться в основном не на малодоступные сегодня дореволюционные Стенографические отчеты Государственной думы четырех созывов, а на упомянутое документальное издание, выдержанное в строго научных археографических традициях.

² Отечественная история: Энциклопедия: В 5 т. Т. 1. М., 1994. С. 611. В литературе можно встретить и другие цифры: кадеты – 179 депутатов (Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 160; Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 96 и др.). Различие, судя по всему, объясняется тем, что 18 левых кадетов по партийной принадлежности входили в Трудовую группу по думскому фракционному раскладу сил (см.: Кобзаненко В.А. Партийные фракции I и II Государственных дум России (1906–1907): Организационно-правовой аспект // История национальных политических партий России: Материалы международной конференции. М., 1997. С. 387). См. также: В.А. Демин. Первая Государственная дума // Государственная Дума России: энциклопедия: В 2-х т. Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.). М., 2006. С. 465-471.

чуждения – вне зависимости от условий, сроков, форм и методов ее возможной реализации – неприемлема в принципе для наиболее экономически и политически влиятельных слоев и сил дворян-землевладельцев и ориентировавшихся на них правительственных структур. И те, и другие оказались не готовыми не только к обсуждению, но даже к постановке такого вопроса.

Старт российского парламентаризма оказался достаточно бурным. И неудивительно, ибо весьма широкий спектр общественного мнения в стране впервые в истории получил возможность не только к открытому провозглашению своих принципов, но и к практическому отстаиванию убеждений, базирующихся на *собственной* оценке сложившейся в стране ситуации в плане земельного вопроса и *собственного* понимания путей выхода из нее.

На пике кадетской оппозиционности: «проект 42-х» и его обсуждение

Уже на 12-й день работы Государственной Думы, 8 мая 1906 г., 42 ее члена-представителя фракции конституционных демократов внесли на обсуждение свой проект земельной реформы – «Основные положения предполагаемых изменений в законах касательно землевладения». Такая оперативность вполне объяснима: документ в своих принципиальных положениях не только повторял, но во многом текстуально воспроизводил программные установки – уже нам известные – Партии народной свободы. Предлагая разрешить увеличение площади землепользования крестьянства за счет государственных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных земель, проект исходил из необходимости «*обязательного отчуждения* (выделено нами – В.Ж.)» для той же цели «и частновладельческих (читай: помещичьих – В.Ж.) земель за счет государства с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой оценке»¹. Формулировка «обязательное отчуждение» стала своего рода компромиссной между требованием кадетской программы 1905 г., где стояло просто «отчуждение», и показавшейся поначалу кадетам чересчур резкой заявкой на «принудительное отчуждение», содержащейся в появившемся за три дня до этого ответном адресе Думы царю.

¹ Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917 гг.): Документы и материалы. М., 1995. С. 11.

Новое, по сравнению с программой конституционно-демократической партии, в «проекте 42-х» заключалось в более ярко прописанной социальной направленности документа, провозглашавшего «руководящим началом земельной политики – передаче земли в руки трудящихся» (подчеркнем, что речь при этом шла о передаче земли крестьянам *не в собственность, а в долгосрочное пользование*), а также в детальной разработке условий и механизма реализации выдвигаемых проектом положений¹.

Правительство не сочло даже нужным путем определенного тайм-аута создавать впечатление, что предложения думцев исполнительной властью изучаются. Уже 13 мая была озвучена декларация Председателя Совета министров И.Л. Горемыкина на ответный адрес Думы царю, в которой акт внесения «проекта 42-х» вообще игнорировался, но зато содержалось выдержанное в решительных тонах заявление, что разрешение земельного вопроса «на предположенных Государственной думою основаниях, безусловно, недопустимо» как ведущее к разложению «самого основания нашей государственности», подтачиванию «жизненных сил нашего отечества». Твердость своей позиции премьер обосновывал ссылкой на принцип «незыблемости и неприкосновенности собственности» как на «краеугольный камень народного благосостояния для всего мира»².

В такой обстановке и начались в Думе дебаты по земельному вопросу. Тон в них задали конституционные демократы. Известный правовед, профессор и декан юридического факультета Петербургского университета, соредaktor журналов «Право» и «Вестник права» Л.И. Петражицкий в своей речи от 18 мая 1906 г., прежде всего, отметил, что выдвигаемый правительством на первый план вопрос о неприкосновенности собственности «не только не может иметь решающего значения в области аграрной реформы, но вообще не относится к делу», ибо в российском (как и в мировом) законодательстве неприкосновенность собственности отнюдь не аналогична абсолютной ее неотъемлемости. Соблюдение этого принципа не только не противоречит, но вполне согласуется с началами принудительного отчуждения со справедливым вознаграждением, если того требует общественная и государственная польза³. Что же каса-

¹ Там же. С. 11-14.

² Там же. С. 14-15.

³ Там же. С. 16.

ется последней, то она несомненна ввиду крайней необходимости «устранения ужасного народного бедствия». «Для того чтобы отрицать наличность требования общественной пользы, – подчеркнул Петражицкий, – надо обладать не только бессердечием, но и слепотой, неумением видеть то, что есть, и предвидеть то, что может быть»¹.

Кадеты-думцы, подталкиваемые обстановкой продолжавшейся в стране революции, отдавали себе отчет в том, что доставшийся в наследство Думе «ужасный, трагический земельный вопрос» народные представители «обязаны... решить, хотя и с великими жертвами»². И начинать надо с передела земли в пользу крестьян. «Если нам скажут, что аграрный вопрос должен быть решен без принудительного отчуждения, – настаивал в своей речи другой кадетский оратор и знаток аграрного вопроса М.Я. Герценштейн, – то мы ответим: есть известные положения, которые должны быть всероссийскими, и мы считаем таким положением принцип принудительного отчуждения»³.

Вместе с тем, конституционные демократы, видя в отчуждении меру первостепенного характера, не считали ее панацеей от всех бед, накопившихся в аграрных отношениях. В качестве «первого и основного» требования «сознательной аграрной политики» они считали облегчение возможности выхода крестьян из общины и «соответственно распоряжения своим имуществом и личностью», а также всемерное развитие дела просвещения крестьян, ибо «от этого зависит судьба цивилизации»⁴. Таковы были представления «классических» русских либералов о путях органического вхождения России – в том числе и на базе решения аграрного вопроса – в мировую цивилизацию. В качестве неотъемлемого условия такого вхождения они выдвигали – в числе других общечеловеческих прав – и право каждого на достойное существование⁵.

¹ Там же. С. 17.

² Там же. С. 18-19.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Выдающийся отечественный философ права и один из лидеров Конституционно-демократической партии П.И. Новгородцев уже на ее учредительном съезде выступил за внесение в ее программу **инновационного для мирового правоведения и социальной практики** положения о том, что «русский закон признает право на достойное человеческое существование, право на труд и нормальное приложение труда» (Съезды и конференции конституционно-демократической партии: 1905-1920 гг.:

Здесь, правда, взгляды кадетов не были однозначными. Представители правого крыла видели будущее поземельных отношений не только в сохранении, но и в приумножении экономического веса и влияния крупного землевладения.

Крупный саратовский помещик, председатель саратовской земской управы, один из основателей кадетской партии и член ее ЦК первого состава, Н.Н. Львов резко выступил в Думе против основных положений «проекта 42-х», считая, что принудительное отчуждение и перераспределение земли подорвет устои крупных помещичьих хозяйств, ничего не дав крестьянину: «На клочках арендной земли, отведенной в пределах продовольственной нормы, не может быть процветания земледелия». Считая кадетский проект выражением «все того же старого бюрократического деспотизма, который стремится все уравнять, все беспощадно сгладить, не считаясь ни с нравами, ни с хозяйственными навыками, ни с бытом населения»¹, Львов вышел из кадетской партии, став одним из инициаторов создания Партии мирного обновления, тяготевшей в большей степени к октябризму, чем к кадетизму.

В отличие от правых в своей партии, основная часть кадетов видела в аграрных преобразованиях не только экономический, но и социальный смысл, приписывая им функцию мощного рычага сглаживания социальных контрастов в крестьянской среде. Заявив, что Партия народной свободы не является сторонницей такого строя, «где богатый богатеет, а бедный беднеет», депутат Герценштейн в таких словах выразил кредо конституционных демократов на проблему социальной дифференциации в среде крестьянства: «... Не думаю, чтобы можно было считать прогрессом такое состояние, когда из нашего крестьянства будет выделена элита, то, что немцы называют «здоровым крестьянством», потому, что с этим растет и батрачество. Если мы стремимся к реформам, если мы прибегаем к такой чрезвычайной мере, как принудительное отчуждение, то делаем это для более равномерного распределения богатства. Не крестьянин должен опуститься до батрака, а батрак должен подняться до крестьянства»².

В 3 т. Т. 1. 1905-1907 гг. М., 1997. С. 158). Большинство съезда, однако, эту идею не поддержало.

¹ Дебаты о земле в Государственной думе. С. 32-33.

² Там же. С. 28. Личная судьба главного специалиста по аграрному вопросу партии конституционных демократов, главы ее аграрной комиссии М.Я. Герценштейна – по-

Анализируя «проект 42-х», нельзя не коснуться вопроса о том, чем руководствовались либералы, предлагая в ходе аграрного передела передавать землю крестьянам не в собственность, а в долгосрочное пользование «без права переуступки» (в том числе купли-продажи). Наиболее полно аргументация в пользу такого решения вопроса была изложена в речи депутата Я.К. Имшенецкого – сына православного священника, одного из создателей Полтавского губернского кадетского комитета. Свое (и своей партии) убеждение в том, что «наделение крестьян землей на правах собственников представит для них значительно меньше выгод, чем наделение в пользование», он обосновывал следующими доводами:

- *во-первых*, оценка земли в таком случае уже не справедливая (т.е. базирующаяся на капитализированной реальной стоимости земли), а рыночная;

- *во-вторых*, к земле, как к частной собственности, «будет тянуться много рук, для которых земля не представляет интереса как средство производства»;

- *в-третьих*, при неизбежной в случае господства частной собственности на землю дифференциации в крестьянской среде «более сильные хозяйства будут все свои расчеты, все свои надежды обращать на расширение своих владений»; при наделении же землей в пользование крестьян «сбережения будут обращаться не на расширение землевладения, а на увеличение капитала, который прилагается к земле, на увеличение производительности земледельческого труда»;

- *в-четвертых*, вопреки распространенному убеждению, пользование «гораздо меньше прикрепляет к земле, чем владение ею на правах собственности»; в условиях развития промышленности будет увеличиваться отлив населения из сферы земледелия, а по-

казательный пример того, что последовательное выступление даже умеренно мыслящего политического деятеля с идеей принудительного отчуждения земли, тем более, если этот деятель был евреем, талантом и трудом преодолевшим барьеры царского антиеврейского законодательства, ставшим депутатом Думы, для черносотенцев было вполне достаточным, чтобы считать его вне закона. Через 10 дней после роспуска Первой Государственной Думы 18 июля 1906 г. Михаил Яковлевич Герценштейн, «подписант» знаменитого Выборгского воззвания, по приговору боевой организации Союза русского народа был застрелен у себя на даче в Териоках. См., в том числе: Канищев В.Ю. Герценштейн Михаил Яковлевич // Российский либерализм XVIII-начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 168-170.

кинута земля, вновь поступая в распоряжение государства, даст ему возможность постепенно доводить пределы землепользования от планировавшейся кадетами потребительской нормы на едока (т.е., как разъяснялось в «проекте 42-х», такого количества земли, которое «было бы достаточно для покрытия средних потребностей в продовольствии, жилище, одежды и для несения повинностей») до уровня трудовой нормы, определяемой способностью крестьянина обрабатывать ее собственным трудом;

- и, наконец, *в-пятых*, с психологической точки зрения, крестьянину «важен не факт собственности, а прочность владения землей», когда он «может быть совершенно спокоен, что данный участок будет находиться в его распоряжении и перейдет к его наследникам в качестве средства для приложения земледельческого труда, причем и все приспособления и улучшения останутся в пользу той же самой земли»¹.

Как видим, кадетская программа решения аграрно-крестьянского вопроса, не будучи в целом радикальной, все же противостояла принципам грядущей аграрной реформы, которая в концептуальных своих основах сложилась у П.А. Столыпина уже к началу революционных событий 1905 г.² Конституционные демократы, в отличие от будущего премьера, делали ставку не на крестьянина-собственника, а на крестьянина-производителя.

Будучи, таким образом, принципиальными сторонниками возможно более полного развития капиталистических отношений, кадеты, вместе с тем, стремились не сходить с позиций эволюционизма и реализма, учитывать в процессе преобразования аграрного строя реалии исторического развития страны, особенности национальной социокультурной среды, социально-психологические факторы и специфику крестьянской ментальности.

С позиций последующего исторического опыта есть основания полагать, что выраженная «проектом 42-х» либеральная модель, сформулированная на «пике кадетской оппозиционности»³, была по тем временам наиболее оптимальной в рамках мирных, эволюци-

¹ Дебаты о земле в Государственной думе. С. 64-65.

² Федорова Н.А. Аграрный вопрос // Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2011. С. 18-22. См. также: Пожигайло П.А., Шелохаев В.В. П.А. Столыпин: Интеллект и воля. М., 2005.

³ Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. С. 152.

онных подходов к решению аграрной проблемы в целом. В том числе и в первую очередь в реализации ее наиболее насущного и острого аспекта, который заключался в вопросе о земле. Она была нацелена на придание модернизационным процессам в стране достаточно уверенного хода. «Подчеркивая прогрессивный характер частной собственности капиталистического типа, – констатирует в этой связи Шелохаев, – либералы, прежде всего кадеты, вместе с тем, выступали за постепенное вытеснение собственности феодального типа (принудительное отчуждение большей части помещичьего землевладения за выкуп), считая ее экономической основой отжившей политической системы и основным источником социальных конфликтов в деревне». Они справедливо полагали, что дворяне-помещики уже исчерпали лимит отведенного им исторического времени. Иными словами, добавляет к уже сказанному Шелохаев, «за фасадом борьбы между помещиками и буржуазией за политическую власть достаточно определенно просматривается борьба буржуазии за ограничение прав помещиков на монопольное владение земельной собственностью»¹.

Реализация подобных далеко идущих планов могла создать неплохие предпосылки для подъема производительных сил страны и ее движения в направлении упрочения рациональной рыночной экономики в стране² и – на этой основе – снятия остроты социальных противоречий. А также введения политических катаклизмов в русло более или менее упорядоченной и, главное, мирно протекающей эволюции политического режима самодержавного типа в направлении конституционно-парламентского строя.

Исполнительная власть и ее курс на «обуздание крамолы»

Будучи не в силах правильно оценить истинный смысл развернувшихся в стране событий, понять, что либералы предлагают власть предержавшим оптимальную программу самосохранения на основе гибкой адаптации к резко меняющимся условиям, царская администрация оказалась неспособной встать на путь спасительного для нее компромисса.

¹ Шелохаев В.В. Проблема собственности в программах политических партий России в начале XX в. // Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. Материалы. М., 2001. Вып. № 13. С. 35, 34.

² Специально об этом см.: Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 114-134.

Духом принципиальной невозможности такого компромисса была прозвучана речь в Думе главноуправляющего землеустройством и земледелием А.С. Стишинского от 19 мая 1906 г., в которой он предложил думцам улучшение благосостояния крестьянского населения «искать в других мерах», нежели те, что предполагались «проектом 42-х». Набор контраргументов главного «землеустроителя», выдвинувшегося из числа руководителей МВД, оригинальностью не отличался. Экстравагантно для условий все еще продолжавшейся революции в стране выглядела ссылка на отслужившую уже почти полвека статью 8-ую Положения 19 февраля 1861 г., в которой указывалось, что помещики, однажды наделившие крестьян из своих вотчин, никогда впредь не могут быть обязаны дополнительным наделением. К тому же, как выходило из расчетов Стишинского, отвод крестьянам могущей быть отчужденной земли (41 млн. десятин) «увеличит их нынешнее землевладение в незначительной степени (35%)»¹.

В пику не только крестьянским, но и широко понимаемым либеральным настроениям в стране прозвучала сентенция Стишинского – человека «ненадлежащего характера и реакционной тенденции» (по оценке Витте)², нацеленная на увековечение полуфеодальных земельных отношений в стране: «„ На земле, состоящей во владении крестьян, труд их не может быть использован с тою выгодой, которую предоставляют им совместная эксплуатация собственной земли и работы на владельческих угодьях»³. Крестьянам, как видим, вновь предлагалось сводить концы с концами за счет подработок в качестве батраков в помещичьих латифундиях.

Все, что мог предложить крестьянам главноуправляющий землеустройством и земледелием в качестве правительственной альтернативы «проекту 42-х», заключалось в «улучшении условий землепользования их в пределах расширения крестьянского землевладения путем планомерной покупки частных земель Крестьянским банком, в правильной, широкой постановке переселенческого дела»⁴.

¹ Дебаты о земле в Государственной думе. С. 45.

² Витте С.Ю. Указ. соч. С. 348.

³ Дебаты о земле в Государственной думе. С. 47.

⁴ Там же. С. 53.

Еще один гвоздь в гроб кадетского аграрного проекта был вбит товарищем министра внутренних дел В.И. Гурко. Поднявшись на трибуну вслед за Стишинским, он обвинил народных избранников в том, что их идея «раздробления земли на малые потребительские участки» есть ни что иное, «как самое деспотическое ограничение свободы человека, ограничение его хозяйственной и экономической свободы»¹. Слова в защиту общечеловеческих прав и свобод и в осуждение «деспотизма» из уст одного из высших чинов министерства, призванного охранять устои и карать тех, кто на них посягает, могли показаться необычными, если бы из дальнейших рассуждений Гурко не становилось очевидным, что они адресуются помещикам в стремлении заслонить их от «слепой стихийной жажды крестьян к обладанию помещичьей землей»².

Выступив в Думе 19 мая 1906 г. по поручению правительства, Гурко перешел дорогу рвавшемуся на думскую трибуну своему шефу – министру внутренних дел Столыпину, занявшему этот пост лишь за три с половиной недели до того – 26 апреля. опередил он новоявленного министра и в озвучивании положения, составившего затем одно из оснований будущей аграрной политики, получившей в истории имя «столыпинской». «Смею думать, господа, – заключил свою речь товарищ министра внутренних дел, – что не уничтожение собственности на землю, а закрепление за каждым крестьянином в его частную собственность ныне состоящей в его владении наделной земли – вот какой мерой Государственная дума заслужит от народа большое спасибо»³.

Торпедирование царизмом либерального проекта аграрных преобразований означало, что сохранявший свою самодержавную сущность политический режим не воспользовался еще одним шансом, предоставленным ему общественным мнением достаточно влиятельных и дальновидных социально-политических сил страны. Он проигнорировал ту «точку бифуркации», которая открывала перспективы «спасти и умирить» Россию, о которых, кстати, мечтал

¹ Там же. С. 54. Обращает на себя внимание текстуальное совпадение положения речи В.И. Гурко о «деспотическом ограничении свободы человека» с формулировками речи выступавшего в тот же день саратовского помещика И.Н. Львова, разочаровавшегося в кадетизме. Он оценил положения «проекта 42-х» как «пропитанные духом деспотизма» (Там же. С. 34).

² Дебаты о земле в Государственной думе. С. 54.

³ Там же.

Николай II, встать на путь «терапевтического излечения» социально-экономических болезней, терзавших страну. Излечения постепенного, непростого, способного вызвать осложнения и даже рецидив отторжения как со стороны помещиков, так и в среде радикально настроенного крестьянства, но все же единственно возможного в поиске компромисса в тех близких к тупику обстоятельствах.

В контексте вышеприведенных фактов нелогичным выглядит стремление отдельных современных историков «отыскать» в прошлом некий тайный реформаторский проект, который Николай II якобы задумал и, никого не ставя в известность, поэтапно осуществлял, начиная с 1895 г., независимо от оппозиционного и революционного движения в стране¹.

Страсти накаляются: на путях к «черному переделу»

Взятый правительством курс на «обуздание крамолы», его отказ от изыскания средств для достижения компромисса на разумной либеральной основе лишь расчистил путь для радикализации аграрно-крестьянского вопроса и повышения накала страстей при обсуждении его в стенах Таврического дворца, а также далеко за его пределами – в городах и весях страны. Державы огромной, но, как оказалось, далеко не бескрайней в смысле обеспеченности удобной для производителя земель сельскохозяйственного предназначения.

Еще 18 мая 1906 г. в своей речи в Думе кадет Л.И. Петражицкий, стремясь подчеркнуть умеренный, компромиссный характер «проекта 42-х», заявил следующее: «Мы, конечно, будем слышать здесь ... воодушевленные речи в пользу полной или частичной национализации земли и негодующие возгласы против иных взглядов. 42 депутата, внесшие эту записку, не доходят до полной национализации; они предлагают только частичную национализацию, а именно, приобретение земли в государственный фонд с сохранением права собственности за государством и с предоставлением крестьянам только временного пользования.

¹ См.: Куликов С.В. Император Николай II и Государственная дума: неизвестные планы и упущенные возможности // Таврические чтения 2007. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. СПб., 2008. О беспочвенности подобного рода построений см.: Розенталь И. Николай II и Государственная дума – новое слово? // Россия XXI. 2009. № 6. С. 96-133.

...Мы наделением не решаем аграрного вопроса по существу, а только временно устраняем проявления болезни...»¹.

Всего пять дней потребовалось на подтверждение прогноза Петражицкого. 23 мая фракция трудовиков в Думе внесла на рассмотрение депутатов «проект 104-х».

Появлению этого документа предшествовало изменение позиции Партии социалистов-революционеров (ПСР) по отношению к развернувшимся в Таврическом дворце аграрным дебатам. Наряду с большевиками, как помним, эсеры бойкотировали выборы в Первую Государственную Думу, исходя из интересов усиления революционного движения в стране. К маю 1906 г. они, однако, изменили свою тактику. Видя оппозиционность Думы, ее неизбежное втягивание в борьбу с правительством, а также учитывая тот факт, что Дума «включает в себя элементы чисто пролетарские и принадлежащие к трудовому крестьянству», I Совет партии принимает решение, в соответствии с которым ставит перед ПСР задачу «через посредничество парламентской Трудовой группы воздействовать на Думу, чтобы привести ее, в том числе, к требованию признания принципа уничтожения частной собственности на землю»².

Правда, в «проекте 104-х»³ принцип этот текстуально не воспроизводился. Речь шла об установлении порядков, при которых «вся земля с ее недрами и водами принадлежала бы всему народу» и могла отдаваться в пользование только тем, кто будет обрабатывать ее собственным трудом, с равным правом на такое пользование всех граждан.

По-иному, чем кадетам, виделся авторам проекта и механизм перераспределения земли. Все земли в стране, включая принудительно отчуждаемые и прочие частновладельческие, сосредотачивались в образованном для этого общенародном земельном фонде. За чисто терминологическим несходством (в кадетском проекте речь шла о «государственном земельном запасе») скрывались иные принципы формирования и функционирования данного фонда. Заведование общенародным земельным фондом проект Трудовой группы возлагал не на государственные учреждения, а на

¹ Там же. С. 21-22.

² Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы: В 3 т. Т. 1. 1900-1907 гг. М., 1996. С. 194.

³ Дебаты о земле в Государственной думе. С. 55-58.

«местные самоуправления, избранные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, которые в пределах, установленных законом, действуют самостоятельно» (§ 16).

На других, чем у кадетов, принципах решался в проекте Трудовой группы и вопрос о нормах наделения крестьян землей. «Проект 42-х», как помним, считал «желательным доведение размеров обеспечения до потребительской нормы» (пункт II). При этом конституционные демократы исходили из того (и это было зафиксировано еще в ходе дебатов на третьем съезде партии в апреле 1906 г.), что потребительская норма – «не идеал, а горькая необходимость, дальше которой мы не имеем возможности пойти по недостатку земли вообще»¹. Уже в ходе думских дебатов из уст кадетских ораторов звучала мысль, что отток крестьянского населения из деревни в процессе индустриализации страны позволит постепенно потребительскую норму на едока довести до трудовой нормы в расчете на каждого реального земледельца, что и должно быть «целью аграрной политики»².

В противовес либеральным законодательным предположениям, базировавшимся на принципе сохранения, хотя и в урезанном виде, крупного помещичьего землевладения, проект крестьян-трудовиков исходил из идеи фактической ликвидации такого рода латифундий. Это и должно было, по мысли крестьянских депутатов, создать предпосылки для непосредственного наделения всех желающих и способных заниматься сельскохозяйственным трудом сразу земельными участками «в пределах трудовой нормы» (§10). Эволюционному замыслу конституционных демократов противопоставлялась популярная в широких слоях крестьянства идея «черного передела».

Радикализмом в духе крестьянской демократии отличались и предложения «проекта 104-х» относительно компенсации владельцев частных земель в ходе их изъятия в общенародный земельный фонд. Взамен кадетского – «по справедливой оценке» – вводился иной принцип, который можно охарактеризовать и как «отложенная конфискация» (особенно, если речь вести о крупных латифундиях): «Размер этого вознаграждения и условия его уплаты, а также те случаи, когда земля отчуждается безвозмездно (Sic! – В.Ж.), могут

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 309.

² Дебаты о земле в Государственной думе. С. 64.

быть определены не прежде, чем этот вопрос и вся аграрная реформа будут обсуждены народом на местах...» (§ 4). Не трудно предугадать, чья точка зрения на проблему вознаграждения за отчуждаемые земли победила, если бы ее решение было вынесено на суд крестьянских масс.

Речи депутатов-трудовиков и по содержанию, и по тону своему разнились от выступлений остальных депутатов. Наступательным духом отличались выступления депутата от Саратовской губернии С.В. Аникина – писателя, публициста, народного учителя и организатора Всероссийского съезда учителей (Москва, декабрь 1902 г.), одного из лидеров Всероссийского крестьянского союза в Поволжье, члена Партии социалистов-революционеров, участника первого заседания Международной интерпарламентской комиссии социалистов в Лондоне (лето 1906 г.)¹. «Если России не суждено еще ввергнуться в новый поток революции, – заявил он уже 13 мая 1906 г. в пику Декларации председателя Совета министров Горемыкина, – то эти (частновладельческие – В.Ж.) земли должны быть отобра- ны, должны быть немедленно отданы в руки трудового народа законодательным порядком... Мы, крестьяне, требуем права... Мы хотим, чтобы хозяином страны и распорядителем ее был народ»².

Не ограничиваясь митинговой патетикой своего коллеги по Трудовой группе, гласный Черниговского земства и бывший член Союза освобождения, составившего затем ядро кадетской партии, доктор агрономии, профессор Т.В. Локоть выступил за последовательную реализацию принципа «*вся земля должна находиться в пользовании земледельческого населения России*». Цель аграрных преобразований он выразил следующим образом: «Необходимо устранить существование крупной и средней земельной собственности в России». Не больше – не меньше. «Не признавая никакой роли прогрессивности за крупным землевладением в наших русских экономических условиях в данный момент, я считаю, что оставление земли в руках крупных и средних земельных собственников представляется явной народной несправедливостью»³ – слова эти исходили от депутата, политическая ориентация которого в целом,

¹ Подтверждение последнему см.: Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т. 1. 1900-1907 гг. С. 550.

² Дебаты о земле в Государственной думе. С. 15.

³ Там же. С. 35, 37.

несмотря на последующее некоторое сочувствие меньшевикам, не выходила за рамки левого кадетизма¹. Гарантию недопущения скопления земли в одних руках Локоть видел в системе прогрессивного обложения земельной собственности, то есть на путях жесткого государственного регулирования.

Получалось так, что в оценке преобладающих негативных сторон распространения прав частной собственности на крестьянские наделы над позитивными сходились представления весьма значительной части депутатского корпуса Первой Думы, включавшей в себя и немалую долю кадетов. Настроения в пользу национализации земли витали в воздухе. К выводу о необходимости воплощения их в жизнь склонялось мнение довольно широких социально-политических слоев возбужденного революцией российского общества. Кадеты в этих условиях вынуждены были в своей реформаторской решимости дойти до рубежа «полунационализации», имея в виду создание «государственного земельного запаса» и передачу крестьянской земли не в собственность, а в длительное пользование земледельца без права ее купли-продажи.

На некоторые важные причины и обстоятельства, вызвавшие к жизни подобного рода настроения, обратил внимание в своей речи депутат от Саратовской губернии, секретарь временной комиссии по составлению наказов Думы, один из создателей и лидеров Партии конституционных демократов, член ее ЦК С.А. Котляревский – известный историк русского права, юрист, публицист. «Мне кажется, – со знанием дела констатировал он, – что по многим причинам, именно в России, сделалась чрезвычайно популярной не столько сама идея национализации в строго юридическом и политическом смысле этого слова, сколько известное настроение в пользу национализации. Обуславливалось это тем, что в России очень долго земельная собственность была связана с целым рядом своеобразных экономических отношений: собственностью на землю, предполагая собственность на людей; далее сохранились воспоминания крепостного права. Под классом земельных собственников в России понимали класс помещиков, очень часто класс крупных землевладельцев. И поэтому большой популярностью пользовалась идея государственного земельного фонда, причем не всегда вполне ясно

¹ См.: Государственная Дума России: энциклопедия: В 2-х т. Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.). М., 2006. С. 345.

оценивали юридическое содержание этого положения, но всегда это казалось чем-то привлекательным». Свое личное мнение Котляревский сформулировал следующим образом: «...Движение в сторону национализации в обществе, где господствует все время частноправовой оборот и господствует капиталистическое хозяйство, есть вещь, заранее обреченная на неудачу»¹.

Появление в этих условиях «проекта 104-х» как законодательного предположения, нацеливающего аграрную реформу на национализацию земли, было явлением далеко не случайным. Кадеты понимали это, хотя и не разделяли подобного рода представлений. Иррациональными они воспринимались октябристами и депутатами правее их. Председатель Елисаветградской уездной земской управы Херсонской губернии и Елисаветградского отдела «Союза 17 октября» С.Т. Варун-Секрет был однозначен в своем суждении: «Я не буду касаться проекта, который предлагается Трудовой группой, ибо его можно отнести к слишком отвлеченным идеям, не проверенным жизнью, и поэтому он не может быть предметом практической политики»².

Непоколебимость дворянина, крупного херсонского помещика (1870 десятин родового имения и 1004 десятины приобретенной земли) и корнета запаса³ была понятна и естественна. Сложнее обстояло дело с тем, что царское правительство с такой же однозначностью и непоколебимостью выводило за ранг реальной политики массовые процессы и настроения, нуждавшиеся в гораздо более гибком отношении к ним.

С ходу отвергнув компромиссный кадетский «проект 42-х», не увидев ничего, кроме абсурдности, в «проекте 104-х», правительство само выпустило на волю джина «черного передела». Читающая публика России, жадно изучавшая по газетным отчетам дебаты в Государственной Думе по земельному вопросу, ждала новых сенсаций. 8 июня 1906 г. на усмотрение депутатов был вынесен еще один документ, на этот раз напугавший уже саму Думу. Это был «Проект основного земельного закона», подготовленный 33 думцами, признавшими недостаточно радикальными даже «проект 104-х» и решившими вынести на суд не столько Думе, сколько рос-

¹ Дебаты о земле в Государственной думе. С. 75.

² Там же. С. 72.

³ См.: Государственная Дума России: энциклопедия: В 2-х т. Т. 1. С. 86-87.

сийской общественности в целом программные положения Партии социалистов-революционеров. Партии, I Совет которой лишь накануне – в мае – принял решение в связи с открытием Думы «впредь для большего выяснения для масс населения политического положения и тактики правительства, временно приостановить террористическую деятельность, не прекращая, однако, ни на минуту общей боевой подготовки»¹.

В «Проекте 33-х»² проводились ультрарадикальные эсеровские идеи «социализации земли». Параграф 1 отдела I проекта «Основы закона о земле» гласил: «Всякая частная собственность на землю в пределах Российского государства отныне совершенно уничтожается». В такой формулировке нашел свое выражение эсеровский программный принцип, отражавший массовые ментальные представления крестьян: «земля ничья» в человеческом измерении, ибо она – Божья. Второй исходный принцип аграрной части программы ПСР об изъятии земли из товарного оборота в «Проекте 33-х» не воспроизводился. Но вытекающее из него положение составило содержание § 2 Отдела I документа: «Вся земля с ее недрами и водами объявляется общей собственностью всего населения Российского Государства». Земельные права российских граждан (Отдел II) фиксировались достаточно определенно и жестко: не менее потребительской нормы (§2), но и не более трудовой нормы надела (§3). Проектом предусматривался выбор: крестьянин мог трудиться на полагающемся ему участке земли как в составе общины, так и выйдя из нее.

Разработанный частным совещанием депутатов Трудовой группы при непосредственном участии эсеров, проект был ориентирован – прежде всего и в основном – на широкий пропагандистский эффект с целью «раскачивания лодки» социальных настроений в обществе и подстегивания революционной активности в крестьянской среде. Готовя общественное мнение, социалисты-революционеры с 17 мая 1906 г. стали выпускать в Петербурге ежедневную газету «Народный вестник» как продолжение журнала с тем же названием. В статье «Аграрные дебаты и народное движение» прямо указывалось: «Терпение на исходе. Волнение растет.

¹ Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы: В 3 т. Т. 1. 1900-1907 гг. М., 1996. С. 194.

² Дебаты о земле в Государственной думе. С. 79-83.

Неурожай и голод подвигают нервы. Правительственная борьба с голодающими провоцирует на взрывы. Массы ждут нетерпеливо. И надо считаться не только с объективной логикой положения, но и с субъективной психологией масс»¹.

В этой обстановке эсерам было крайне важно использовать трибуну Государственной Думы, дебаты в ней по аграрному вопросу в целях перевода ситуации из состояния крайнего напряжения в фазу социального взрыва: «И только прикоснувшись к *матери-земле*, подобно древнему великану, истинные выразители нужд народных наберутся новых сил, необходимых для решительной борьбы»². Действительные цели эсеров, стоявших за спиной депутатов-трудовиков, были для большинства Думы совершенно очевидны. Отвергнув «проект 33-х», Дума высказалась и против передачи его в качестве материала в думскую аграрную комиссию. Тем не менее, свою провоцирующую роль он сыграл, еще более обострив отношения правительства и в муках рождающегося российского парламента.

Инициировав эскалацию своих агитационно-пропагандистских акций, левые, казалось, перехватили инициативу у кадетов, переводя фокус общественного внимания с действительно делового и компромиссного «проекта 42-х» на прожекты, по определению не имеющие шансов на реализацию.

Крах последних надежд либералов договориться с властью

Конституционные демократы, однако, сдаваться не собирались. Еще 13 мая в ответ на декларацию премьера Горемыкина депутаты высказались за его отставку и создание правительства, пользующегося доверием Думы. Стремясь выиграть время для обдумывания и принятия решения – договориться ли с Думой или же разогнать ее? – Николай II через свое ближайшее окружение начал в июне переговоры с думскими лидерами. Посредником в них со стороны царя и правительства выступил дворцовый комендант Д.Ф. Трепов, со стороны же кадетского руководства – не состоявший депутатом Думы П.Н. Милюков. Лидер Партии народной свободы взялся за дело с энтузиазмом и верой в успех, встречаясь, с одной стороны, с царскими чиновниками (министром внутренних дел Столыпиным, ми-

¹ Народный вестник. 1906. № 13.

² Там же.

нистром иностранных дел А.П. Извольским и др.). С другой же стороны, в плане организации давления на правительство «снизу» – с членом ЦК Партии социалистов-революционеров М.А. Натансоном. Как вспоминал впоследствии Милюков, Трепов вел себя весьма предупредительно, в том числе соглашаясь на требование в плане «принудительного отчуждения» части помещичьих земель¹.

Правительственное сообщение от 20 июня² надежд либералов на возможность компромисса с царем и правительством не подтвердило. Обстоятельное, выдержанное во внешне спокойных тонах, оно явно адресовалось не Думе, не политическим партиям и течениям в стране, а непосредственно крестьянству, в лояльность которого лично к себе Николай свято верил. Именно крестьянству правительство в «отеческих» тонах пыталось внушить мысль о беспочвенности думских проектов решения аграрного вопроса в стране. Главное в документе было заключено в следующих словах: «Распространяемое среди сельского населения убеждение, что земля не может составлять чьей-либо собственности, а должна состоять в пользовании только трудящихся на ней, и что поэтому необходимо произвести принудительное отчуждение всех частновладельческих земель, правительство признает совершенно неправильным».

Как видим, речь шла о радикальных проектах 104-х и 33-х думских депутатов, ибо в кадетском «проекте 42-х» не содержалось ни положения о том, что «земля не может составлять чьей-либо собственности», ни заявки на принудительное отчуждение «всех частновладельческих земель». Однако уже в следующем абзаце своего заявления правительство категорически отрицало целесообразность кадетской модели решения вопроса о земле: «Отчуждение частновладельческих земель не увеличит крестьянские достатки, а, наоборот, разорит все государство и обречет само земельное крестьянство на вечную нищету и даже голод». В подтверждение этого тезиса, фактически объявлявшего кадетов врагами и разорителями крестьянства, приводились довольно подробные расчеты, из которых следовало: «Если разделить между крестьянами все не находящиеся в их пользовании земли, что, очевидно, невозможно, то и

¹ Милюков П.Н. Воспоминания: В 2 т. Т. 1. Нью-Йорк, 1955. С. 376-387.

² Правительственный вестник. 1906. № 137. 20 июня. С. 1.

в таком случае на каждую душу мужского пола придется всего около одной добавочной десятины земли».

Что же предлагалось самим правительством взамен думских проектов и прожектов? Прежде всего, передать малоземельным крестьянам «на выгодных для них условиях» все пригодные казенные земли и выкупить за счет государства у частных владельцев *добровольно* продаваемые ими земли. Далее, принять меры для организации переселения крестьян в Сибирь, степные области Средней Азии с обширными площадями свободной плодородной земли. Наконец, правительство делало ставку на частнособственнический инстинкт крестьянина, обещая ему предоставление права выхода из общины и закрепление в частную собственность участка общинной земли. При этом, если переделы земли не производились в течение 24 лет, земельные участки, состоявшие в пользовании отдельных домохозяев, сразу же объявлялись их неотъемлемой собственностью, а община лишалась права впредь производить какие бы то ни было переделы.

Заканчивалось Правительственное сообщение от 20 июня полуугрозой-полууважением в адрес крестьян: «Русское крестьянство должно знать и помнить, что не от смут и насилия оно может ожидать удовлетворения своих нужд, а от мирного своего труда и постоянных о нем забот Государя Императора».

Так правительство Горемыкина, которое – по оценке даже консервативно мыслившего Витте – «заключало членов, известных всей России как крайние реакционеры и поклонники полицейского режима»¹, откликнулось на всю палитру общественного мнения по вопросу о земле, отразившегося в зеркале дебатов в Первой Государственной Думе. Правда, при этом была изложена сумма принципов и мер в плане реализации аграрных преобразований, которые в недалеком будущем составят содержание правительственной политики, получившей в истории имя «столыпинской».

Правительственное заявление, адресуемое крестьянству «через голову» Думы, было лишним подтверждением того, что царизм готовит ее роспуск. Премьер Горемыкин уже в начале июня в частных беседах позволял себе высказывания типа того, что благодаря

¹ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 363.

его предшественнику – Витте – в Петербурге «собралась не палата депутатов, а грязные подонки»¹.

Ощущением приближающегося конца и стремлением не дать правительству повода для своего разгона было пронизано появившееся 4 июля 1906 г. ответное Обращение Государственной Думы по аграрному вопросу². Все еще надеясь на благоразумие правительства, думцы призывали крестьян к терпению. Указывая, что «только тщательно обдуманый и правильно составленный закон может дать народу земельное обеспечение», Государственная Дума выражала надежду, что «население будет покойно и мирно ожидать окончания его работы по изданию такого закона». Вместе с тем, Дума подтверждала неизменность своей позиции по ключевому вопросу развернувшихся в ходе ее работы дебатов: «Что же касается до принудительного отчуждения частновладельческих земель, то Государственная дума от сего основания земельного закона не отступит, отклоняя все предположения, с этим началом не согласованные». При этом народные избранники посчитали необходимым напомнить правительству, что, согласно Манифесту 17 октября 1905 г., никакое предположение правительства не может воспринять силу закона без одобрения Государственной Думы.

Последнее предостережение, впрочем, вряд ли могло озадачить или напугать исполнительную власть, располагавшую упоминавшимся выше Сводом Основных государственных законов, утвержденных царем 23 и опубликованных 27 апреля 1906 г.³, т.е. в день открытия Первой Государственной Думы. В Свод действительно вошло упомянутое выше положение, но в несколько иной редакции: «... Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной думы и воспринят без утверждения Государя Императора». Однако, ст. 87 содержала важное уточнение. Она предусматривала возможность в случае прекращения, а также перерыва в деятельности Госсовета или Думы (т.е. в «бездумный период» – по саркастическому замечанию кадета А.И. Шингарева на одном из заседаний уже Второй Думы)⁴ проводить, если чрезвычайные обстоятельства вызывают

¹ См.: Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906-1914). М., 2011. С. 148.

² Дебаты о земле в Государственной думе. С. 90-92.

³ ПСЗ. Собрание III. Т. XXVI. № 27805.

⁴ Дебаты о земле в Государственной думе. С. 130.

необходимость, обсуждение законопроектов в Совете министров с последующим утверждением их императором в форме Высочайших Указов, сразу и непосредственно вступающих в силу. Это развязывало руки царю и правительству в отношении самоличного роспуска Думы, а также направляло, как свидетельствует последующий ход событий, аграрное законодательство страны в русло правотворчества, вызываемого почти исключительно «чрезвычайными обстоятельствами», монополия на определение которых также сосредотачивалась в руках исполнительных структур.

Витте – организатор и руководитель подготовки Свода Основных государственных законов – так оценил их место и роль в эволюции политического строя России: «...Законы эти сохранили за государем обширнейшие верховные и державные права, иначе говоря, ... установили конституцию, но конституцию консервативную и без парламентаризма (подчеркнуто мной – В.Ж.) ...»¹ Современные исследователи при характеристике политического строя думской России так или иначе – в разных вариантах – подтверждают это резюме маститого царского сановника. Так, А.Н. Медушевский, например, вслед за Максом Вебером² называет данный режим «мнимым конституционализмом»³. Большинство же историков (Марк Шефтель, Б.Н. Миронов, И.А. Христофоров, В.С. Дякин, С.В. Куликов, А.С. Туманова), солидаризируясь с высказанным в свое время мнением кадета Василия Маклакова, предпочитают говорить об эволюции государственности в направлении конституционной монархии и установлении дуалистической монархии как промежуточного этапа на пути к монархии конституционной⁴. Кстати, той самой, которая уже существовала в Австро-Венгрии.

В любом случае, если даже предположить, что в России 1905-1917 гг. существовала конституциональная монархия, то это был «конституционализм по-русски»⁵.

¹ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 306.

² Вебер М. О буржуазной демократии в России // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX в. М., 1997. С. 40.

³ Медушевский А.Н. Российская правовая традиция – опора или преграда? Доклад и обсуждение. М., 2014. С. 47.

⁴ См., в первую очередь: Там же. С. 101.

⁵ См.: Соловьев К.А. Самодержавие и конституция: политическая повседневность в России в 1906-1917 годах. М., 2019. С. 20-28.

Все это фиксирует уязвимость, ограниченность прав и возможностей первого представительного учреждения с законодательными функциями в истории России. Так что озвученное на одном из заседаний уже Второй Думы и так возмущившее ее депутатов мнение министра финансов, а затем и премьера В.Н. Коковцова «У нас парламента, слава Богу, пока еще нет» достаточно точно отражало политические реалии и суть феномена думской монархии.

Финал без победителей: Дума разгоняется, проблемы усугубляются

Процесс революционизирования Первой Государственной Думы, во многом спровоцированный неуклюжими, негибкими действиями администрации, поставил правительство перед необходимостью ее разгона. Что трудно квалифицировать иначе как акт беспомощности исполнительных структур. Поводом для роспуска стал факт появления упомянутого выше обращения Думы от 4 июля, который с большой натяжкой, если не сказать – грубой подтасовкой, был квалифицирован царским Манифестом от 9 июля как свидетельство того, что «выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область». Истинная же причина этой заранее предreshенной акции была очевидна. Витте – как уже опальный сановник – сформулировал ее с предельной четкостью: «... Как только Дума начала обсуждать вопрос о земельном устройстве с точки зрения принудительного отчуждения частновладельческих земель, конечно, за плату, правительство решило *заранее* (выделено мной – В.Ж.) Думу такую разогнать»¹.

Впрочем, это могло случиться еще раньше – на этапе прояснения социально-политического состава Думы. «Припоминаю, – отмечал Д.Н. Любимов, соратник тогдашнего министра внутренних дел (до 22 апреля 1906 г.), – когда подробную справку о составе думы просмотрел П.Н. Дурново, он, продолжая держаться мнения, что чем хуже будет дума, тем лучше, остался данными справки очень доволен»².

¹ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 362.

² Любимов Д.Н. Русское смутное время. 1902-1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам / авт. вступ. ст. и коммент. К.А. Соловьев. М., 2018. С. 382.

Все было обставлено по образу и подобию созревшего в «верхах» заговора. Накануне выходных министр внутренних дел заявил о своем намерении выступить в Думе 10 июля. В то время, как депутаты спокойно разъехались на отдых, царь 8 июля подписал Манифест о роспуске Думы, который был опубликован в «Правительственном вестнике» 9 июля. Лидеру кадетов Милюкову, накануне прознавшему, что текст Манифеста находится уже в типографии, ничего иного не оставалось, как на велосипеде (!) объезжать квартиры членов ЦК своей партии, созывая их на экстренное совещание¹. На нем и был выработан документ, положенный в основу Выборгского воззвания депутатов Думы «Народу от народных представителей» с призывом к населению в знак протеста провести акции гражданского неповиновения. Которые – в конечном счете – не обернулись зримым успехом.

Велосипед Милюкова – как некое подручное средство чрезвычайного политического действия – вот то действительно зримое в силу своей материальности, что либералы смогли противопоставить диктату царя и его правительства, на стороне которых была вся мощь материальных средств и карательного аппарата Империи.

Так закончились горячие дни работы Первой Государственной Думы. Они не только не потрясли мир, но даже не поколебали полуфеодальные аграрные отношения в стране. Однако, уроки из опыта взаимоотношений с Первой Думой реально правящие в стране круги все же извлекли. Но, добавим, в первую очередь, лично для себя и своей социальной опоры. По «сенатским разъяснениям» избирательного закона впредь от участия в выборах были отстранены целые слои крестьян и рабочих. Правительство отказалось от своей прежней позиции стороннего наблюдателя хода новой избирательной кампании. Наказало тюремным заключением и лишением избирательных прав наиболее активных «подписантов» Выборгского воззвания, в том числе, лидеров кадетской фракции, включая Председателя Думы – выдающегося отечественного правоведа С.А. Муромцева².

¹ Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. С. 210.

² Специально об этом см.: Аронов Д.В. Первый спикер. Опыт научной биографии Сергея Андреевича Муромцева. М., 2006. Будучи сторонником становления гражданского общества в России, Муромцев считал, что «задача всех реформ настояще-

Но, главное, правительство с пользой для себя распорядилось ситуацией «выпадения» из политического процесса на семь с лишним месяцев законодательного органа первой инстанции. Опираясь на статью 87 Свода Основных государственных законов 1906 г., Совет министров разработал в отсутствие Думы, а царь подписал 9 ноября 1906 г. именной Высочайший Указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». За витиеватым названием скрывался тот знаменитый акт, получивший широчайшее истолкование в дореволюционной, советской и современной историографии, который дал старт столыпинским аграрным преобразованиям. Его появление означало, что исполнительная власть берет на себя инициативу и ответственность за дальнейший ход аграрных преобразований в стране, выкраивая их конфигурацию по своим собственным лекалам.

Шанс определиться с началом длительного, сложного, конфликтного, но единственно возможного способа встать на путь органического реформирования аграрного строя, который был представлен царизму на этапе деятельности Первой Государственной Думы, власть «бездумно» (в прямом и переносном смысле) и самонадеянно упустила. Что предопределило конечный неуспех последующих попыток исправить ситуацию в виде системы действительно важных мер, составивших содержание столыпинской аграрной политики. Не начавшись, реформа была уже обречена на то, чтобы стать, по меткому определению крупного отечественного историка К.Н. Тарновского, «запоздалой буржуазной реформой после запоздалой буржуазной революции»¹, главная уязвимость которой состояла в том, что она была спущена «сверху», не опираясь на широко понимаемое общественное мнение в стране. То есть на вердикт общества, уже разбуженного революцией, выразителем и ре-

го царствования состоит в том, чтобы стимулировать самодеятельность общества» (Цит. по: Гросул В.Я. Русское общество XVIII-XIX веков, традиции и новации. М., 2003. С. 272). См. также: Брэдли Д. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012. С. 238. Выбрасывая из сферы политики и общественной деятельности действительную элиту, лучших представителей слоев и сил российского общества, нацеленных на эволюционный путь модернизации, царизм и себя лишал будущего.

¹ Цит. по: Муравьев В.А. Читая коллегу, автора и друга // Историк О.В. Волобуев. Штрихи к творческому портрету. М., 2001. С. 110.

транслятором требований которого во многом стала Первая Государственная Дума.

Первая Дума вошла в историю с самыми различными оценками ее современниками и потомками. Одни называли ее Думой «народного возмездия», другие (Витте, например) – «общественного увлечения и государственной неопытности». Сегодня – с более чем вековой исторической дистанции, не погасившей, однако, жгучей актуальности поставленных в ходе ее работы проблем, есть основания назвать первопроходца российского парламентаризма «Думой утраченного шанса». Причем, не только для господствующего политического режима, но для государства и общества в целом.

Витте в своих «Воспоминаниях» воссоздает яркую и, главное, символическую картину обстоятельств, сопутствовавших подписанию Николаем II по настоянию премьера указа о роспуске Думы, и последовавшими за этим «приключениями», связанными с его опубликованием: «Горемыкин вернулся (из Царского Села от императора – В.Ж.) в Петербург, послал указ в Сенат для опубликования, а сам лег спать и приказал себя не будить. Ночью он уже получил распоряжение указ не опубликовывать, но так как сам он спал и приказал себя не будить, то распоряжение это ему не было передано, а потому на другое утро указ этот появился. Таким образом, злые языки говорили, что Дума была распущена вследствие известного, составляющего характерную черту Горемыкина, постоянного стремления к полному спокойствию»¹.

Отвергнув реформаторские начинания умеренных сил Первой Думы, царизм «проспал» возможность продлить свое существование и этим создать предпосылки мирной пролонгации модернизационных процессов в стране в режиме эволюции политической системы в направлении действенной конституционной монархии. «Манфишизм» (наплевательство), как тогда было принято говорить, Горемыкина и его олимпийское спокойствие, лишь отразившие самонадеянность власти, ее оторванность от реальных процессов и проблем, действительно терзавших тогда российское общество, не смогли затем компенсировать ум, энергия, напористость Петра Аркадьевича Столыпина, пришедшего ему на смену в качестве главы правительства.

¹ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 364.

Крот истории, как принято говорить, копает глубоко. Хотя внешне после разгона Первой Думы все осталось как бы прежним, но это была во многом уже другая страна. Страна, которая прошла через горнило формирования гласного, в полную силу выразившего себя общественного мнения, через этапы противостояния и столкновения этого мнения с позицией реально правивших «верхов», позицией явно и наглядно уязвимой, неприкрыто ориентированной на соблюдение интересов достаточно узких социальных слоев и политических сил российского общества.

Итак, в ходе бурных дискуссий 1906 г. в стенах Таврического дворца нашли отражение, проявили себя и в острой борьбе столкнулись три стратегии решения самого главного и острого вопроса той эпохи – вопроса о земле. Стратегии, отразившие программатику формировавшейся в стране легальной (в дополнение к революционной) многопартийности: революционно-наступательная, консервативно-обороняющаяся и реформаторски-компромиссная. В совокупности и во взаимном противостоянии они как раз и составили ту парадигму в соотношении социальных и политических сил российского общества, наличие которой позволяет называть Первую Государственную Думу «зеркалом русской революции»¹.

Представленная в Думе реформаторски-компромиссная программа кадетской партии, будучи наиболее рациональной и реалистичной, тем не менее, не смогла занять лидирующие позиции в широко понимаемом общественном мнении страны, будучи теснимой своими оппонентами как слева, так и справа. Руководствуясь магическим типом сознания, до предела разогретым действительно тяжелым материальным положением и обстановкой острой социальной несправедливости, провоцируемой «верхами», народные массы, прежде всего крестьянство, не хотели уже прислушиваться к доводам реформаторской целесообразности, будучи психологически готовыми к решению земельного вопроса насильственным, захватным путем.

Вместе с тем, требуют серьезной корректировки и представления о степени влияния программатики революционных политических партий страны на социальное поведение крестьянства. Считая

¹ См.: Журавлев В.В. Первая Государственная дума как «зеркало русской революции». К 110-летию рождения и гибели (27 апреля – 8 июля 1906 года) // Россия XXI. 2016. № 3. С. 30-63.

себя вожаками массового движения, революционные партии (в разобранной нами ситуации – эсеры) нередко вынуждены были выступать в роли его ведомых, будучи в определенной степени заложниками «великого незнакомца»¹ – крестьянства, творившего по своему разумению, а не по подсказке со стороны, процесс самоосвобождения в потоке «великой крестьянской революции в России 1902-1922 гг.», как назвал это беспрецедентное движение выдающийся отечественный историк крестьянства В.П. Данилов².

История – с подачи имперской исполнительной власти – отвела на работу Первой Государственной Думы 72 дня. По чистому совпадению, которое, однако, наталкивает на некоторые размышления, в 72 дня уместилось время существования Парижской Коммуны, деятели которой получили в исторической памяти емкий титул «штурмующих небо». Парижское небо 1871 г., окрашенное в тона военного унижения бонапартистской Франции, вызвавшего Сентябрьскую революцию 1870 г., казалось бы, ничем не напоминает петербургское небо 1906 г. Небо уверовавшей в свою неуязвимость и непотопляемость, в пику всем и всяческим «смутам», великой Империи. Но пройдет десять с небольшим лет, и небосклон России перечеркнут грозные красные сполохи. И «штурмовать небо» будет уже не скромная кучка думских депутатов, а всепоглощающая стихия «русского бунта». Далекое не бессмысленное, но уж точно – беспощадное.

¹ Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / Сост. Т. Шанин. М., 1992.

² См в частности: Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец. С. 310-319; Danilov V. Violence Contre Violence: La Revolution Payzanne en Russie 1902-1922 // Violences et Pouvoirs Politiques. Toulouse, 1996. P. 137-157. Специально о концепции В.П. Данилова см.: Кондрашин В.В. Историки-аграрники России XX-начала XXI вв.: творческий путь и международное сотрудничество. Вып. первый. Прага, 2014. С. 5-32.

ЛИБЕРАЛЫ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ

В каждой стране либерализм свой. Либерализм меняется не только в пространстве, но и во времени. Свои особенности были и у русского либерализма. Причем на каждом этапе своего становления русский либерализм был далек от какого-либо канона, что порой ставит в тупик современного исследователя. В огромной степени это объяснялось природой этого явления: русский либерализм в основе своей был интеллектуальным феноменом. Он не зависел от собственной социальной базы – хотя бы по причине ее крайней ограниченности. Это одновременно давало определенные преимущества и плодило трудности. Русские либералы создали собственную интеллектуальную лабораторию, где вольны были экспериментировать. Предложенные ими конструкты – результат творческого поиска неординарных личностей, а не политической конъюнктуры².

С другой стороны, у русских либералов не было общей платформы для диалога. Они выступали не от имени частных интересов, которые всегда есть предмет торговли, а от имени идеалов, которые как раз торговлю не допускают. Это придавало политикам данного направления избыточную самоуверенность, догматизм и не слишком обоснованный исторический оптимизм – что, в свою очередь, затрудняло договоренности и среди либералов.

Они были чересчур разными. Некоторые из них почти примыкали к социалистам, другие были существенно ближе к консерваторам. Либерализм в России был очень разным. Своего рода «маркером», отделявшим либералов от их оппонентов справа и слева, было признание особой ценности конституционных учреждений³. Причем, если до 1905 г. они могли в либеральной среде интерпретироваться по-разному, то после – особых разногласий быть не могло. Речь шла не о теоретических конструкциях, а о существовавшем представительном органе – Государственной Думе.

¹ Соловьев Кирилл Андреевич – доктор исторических наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

² Шелохаев В.В. Либерализм в России в начале XX века. М., 2019. С. 18-20.

³ Там же. С. 159-160.

Сам факт ее существования был признанным успехом «освободительного движения». Важнее, пожалуй, другое: Дума формировала стиль политики, единственно приемлемый для русского либерализма. Она способствовала становлению особого политического поведения, которое само по себе было ценностью. Речь идет о складывавшихся горизонтальных связях, которые объединяли весь политический класс при всей его разнородности. Депутаты налаживали товарищеские отношения в министерствах – с чиновниками самого разного уровня. Одновременно с тем, министры по необходимости пользовались помощью народных избранников.

О сотрудничестве руководителей фракций и председателей Думы с главой правительства хорошо известно. Вероятно, более значим тот факт, что и «рядовые» народные избранники, и министры сотрудничали к взаимной выгоде. В итоге, депутаты обретали немалую силу в министерских кабинетах и канцеляриях. Например, в июле 1915 г. саратовский губернатор А.А. Ширинский-Шихматов просил депутата-октябриста Н.П. Шубинского содействовать его переводу в Тверь¹. У Шубинского была репутация «делателя прокуроров». В это верили ближайшие сотрудники министра юстиции И.Г. Щегловитова, полагавшие, что депутат мог провести любое назначение по судебному ведомству². Как впоследствии вспоминал октябрист Э.П. Беннигсен, было невозможно «различать, где кончается Щегловитов и где начинается Шубинский и в меньшей степени наоборот»³. По словам К.Д. Кафафова, Шубинский был способен провести «кого угодно и на какую угодно должность»⁴.

Конечно, этот случай исключительный. Однако у многих депутатов были свои рычаги влияния на руководителей ведомств. Если же их не было – приходилось изобретать. Член Государственного совета С.Ф. Платонов предлагал октябристу, депутату от Самарской губернии И.С. Ключеву познакомиться с госпожой Денисовой, близ-

¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906-1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 441.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35. Л. 26; Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. П.Е. Щеголева. М.-Л.: Госиздат, 1925. М.-Л., 1927. Т. 7. С. 267.

³ Беннигсен Э.П. Записки (1875-1917). М., 2018. С. 355.

⁴ Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 97.

кой к министру народного просвещения Л.А. Кассо. С ее помощью можно было немалого добиться в деле школьного образования¹.

Депутаты обживались в Петербурге, привыкали к работе государственного аппарата, узнавали, как он был устроен. Они учились нажимать на тайные пружины, прекрасно понимая, что в министерских канцеляриях министр – далеко не всегда самое влиятельное лицо. У них были связи на всех уровнях, на всех этажах государственной машины. Министры могли и не знать о сотрудничестве своих подчиненных с народными избранниками. Более того, эти связи могли быть направлены против действующего правительства. Так, в дни работы Второй Думы товарищ министра народного просвещения О.П. Герасимов предоставлял кадетам материалы, позволявшие красноречиво и убедительно, со знанием дела, критиковать правительственные законопроекты по народному образованию². Председатель же Второй Думы Ф.А. Головин регулярно обедал с товарищем министра торговли и промышленности М.А. Остроградским или же с товарищем министра юстиции Н.Д. Чаплиным³. Тогда спикер весьма радикально настроенного представительного учреждения узнавал полезную для себя информацию. Беннигсен вспоминал, как депутаты сотрудничали с высокопоставленными чиновниками Министерства юстиции: «По мере того, как мы с ними знакомились, и они также переставали нас опасаться, мы узнавали от них разные “секреты Мадридского двора” министерства, что подчас значительно облегчало нашу работу»⁴.

Порой складывались альянсы депутатов и чиновников, направленные против других высокопоставленных бюрократов. Ведь противоречия внутри правительства были не менее (а иногда даже более) острые, нежели разногласия между Советом министров и народным представительством. Последнее могло оказаться полезным союзником в ведомственной борьбе. В самом начале 1913 г. октябрист Б.И. Каразин познакомился с графом П.Н. Игнатьевым, на тот момент товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием. Их союз строился на неприятии политики министра

¹ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 12. Л. 75.

² [Кизеветтер Е.Я.] Революция 1905-1907 гг. глазами кадетов (Из дневников Е.Я. Кизеветтер) // Российский архив. Вып. 5. М., 1994. С. 379.

³ Представительные учреждения Российской империи в 1906-1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 63.

⁴ Беннигсен Э.П. Указ. соч. С. 355.

финансов В.Н. Коковцова¹. В Четвертой Думе докладчик комиссии путей сообщения, прогрессист А.А. Бубликов в меру своих сил отстаивал интересы соответствующего Министерства в противостоянии с другими (прежде всего, с Министерством финансов)². Таких случаев было немало. Разумеется, подобные связи были выгодны обеим сторонам. 27 апреля 1913 г. товарищ министра народного просвещения М.А. Таубе восстановил в должности одного самарского учителя. Это было сделано по просьбе депутата Ключева и – накануне выступления Таубе в Таврическом дворце. Там высокопоставленный чиновник рассчитывал произвести благоприятное впечатление³.

Помощник военного министра А.А. Поливанов был частым гостем в Думе. О его приятельских отношениях с А.И. Гучковым было хорошо известно и среди депутатов, и среди чиновников Военного ведомства. В том числе, благодаря этому, лидер октябристов обрел особое влияние на решение вопросов, связанных с обороноспособностью страны. «Ему все показывают, с ним советуются при назначении людей на места»⁴. Гучков, в свою очередь, делился с Поливановым сведениями, которые приходили к нему с окраин империи⁵. 13 марта 1908 г. октябристы Гучков и А.И. Звегинцев специально приехали к Поливанову, чтобы вручить ему список вопросов, которые могли задать помощнику министра в бюджетной комиссии⁶. Лидер октябристов регулярно информировал своего товарища о ходе законотворческих работ⁷. В феврале 1912 г. встал вопрос о чрезвычайных кредитах военному ведомству. Гучков взялся переговорить об этом с председателем бюджетной комиссии М.М. Алексеевко, что настраивало военных на оптимистический лад⁸. У Поливанова были добрые отношения со многими октябристами,

¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906-1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. С. 332-333.

² Там же. С. 345-346.

³ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 14. Л. 21об.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 568. Л. 1213. Неслучайно, что увольнение Поливанова в апреле 1912 г. многими рассматривалось как непосредственный удар по Гучкову (Представительные учреждения Российской империи в 1906-1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. С. 241-242).

⁵ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907-1916 гг. / Под ред. А.М. Зайончковского. М., 1924. С. 44-45.

⁶ Там же. С. 43.

⁷ Там же. С. 58, 81, 97.

⁸ РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 42. Л. 818.

например, с Н.В. Савичем¹. Поливанов был уволен в 1912 г., однако эти связи остались. Даже будучи членом Государственного совета, он предоставлял депутатам уникальные сведения о состоянии военного ведомства².

Это был не единичный случай прямых контактов военных с народными избранниками. Думская комиссия по государственной обороне тесно взаимодействовала с офицерами армии и флота. Некоторые генералы (например, М.В. Алексеев и Н.И. Иванов) информировали депутатов о состоянии вооруженных сил России³. Впоследствии, уже в эмиграции, Гучков вспоминал, что как-то у него гостил даже начальник штаба одного из военных округов. Он жаловался на скверное состояние армии накануне войны⁴. Схожая информация поступала Гучкову от военных агентов в Берлине А.А. Михельсона и в Вене М.И. Занкевича⁵. Лидер октябристов порой обладал секретными сведениями, которые добывали ему офицеры Генерального штаба⁶. На имя Гучкова постоянно приходили коллективные прошения за подписями сотен офицеров⁷. Имя октябристского лидера было на слуху и среди моряков. 18 января 1909 г., будучи в Греции, он писал жене: «В Пирее застал две наши канонирские лодки: “Кореец” и “Гиляк”, направленные было во Владивосток. Офицеры, узнав о моем приезде, позвали меня к себе. Сегодняшний вечер... я проведу у них». Флотские офицеры многое рассказали о состоянии дел. Этими сведениями Гучков воспользуется, когда выступит в Думе с разоблачением великих князей, фактически стоявших во главе военного дела страны⁸.

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74537. Л. 270, 274.

² ОР РГБ. Ф. 218. К. 305. Д. 3. Л. 391.

³ Александр Иванович Гучков рассказывает: Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 7. Важно также и то, что Гучков поддерживал контакты с кругами промышленников, обеспечивавших снабжение армии (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 334. Л. 95).

⁴ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 60.

⁵ Там же. С. 61.

⁶ Например, это относилось к заведующему разведочной частью Генерального штаба полковнику А.А. Самойло, чьи доклады о состоянии артиллерийского дела в России (по сравнению с тем, что имело место в Австро-Венгрии) руководство ведомства практически игнорировало (Представительные учреждения Российской империи в 1906 - 1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. С. 144).

⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 361. Л. 36.

⁸ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1670. ч. 2. Л. 104об. Ему передавали сведения помощник военного агента в Маньчжурии и начальник Приамурского края Н.Л. Гондатти (Представительные учреждения Российской империи в 1906-1917 гг.: Материалы пер-

Вокруг Думы складывались неформальные объединения военных. Например, такую роль играла комиссия при Военном министерстве по составлению «Истории русско-японской войны». Ее составляли офицеры Генерального штаба. Председательствовал генерал В.И. Гурко. Комиссия не ограничивалась вопросами, входившими в сферу ее компетенции. Время от времени ее члены, а также депутаты Государственной Думы (обычно по пять – шесть человек с каждой стороны) собирались на квартирах П.Н. Балашова, В.И. Гурко, А.И. Гучкова или Ю.Н. Милютина. Там обсуждались вопросы будущей военной реформы. Офицеры подбирали необходимых экспертов по любому направлению предстоявших преобразований. Такие встречи имели сугубо практическое значение. Именно тогда редактировались законы, поступавшие в Думу из министерства, оттачивались депутатские инициативы¹, детально (и обычно в критическом ключе) анализировалась политика действующего министра². Показательно, что в распоряжении Гучкова оказались даже его секретные приказы (что как раз и стало поводом к отставке А.А. Поливанова с поста помощника военного министра)³.

Гучков имел связи и в МИД, чем активно пользовался. Так, ему приходили копии донесений В. Святковского из Австро-Венгрии⁴. 19 мая 1908 г. к Гучкову заехал новый посол России в Персии Н.А. Малевич-Малевский. Он согласился стать тайным корреспондентом октябристской газеты «Голос Москвы»⁵.

Столь тесное сотрудничество депутатов и чиновников во многом способствовало складыванию распорядка жизни народных избранников. Думцы разных фракций проводили многие часы в министерских канцеляриях. В марте 1907 г. историк, кадет, депутат Второй Думы А.А. Кизеветтер прибыл на прием к товарищу министра внутренних дел. Однако встретиться с ним не получилось. В при-

люстрации Департамента полиции. С. 340-341). По инициативе Гучкова с Гондатии встречались и другие лидеры октябристов: М.М. Алексеенко, гр. Э.П. Беннигсен, Б.И. Каразин, Г.Г. Лерхе, М.В. Родзянко, Н.А. Хомякова (Там же. С. 340).

¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 56-57; ГА РФ. Ф. 932. Оп. 1. Д. 132. Л. 10. .

² ОПИ ГИМ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.

³ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 737. Л. 23об.

⁴ Представительные учреждения Российской империи в 1906-1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. С. 264-265.

⁵ Там же. С. 102-103.

емной толпились депутаты – причем оппозиционных фракций: кадеты, социал-демократы, эсеры¹.

Супруга депутата Ключева в дневниковой записи от 4 февраля 1911 г. так описала рабочий день мужа: «Очень много отнимает времени исполнение разного рода чужих поручений и ходатайств, начиная от самых важных, как, например, содействие к избавлению от смертной казни и каторги, и кончая просьбой ускорить получение ордена или чина действительного статского советника. И по каждому такому важному или неважному делу приходится один – два или даже несколько раз ездить в то или другое министерство, написать несколько писем, достать справки и т.д. и т.п. По некоторым уже серьезным делам, где замешана жандармская полиция или военные власти..., приходилось хлопотать больше года, затратить массу времени и денег и, наконец, получить желаемое»². 24 ноября 1911 г. Ключев просидел в канцеляриях. Он пытался навести необходимые справки, но безрезультатно. Руководителей ведомств не заставал на месте. Приходилось объясняться с их секретарями. Правда, удалось переговорить с министром путей сообщения С.В. Рухловым³. В тот же день депутату посчастливилось побывать у главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина. Тот обещал содействовать созданию Политехнического института в Самаре⁴. По этому поводу Ключев уже встречался с покойным Столыпиным и заручился его поддержкой⁵. Ключев был деятельный человек и не оставлял задуманного. Весной 1912 г. он вел переговоры о политехникуме с Кривошеиным и его товарищем П.Н. Игнатьевым⁶. В первый же день работы Четвертой Думы Ключев

¹ [Кизеветтер Е.Я.] Указ. соч. С. 398.

² РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 6. Л. 6. Исходя из собственного опыта, И.С. Ключев определял значение и Государственной Думы, в целом: «В таком случае Государственная дума оказывается очень полезна. Не будь ее, многие бы из таких несчастных остались бы заживо погребенными в отдаленных глухих углах нашего отечества. Теперь же, если предположить, что каждый из 600 членов Думы спасет от гражданской, а иногда даже и настоящей смерти в течение пяти лет своего служения хотя бы по 20 таких несчастных, то и то получится гвардия в 12 тыс. человек, готовых честно и праведно служить своему отечеству» (Там же. Л. 6об.).

³ Там же. Л. 71.

⁴ Там же. Л. 74об.

⁵ Там же. Д. 8. Л. 42-44.

⁶ Там же. Д. 10. Л. 10. Другой самарский депутат М.Д. Чельшев, напротив, всячески противодействовал созданию Политехнического института в родном городе (Там же. Д. 8. Л. 129об.).

жев подошел к министру торговли и промышленности С.И. Тимашеву и обратился к нему по поводу Политехнического института. Обсудив этот вопрос с Тимашевым, Ключев попросил товарища министра народного просвещения М.А. Таубе помочь с организацией женского педагогического института¹.

Журналисты любили ругать депутатов, редко посещавших пленарные заседания. Это была реальная проблема, объяснявшаяся, в том числе, ленью народных избранников. Однако пустым думским креслам имелось и другое объяснение. Много времени тратилось на посещение министерских канцелярий. 1 мая 1913 г. прогрессист А.П. Мельгунов писал графу П.П. Толстому, что он почти все время проводил в ведомственных кабинетах, где отстаивал интересы уфимского земства². Ключев шел в Министерство народного просвещения с «грудой» справок и ходатайств. Он обходил все департаменты и их отделы. Его хорошо знали и встречали очень любезно, были готовы во всем помочь³. Директора департаментов доверительно общались с депутатом, рассказывали последние новости, жаловались на руководство⁴. Как писал Беннигсен, «в Министерстве народного просвещения отделы среднего и особенно начального образования не страдали тем окостенением, которым болели руководители ведомства. В нем сидели сравнительно молодые и живые, у которых всегда можно было найти отклик на местные запросы»⁵. Каждый день Ключев ложился спать в 4 часа утра, вставал в 10 утра. Затем работа в Думе или бесконечные разъезды. Лишь ночью оставалось время для подготовки законопроектов⁶.

Такого рода бесчисленные контакты были тем более важны, что в Думе вертикальные связи были крайне слабы, преобладали горизонтальные. В думских фракциях иерархия не была слишком стро-

¹ Там же. Д. 11. Л. 29.

² Представительные учреждения Российской империи в 1906-1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. С. 368.

³ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 8. Л. 17об.

⁴ Там же. Л. 18. Отношение к депутатам различных фракций со стороны высшей бюрократии часто различилось. Более того, стиль общения с представителями одной депутатской группы со временем тоже менялся. 13 февраля 1911 г. И.С. Ключев, вернувшись после неудачной поездки в некое учреждение, глава которого отказался его принять, констатировал: «Вообще теперь чины правительства относятся к октябристам далеко не так любезно, как раньше, когда они видели в них лиц, сочувствующих их политике» (Там же. Д. 7. Л. 22).

⁵ Беннигсен Э.П. Указ. соч. С. 402.

⁶ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 8. Д. 12. Л. 72.

гой и не всегда имела большое значение. Отсутствие фракционной дисциплины было тотальным. Все депутатские группы (да и партии) находились на грани распада с момента своего создания¹. Они были ненадежным рычагом давления на власть. Таким образом, сила Думы в значительной мере заключалась в беспорядочной, плохо скоординированной деятельности отдельных депутатов, которые довольно быстро «врастали» в сложившуюся до них политическую систему, становясь ее неотъемлемой частью. Это, в свою очередь, ломало привычную жизнь чиновничества, побуждало учиться новому, привыкать к неведомому прежде укладу. Иными словами, Дума – это, конечно, новый институт, новое законодательство, но, прежде всего, это (как отмечалось выше) новый **стиль** политического поведения, который способствовал становлению в России **политического класса**.

Итак, парламентская тактика, органически присущая либералам, а также всем тем силам, которые признали ее вслед за кадетами и октябристами, приносила вполне реальные плоды. Однако признать особую ценность практики в ущерб идеи либералы не могли. Это противоречило идеоцентричности русской интеллигенции². В итоге, в марте 1917 г. они с легкостью пожертвовали Думой, отказав ей в праве даже на временное существование. Они сменили парламентские кулуары на улицы, где были заметно слабее своих «соседей» слева.

¹ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: Механизмы взаимодействия (1906 -1914). М., 2011. С. 167-187.

² Секиринский С.С. «Направленчество» или «внепартийность»: два подхода к изучению русской общественной мысли // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы междунар. науч. конф. М., 2011. С. 99-111.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В УЧЕНИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ: АКТУАЛИЗИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ

Одной из проблем современной демократии признается ослабление принципа разделения властей, связанное с изменением роли массовых коммуникаций, ростом популизма, эрозией парламентаризма и, напротив, усилением исполнительной власти. Классическая модель парламентаризма с ее основными институтами начинает полемически рассматриваться скорее как «миф», нежели как реальная работоспособная конструкция политической системы. Получил распространение тезис о «сумерках конституционализма» и парламентаризма в странах ЕС, его популистском перерождении и растущем «дефиците демократии». Важными аргументами в пользу этих выводов служит констатируемый рост отчуждения эстеблишмента от общества, падение доверия партиям мейнстрима, бюрократизация управления. Следствием становится снижение уровня политической конкуренции, эрозия качества и профессионализма парламентских дебатов, ответственности оппозиции и ее лидеров даже в странах эталонной либеральной демократии².

Все эти тенденции еще более четко представлены в тех регионах мира, которые позже вступили на путь демократического развития, опирались на заимствование западных институциональных моделей, но столкнулись с мощной традиционалистской реакцией на их введение. Этот вывод правомерен для постсоветских государств, балансирующих между двумя крайними состояниями – цветными революциями, когда оппозиция свергает режим и, напротив, ситуацией механической стабильности, основанной на однопартийном доминировании и подавлении «несистемной» оппозиции. В России трудности развития демократии особенно значительны: за все время существования российского парламентаризма – от

¹ Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, профессор, ординарный профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

² Популизм как общий вызов. М., 2017.

первых экспериментов его практической реализации в начале XX в. до настоящего времени не удалось создать работоспособной системы политической конкуренции, правовой ответственности и сменяемости власти. По результатам выборов в Государственную Думу 2016 г. и региональные законодательные ассамблеи правящая партия полностью доминирует в центральном и региональных парламентах, монополизировав законодательную повестку, многопартийность носит во многом имитационный характер, а оппозиция все более маргинализируется. В публичном пространстве оппозиция официально позиционируется исключительно как негативный деструктивный элемент, мешающий стабильному развитию. Еще более критичным является понятие «либеральной оппозиции», которая рассматривается едва ли не как основная причина нестабильности власти, ее внутренних и внешних провалов.

Между тем, очевидно, что работающий парламентаризм предполагает стабильность многопартийной системы, создание единых «правил игры» и чередование у власти правящей партии и оппозиции, воплощающей интересы меньшинства, которое завтра может стать большинством. В России задачу создания конструктивной парламентской оппозиции впервые поставила и стремились решить Партия народной свободы – конституционно-демократическая партия, опыт которой имеет актуальное значение.

Состояние вопроса в политической мысли и историографии

В большой литературе о русском либеральном движении, парламентских институтах и политических партиях понятие «оппозиция» получило широкое распространение как категория политической социологии. Оно имеет два основных значения: широкое – как противодействие, сопротивление (какой-либо политике, чьим либо действиям, взглядам) и более узкое (партия или группа, выступающая вразрез с мнением большинства или с господствующим мнением (парламентская, внутрипартийная оппозиция). С этих позиций говорят об «оппозиционном движении», «либеральной оппозиции», «оппозиционных партиях»¹. Тем более странно отсутствие специ-

¹ Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг.: Организация. Программы. Тактика. М., 1985; Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3-16; Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских ли-

ального внимания к реконструкции точного смысла и этимологии данной категории применительно к анализу парламентской практики начала XX в. и начала XXI в. Достаточно сказать, что мы не находим понятия «оппозиция» или «парламентская оппозиция» в рубрикаторе основных сводных энциклопедических изданий по данной проблематике – о Государственной Думе¹, российской общественной мысли² и либерализме³, хотя там присутствуют другие понятия этого ряда – парламентаризм, политические партии, либерализм и т.д. Не стало это понятие предметом обсуждения и в ходе «Муромцевских чтений»⁴.

Данная лакуна, возможно, объясняется психологическими факторами: в предшествующей советской историографии понятие «оппозиции» имело исключительно негативный смысл, отсылая к подсознательной реакции на отказ следовать за линией большинства; в постсоветский период укоренилось представление о деструктивной роли оппозиции, как правой, так и левой; наконец, понятие «парламентской оппозиции» плохо сочеталось с восприятием российского парламентаризма (во многом вполне обоснованного) как слабого и зависимого института, практики которого едва ли соответствуют классическим моделям парламентаризма. Нет, поэтому, ничего удивительного в том, что исследователи современного российского конституционализма и парламентаризма констатируют общую противоречивость постановки проблемы политической оппозиции как элемента реализации важнейших конституционных принципов (демократии, плюрализма, многопартийности и разделения властей)⁵; тот факт, что в современной России «оппозиция формально не институционализована»⁶; признают, что законодательное регулирование, административная и судебная практика не предотвращают нарушений прав граждан на выражение протестных

бералов в Государственной Думе (1906-1917 гг.). М., 2005; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914-весна 1917 г.). М., 2003.

¹ Государственная Дума России. Энциклопедия в 2-х т. 1906-2006. М., 2006.

² Общественная мысль России XVIII- начала XX века. Энциклопедия. М., 2005.

³ Российский либерализм середины XVIII-начала XX века. Энциклопедия. М., 2010.

⁴ «Муромцевские чтения». Труды (2009-2013). Орел, 2014; «Муромцевские чтения». Труды II (2014-2017). Орел, 2018.

⁵ Основы конституционного строя России: двадцать лет развития. М., 2013.

⁶ Васильева С.В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции. М., 2010. С. 230. См. также: Оппозиция как институт: между юридической нормой и политической практикой // Полития: анализ, хроника, прогноз, 2012, № 2 (65). С. 195-200.

настроений и оппозиционную деятельность¹, делая актуальным обсуждение перспектив трансформации российской политической системы².

Исправление этой ситуации настоятельно требует серьезного внимания к проблеме оппозиции в том адекватном понимании, которое присутствует в странах с развитой парламентской культурой и представлено в русской либеральной традиции. Вопросы парламентаризма, его моделей, российской специфики и тактики либеральных партий рассматривались большой группой теоретиков и деятелей либерального движения конца XIX- начала XX вв. – М.М. Ковалевским, С.А. Муромцевым, П.Н. Милюковым, Ф.Ф. Кошкиным, П.И. Новгородцевым, П.Б. Струве, В.А. Маклаковым, М.Я. Острогорским, Л.И. Петражицким, В.М. Гессеном, С.А. Котляревским, Б.А. Кистяковским, М.М. Винавером, Н.И. Лазаревским, П.Д. Долгоруковым и др. Они обобщили теорию правового государства, мировой опыт парламентаризма, деятельность политических партий, правовое и практическое регулирование парламентских процедур, вопросы стратегии и тактики оппозиционного движения, этики парламентаризма³.

Серьезное внимание обращалось на становление парламентских институтов, партий и положение оппозиции в Великобритании, США, Франции, Германии, Австро-Венгрии и Италии, но также государств, вступающих на путь парламентаризма – Балканских стран, Турции, Японии, Латинской Америки⁴. Немалый вклад внесла практика избирательных кампаний и деятельности конституционно-демократической партии в Государственной Думе четырех созывов, обобщенная в документах съездов, конференций и других материалах конституционного движения, а также мемуарах и архивных документах государственных учреждений и личной переписке. Весь этот массив документов позволяет реконструировать смысл понятий «оппозиция», «парламентская оппозиция», «оппозиционная де-

¹ Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст. М., 2014.

² Медушевский А. Конституция и социальный запрос на изменения в современном российском обществе // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1 (128). С. 21-41.

³ Философия права: П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий и Б.А. Кистяковский. М., 2018; Юристы и революция: Pro et Contra. М., 2017; Медушевский А.Н. Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX-начала XX вв. М.-Берлин, 2015.

⁴ Политический строй современных государств. СПб., 1905-1906. Т. 1-2.

тельность», их основные модификации и динамику интерпретации с течением времени – по мере становления и развития институтов представительной демократии в России начала XX в.

Предстоит выяснить, во-первых, какое место занимала концепция оппозиции в общей культуре русского парламентаризма и как конституционные демократы определяли «оппозицию» и ее задачи; во-вторых, каким образом выстраивались отношения оппозиции и правительства в динамике политического процесса; в-третьих, какие критерии использовались для классификации форм оппозиции и обоснования ее ответственности; в-четвертых, каким образом учитывалась специфика западных форм парламентской деятельности и ее особенностей в российской монархической системе; в-пятых, можно ли реконструировать единый подход к построению оппозиционных парламентских коалиций и соглашений и, наконец, какова практическая значимость этого опыта на современном этапе.

Оппозиция как явление русской парламентской культуры начала XX в.

Для понимания смысла дискуссии о роли оппозиции в период становления российского парламентаризма важно учесть этимологию данного понятия в русской политической лексике. Слово «оппозиция» (лат.) – отсутствует в «Толковом словаре» В. Даля (1881 г.) и в начале XX в. (1905 г.) еще рассматривалось как иностранное, но уже вошедшее в русский язык. Однако, оно понималось чрезвычайно узко – как вообще «противодействие», а «оппозиционный» деятель – как «находящийся в оппозиции, – словом или путем печати – направлению правительственной политики»¹. Позднее, «Энциклопедический словарь» Брокгауза-Ефрона дает более современное и развернутое определение, раскрывая данное понятие как «сопротивление» и различая его политический и астрономический смыслы. В политическом смысле оно означает «противодействие путем печати и агитации в собраниях направлению политики правительства; политические партии, противодействующие политике правительства; часть парламента, включающая оппозиционные партии»².

¹ Словарь научных терминов, иностранных слов и выражений, вошедших в русский язык. Под ред. В.В. Битнера. СПб., 1905. С. 586.

² Малый энциклопедический словарь. Изд. 2-е. СПб., 1908. Т. II. С. 818.

Консолидация русского оппозиционного движения в целом совпадает со становлением парламентаризма после принятия Манифеста 17 октября 1905 г. Вопросы теории и практики российской оппозиции оказались в центре внимания уже в период формирования первых либеральных общественных объединений – Союза земских конституционалистов и Союза Освобождения, идеологи которого, разрабатывая конституционные проекты, обратились к стране с обращением «От оппозиции»¹. Первый съезд конституционно-демократической партии (12-18 октября 1905 г.) решил вопрос о слиянии различных групп (Союза Освобождения и Союза земских конституционалистов) в одну партию, в результате чего, констатировал П.Н. Милюков, возникла «общая оппозиция против существующих порядков и борьба с ними».

Несмотря на легитимность образования партии, вытекающей из «Манифеста» (кадеты были противниками формальной легализации), и ее участия в думских выборах, определение ее деятельности как «оппозиционной» автоматически влекло в тот период (как, впрочем, и сейчас) подозрение в нелояльности со стороны власти. Второй съезд партии (5-11 января 1906 г.), рассматривавший подготовку к выборам в Думу, вынужден был констатировать: «местные представители власти стараются внушить пугливому обывателю, что партии и организации оппозиционные – "нелегальные" и что правительство их не одобряет»; велика, поэтому, опасность неправового вмешательства в их проведение или, говоря современным языком, использование «административного ресурса». В случае подобной фальсификации, однако, «выборы сами собой будут дискредитированы в глазах общественного мнения, и у оппозиции получится могущественное средство борьбы против правительственной Думы». С учетом этой ситуации была выработана тактика либеральной оппозиции: «Если мы не можем стать властью, – говорил Милюков, – это, конечно, худо для дела, как мы его понимаем, но для партии это лучше: лучше для морального влияния на ближайшее будущее. Вот почему партия не должна и не может отказаться от участия в выборах, хотя бы ей даже грозило несомненное

¹ Либеральное движение в России. 1902-1905 гг. М., 2001.

поражение: ей предстоит в этом случае еще более благоприятная роль – политической оппозиции»¹.

Вопрос об отношении либеральной оппозиции к институтам парламентаризма приобретал принципиальное значение в условиях Первой русской революции. Революция без создания институтов представительной демократии – предстает для кадетов «бессмысленной» – подобной «ползучему растению, которому негде пустить корни и не на что опереться» или «лесному пожару, который расползается неудержимо, но оставляет за собой один пепел». Таким образом, оппозиция – не аморфное протестное движение, но его институционализация в парламентских формах. В случае успеха на выборах кадетская партия должна «овладеть положением» и использовать парламентскую борьбу «в общих интересах всей русской оппозиции». На переходный период предлагается «единение между всеми оппозиционными группами», формы которого трудно прогнозировать, а их выбор следует предоставить центральным и местным партийным органам. «Конституционно-демократическая партия в Думе может дать освободительному движению этот недостающий центр и организацию, и в этом ее право туда идти – разумеется, при том условии, что партия не захочет отделять себя от всей оппозиции. Может быть, она окажется единственным представителем оппозиции в Думе»².

Эта роль кадетской партии признавалась всеми, включая ее левых оппонентов: «В политическом отношении, к.-д. партия в настоящее время является партией безусловно оппозиционной и безусловно конституционной, а потому всякий, кто признает действительное утверждение строго конституционного строя в России единственным выходом ее из переживаемого состояния разгрома и разорения, не может быть врагом конституционно-демократической партии», – писал социал-революционер проф. Т.В. Локоть, хотя и отмечал, что в партии заложено зерно противоречия – ее ядро эволюционирует в либерально-конституционную партию, а левое крыло – в радикально-демократическую партию³.

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М., 1997. Т. 1 (1905-1907 гг.). С. 19, 64-67.

² Там же. С. 113, 183-184.

³ Локоть Т.В. Политические партии и группы в Государственной Думе. М., 1907. С. 304.

Оппозиция и правительство: альтернативные стратегии выстраивания отношений

Предметом осмысления стала стратегия конституционных демократов в Думе, как в условиях обретения парламентского большинства, так и его утраты. Альтернативные варианты оппозиционной стратегии в отношении власти включали конструктивный и радикальный типы поведения.

Первый заключался в выстраивании рабочего взаимодействия с правительством и институтами государственного управления на основе установленных законодательством формальных рамок компетенции и взаимодействия, но одновременно предполагал давление парламентского большинства на правительство для стимулирования законодательных преобразований. В Первой Думе кадеты, обретя «парламентское большинство», не перестали от этого быть «партией оппозиционной». Данное положение, оценивавшееся как «ненормальное» с позиций функционирующих парламентских режимов, отнюдь не было таковым в условиях ограниченного статуса формирующегося российского парламентаризма. Этим объясняется внимание к разработке особого регламентационного документа – Наказа Государственной Думы, цель которого состояла в создании четких правил и процедур парламентской работы, уравнивании прав правящей партии и оппозиции, обеспечении независимой роли спикера – Председателя Государственной Думы в разрешении конфликтов. В составлении проекта документа принимали участие лучшие юристы и политические мыслители того времени – С.А. Муромцев и М.Я. Острогорский¹, а в дальнейшем эта работа велась Комиссией под председательством В.А. Маклакова, в том числе – на межфракционной основе².

Второй вариант стратегии – конфронтационный: он означал отказ от принятия этих рамок с целью зафиксировать различие позиций власти и ее оппонентов и стимулировать изменения в законодательстве. Взяв за отправную точку «яркое оппозиционное настроение общества», предполагалось направить усилия народного представительства на его «немедленное и полное моральное

¹ Муромцев С.А. Внутренний распорядок Государственной Думы. Наказ Государственной Думы. Главы I-III) и временные правила. Проект остальных глав наказа. М., 1907.

² Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия I (1907-1908). СПб., 1908. С. 183-184.

удовлетворение, не считаясь с теми формальными пределами, в которых вообще поставлена деятельность народного представительства, и с теми препятствиями, которые специально поставлены на пути первого представительства России». Обращение к этой стратегии, как отмечал третий съезд партии (21-25 апреля 1906 г.), зависело от установок власти, тестирующей «положение, созданное победой оппозиции», с целью «принять соответствующие меры для встречи правительства с Думой», и прогнозирования перспектив отношений оппозиции и власти, поскольку «торжество оппозиции было, очевидно, полной неожиданностью для правительства – и застало его врасплох»¹. Осуществление данной стратегии увязывалось с расшифровкой мандата, данного избирателями – поддерживают ли они собственно кадетскую программу или желают, скорее, выразить общий протест системе – «создать в Государственной Думе сплоченную оппозицию против существующего, ненавистного всем, правительства»².

Особый, третий, вариант стратегии, который можно назвать «оборонительным», связан с оппонированием власти, нарушившей собственные установленные конституционные «правила игры», идя на их неправовой пересмотр или полный отказ от них. В условиях неустойчивого конституционализма, характеризующегося наступлением правительства на парламентаризм и избирательную систему, возникает соблазн перехода оппозиции к неконституционным методам. С этой проблемой современное общество сталкивается в ситуации так называемых «цветных революций», которые (в отличие от настоящих социальных революций) своим приоритетом выдвигают именно защиту конституционного строя от нарушений со стороны власти, хотя на практике часто переходят к насильственным формам «прямого действия». Поворотным пунктом для либеральной оппозиции стал насильственный роспуск правительством Первой Думы. Ответом либеральной оппозиции стало, как известно, Выборгское воззвание 10.07.1906 г., констатирувавшее нарушение конституции и выдвигавшее ряд мер, направленных на мобилизацию общественной поддержки для восстановления конституционно-

¹ Милюков П.Н. О тактике партии в Государственной Думе // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1 (1905-1907 гг.). М., 1997. С. 211, 216.

² Корнилов А.А. О внутрипарламентской деятельности партии // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 266.

го порядка (отказ от уплаты налогов и службы в армии). Обсуждавший этот вопрос специально четвертый съезд партии (24-28 сентября 1906 г.) взвесил аргументы доклада Милюкова «О предстоящей деятельности партии в связи с роспуском I Думы».

Основная дилемма заключалась в том, чтобы, с одной стороны, довести до общества критическую оценку действий правительства, но, с другой, не допустить выхода ситуации за рамки правового поля. Констатировалось, что воззвание было конституционным шагом, однако выполнение его требований населением (в первую очередь, крестьянами) может пойти дальше его «прямого смысла», ведя к смене конституционных лозунгов революционными. Данное обсуждение интересно четким пониманием той тонкой грани, которая отделяет правовое решение от неправового, и осознанием ответственности за этот выбор. Кадеты – и следует отдать должное их последовательности – этой грани не перешли, осудив правительство, но признав «невозможным практическое осуществление Выборгского воззвания в настоящее время»¹. В резолюции о партийной тактике был выработан новый термин – «пассивное сопротивление», которое определялось как «наиболее действительная форма противодействия тем актам, которые, по существу, являются посягательством на права народного представительства»². Этот подход определил тактику партии в Думе: «из двух путей – революционного или парламентского – партия выбрала последний»³.

Выбор стратегии парламентской оппозиции, следовательно, теоретически зависел от ряда факторов – степени общественной поддержки, наличия или отсутствия большинства в парламенте, готовности правительства к сотрудничеству с оппозицией или, напротив, отсутствия таковой, а главное – оценки конституционных перспектив любых оппозиционных акций – в парламенте и за его пределами.

¹ Милюков П.Н. О предстоящей деятельности партии в связи с роспуском I Думы // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 363-365.

² Постановления четвертого съезда конституционно-демократической партии (о тактике партии) // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 382.

³ Набоков В.Д. Деятельность партии народной свободы в Государственной Думе 27 апреля-8 июля 1906 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 396.

Формы оппозиционной деятельности: ответственная и безответственная оппозиция

Позиционируя себя как партию центра, конституционные демократы искали формулу партийных соглашений, способную поддержать стабильное функционирование парламентаризма. Констатировался порочный круг взаимодействия правой (антиконституционной) и левой (безответственно-радикальной) части политического спектра. Его механизм, следуя логике пятого съезда партии (24-27 октября 1907 г.), – маятниковые колебания вызовов и ответов, общим результатом которых становилось ослабление института парламентаризма. С одной стороны, правые провоцируют «революционность Думы», с другой, левые облегчают эти провокации, отрицая «буржуазный конституционализм» и рассматривая его как инструмент борьбы с правительством. Результатом становится «паралич конституционного центра»: «жало борьбы отвлечено в другую сторону» – вместо «борьбы оппозиции за власть» имеет место «борьба представительства за существование»¹.

В основе классификации форм оппозиции лежали, поэтому, не столько идеологические различия, сколько отношение к институту парламентаризма. На основе данного критерия выделялось два типа – «ответственная» и «безответственная» оппозиция. Первая (к которой кадеты относили свою партию) видела в Государственной Думе «высший государственный орган, обладающий точно определенной в законе долей верховной власти», а цель работы усматривала в «активном участии в ее законодательной работе». Второй тип оппозиции – «безответственной» (или «безответственного меньшинства») – рассматривал Думу как «средство для подготовки внедумских выступлений», т.е. чисто инструментально. Этот тип оппозиции включал крайние левые и правые группы депутатов, общим признаком которых было отрицание парламентаризма с позиций экстремизма. Никакого компромисса между этими двумя типами оппозиции не допускалось, поскольку парламентская деятельность рассматривалась конституционными демократами «в качестве главной и основной, одинаково противопоставляя ее и агитационным целям левых, и конспиративной деятельности правых».

¹ Отчет о деятельности парламентской фракции партии народной свободы во II Государственной Думе // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 589.

«Первой и важнейшей задачей, которая станет перед парламентской фракцией», считали лидеры кадетов, является «борьба за самое существование народного представительства» – Думы, которую предстояло защищать от атак, как справа, так и слева¹.

Всем попыткам противостоять этому размежеванию оппозиционных стратегий внутри кадетской партии противопоставлялась жесткая трактовка парламентской этики, исключавшая прагматическую трактовку ответственности. Некоторые, действительно, ставили вопросы – «не лучше ли и нам перейти на эту безответственную позицию?» и «не уйти ли и совсем из Думы?». При ответе на них подчеркивалось, что в основе стратегии либеральной оппозиции лежит не приоритет прагматических результатов, но воспитание общества – «то настроение, которое создается в стране в результате думской деятельности». Эту «ответственность, которая на нас лежит, вовсе не так легко сбросить, как кажется»².

В условиях роста социальной и политической поляризации основные усилия были направлены на поддержание единства либеральной оппозиции. В рамках либеральной части политического спектра констатировалось растущее размежевание двух тенденций – «демократической» (не приветствующей революцию, но и не исключающей ее) и «умеренно-либеральной» (однозначно отвергающей революционный сценарий), на фоне которого «кадеты должны сохранять свое лицо» – добиться компромисса «в интересах успеха дела»³. Другой линией размежевания признавалось разделение оппозиционных структур столичных центров (где стояла задача «сплотить, хотя бы с информационными целями, отдельные оппозиционные группы в объединенную организацию») и провинции (где «партийные различия уже утратили свою остроту, большинство серьезных общественных вопросов решается в совещаниях всех прогрессивно настроенных элементов общества»). Понятие «объединение» получало конкретное разъяснение – этот термин истолко-

¹ Милуков П.Н. Доклад Центрального Комитета V съезду партии народной свободы о тактике в III Государственной Думе // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 638-639.

² Протоколы совещания парламентской фракции партии народной свободы с представителями местных групп партии 11-13 ноября 1909 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2 (1908-1914). М., 2000. С. 201.

³ Протоколы заседания конференции членов парламентской фракции конституционных демократов с участием ЦК и членов партии кадетов 23-25 марта 1914 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 511.

вывался кадетами «не в смысле слияния с потерей собственной индивидуальности, а в смысле заключения союза с определенными целями и на определенных основаниях»¹.

В период Первой мировой войны данные основания включали объединение «сознательных оппозиционных сил страны» с целью «сосредоточения оппозиционного настроения», как в центре, так и на местах «среди широких слоев населения» и мобилизации «общественных сил». Достижение единства такого «народного фронта» усматривалось в сочетании национального подъема («общее отношение к победе»); демократического движения – к «смене власти»; и инструментов – принятия исключительно «парламентских средств борьбы». Данная стратегия предполагала критику правительства уже «не с точки зрения партийной или оппозиционной, а с точки зрения интересов того великого общенационального дела ведения войны, всевластным распорядителем которого являлось правительство»².

Либеральная оппозиция в условиях реальных и имитационных форм парламентаризма

Актуальным вопросом программы оппозиции является отношение к имитационным формам конституционализма и парламентаризма, получившим название «мнимого конституционализма» или «лжеконституционализма». К решению проблемы кадетской партии пришлось обратиться при оценке системы, возникшей после переворота 3 июня 1907 г. (ропуск II Думы и принятие нового избирательного закона): если система перестала быть конституционной, – то невозможен парламентаризм, а оппозиция утрачивает характер парламентской, если не перестала, – то оппозиция сохраняет потенциал правового воздействия на правительство. При обсуждении вопроса в Думе (адреса царю) правые настаивали на использовании термина «самодержавие», но он был отвергнут «соединенными голосами октябристов и оппозиции». Фактически была избрана позиция, заключающаяся в четком противопоставлении конституции

¹ Доклад Московского отделения ЦК конференции к 23 марта 1914 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 604.

² Корнилов А.А. Отчет о деятельности Центрального Комитета конституционно-демократической партии за 8 лет (с конца 1907 г. по конец 1915 г.) // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1 (1915-1917 гг.). М., 2000. С. 229.

реставрационным тенденциям политического режима. На заявление министра финансов: «У нас парламента, слава Богу, еще нет», Милюков отвечал: «Слава Богу, у нас есть конституция»¹.

Эта концепция включала ясное понимание эрозии непрочных парламентских гарантий, но, одновременно, подчеркивала необходимость отстаивания их в конституционных формах. Сохранение этих форм, как предполагалось (1908 г.), – это та основа, которая позволяет преодолеть партийные разногласия, «тонущие в общем оппозиционном настроении»². Идея заключалась в том, чтобы предъявить русскому и иностранному обществу «оппозицию всем фронтом, показать, что в России конституцией заинтересованы все влиятельные партии», что предполагало демонстрацию единства «представителей всех крупных думских партий». Однако, создание консолидированной многопартийной оппозиции оказалось трудным делом, ввиду того, что парламентаризм как ценность не принимали сторонники правого и левого флангов политического спектра: «первые, как сторонники неограниченного самодержавия, вторые – как идущие слишком влево»³.

В условиях возрастающей политической изоляции и невозможности создания коалиции на парламентской платформе, либеральная оппозиция столкнулась (не в первый и не последний раз в истории) с необходимостью выработки особой тактики в отношении монархического режима. Данная тактика включала апелляцию к тем аспектам легитимности монархического принципа, которые были теоретически совместимы с сохранением конституционных гарантий. Выступая от имени всей русской оппозиции в Великобритании, Милюков сформулировал эту идею следующим образом: «Мы, представители оппозиции, хотели бы, чтобы права Думы были значительно расширены, чтобы избирательное право было демократизировано и чтобы вся система политических учреждений была приведена в гармонию, при которой была бы возможна полезная законодательная работа. Но до тех пор, пока в России существует зако-

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 83.

² Протоколы совещания фракции народной свободы III-й Государственной Думы с представителями местных групп партии 1 и 2 июня 1908 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 15.

³ Протоколы совещания парламентской фракции Партии народной свободы с представителями местных групп партии 14-15 ноября 1909 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 172.

нодательная палата представителей с правом контролировать бюджет, русская оппозиция останется оппозицией Его Величества, а не Его Величеству». Эта теоретическая конструкция основывалась на представлении русской политической системы как своеобразного аналога английской парламентской монархии, принцип суверенитета в которой определялся формулой «король в парламенте». Данная трактовка российской системы включала три значимых элемента: во-первых, констатацию незавершенности политической трансформации в направлении парламентаризма и указание на направление движения (расширение прав Думы); во-вторых, признание условности поддержки режима оппозицией (формула – «до тех пор, пока» сохраняется разделение властей по главному – бюджетному вопросу) и, в-третьих, признание возможности конструктивного сотрудничества с властью на этих условиях (как лояльной оппозиции).

При обсуждении данной формулы на внутривнутрипартийной дискуссии критики обращали внимание именно на те ее стороны, которые шли вразрез с действительностью российского политического режима. Прежде всего, констатировалось отсутствие единого видения проблемы представителями власти и оппозиции – «мы можем быть оппозицией Его Величества, когда сама верховная власть захочет стать к нам в эти отношения», в противном случае – возникает впечатление сдачи позиций, – «как будто мы целовали розгу, которой нас секут». Далее, обращалось внимание на неготовность «интеллигентного общества» – российского и иностранного, – пойти на уступки в вопросе, являющемся основным смыслом борьбы с режимом. Наконец, подчеркивалась неготовность самодержавия встать на путь парламентаризма и сотрудничества с либеральной оппозицией: «Раз мы называем себя оппозицией Его Величества, то мы можем надеяться на известный минимум лояльности со стороны Монарха и по отношению к оппозиции. А что мы видели до сих пор? Роспуск I-й Думы, coup d'etat 3 июня 1907 г., вторжения в сферу основных законов». Компромисс был достигнут перенесением вопроса в плоскость теоретического решения проблемы, выдвинутую П.Д. Долгоруковым: «Исповедуя конституционно-демократический строй, мы, действительно искренно стремимся при критике действий и теперешнего направления правительства быть оппозицией Его Величества», но полное осуществление этих

устремлений оппозиции «возможно лишь при незыблемости основных законов и соблюдении конституционных гарантий, данных 17 октября»¹.

Неготовность сторон – власти и либеральной оппозиции в режиме мнимого конституционализма – к диалогу на конституционно-правовой основе и принятию принципов парламентаризма – стала одной из причин институционального срыва всех попыток создания ответственного правительства «общественного доверия», способного вывести страну из революционного кризиса².

Доктрина оппозиционных парламентских коалиций и соглашений

«Положение строго парламентской партии» в условиях ослабления либеральной оппозиции предполагало выработку кадетами доктрины допустимых коалиций и соглашений. Они обсуждались в отношении умеренных партий правой и левой направленности, но исключительно в интересах стабилизации реформационного курса.

Одни считали, что в условиях «цезаризма и монархического демократизма» допустимы любые тактические союзы – «если для наших целей будет надо, то мы будем голосовать не только с правыми, но даже с чертовой матерью». Была, как известно, выдвинута идея о том, что у кадетов «нет врагов слева». Вопрос о коалициях предлагалось решать в рамках германского опыта «беспринципных» коалиций: «ведь и такие антиподы, как Бисмарк и Лассаль, умели вместе идти, причем каждый это делал исключительно в собственных интересах», причем «оба оказались правы». Следуя этой логике, конституционная оппозиция должна «развивать противоречия между другими партиями»³.

Другие, напротив, исходили из того, что масштаб соглашений определяется идеологическими и моральными, а не чисто тактическими приоритетами. В рамках этой логики «должен быть рассмотрен вопрос о соглашениях: возможны ли какие-нибудь соглашения, с кем именно и до каких пределов?». Соглашения с левыми парти-

¹ Протоколы совещания парламентской фракции Партии народной свободы с представителями местных групп партии 14-15 ноября 1909 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 175-177, 185-188.

² Милюков П.Н. Три попытки (К истории русского лжеконституционализма). Париж, 1921.

³ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 212.

ями однозначно отвергались в силу их негативного отношения к парламентаризму (в котором они усматривали не цель, но лишь инструмент влияния). Рекомендовалось «строить тактику так, как это делает всякая сильная оппозиция, надеющаяся сделаться большинством». В этой перспективе обсуждалась, в частности, возможность союза с частью правых элементов – против «крайне правых» – «то, что немцы называют термином *Abwehrmehrheit* – «оборонительное большинство», с целью защиты от покушений на право народного представительства». Частью дискуссии стало определение позиции в отношении к «попутчикам» по конституционной борьбе, исходя из предположения, что «многие *mittläufer*’ы октябристской партии, поверившие первоначально либеральным фразам, могут подать свои голоса за конституционных демократов». С этих позиций на заседаниях ЦК партии кадетов детально обсуждались перспективы тактических соглашений с прогрессистами, октябристами, и даже левыми, с позиций «сохранения партийной чистоты», определения того, «насколько целесообразны могли бы быть соглашения», не являясь ли они «*faux pas*» и «в каком положении будет оппозиция»¹.

Эволюция партии октябристов, которые рассматривались, то как противники, то как сторонники парламентаризма, вызвала противоречивые реакции, – от тезиса о «безнадежности» взаимодействия, до поиска «общих точек соприкосновения в думской деятельности» и обсуждения коалиции с ними – особенно, на уровне непубличных оценок. В условиях консервативного поворота режима (1908 г.) правые кадеты исходили из «неизбежности» того, что октябристы «превратятся из партии правительственной в оппозиционную и вступят в блок с кадетами и прогрессивными». «Пусть говорят, – считали они, – что это оппозиция «по-турецки», т.е. с согласия правительства», на деле – «это начало образования либеральной буржуазии, той самой, которая до сих пор была так слаба и которая непременно должна бороться за свою власть». В.А. Маклаков выдвинул даже тезис о разных видах оппозиции (2012 г.): он «всегда думал», что октябризм как «либерализм», в отличие от кадетского радикализма и демократизма, не только необходим, но и является обязательным условием успешного развития конституции.

¹ Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. Т. 2 (1912-1914 гг.). М., 1997. С. 30, 82-83 и др.

Гучков как оппозиция для него «внушительнее и сильнее Милюкова»¹. Этот спор актуален сегодня: можно ли принять в качестве оппозиции ту, которая действует по согласованию с властью или создана ею в манипуляционных целях? И при каких обстоятельствах декоративная оппозиция может стать реальной?

Выработка формулы парламентских коалиций вынуждена была считаться с фактором направленного влияния на них со стороны правительства, породив явление «конституционного оппортунизма». На этот феномен указывал С. Витте, предложивший его социологическое объяснение. П.А. Столыпин, по его словам, – «не мог удержаться на скользком пути игры в честный либерализм» и пожертвовал «своими quasi-либеральными и конституционными убеждениями». Давление правых на бюрократию «действовало на оппозицию и на более или менее либеральную часть печати». Результатом стал новый слой парламентариев – «народившийся после 17 октября препротивный тип русских конституционных оппортунистов, не имеющих за собою ни опытности и знаний бюрократов, ни убеждений истинных либералов и крайних левых, страдающих за свои убеждения, ни, наконец, честности правых и даже крайне правых, откровенно высказывающих и проводящих свои убеждения, хотя часто весьма дикие»².

В канун революции 1917 г. происходит размежевание традиционной парламентской и новой – мобилизационной – концепции оппозиционности. Если партийный центр по-прежнему видел смысл оппозиции в «парламентской борьбе с правительством», то основная масса региональных организаций считала необходимым «перенести центр тяжести в организацию масс, в сближение с левее стоящими политическими группами, в более решительной борьбе с правительством не только на парламентской почве, но и при посредстве всевозможных общественных организаций»³.

В условиях войны и социально-политического кризиса парламентаризм утрачивает легитимность, возникает феномен «бес-

¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906-1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 104, 108, 306-308.

² Витте С. Воспоминание. Полное издание в одном томе. М., 2017. С. 1144-1145.

³ Донесения начальника Московского охранного отделения директору Департамента полиции об октябрьской конференции к.д. партии 1916 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 357.

сильной оппозиции при бессильном правительстве»¹, отражающий вакуум власти и радикализацию протеста. Но такая постановка вопроса означала «самоубийство» парламентской оппозиции – коренное изменение стратегии в направлении повестки «демократической» (а не «конституционной») революции, не исключающей принятия лозунгов «безответственной» левой оппозиции.

Об актуальности нового прочтения классики российского парламентаризма

С учетом циклической динамики российского конституционализма, включающей взлеты и падения интереса общества к парламентаризму, можно предположить, что обращение к этой проблематике станет делом не столь отдаленного будущего. В этом случае проблема политической оппозиции и все связанные с ней вопросы приобретут не только академический, но и острый практический интерес. Содержательный ответ на него предполагает не экспрессивные и запоздалые попытки механической трансплантации западных институтов и практик (как это часто бывало ранее), но серьезный сравнительный анализ их функционирования в прошлом и настоящем в перспективе эффективности и сбоев в конкретной политической ситуации.

Культура парламентаризма, начавшая формироваться в России на рубеже XIX-XX вв., ставшая закономерным итогом и частью русского либерального движения, выработала теоретические подходы, стилистику и практические рекомендации для адекватного понимания роли и значения парламентской оппозиции как легитимного института политической конкуренции. Оригинальность вклада русской конституционно-демократической мысли заключается в выяснении того, каким образом парламентские институты и практики, выработанные классическими демократиями, могут функционировать в политическом режиме переходного типа – с учетом таких факторов как пассивность населения, слабость политических партий (или даже их отсутствие как стабильных участников политического процесса), влияние на эту трансформацию традиционалистских авторитарных институтов власти.

¹ Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 273.

В этом контексте чрезвычайно актуальными выглядят следующие компоненты либерального учения об оппозиции: четкое выстраивание конституционно-правовых и политических рамок деятельности оппозиции, взаимодействие которых определяет ее потенциальный вклад в становление демократической системы; различие стратегий оппозиционного движения на стадии подъема протестных настроений и их упадка в обществе; выработка методов канализации этих настроений в парламентское русло для предотвращения деструктивного (революционного) выражения протеста. В этом отношении принципиально разделение оппозиции на ответственную и безответственную, рассматривающую парламентаризм не как цель, но как средство неправового захвата власти.

В рамках конституционного подхода важны рекомендации по созданию прозрачных регламентарных правил и процедур взаимодействия партий большинства и оппозиции в Думе с обеспечением гарантии их неукоснительного исполнения и разрешения конфликтов независимым спикером; выстраивание различных моделей взаимоотношения с правительством и государственными институтами в рамках разделения властей и с учетом неформальной политической практики режима; выработка механизмов противодействия неконституционным действиям правительства конституционными средствами, в том числе – моральной апелляцией к обществу в виде «пассивного сопротивления».

Особую практическую значимость в условиях политической стагнации имеет выработанный инструментарий оппозиционной деятельности в системе мнимого конституционализма, когда формальные нормы не отменяются, но власть перестает считаться с ними на практике, апеллируя к традиционалистским стереотипам, ограничениям информационного пространства, имитации парламентских дискуссий, создавая особый класс «парламентских оппортунистов» либо «карманную» оппозицию для противодействия реальной.

Самостоятельное значение имеет доктрина (возможно, не столь четко зафиксированная, но вполне представленная на практике) оппозиционных коалиций и соглашений, позволяющая решать вопросы соотношения парламентской и внепарламентской деятельности, ее ответственной и безответственной форм, принципиальных и тактических соглашений, допустимых и недопустимых

альянсов, отношения к «попутчикам», критериев объединения оппозиции с потерей или сохранением лица, т.е. обращения к тем темам, которые не могут быть жестко формализованы, зависят от обстоятельств и должны, поэтому, регулироваться разумом, политическим инстинктом и этическими принципами.

К сожалению, эти подходы оказались лишь в минимальной степени осмыслены и применены в условиях постсоветского переходного периода, а новейшая трансформация политической системы не привела к созданию полноценной парламентской конкуренции и институционализации оппозиции как ее неотъемлемой части. Если России суждено двигаться в направлении парламентаризма, идеи конституционных демократов вполне могут стать отправной точкой размышлений об ответственной парламентской оппозиции.

В.В. Вострикова¹

КОНЦЕПЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ТЕОРИИ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА НАЧАЛА XX В.

Одним из ключевых элементов либеральной модели переустройства России, разработанной в начале XX в., была система представительства, ибо, по убеждению либералов, именно представительная власть призвана была сыграть ведущую роль в создании нового правового пространства в России и тем самым выступить в качестве главного рычага системного реформирования страны. Разработка принципов формирования и функционирования российского парламента осуществлялась либералами на основе критического осмысления достижений западной государственведческой науки, а также с учетом зарубежного политического опыта. Отсюда глубина теоретической проработки проблемы, что, несомненно, является существенным вкладом в развитие российской и мировой общественной мысли. Наряду с научно-теоретической значимостью, либеральная концепция представительной власти имеет и прикладную ценность, поскольку в условиях становления совре-

¹ *Вострикова Влада Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Математика, информатика и общегуманитарные дисциплины» Орловского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.*

менного российского парламентаризма многие ее положения могут быть востребованы на практическом уровне.

Начавшийся в 1990-е гг. качественно новый этап в изучении и осмыслении истории российского либерализма привел к появлению целого пласта разноуровневых работ, в которых в той или иной мере получила освещение позиция либералов в отношении различных аспектов формирования и функционирования представительного органа власти. Во-первых, это исследования, посвященные анализу общественно-политических взглядов, государственно-правовых концепций видных деятелей либерального движения¹. Во-вторых, это работы, рассматривающие взгляды либеральных мыслителей в проблемной плоскости, прежде всего либеральную концепцию правового государства, а также исследования, в которых анализируются программные документы российского либерализма². Сюда же следует отнести работы, предметом исследования которых выступает законотворческая деятельность российских либералов в Государственной Думе I-IV созывов³. И, наконец, это исследования концептуального характера, предлагающие системный анализ либеральной модели переустройства России начала XX ве-

¹ Аронов Д.В. Первый спикер: опыт научной биографии Сергея Андреевича Муромцева. М., 2006; Илюшин В.А. Юридическая концепция В.М. Гессена. Дисс. на соиск. уч. степ. к.ю.н. СПб., 2003; Комнатная Ю.А. Политико-правовые воззрения М.М. Ковалевского. Дисс. на соиск. уч. степ. к.ю.н. Саратов, 2002; Медушевский А.Н. Ф.Ф. Кокошкин и теория правового государства в России // Мир России. 1997. № 3; Фролова Е.А. Политическое и правовое учение П.И. Новгородцева. Дисс. на соиск. уч. степ. к.ю.н. М., 1996; Цветкова О.В. Эволюция взглядов В.М. Гессена и С.А. Котляревского на становление парламентаризма в России. Дисс. на соиск. уч. степ. к.п.н. Ульяновск, 2010; Шелохаев С.В. Д.Н. Шипов: личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010 и др.

² Аронов Д.В., Садков В.Г. Либеральные проекты Основного закона России (историческая эволюция, опыт и перспективы построения модели). Орел, 2005; Мамитова Н.В. Либеральные концепции конституционного государства в России, конец XIX-начало XX века. Дисс. на соиск. уч. степ. к.и.н. М., 1997; Никищенкова М.А. Идея правового государства в русской либерально-правовой мысли конце XIX-начала XX вв. Историко-правовой и теоретико-методологический аспекты. Дисс. на соиск. уч. степ. к.ю.н. Казань, 2002; Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015, Российский либерализм середины XVIII-начала XX вв. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010 и др.

³ Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906-1917 гг.) М., 2005; в данной работе представлен подробный историографический обзор проблемы, с. 10-77; Соловьев К.А., Шелохаев В.В. История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества. М., 2013.

ка, а также конституционализма как целостного явления мирового и российского исторического процесса¹.

В настоящей статье, исходя из историографической ситуации, предпринимается попытка анализа либеральной концепции представительной власти, что, в свою очередь, предполагает рассмотрение общетеоретических воззрений отечественных либеральных мыслителей в отношении генезиса института представительства, структуры, принципов формирования представительного органа власти, его роли и функций в политической системе.

Данными задачами обусловливается источниковая база работы. Это труды виднейших представителей российского либерализма по государственному праву; либеральные проекты Основного закона Российской империи и сопутствовавшие их разработке материалы; документы, относящиеся к программатике либеральных партий; мемуары и публицистические работы либеральных деятелей.

Осмысление института представительной власти как политического феномена, по мнению либералов, невозможно без исследования ее генезиса. Углубленно занимавшийся изучением данной проблемы на основе использования сравнительно-исторического метода М.М. Ковалевский пришел к выводу, что в западноевропейских странах корни представительных порядков следует «искать в оригинальной организации феодальной системы и в присущем ей договорному характере»². Пробразом представительных органов здесь явились феодальные советы, существовавшие при каждом сюзерене, которые постепенно трансформировались в сословные представительства. Однако в дальнейшем, отмечал либерал, на фоне протекавших параллельно тенденций усиления сословной розни и, во многом за счет этого, укрепления королевской власти, сословная монархия уступила место абсолютизму. Возрождение представительных порядков, указывалось Ковалевским, произошло

¹ Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Он же. Либерализм в России в начале XX века. М., 2019; Модели общественного переустройства России. XX век. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004; Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. Он же. Диалог со временем: Российские конституционалисты конца XIX-начала XX вв. М., 2010.

² Ковалевский М.М. Общее конституционное право. Лекции, читанные в СПб университете и Политехникуме. 1907/ 08. СПб, 1908. С. 19.

в европейских странах в Новое время, причем уже на качественно иной основе – с привлечением в парламент представителей различных слоев населения. Переход от сословного представительства к народному, по мнению либералов, был объективной политической потребностью. Как указывал С.А. Котляревский, он был связан с усложнением государственной жизни и неспособностью бюрократии справиться с разрешением новых государственных задач. «Не способная к законодательной работе, которая отражала бы общественные потребности, бюрократия, – писал либерал, – начинает заботиться об охране своей власти от посягательств со стороны общественных элементов»¹. Действия власти все более приобретают характер насилия, но это не только не способствует повышению эффективности управления, а, напротив, вносит еще большую дезорганизацию и в центре, и на местах. В такой ситуации, по мнению Котляревского, единственным выходом является призыв народных представителей к законодательной работе, ибо вне тесного взаимодействия власти с обществом поступательный ход государственной жизни невозможен.

Однако всегда ли сам народ готов к сознательному участию в государственных делах? Отвечая на этот вопрос отрицательно, российские либеральные деятели отмечали, что момент готовности наступает, «когда не отдельные лица, а целые группы, разнообразные по социальному положению, с разными, часто противоположными материальными интересами, из разных мест страны единогласно высказываются за то, что время настало. Нация, в своих сознательных частях желающая представительства, созрела для него»². Либеральные мыслители были глубоко убеждены, что в России такая ситуация сложилась на рубеже XIX - XX вв.

Возникновение народного представительства расценивалось отечественными либералами как знаковое событие в политической жизни любого государства, как своеобразный показатель превращения государства абсолютистского в конституционное (правовое). Либералы признавали народное представительство самым существенным, «общим и необходимым элементом» правового государства³. Именно этот властный орган, по мнению Ф.Ф. Кокошкина, вы-

¹ Котляревский С. А. Совецательное представительство. Р/н/Д. 1905. С. 6.

² Там же. С. 9.

³ Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 118.

ступал важнейшей гарантией правомерности государственной власти, поскольку, являясь высшим законодательным органом, обеспечивал соответствие создаваемого государством права (закона) первоисточнику всякого права – народному правосознанию¹. Котляревский характеризовал народное представительство как орган, в котором совершается политическое самоопределение нации, т.е. реализуется возможность народа активно влиять на ход политической жизни². Однако это вовсе не означало, что либералы считали даже самым демократическим образом сформированное народное представительство абсолютно адекватным выразителем народной воли. Никакое представительное собрание не сможет выразить волю народа так же, как сам народ, указывал П.И. Новгородцев, и, если подходить к оценке представительного правления с позиции его соответствия идее народного суверенитета, то представительную систему «можно было бы подвергнуть самой жесткой критике и отвергнуть ее правомерность»³. По убеждению мыслителя, нравственную силу народное представительство «черпает не в предположении точного воспроизведения народных желаний», а в том, что оно является органом, в котором «из совокупности разнородных и часто противоречивых» интересов различных социальных групп кристаллизуется общественное мнение⁴. Только общественное мнение, с точки зрения Новгородцева, есть, с одной стороны, сила, способная заставить власть имущих вести действенный диалог с обществом, а, с другой, необходимое условие их сотрудничества, ведь для проведения политического курса на разрешение насущных общественных проблем власть, по меньшей мере, должна их ясно услышать. Помимо того, народное представительство рассматривалось либералами как единственная реальная гарантия соблюдения государством прав личности, ибо, отмечал, в частности Котляревский, иных гарантий неприкосновенности личных гражданских и политических прав исторический опыт не знает, «никогда самые просвещенные и нравственные бюрократии не могли их дать народам»⁵.

¹ Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 262.

² Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб, 1907. С. 9, 102.

³ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 118.

⁴ Там же.

⁵ Котляревский С.А. Совещательное представительство... С. 6.

Иначе выстраивалась модель взаимоотношений народного представительства и власти, прежде всего в лице монарха, у Д.Н. Шипова. Считая народное представительство «необходимым условием живого единения государственной власти с населением», либерал настаивал, что плодотворное взаимодействие власти и народного представительства возможно лишь при моральной их солидарности, при сознании и выполнении обеими сторонами лежащего на них нравственного долга, т.е. при том условии, что в основе их взаимодействия будет лежать «не столько идея правовая, сколько идея этико-социальная»¹. Для Шипова несомненно ошибочной была посылка о противоречии интересов власти и населения и вытекающее отсюда утверждение о постоянной борьбе монарха и народного представительства за расширение собственных прерогатив в ущерб другому субъекту власти. Отношения между ними, настаивал Шипов, должны создаваться «не во имя разделения их прав, а во имя сознания необходимости разделения и наилучшего выполнения лежащих на них обязанностей перед государством, в целях постепенного осуществления в жизни идеалов добра и правды»². Только в этом случае, писал он, «народное представительство сможет явиться выразителем соборной совести народа и сосредоточить все свое внимание на уяснении и удовлетворении материальных и, что еще важнее, духовных потребностей населения»³. В размышлениях Шипова налицо идеализация как монархической, так и представительной власти, однако нравственное воздействие представительного образа правления на население признавалось всеми либералами. Так, по словам Котляревского, существование выборного народного представительства формирует у граждан чувство сопричастности происходящему в государстве, тем самым, продолжал С.А. Муромцев, в общественном сознании власть и государство в целом перестают рассматриваться как нечто чуждое и враждебное, становясь «предметом народного дела»⁴. Большинство населения начинает верить в государственность «как в оплот своих прав и в источник нелицемерных забот о

¹ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 146.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 6; Муромцев С.А. Наброски // Статьи и речи. В области политики и публицистики (1880-1910). Вып. 5. М., 1910. С. 126.

народном благосостоянии»¹. Участие граждан через народных представителей в решении государственных вопросов, отмечал Котляревский, воспитывает ответственность за судьбу страны, «приучает видеть в государственном интересе не нечто постороннее и чуждое, а высший принцип, перед которым должны склоняться все частные интересы»². В итоге, указывал ученый, и формируется истинный патриотизм, который никогда «не возрастет там, где член общества чувствует себя иностранцем в собственной стране»³. Таким образом, либералы рассматривали народное представительство как один из важнейших факторов становления гражданского общества.

В целом же, по замыслу либералов, народное представительство призвано было способствовать созданию новой системы отношений общества и государства.

Однако успешность выполнения представительным органом власти столь значительной миссии, с точки зрения либеральных мыслителей, напрямую зависела от степени демократичности его формирования, а также от широты реально предоставленных ему властных полномочий.

Анализируя европейский политический опыт, отечественные либеральные государствоведы отмечали устойчивую тенденцию к расширению избирательного права, а, следовательно, вовлечению в процесс формирования представительного органа все более широких слоев населения. Но, как указывали либералы, это касалось прежде всего нижних палат парламентов, которые постепенно таким образом превращались в действительно *народные* представительства, тогда как ситуация в отношении верхних палат выглядела гораздо сложнее и вариативнее⁴.

Проблема формирования верхних палат занимала в либеральной концепции представительной власти одно из ключевых мест, поскольку в условиях абсолютного преобладания в западных странах двухпалатной системы зачастую именно от верхней палаты зависела политическая роль парламента.

¹ Муромцев С.А. Указ соч. С. 126.

² Котляревский С.А. Указ. соч. С. 6.

³ Там же.

⁴ См. подробнее: Вострикова В.В. Проблема бикамерализма в русской либеральной мысли начала XX века // Отечественная история. 2008. № 5. С. 147-156.

Один из признанных специалистов в области теории двухпалатной системы Гессен по способу формирования делил верхние палаты на выборные и невыборные. К последним он относил палаты наследственные и палаты, места в которых замещались по должности либо по назначению монарха. Первые, по мнению либерала, имели сословно-аристократический характер, а вторые – бюрократический. Однако, замечал ученый, нередко невыборные палаты являли собой эклектичное сочетание нескольких принципов организации. Выборные верхние палаты Гессен подразделял на три категории: федеральные (из представителей субъектов федерации), палаты реального представительства (из представителей социальных групп, групп интересов, территориальных союзов) и народные (из представителей населения в целом). По прогнозу либерала, под влиянием общей тенденции демократизации политической жизни все больше верхних палат будет приобретать выборный характер, хотя и не на основе 4-хвостки¹.

Оценка роли верхних палат российскими либералами иллюстрирует свойственное последним стремление к разностороннему анализу политических явлений, что на практике могло послужить теоретической основой для политического компромисса. Отмечая, что невыборные верхние палаты не расширяют «объема, в котором совершается национальное самоуправление», либералы тем не менее не исключали того, что в определенных исторических ситуациях, когда «народное представительство находится под сильным давлением правительства, которое умеет устраивать благоприятные для него выборы, или когда оно действует среди нации, политически совершенно не воспитанной», даже такие верхние палаты могут ослаблять всемогущество бюрократии².

Какова же, с точки зрения либеральных государствоведов, политическая роль верхних палат, основанных на выборном начале? По единодушному убеждению либералов, верхняя палата является действенным средством предотвращения чрезмерного усиления законодательной власти, занимающей в иерархии властей высшую ступень. Разделение законодательной власти между двумя палатами, отмечалось либералами, формирует своеобразный сдерживающий механизм внутри самого парламента, что, указывал Кокош-

¹ Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг., 1917. С. 335-337, 356.

² Котляревский С.А. Конституционное государство... С. 148-149.

кин, служит одним из условий реализации важнейшего принципа правового государства – разделения властей, «исходящего из мысли, что сосредоточение всей государственной власти в руках одного органа, единоличного или коллегиального, создает опасность для личной и общественной свободы»¹. Кроме того, с точки зрения государствоведов, верхняя палата призвана играть роль посредника в конфликтах, возникающих между нижней палатой и правительством, содействуя их мирному разрешению. Ведь, как замечал Кокошкин, «политическая история Западной Европы ... показывает, что когда поставлены лицом к лицу единое демократическое собрание и независимая от него правительственная власть, неизбежные конфликты между ними приобретают непримиримый характер, ведущий иногда к государственным переворотам»². Стабилизирующая роль верхней палаты виделась либералам и в том, что последняя придавала процессу законотворчества большую осознанность, взвешенность, предупреждала принятие поспешных решений, которые могли исходить от нижней палаты вследствие случайно образовавшегося большинства либо на почве увлечения народных представителей политической риторикой³. Наличие верхней палаты, хотя и замедляет законодательную деятельность, но, с точки зрения либералов, существенно повышает ее качество, что имеет особое значение в связи с усложнением государственной жизни⁴.

В целом же, в выборной верхней палате либералы видели один из факторов укрепления авторитета представительного органа власти, а значит, и государственной стабильности.

На основе обобщения зарубежного опыта, наиболее целесообразным способом формирования верхней палаты российские государствоведы признали реальное представительство. Однако по вопросу о принципе выделения социальных групп, получающих право направлять своих представителей в верхнюю палату, их мнения разошлись. Абсолютное большинство либералов отдавало предпочтение идее представительства территориальных союзов. Отстаи-

¹ ГА РФ. Ф. 1190 Оп. 1. Д. 16. Л. 15.

² Там же. 15-15об.

³ Коркунов Н. М. Русское государственное право // Антология мировой политической мысли в 5 т. Т. IV. Политическая мысль в России II половины XIX-XX вв. М., 1997. С. 280.

⁴ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 142.

вая ее, Котляревский писал: «...существует двойственность общественно-государственных интересов, имеющих равное право на политическое выражение; это – интересы государства в его целом – с одной стороны, и интересы отдельных местностей, его частей, с другой. Различие это не связано ни с профессиональными, ни с классовыми интересами; оно связано лишь с принадлежностью каждого гражданина к союзу государственному и союзу местному»¹. Дуализм интересов, по мнению либерала, свое естественное выражение находит в системе двух палат, одна из которых – нижняя – избирается всеобщим голосованием и отстаивает общегосударственные интересы, а другая – верхняя – местными учреждениями и является оплотом региональных интересов. «Представительство местностей, как таковых, – отмечал Котляревский, – представительство момента многообразия частей государства, в противоположность моменту его единства, не ослабляет, а усиливает политическое самоопределение нации»².

Представительство местностей рассматривалось Котляревским как гарантия местных интересов от чрезмерной централизации. Эту же мысль последовательно проводил Кокошкин. Во-первых, указывал он, при отсутствии возможности отстаивать местные интересы весьма вероятно принятие законов, не согласованных с местными нуждами, поскольку в руках центральной власти всегда остаются функции, затрагивающие местные интересы, ведь абсолютно четкую границу между ними и интересами общегосударственными провести нельзя. А, во-вторых, не будут гарантированы права региональных органов власти, ибо в случае противодействия последних высшему законодательному органу эти права могут быть урезаны либо и вовсе отняты³.

По мнению большинства либералов, представительство местных интересов абсолютно необходимо в федеративных государствах, где оно служит важнейшей гарантией самостоятельности субъектов федерации, а также политически целесообразно и в простых (по современной терминологии, унитарных) государствах. Категорически возражал против последнего утверждения Гессен. В простых государствах, указывал он, существует «резкое разграни-

¹ Там же. С. 149-150.

² Там же. С. 150.

³ ГА РФ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 16. Л. 16.

чение общеполитических и местных интересов. Привнесение местных мотивов в разрешение национальных вопросов так же противоречит природе простого государства, как привнесение мотивов общеполитических в решение местных вопросов»¹. Таким образом, либерал, допуская верхнюю палату на основе территориального представительства для федеративных государств, считал ее нецелесообразной для государств простых.

Анализируя другой вариант реализации принципа реального представительства – представительство групп, сформированных по различным признакам (научному, религиозному, семейному и т.д.), отечественные либеральные деятели указывали на его теоретическую ошибочность и практическую неосуществимость. Хотя нация есть не только совокупность индивидов, но и совокупность социальных групп, писал, в частности, Гессен, «парламент не может быть «зеркалом» общественной группировки страны, – не только потому, что в современном атомизированном обществе существенно важные коллективные интересы нередко лишены какой-либо организации, но и потому, что никакое «политическое искусство» не в состоянии придумать системы равномерно-справедливого представительства разнообразных общественных групп»².

Наряду с принципами формирования и структурой, важнейшим фактором, обуславливающим роль представительного органа власти в политической жизни, либеральные государствоведы считали возложенные на него функции, основной из которых признавалась разработка законодательства. По мнению либералов, необходимость наделения парламента законодательными, а не законосовещательными функциями предопределялась самим масштабом задач, стоящих перед современным государством. Более того, либеральные мыслители констатировали неуклонное возрастание значимости законодательной функции парламента в связи с расширением области законодательного воздействия государства. Последнее происходило за счет распространения государственной регламентации на социально-экономическую сферу, а также в результате стремления большинства государств к сокращению области прерогативного усмотрения с целью обеспечения верховенства

¹ Гессен В.М. Указ. соч. С. 361.

² Там же. С. 363.

закона¹. Время подтвердило справедливость данного наблюдения. Кроме того, участие народных представителей в разработке законов, с точки зрения либералов, значительно повышало авторитет правовых норм, тем самым способствуя формированию и/или укреплению в широких слоях населения правового сознания.

Другой важнейшей функцией народного представительства либералы считали утверждение государственного бюджета. Бюджетное право, указывал Ковалевский, выросло из сложившейся в средние века традиции, согласно которой монарх советовался с представителями сословий по поводу введения новых налогов².

В бюджетном праве либеральные деятели видели не только способ контроля парламента за целесообразностью расходования народных средств, но и орудие воздействия власти представительной на исполнительную власть, ведь для осуществления любого государственного мероприятия необходимы финансы. Однако, как отмечали либералы, степень этого влияния варьировалась в зависимости от ряда факторов: процедуры принятия бюджета и срока его действия, а также регламентации финансовых операций государства в случае непринятия бюджета в установленные законом сроки. В механизме принятия бюджета для либералов принципиальным был вопрос о распределении финансовой компетенции между палатами. Равенство компетенции палат либеральные мыслители признавали условием, объективно усиливающим роль народного представительства, только в том случае, если обе палаты выражали интересы населения в целом, хотя бы и избираясь на разной основе³. Большую роль, с точки зрения либералов, играла и степень полноты перечня подконтрольных палатам статей доходов и расходов. Как ограничение финансовой компетенции парламента Котляревский расценивал вотирование бюджета не на годичный, а на более длительный срок. И, наконец, серьезного внимания, с точки зрения либерала, заслуживал вопрос о порядке финансирования государственных мероприятий в случае неутверждения бюджета к началу сметного года⁴. Отказ в утверждении бюджета народным представительством к положенному сроку российские ученые счи-

¹ Котляревский С.А. Конституционное государство... С. 154-155.

² Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 347.

³ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 170.

⁴ Там же. С. 164-165.

тали действенным, но крайним средством в политической борьбе, провоцирующим исполнительную власть на конфликт, и потому уместным только в безвыходной для парламента ситуации. Избега дальнейшей детализации, следует отметить, что данные теоретические установки легли в основу соответствующих разделов либеральных конституционных проектов и программ либеральных партий, хотя предложенные в них конкретные механизмы реализации бюджетного права несколько разнятся.

К третьей присущей народному представительству функции российские государствоведы относили контроль за органами управления. Это направление парламентской деятельности, указывал Н.И. Лазаревский, сложилось из потребностей политической практики, поскольку конституционная теория, воспринявшая идею разделения властей, долгое время рассматривала народное представительство исключительно как законодательный орган¹. Парламент, не являясь непосредственно органом управления, замечал Котляревский, оказывает косвенное влияние на исполнение законов и административную жизнь страны, причем оно «может быть огромным и даже руководящим»². Утверждая последнее, либерал имел ввиду систему парламентаризма, в условиях которой министерство формировалось парламентским большинством. В перечень форм контроля народного представительства за исполнительной властью либеральны мыслители включали права вопроса и запроса (интерпелляции), а также институт ответственности министров. В отношении права запросов либералы указывали на необходимость его строгой регламентации, ибо в случае злоупотребления им, это право легко может парализовать работу и самого народного представительства, и министерства³. Главным условием действенности института ответственности министров как средства контроля парламента за правительством либералы считали политическую ответственность министров, т.е. ответственность за целесообразность конкретных политических шагов, всего курса в целом, а также за бездействие, несвоевременное принятие необходимых

¹ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1908. С. 499-500.

² Котляревский С. А. Указ. соч. С. 170.

³ Там же. С. 172.

мер. В той или иной форме данное требование присутствовало в программатике большинства либеральных сил.

Таким образом, в либеральной политической доктрине на представительную власть возлагались три основные функции: законодательная, бюджетная и контроль за администрацией. Однако содержательная сторона парламентских полномочий, как отмечали либералы, варьировалась в зависимости от закрепленной в Основных законах либо фактически принятой модели взаимодействия народного представительства и органов исполнительной власти. Наиболее широкими полномочиями представительный орган власти располагал при парламентарном режиме, тогда как в дуалистических государствах весьма значительной была роль монарха. Выбирая наиболее приемлемую для России модель взаимоотношений вновь создаваемого народного представительства и на протяжении длительного времени всеисильной исполнительной власти, авторы либеральных конституционных проектов остановились на конституционной монархии германского типа, главная особенность которой состояла в стремлении совместить сильную исполнительную власть (сконцентрированную в монархе) и развитое народное представительство (как важнейший элемент социального контроля).

Анализ политико-правовых аспектов организации и функционирования народного представительства в целом ни в коей мере не заслонял для либеральных мыслителей вопросов, касающихся непосредственно народных представителей, и, прежде всего, статуса последних. В частности, В.В. Ивановский отмечал наличие двух подходов к определению статуса депутатов: юридического и социологического. Сторонники первого, рассматривая народ как некое целое, имеющее свою волю, видели в депутате своеобразный рупор для выражения этой воли. Сторонники социологического подхода, воспринимавшие народ как совокупность различных социальных групп, считали депутата представителем интересов какой-либо группы¹. Российские либералы единодушно признавали депутата представителем всего народа, обязанным в своей политической деятельности соотноситься с общественным мнением². Вместе с тем, либералы отстаивали право народных избранников при исполнении возложенных на них обязанностей действовать сво-

¹ Ивановский В.В. Учебник государственного права. Казань, 1913. С. 160.

² Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 331.

бодно, сообразно собственному разуму и совести¹. По мнению либеральных деятелей, депутат не может быть связан наказами избирателей, ибо, хотя он и носит звание народного представителя, его отношения с избирателями не являются отношениями представительства. Суть отношений представительства, пояснял Лазаревский, состоит в том, что представитель может совершать лишь те действия, на которые правоспособен представляемый, т.е. имеет место перенос прав с одного лица на другое. Однако депутат обладает иными правами, нежели избиратель, и получает он их от закона, а выборы лишь указывают того, кто будет пользоваться данными правами. Отсюда, заключал Лазаревский, юридическая независимость депутата по отношению к избирателям, у которых в случае недовольства депутатом есть только одно средство воздействия на него – отказ в переизбрании на новый срок². Таким образом, либералы выступали против права избирателей на досрочный отзыв депутата. Справедливость такой позиции для страны с низким уровнем политической культуры в полной мере доказали события 1917 г. Как отмечал Н.Ф. Езерский, после свержения монархии принцип народовластия был понят большинством населения как право народа «менять выборных, когда захочет, и требовать, чего хочет», в итоге, «хозяином государства оказывается всякая случайная толпа, которая криком и силой ставит своих у власти»³. Неизбежным следствием этого, констатировал либерал, становится падение авторитета народных избранников и власти в целом, что чревато государственным коллапсом. По убеждению Езерского, выражавшего мнение всего либерального лагеря, народные представители ни в коем случае не могут рассматриваться как «приказчики и комиссары толпы», а олицетворяют государство как таковое. «И избранная народом власть, – писал либерал, – должна стоять высоко над ним, иметь право требовать от него беспрекословного повиновения»⁴.

В условиях становления представительной власти в России важной проблемой была защита народных избранников от давления «сверху». На это были направлены вошедшие в либеральные

¹ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 140.

² Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 328.

³ Езерский Н.Ф. Что такое государство. Новороссийск, 1919. С. 11.

⁴ Там же.

конституционные проекты положения о депутатской неприкосновенности, о запрете привлекать депутатов к ответственности за голосование и речи на заседаниях парламента, а также о получении депутатами денежного вознаграждения, отказываться от которого запрещалось. Однако размер последнего, по мнению Кокошкина, должен быть не очень большим, «чтобы не сделать из депутатской должности заманчивую синекуру»¹.

Высокий общественный статус, с точки зрения либералов, налагал на народных избранников огромную ответственность. Отсюда строгие требования либеральных мыслителей к деловым и морально-этическим качествам депутатов. Например, А.А. Стахович необходимыми для депутата считал стойкость убеждений, умение их отстаивать, сознательное отношение к работе в Думе, честность². А Шипов, рисуя портрет народного избранника, акцентировал внимание на уровне интеллектуального развития и жизненном опыте. «Чем менее просвещен человек умственно и духовно, тем с большей самоуверенностью и легкомыслием готов он разрешать самые сложные проблемы жизни... Чем менее сведущ и опытен человек в жизни и в деле государственном, тем более он склонен к восприятию самых крайних политических и социальных увлечений», – писал либерал³.

Нарисованный либералами «идеальный тип» народного представителя может послужить ориентиром и для современных парламентариев, неуклонно утверждая в качестве лейтмотива депутатской, как и любой общественно-политической деятельности стремление служения своей стране.

Таким образом, в начале XX в. российскими либералами на основе синтезирования глубоко изученного исторического опыта и политической практики западных стран с критически осмысленными достижениями зарубежной государственно-правовой науки была разработана теория представительной власти. Ее авторами был точно обозначен ряд важнейших проблем функционирования народного представительства, не потерявших злободневности и по сей день. В частности, и для современного российского парламента

¹ ГА РФ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 16. Л. 18.

² Стахович А.А. Как и кого выбирать в Государственную думу. Что такое партийные выборы? Краткий обзор русских политических партий. М., 1907. С. 11.

³ Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 300.

актуальными остаются проблемы повышения качества законотворческой деятельности, налаживания эффективного механизма взаимоотношений законодательной и исполнительной власти, депутатского корпуса и избирателей и т.д. И, несмотря на то, что сегодня эти проблемы стоят уже в новом качестве, некоторые подходы к их разрешению, намеченные либералами, могут быть востребованы.

Весьма актуальны для современной России размышления либералов о роли представительного органа власти в процессе построения правового государства и формирования гражданского общества. Особого внимания заслуживает утверждение либеральных деятелей о том, что одной из задач парламента является согласование интересов различных социальных слоев через законодательные механизмы и переговорный процесс.

И хотя представительной власти в либеральной модели отводилась приоритетная роль, ее создатели не склонны были рассматривать институт представительства как «венец развития и конечный политический идеал»¹. Для них это скорее был неизбежный и необходимый этап общественного прогресса. Это путь, а не цель, отмечал Новгородцев, путь к освобождению личности и установлению высшего и более совершенного порядка².

Н.И. Алымова³

ВЛИЯНИЕ ДУМСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 1912 г. НА ФОРМИРОВАНИЕ МНОГОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ

В конце XIX – начале XX вв. в России шло формирование многопартийной системы. На этот процесс оказывало влияние большое количество факторов: особенности социально-экономического и политического развития страны в эпоху модернизации, развитие общественно-политической мысли и общественного движения, мно-

¹ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 119

² Там же.

³ *Алымова Нина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.*

гонациональный состав России, влияние западноевропейской политической жизни.

Революция 1905-1907 г. ускорила образование политических партий. С созданием Государственной Думы думские избирательные кампании стали дополнительным фактором воздействия на партийное строительство. Избирательные кампании в каждую из четырех Дум на процесс формирования многопартийной системы действовали по-разному, поскольку проходили в разных политических условиях. Для выборов в I и II Думы была характерна обстановка повышенных оппозиционных настроений, электоральная неопытность избирателей. Партии проявляли на этих выборах особую энергию политического дебюта.

Избирательная кампания в III Государственную Думу носила особый характер в силу специфики исторического момента, наступившего после третьеиюньского переворота. Она проходила в условиях перехода правительства и консервативных сил в наступление, спада и существенной трансформации общественных настроений. Избирательный закон 3 июня 1907 г., активное вмешательство властей в выборы, усиление консервативных настроений среди избирателей внесли определенную дезорганизацию в партийную среду. В Думе усилились правомонархические партии, октябристы, существенно сократилось представительство либеральных и социалистических партий.

Думская избирательная кампания 1912 г. проходила в относительно спокойное во внутривнутриполитическом отношении время и стала одним из факторов, позволившим реанимировать партийные организации и партийную жизнь не только в столичных городах, но и в провинции.

Выборы в IV Государственную Думу сыграли большую роль во временном укреплении российской многопартийной системы. Все крупнейшие российские политические партии, пережившие упадок своей деятельности и дезорганизацию своих отделов на местах, в предвыборное время активизировались. Почти все они провели съезды, конференции, на которых главными были вопросы о подготовке к предстоящим выборам, об избирательной тактике.

Произошла мобилизация правомонархических сил. Странники А.И. Дубровина в правомонархическом движении, впоследствии взявшие официальное название «Всероссийский дубровинский союз рус-

ского народа», свой съезд провели 21-28 ноября 1911 г. Обновленный Главный совет своих сторонников собрал в мае 1912 г. Съезд был назван IV Всероссийским, одновременно был созван V Всероссийский съезд русских людей. На всех съездах правых сил вопрос об участии в выборах был в числе основных.

«Союз 17 октября» ни съезда, ни конференции созвать не мог, однако в партии в 1911-1912 г. участились заседания ЦК, совещания партийного актива, на которых ставился вопрос о предстоящих выборах. План ведения октябристами избирательной кампании, предложенный А.И. Гучковым, был принят на закрытом заседании ЦК 4 марта 1912 г. в Москве.

Четыре конференции конституционно-демократической партии, состоявшиеся в 1910-1912 гг., прошли под знаком подготовки к выборам. На двух последних конференциях (ноябрь 1911 г. и май 1912 г.) вопросы избирательной тактики были главными. Последним крупным совещанием, на котором рассматривалась тактика кадетов на выборах, была конференция, состоявшаяся 13-14 мая 1912 г. Общее количество участников составило 120 человек¹.

Свои конференции провели Трудовая группа, социал-демократы. Лишь эсеры ограничились паллиативными мероприятиями для рассмотрения тактики на выборах.

У многих партий интервал предшествовавших форумов составил пять лет. Участие в выборах становилось их важнейшей функцией, ритм жизни политических партий стал приближаться к ритму жизни стран с парламентским строем.

Развитие российской многопартийности в предвыборное время шло и по линии создания новых партий. Во второй половине 1911 г. и в 1912 г. активизировались прогрессисты, и ускорился процесс организационного оформления их в партию, что в большой степени было стимулировано предстоящими выборами в IV Государственную Думу. В результате ряда совещаний, состоявшихся в феврале – апреле 1912 г., был создан комитет прогрессистов в Петербурге, названный Петербургским бюро прогрессивных избирателей, а затем Московский комитет прогрессистов. Первый съезд новой партии состоялся после выборов в ноябре 1912 г.

19-21 февраля 1912 г. состоялся первый съезд Всероссийского национального союза. На съезде, по сообщению партийного органа

¹ Утро России. 1912. 15 мая. Речь. 1912. 18 мая.

националистов газеты «Окраины России», присутствовало более 150 представителей от 83 провинциальных отделений¹. Национальный союз пользовался поддержкой в западных и южных регионах России. Как известно, партия создавалась «сверху» в том числе и для усиления правительственной опоры в IV Думе.

Выборы в немалой степени стимулировали процесс партийного размежевания в рамках отдельных политических лагерей. На своем съезде в ноябре 1911 г. сторонники Дубровина заявили о своем окончательном отделении от Союза русского народа, в котором большую роль стал играть Н.Е. Марков. Новая партия под названием «Всероссийский дубровинский союз русского народа» была зарегистрирована в августе 1912 г. Помимо амбиций партийных лидеров, разности социальной базы, ряда идейных разногласий одним из главных поводов для раскола был вопрос об отношении к Думе и партиям националистов и октябристов. Дубровинцы отказывались признавать Думу законодательным учреждением и сотрудничать даже с националистами, тем более с октябристами.

В январе 1912 г. на конференции в Праге большевики заявили о своем отмежевании от меньшевиков-ликвидаторов, а в августе 1912 г. в Вене состоялась конференция антибольшевистских сил, что оформило раскол российской социал-демократии. В ходе думских выборов сторонники августовского блока сделали попытку создания открытой рабочей партии.

Все политические партии в связи с предстоящей избирательной кампанией активизировали свою теоретическую деятельность. Для разработки тактики на выборах, обращения к избирателям требовалось осмысление данного исторического момента, состояния партии, ее ближайших и долговременных задач, в том числе программы действий в IV Думе, взаимоотношений с политическими союзниками и противниками. Для большинства российских партий вопрос об идеологической составляющей был одним из центральных.

Показательным в этом отношении был процесс разработки избирательной платформы кадетской партии. Платформа кадетов была результатом коллективного мышления. Написание текста платформы кадетское руководство поручило лидеру партии П.Н. Милюкову. Вместе с тем принципы, составные части этого документа, все аспекты тактики обсуждались на пленарных заседаниях ЦК, совещаниях Петербургско-

¹ Окраины России. 1912. 25 февраля. С. 114.

го и Московского отделений ЦК. К работе привлекались члены думской фракции ПНС. Местным организациям было предложено собрать необходимый материал о господствовавших настроениях в провинции, состоянии партийных комитетов, местных общественных организациях, об имеющихся органах печати, шансах партии на выборах, дать свои предложения о мерах по подготовке к выборам¹. При разработке платформы учитывалось мнение о настроении на местах, которое сложилось у представителей кадетского руководства во время их поездок по стране. Эта деятельность способствовала развитию партийной мысли, консолидации кадетских сил, помогла успешнее воплотить разработанную тактику на выборах и наполнить предвыборную риторику единым идейным содержанием.

Изучение результатов трансляции идейных позиций различных партий на места с помощью прессы, переписки, личных встреч показывает, что для избирателей яснее становились межпартийные различия. Вместе с тем на местах не только в электоральной, но и политически активной среде в меньшей степени воспринимались внутривнутрипартийные разногласия.

Как известно, для российской социал-демократии в этот период было характерно противоборство большевистского и меньшевистского руководства. Однако разногласия, которым в партийных центрах придавалось большое значение, были или неизвестны в провинции, или воспринимались как несущественные. В ряде местных социал-демократических организаций уживались сторонники обоих направлений.

Такая же ситуация складывалась у правых. Печатный орган сторонников Дубровина, газета «Русское знамя», издававшаяся в Петербурге, в конце июля – начале августа 1912 г., провозгласила тактику активного бойкота выборов, что в немалой степени было вызвано боязнью провала в избирательной кампании. Однако не только в Москве, но и в других городах, в частности, в Орле, дубровинцы участвовали в выборах, порой совместно со сторонниками обновленного Главного совета.

В период выборов активизировалась агитационно-пропагандистская деятельность столичных и провинциальных партийных организаций. Появилось большое количество новых печатных из-

¹ Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905 – 1911 гг. Т. 1. М., 1994. С. 413.

даний, рассчитанных на период избирательной кампании. Общероссийская и местная печать большой объем своих материалов посвящала выборам. Практиковались и малые печатные формы: воззвания, листовки и пр. Встречающаяся в исследовательской литературе недооценка роли местной прессы, упреки в повторении идей столичных газет, мелкотемье и т.п. представляются не вполне убедительными. Провинциальная печать часто была транслятором идей партийных центров в регионы. Кроме того, в ряде печатных изданий в провинции работали местные талантливые публицисты. Яркое освещение ими избирательной борьбы повышало коэффициент полезного действия выборов. Учитывая, что в 1912 г. в общественно-политическую жизнь вливалось поколение, не прошедшее горнило 1905-1907 гг., значение этой работы еще более возрастало. Органы печати не только в столичных центрах, но и в провинции часто были центрами сплочения политически активных элементов.

В этот период окрепла связь между центрами и местными партийными силами. Возросла переписка центральных органов партии с организациями и единомышленниками. Например, ЦК и Исполнительный совет «Союза 17 октября» с 1 сентября 1911 г. по октябрь 1912 г. послал в думскую фракцию, членам Государственной Думы, комитетам и отдельным членам союза в провинции более 1064 писем и телеграмм, около 75000 воззваний и циркуляров. Большинство из них было связано с выборами¹. Одной из крупнейших акций Бюро думской фракции октябристов в это время была посылка от имени Гучкова провинциальным отделам и отдельным членам Союза писем, в которых содержалась просьба сообщать об общественных настроениях, действовавших партийных организациях, их взаимоотношениях, о состоянии предвыборных дел местных октябристов, их шансах на успех².

В ходе избирательной кампании резко возросло количество поездок партийных функционеров в регионы страны. Так, весной – в начале осени 1912 г. по поручению ЦК кадетов в предвыборных целях Н.В. Некрасов посетил Астрахань и Киев, А.И. Шингарев – Уфу, Самару, Воронеж, А.М. Колюбакин – Нижний Новгород, Казань, Пермь³. Подобная деятельность была характерна и для других партий.

¹ Отчет Центрального Комитета «Союза 17 октября» о его деятельности. С 1 сентября 1911 года по октябрь 1912 года. М., 1912. С. 70.

² ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 381.

³ Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1912-1914 гг. Т. 2. М., 1997. С. 37, 74, 80.

В связи с выборами на местах наблюдалось оживление общественно-активных элементов разных политических направлений. Партийная деятельность велась не только местными отделами, при их отсутствии она осуществлялась отдельными активистами.

В этот период для политических партий России было характерно накопление и укрепление навыков новой политической культуры, присущей конституционному строю. Все партии использовали широкий арсенал средств, разнообразные каналы идейного влияния на избирателей, практиковали избирательные блоки. При этом проявлялась разная степень адаптации к деятельности в новых политических условиях. Для правомонархических партий были характерны способы деятельности, свойственные политической культуре закрытых обществ. На съезде Союза русского народа в мае 1912 г., где обсуждалась тактика на выборы, было отвергнуто предложение о посещении предвыборных собраний оппозиции. Н.Е. Марков нашел это мнение «не совсем безопасным», так как на эти собрания «могут попадать русские люди с убеждениями, не совсем еще укрепившимися», поэтому рекомендовалось не подвергать их «искушению, опасности быть развращенными искусными левыми ораторами»¹. В окончательном решении съезда позиция Маркова была поддержана, более того, на предвыборные собрания и выступления правых предлагалось приглашать лишь лиц «не явно враждебных»². В столицах и в провинции правые почти всегда не участвовали в предвыборных собраниях, организованных другими партиями, не приглашали их представителей на свои и действовали только в родственной для себя среде.

Специфика предвыборной деятельности октябристов заключалась в том, что в ней присутствовали как способы и приемы, присущие открытой партии, так и методы «закрытые», кулуарные и бюрократические. Так, в вышеупомянутом письме единомышленникам Гучков предлагал помощь в виде личного письма к местным деятелям с просьбой оказать содействие на выборах конкретным лицам. Также он обещал в случае необходимости лично ходатайствовать перед правительством о разделении избирателей на курии или о сроках выборов, удобных для кандидатов «Союза 17 октября»³. Кадеты, социал-демократы, трудовики, напротив, показали образцы предвыборной деятельности, свой-

¹ Вестник Союза русского народа. 1912. 27 мая.

² Там же. 9 июня.

³ ГА РФ. Ф.115. Оп.1. Ед. хр. 53. Л. 381.

ственные западной политической культуре, при этом социал-демократы широко применяли и нелегальные способы деятельности.

Анализ политических блоков показывает, что сотрудничество или размежевание политических сил в крупных центрах и в регионах шло по-разному. Примером распространенного избирательного соглашения был блок кадетов и прогрессистов, который с успехом заключался как в столицах, так и в провинции. В регионах, в зависимости от расстановки политических сил, их состояния, персонального состава участвовавших в борьбе, состава электората, стадии выборов предвыборные комбинации могли быть другими. Например, в Петербурге и Москве в большей степени проявилась тенденция противостояния кадетской и октябристской партий, было явным противоборство социал-демократов и кадетов, в то время как в некоторых местностях, напротив, имело место их сотрудничество. Если в Петербурге и Москве националисты главным образом рассчитывали на союз с октябристами и умеренно-правыми, то в провинции преобладал блок националистов и правых, особенно на стадии губернских избирательных собраний. Взаимодействие партий в ходе выборов или, напротив, конкурентная борьба создавали атмосферу активной политической жизни, позволяли общественным силам в регионах точнее определяться в политическом спектре страны, подключаться к общероссийской политической жизни.

Позиция властей на выборах была особым фактором, влиявшим на партийное строительство. Поддержка властей правых партий и октябристов на выборах в Думу в 1907 г., а правомонархических и в 1912 г. помогла им укрепиться и создать многочисленные думские фракции. Отсутствие этой помощи на выборах в 1912 г. повлияло не только на уменьшение думской фракции октябристов, но и усугубило кризис «Союза 17 октября». Учет политической конъюнктуры и содействие властей позволил националистам усилить число своих рядов в корпусе депутатов IV думы и создать представление о большом количестве своих организаций на местах, многие из которых были фиктивными. Так, в Орловской губернии из 113 выборщиков лишь трое называли себя националистами. Два националиста были избраны от землевладельческой курии и один от второй городской. Не было ни одного националиста от крестьян, от первой городской курии, от рабочих. Однако в итоге от Орловской губернии в IV Думу прошли три националиста: один «настоящий» националист, В.Г. Ветчинин (землевладельческая курия) — дворянин, землевладелец, предводитель дворянства

Елецкого уезда, депутат II и III Дум. Еще двое были избраны в выборщики как правые, но после выборов назвали себя националистами.

В ходе выборов наблюдались примеры привлечения к выборам различных общественных организаций: профессиональных союзов и объединений, просветительно-культурных обществ, национальных организаций. В крупных городах их было больше, в российской провинции значительно меньше.

В период выборных кампаний действовали факторы, которые отталкивали часть избирателей от партийных организаций разных политических направлений. Например, у обывателей вызывало опасение излишне пристальное внимание властей к партийным кандидатам в депутаты от октябристов и левее. Компрометация отдельных партийных фигур снижала популярность соответствующей партии. Следует учесть и то, что структура российского населения находилась на переходной стадии от общества традиционного к индустриальному, что делало грани между различными слоями населения не четкими и не способствовало резкому партийному межеванию. Поэтому избиратели, особенно в провинции, часто были склонны к учету не партийных позиций, а личных и профессиональных качеств. Активизация деятельности партий, персональный состав лидеров, ярко проявивших себя в предвыборной кампании, напротив, привлекал в организации новых членов.

Таким образом, в революционное время думские избирательные кампании были дополнительным фактором, влиявшим на процесс формирования многопартийной системы в России. В более спокойный в политическом отношении период выборы стали одним из главных условий, поддерживавших ее жизнеспособность.

*И.В. Сабенникова*¹

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В АРХИВАХ ЭМИГРАЦИИ

Государственная Дума как высший законодательный представительный орган Российской Империи просуществовала с 1906 по

¹ *Сабенникова Ирина Вячеславовна – доктор исторических наук, зав. сектором Использования архивных документов Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД).*

октябрь 1917 г., когда она была распущена Временным правительством. Архив Государственной Думы начал формироваться практически с момента ее создания. Первоначально он являлся частью Канцелярии Госдумы. В августе 1917 г. дела Государственной Думы были переданы в Архив Государственного Совета, который 6 октября 1917 г., в связи с прекращением деятельности самого Государственного Совета, был переименован в архив Законодательных дел и передан в ведение Кодификационного отдела Сената¹. После издания декрета 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» Архив Государственной Думы в составе архива Законодательных дел вошел в Единый Государственный Архивный фонд (ЕГАФ), образуя самостоятельный фонд, который на тот момент составлял «13898 дел, 151 книгу и 30 связок»². В настоящее время фонд Государственной Думы хранится в РГИА. Его объем составляет 13365 ед. хр., и он является основным местом хранения документов о деятельности Государственной Думы.

Революция 1917 г. и Гражданская война вызвали значительную постреволюционную эмиграцию, составившую около двух миллионов человек беженцев и перемещенных лиц. Русская постреволюционная эмиграция в межвоенный период имела несколько основных центров размещения. В Центральной Европе первоначально таким центром был Берлин, потом, в конце 20-х гг., он переместился в Париж. В Восточной Европе роль интеллектуального центра играла Прага, в меньшей степени – Белград, дальневосточная эмиграция сосредотачивалась преимущественно в полосе отчуждения КВЖД, отошедшей в 1920 г. Китаю и переименованной в Особый район Восточных провинций (ОРВП)³. Центром ее был Харбин.

Значительный процент в составе русских беженцев занимала интеллигенция – преподаватели вузов, общественные и политические деятели, бывшие государственные служащие. Вместе с личными архивами, покидая Россию, они вывозили архивы общественных организаций, различных объединений и обществ, даже официальные документы учреждений Российской империи, по тем или

¹ Черкасов И.А. Из истории архива Государственной Думы (1907–1917 гг.) // Отечественные архивы. 2013. № 2. С. 15-20.

² Раскин Д.И., Соколов А.Р., Мулина И.В. Архивный фонд Государственной Думы Российской Империи: страницы истории // Вестник архивиста. 2015. № 2. С. 294-306.

³ Весь Харбин. Ежегодник.-Харбин, 1925 г. С. 70.

иным причинам, находящиеся у них. Таким образом эти документы позже оказывались в составе их личных фондов.

Концентрация русской эмиграции в тех или иных центрах проживания, которые становились одновременно культурными и научными центрами, оказала влияние на местонахождение и состав созданных ею архивов. Наиболее представительным, с точки зрения источников комплектования и состава хранящихся в нем документов, был Русский заграничный исторический архив (РЗИА), документы которого наиболее полно отражали весь спектр эмигрантской жизни. В декабре 1945 г. РЗИА был передан в дар Академии Наук СССР¹ и перевезен в СССР. После Второй мировой войны, когда произошло расширение социалистической политической системы, повлекшей за собой повторную эмиграцию из стран Восточной Европы и Китая преимущественно в США, там сформировались наиболее значимые по составу документов российской эмиграции архивные хранилища. Гуверовский институт войны, революции и мира² – одно из крупнейших зарубежных хранилищ документов по истории России периода Первой мировой войны и революции. В нем же находится фонд Николаевского, состоящий из 203 серий документов, сгруппированных по принципу происхождения³. В фонде отражена, в том числе, и деятельность Государственной Думы. Не менее значительным является созданный в 1951 г. Бахметевский архив⁴. В тот же период возник и Музей русской культуры при Русском центре в Сан-Франциско. Таким образом, процесс концентрации документов эмиграции после Второй мировой войны продолжился не в Европе, а на североамериканском континенте.

Документы о деятельности Государственной Думы Российской империи, за редким исключением, содержатся за рубежом в личных

¹ Подробнее см.: Сабенникова И.В., Гентшке В.Л. Зарубежная архивная Россия: география размещения, выявление, публикация источников. М., 2014.

² USA HIA Hoover Institution Archives, Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford University, Palo Alto, California. – Архив Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (Пало-Альто, штат Калифорния).

³ USA HIA NC – Register of the Boris I. Nicolaevsky Collection, 1801-1982. Prepared by Hoover Institution Archives staff. Hoover Institution Archives. Stanford University. – Опись коллекции Бориса И. Николаевского, 1801-1982 гг. Составлена сотрудниками Архива Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (Пало-Альто, штат Калифорния).

⁴ USA BAR – Columbia University in the City of New York, Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture – Бахметевский архив российской и восточно-европейской истории и культуры при Колумбийском университете (Нью-Йорк).

фондах политических деятелей, участвовавших в работе Государственной Думы различных созывов и оказавшихся в эмиграции после октября 1917 г. Как правило, информацию, связанную с Государственной Думой, можно найти в переписке между видными представителями эмиграции, рукописях мемуарного характера и воспоминаниях, печатных материалах, фотографиях, сохранившихся в личных фондах. Самостоятельный фонд Государственной Думы есть только в Гуверовском институте, он имеет соответствующее название – Россия. Государственная Дума¹. Фонд включает документы на русском и английском языках за 1906–1916 гг. Состав фонда довольно пестрый, он включает прокламации, речи депутатов, фотографии, переводы выступлений депутатов Думы на английский.

Из личных фондов эмигрантов наиболее представлен в плане информации о деятельности Второй Государственной Думы (1907 г.) фонд Григория Алексеевича Алексинского объемом около 4500 ед. хр., находящийся в Бахметевском архиве². Фонд включает документы за 1879–1967 гг., но его основу составляют документы, созданные в период между 1907–1917 гг.: переписка, рукописи, отдельные документы, фотографии и печатные материалы. Материалы, связанные с деятельностью Второй Государственной Думы, можно найти в фонде Иосифа Владимировича Гессена – депутата от Петербурга (1907), хранящемся в Гуверовском институте³. Здесь находятся и английские переводы мемуаров Гессена: «В двух веках» («In Two Centuries») и «Закон против самодержавия» («Legality versus Autocracy»). В двух отдельных фондах П.Н. Милюкова – политического деятеля, историка, лидера кадетской партии, министра иностранных дел в первом составе Временного правительства, хранятся документы, связанные с его деятельностью в качестве члена III и IV Государственной Дум. В Бахметевском архиве фонд Милюкова⁴, включает около 4000 ед. хр. и является наиболее представительным в плане видового состава хранящихся в нем документов. Помимо переписки с лидерами кадетской партии – В.Д. Набоковым и Н.И. Астровым, там присутствует переписка с другими лицами,

¹ USA HIA. Russia. Gosudarstvennaia Duma.

² USA BAR. Aleksinskii, Grigorii Alekseevich.

³ USA HIA. Gessen Iosif Vladimirovich.

⁴ USA BAR. Miliukov, Pavel Nikolaevich.

в том числе с Б.А. Бахметьевым, Ч. Крейном, В.Е. Жаботинским. Значительную часть переписки составляют письма и обращения, адресованные Милюкову во время его пребывания в составе Третьей Государственной Думы (1907-1912 г.). Среди рукописей – мемуары Милюкова и его записные книжки. Отдельные тематические дела посвящены Государственной Думе. В коллекции Николаевского в Гуверовском институте также хранятся документы Милюкова, главным образом, газетные вырезки за 1908-1968 гг.¹

Другим активным деятелем Государственной Думы, оказавшимся в результате Октябрьской революции 1917 г. в эмиграции, является Александр Иванович Гучков. Лидер партии октябристов, депутат III Государственной Думы, а с 1910 г. ее председатель, Гучков оставил богатое документальное наследие, которое хранится в трех американских архивах и может представлять научный интерес для исследователей².

Членом Государственной Думы и ее председателем в период IV созыва вплоть до ее роспуска 6 октября 1917 г., был М.В. Родзянко, известный также своим участием в переговорах со Ставкой, завершившихся отречением Николая II и созданием Временного правительства. Родзянко эмигрировал в 1920 г. в Сербию. Его документальное наследие, включающее переписку, записи и доклады, посвященные Первой мировой войне, революции, Гражданской войне и антибольшевистским движениям, в том числе, переписку с А.И. Деникиным и П.Н. Врангелем, хранится в Гуверовском архиве³, копиями материалы фонда входят в Ф. 10003 ГА РФ Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира.

Документальное наследие депутата IV Государственной Думы (1912 г.) от партии трудовиков – Александра Федоровича Керенского, входившего в состав Временного Комитета Государственной Думы под председательством Родзянко, в зарубежных архивах чрезвычайно велико. Наибольший интерес представляет комплекс документов, хранящийся в научной библиотеке Бирмингемского университета⁴. В Фонде MS126 – Документы семьи Керенского –

¹ USA NC, HIA- SERIES NO. 48.

² USA BAR Manuscripts, ca. 1933. 4 items. USA HIA Фотографии; USA NC, HIA SERIES NO. 77 Box/Folder 131:1-2.

³ USA HIA. Rodzianko, Mikhail Vladimirovich

⁴ University of Birmingham. Cadbury Research Library. Kerensky Family Papers.

разнообразные по видовому составу документы, охватывающие период конца XIX в.–1991 г. Фонд включает шесть описей, наибольший интерес из которых имеют опись MS126/1/2 – Машинописные и рукописные тексты речей и заявлений Керенского, а также конспект его автобиографии и копии страниц из его дневника, а также опись MS126/1/3 – Опубликованные и неопубликованные работы о жизни Керенского, биографические статьи, опубликованные в международной прессе и в журналах.

В Гуверовском архиве также есть обширный фонд Керенского, состоящий из документов за 1881-1970 гг. на русском и английском языках¹. Среди них переписка с различными известными лицами, такими как В.А. Маклаков, М.М. Карпович и др., историческое сочинение Керенского «Истоки «Октябрьской революции» 1917 г.» и др. Группа источников, составляющих архив Керенского, находится на хранении в Центре гуманитарных исследований имени Гарри Рэнсома университета штата Техас в Остине – Документы Александра Федоровича Керенского². В нем имеются 635 фотоснимков, особое место занимают архивные материалы, освещающие политическую и организационную деятельность Керенского. Среди его корреспондентов, чьи письма есть в фонде – М.А. Алданов, Н.Н. Берберова, Р. Броудер, В.М. Зензинов, М.М. Карпович, Ф.А. Степун, В.А. Маклаков, С.П. Мельгунов, Я.Г. Фрумкин и др. Документы, касающиеся жизни и деятельности Керенского, можно найти и в архивах Франции. В архиве Префектуры Парижской полиции, где сосредоточен большой комплекс материалов по русской эмиграции, преимущественно состоящий из полицейских отчетов, результатов гласного и негласного наблюдений, аналитических записок, полицейских прогнозов и досье на отдельных лиц, среди которых досье Керенского. Объемный фонд наблюдений за деятельностью иностранных полиции в Париже (в том числе и русской) имеет шифр BA 1234 № 4 Polices etrangeres en France. Описание каждой коробки содержит общую информацию о ее содержании, не учитывая каждого из дел, в ней содержащегося. Среди них документы, касающиеся Керенского³. Документы о туркестанском периоде жизни Керен-

¹ USA HIA. Kerensky, Alexander Fyodorovich.

² University of Texas at Austin. Harry Ransom Humanities Research Center. Alexander Kerensky's Papers. PH-00281.

³ Archives de la Prefecture de police (Paris). BA 2011 Kerensky Alexander.

ского отложились в различных фондах, прежде всего, в фонде Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора (Ф. И-1)¹. Там сохранились отчеты сотрудника Туркестанского районного охранного отделения о пребывании Керенского в составе комиссии Государственной Думы в связи с восстанием 1916 г. в Туркестане и др.

Определенную информацию, касающуюся деятельности Государственной Думы, можно найти в архивных документах Марка Вениаминовича Вишняка в Гуверовском институте². Вишняк – один из лидеров эсеров, юрист, историк, журналист, кандидат на выборы в V Государственную Думу от Народнического избирательного блока, куда входили и эсеры, член Особого совещания и Всероссийской комиссии по подготовке выборов в Учредительное собрание, а после октября 1917 г. входил в Комитет спасения Родины и революции. В фонде присутствует переписка, сочинения, газетные вырезки, посвященные истории России и СССР, российским революциям. В архиве Индианского университета³ хранятся документы Вишняка, 1900-1920-х гг., преимущественно, переписка.

Несомненный интерес для исследователей, занимающихся изучением Государственной Думы, представляет фонд Б.И. Николаевского⁴, состоящий из 203 серий, сгруппированных по принципу происхождения документов. В основном это документы частных лиц и организаций. 39 серий содержат документы организаций. Из них наиболее значительная часть – документы РСДРП, прежде всего, меньшевистского крыла РСДРП, это самая репрезентативная коллекция меньшевистских документов за пределами России и бывшего СССР. Помимо того, коллекция содержит документы значимых исторических фигур и различных революционных движений в России XIX–XX вв. В фонде также отражена деятельность царского правительства, революция 1905 г., деятельность Государственной Думы, февральская и октябрьская революции 1917 г., Гражданская война. Документы разнообразны по видовому

¹ См. подробно: Данилов Е. Исчезнувшая семья. Керенские в Туркестане // Звезда Востока. 1991. № 9. С. 79-93; Котюкова Т.В. Семья Керенских в Туркестанском крае (по документам ЦГА Республики Узбекистан) // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 60-69; Сабенникова И.В., Гентшке В.Л., Ловцов А.С. А.Ф. Керенский: документальные свидетельства из зарубежных архивов // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 250-261.

² USA HIA. Vishnyak Mark Veniaminovich.

³ University Archives Indiana University.

⁴ USA NC, HIA.

составу: письма, статьи, речи, мемуары, протоколы заседаний, брошюры, листовки, фотографии и т.д.

В коллекции Николаевского хранятся архивные документы депутата Государственной Думы второго созыва Петра Бернгардовича Струве – общественного и политического деятеля, теоретика «легального марксизма» и автора Манифеста РСДРП (1898), а также члена кадетской партии и ее ЦК. После октября 1917 г. Струве являлся одним из идеологов Белого движения, а в 1920-м г. эмигрировал. Основной фонд Струве находится в Гуверовском институте¹. Фонд включает собрание документов за 1909-1945 гг., которые доступны в виде микрофильма. Письма Струве также содержатся в ряде фондов и коллекций Бахметевского архива, таких как, например, Барк, Петр L'vovich, Chebyshev, Nikolaï Nikolaevich 1865-1937.

Документы, освещающие деятельность Государственной Думы, можно найти не только в фондах лиц, непосредственно участвовавших в ее работе. Примером этому может служить коллекция российско-американского историка и публициста, профессора русской истории и литературы Гарварда и одного из основателей журнала «The Russian Review» М.М. Карповича, хранящаяся в Колумбийском университете². Он принадлежал к более молодому поколению эмигрантов. В его коллекции среди разнообразных документов содержится переписка с бывшим главой Временного правительства Керенским, а также Гучковым, послом Временного правительства в США Б. Бахметевским; письма от представителей различных политических партий – Н. Авксентьева, В. Зензинова, Б. Николаевского и Н. Томского, обширная переписка с современными ему историками Г. Вернадским и русистами М. Раевым и Р. Пайпсом. Значительная часть корреспонденции касается организации и работы Бахметевского архива, «Нового журнала» и Издательства им. Чехова.

Среди эмигрантских документов, в которых, так или иначе, отражена деятельность Государственной Думы, следует назвать переписку политических и общественных деятелей в период их эмиграции, которая часто носит аналитический характер и посвящена различным событиям пережитой ими эпохи. Немалое значение в

¹ USA NC, HIA. SERIES NO. 147, Struve, Petr Bergardovich.

² Columbia University. Rare Books and Manuscripts Library (USA, CU RBML).

создании целостной картины в плане деятельности Государственной Думы различных созывов имеют мемуары крупнейших государственных деятелей царской России начала XX в. и лиц, занимавшихся в этот период политической и общественной деятельностью. Ценность такого рода мемуарных документов определяется включенностью их авторов в непосредственный исторический процесс. Мемуарные источники предоставляют исследователям возможность познакомиться с такими нюансами, которые могут корректировать понимание деятельности Государственной Думы в плане противостояния различных течений внутри нее, влияющих на то или иное рассмотрение значимых для истории России вопросов, а также причин русской революции и последующих процессов ее реализации. Вместе с тем, мемуарные источники требуют критического анализа со стороны исследователя, поскольку, в большей или меньшей степени, отражают субъективную точку зрения автора мемуаров. Это делает необходимым сравнение информации, выявленной благодаря мемуарным документам, с другими видами источников с целью воссоздания действительно объективной картины событий. Важной особенностью мемуарных источников является то, что благодаря самому мемуарному жанру исследователь может психологически соприкоснуться с описываемой эпохой и через это лучше понять ее.

Среди документов мемуарного характера, отложившихся в эмигрантских архивах, наибольший интерес для исследователей Государственной Думы могут представлять мемуары государственных, земских деятелей и публичных политиков. Некоторые из мемуаристов занимали различные посты и должности, как в царской администрации, так и во Временном правительстве, а так же были деятелями земства.

Свои мемуары оставили такие видные представители эмиграции как Милюков, Родзянко, А.Д. Голицын, А.И. Гучков, Ф.И. Родичев, Д.Д. Grimm, И.Н. Ефремов и многие другие. Рукописи воспоминаний, как правило, входят в состав их архивных фондов. Так, «Воспоминания» Милюкова хранятся в составе его фонда в Бахметевском архиве, мемуары Родзянко являются составной частью его фонда в Гуверовском институте. Так же в Бахметевском архиве хранится машинописная рукопись «Воспоминаний» А.Д. Голицына – члена Государственной Думы и Сената, объемом

453 страницы, охватывающих не только период его детства и юности, но и более поздний период общественной и политической деятельности (1900-1917), а также Первую мировую войну, революцию и Гражданскую войну. В состав мемуаров Голицына входит рукопись в двух тетрадах «Второй год Русской Революции: Большевизм на Украине; Гетманский переворот; Петлюровщина», посвященная Гражданской войне на Украине, в общей сложности 410 страниц текста¹. Свои мемуары оставил Э.П. Беннингсен – правительственный чиновник, общественный деятель и политик, депутат III и IV Государственных Дум от октябристов. Государственная и общественная деятельность Беннингсена была очень многообразна. Во время Первой мировой войны он был ведущим сотрудником Российского Красного Креста, а с марта 1917 г. представителем Красного Креста в Центральном комитете по делам военнопленных, комиссаром ВКГД и Временного правительства по попечительству о трудовой помощи. В 1920 г. Беннингсен участвовал в совещании членов Государственного Совета и Государственной Думы в Париже. В 1924 г. вошел в Русский эмигрантский комитет, а в 1926 г. был делегатом Российского зарубежного съезда в Париже от Франции. Многообразная деятельность Беннингсена нашла отражение в оставленных им документах, хранящихся в фонде Беннингсена в составе Бахметевского архива, где находится более 100 писем от П.П. Игнатьева – одного из последних министров царской России, написанных в 1920-1921 гг.; переписка с Ксенией В. Деникиной и др., а также несколько рукописей самого Беннингсена, в частности, его обширные мемуары, копии его лекций и статей. В фонде хранится краткая биография мужа, написанная Екатериной П. Беннингсен и несколько фотографий.

Среди известных лиц, оставивших мемуары, – Ф.И. Родичев – один из лидеров партии кадетов, член всех Государственных Дум и министр Временного правительства по финским делам. В фонде Родичева в Гуверовском институте хранятся его мемуары «Воспоминания Ф.И. Родичева о 1917 годе», машинопись 1914 г., а также, написанный его дочерью, Александрой Родичевой в 1933 г., биографический очерк об отце. Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира². Часть этих материалов в виде копий находятся в ГА РФ в Ф. 10003.

¹ USA BAP. Golitsyn, Aleksandr Dmitrievich, Memoirs.

² USA NC, HIA SERIES NO. 78 Rodichev, Fedor Izmailovich.

Документы члена Государственной Думы I, III и IV созывов от области Войска Донского И.Н. Ефремова хранятся в его фонде в Бахметевском архиве. Ефремов был членом фракции демократических реформ и председателем фракции прогрессистов. Он являлся одним из основателей и лидеров Партии прогрессистов и членом ее ЦК. В Думе в разные периоды состоял членом аграрной комиссии, комиссии по местному самоуправлению, по судебным реформам, председателем комиссии о печати и комиссии по Наказу. Разработал законопроект о возобновлении деятельности земских учреждений в области Войска Донского, который был принят Думой, но не прошел через Государственный Совет. Ефремов активно участвовал в установлении контактов Государственной Думы с парламентами других стран. Во время Первой мировой войны работал в думском отряде Красного Креста на австрийском фронте. В составе Временного правительства исполнял обязанности министра юстиции. Среди имеющихся бумаг в фонде Ефремова есть три рукописные главы, предположительно написанные им для книги о причинах революции 1917 г. в России¹.

Информация о законотворческой деятельности Государственной Думы может храниться в архивном фонде Д.Д. Гримма – юриста, ректора Петербургского университета в 1899–1910 гг., члена партии кадетов, члена Государственного Совета и главы левой группировки в нем, принимавшего активное участие в рассмотрении в Государственном Совете законопроектов, в том числе выдвигаемых Думой. Во Временное правительство Гримм входил в качестве товарища министра образования. В 1920 г. он эмигрировал в Финляндию, жил также в Париже и Праге. Фонд Гримма находится в Гуверовском институте и содержит разнообразные по видовому составу документы, в том числе мемуары, переписку, доклады, и другие, например, печатные материалы, посвященные Гражданской войне и последовавшей за ней российской эмиграции в Финляндии².

Можно констатировать, что документы, освящающие деятельность Государственной Думы, отложились в самых разных эмигрантских фондах, преимущественно, в личных фондах эмигрантов, как тех, которые сами непосредственно участвовали в работе этого

¹ USA BAR. Efremov, Ivan Nikolaevich

² USA HIA. Grimm David Davidovich.

государственного органа в составе разных фракций, так и тех, кто в силу своих профессиональных обязанностей или общественных интересов следил за деятельностью Государственной Думы. Знакомство с этими документами, сопоставление информации, полученной из разных видов источников, включая и мемуарные, дает возможность воссоздать целостную картину исторической эпохи, в которой создавалась и работала Государственная Дума, и лучше понять механизмы ее функционирования, мотивацию поведения наиболее активных ее членов. Учитывая тот факт, что информацию, необходимую для такого рода исследований, что видно из приведенных в статье архивных фондов, приходится собирать из самых разных источников. Как правило, такими источниками являются разрозненные документы, отложившиеся в государственных и архивах общественных организаций, библиотеках университетов или даже частных архивах. Поскольку документы политических деятелей редко бывают сосредоточены в одном фонде и даже в одном архиве, то работа эта чрезвычайно трудоемка, но в ней всегда присутствует элемент архивной эвристики.

Н.Б. Хайлова¹

ЦЕНТРИЗМ В РУССКОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ НАЧАЛА XX ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ (сер. 1990-х – 2000-е гг.)

Несмотря на определенный вклад советской и зарубежной историографии в изучение процесса кристаллизации срединного течения в русском либерализме начала XX в., впервые тема либерального центризма приобрела статус самостоятельной проблемы лишь к середине 1990-х гг.² Это был своеобразный отклик на трансформационные процессы в посткоммунистической России, стимулировавшие интерес к западной модели развития и вызвав-

¹ Хайлова Нина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра «История России XIX – начала XX вв.» ИРИ РАН.

² Хайлова Н.Б. Центризм в русском либерализме начала XX в.: историография проблемы (1906-начало 1990-х гг.) // Российский либерализм: итоги и перспективы изучения. Сборник материалов Международной научной конференции (28-29 сентября 2018 г., г. Орел) / Под общ. ред. В.В. Шелохаева. Орел, 2018. С. 125-142.

шие коренной пересмотр устоявшихся представлений о прошлом страны. Новый взгляд на судьбу русского либерализма (равно как и других направлений общественно-политической мысли и практики) стал тогда возможен, прежде всего, благодаря качественным изменениям источниковой базы исследований российской многопартийности начала XX в. Решающую роль в этом сыграл многотомный проект «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие» – уникальное явление в отечественной и зарубежной исторической науке середины 1990-х–начала 2000-х гг.¹ В широко известной ныне т.н. «желтой» (по цвету обложки) книжной серии был опубликован в том числе впечатляющий по масштабу и научной ценности массив документов российских либеральных партий², а также материалы, раскрывающие во всей сложности и противоречивости начальный этап политического самоопределения русских либералов в 1902–1905 гг.³ Исследователи констатировали чрезвычайно неоднородную и динамичную картину развития русского либерализма в начале XX в. Показательна в этом смысле монография К.А. Соловьева, в которой всесторонне проанализированы «поиски новой политической реальности» членами кружка «Беседа» в 1899–1905 гг.⁴ Старейшая либеральная протопартийная организация «Беседа» представлена в книге и как одна из площадок, связанных с «самоопределением» будущих лидеров либерального централизма.

Была документально обоснована ранее высказанная мысль о преемственности Партий демократических реформ, мирного об-

¹ См.: Розенталь И.С. Опыт публикации источников по истории политических партий в России (1-я треть XX века) // Мастерство историка. Памяти доктора исторических наук И.С. Розенталя: Сборник статей и материалов / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2019. С. 432-459.

² См.: Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии. 1905-середина 1930-х гг. В 6-ти т. / Сост. Д.Б. Павлов, Н.И. Канищева. М., 1994-2001; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1905-1920 гг. В 3-х т. / Сост. О.Н. Лежнева, Н.И. Канищева. М., 1997-2000; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК. 1905-1915 гг. В 2-х т. / Сост. Д.Б. Павлов. М., 1996-2000; Партии российских промышленников и предпринимателей: Документы и материалы. 1905-1906 гг. / Сост. В.Ю. Карнишин. М., 2004.

³ См.: Либеральное движение в России. 1902-1905 гг. / Сост. Д.Б. Павлов. М., 2001.

⁴ Соловьев К.А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности. 1899-1905. М., 2009.

новления, прогрессистов¹. Это способствовало утверждению в новейшей историографии тезиса о последовательном становлении центристской («прогрессистской») традиции между «полюсами» либерального лагеря – умеренно-консервативным (октябристы) и либерально-радикальным (кадеты)². К настоящему времени можно считать общепризнанным факт существования наряду с кадетской и октябристской моделями еще и прогрессистского варианта ответа на вызовы времени³. Обоснована объективная закономерность формирования особого типа либералов – центристов. При этом предпринята попытка проследить генезис «срединного» течения в русском либерализме с первой трети XIX в.⁴ «Прижился» и термин «либералы-центристы», несмотря на критическое отношение к нему некоторых коллег, предлагающих заменить его на более «благозвучные» определения самого явления и его носителей («профессорский либерализм», «катедер-либералы»). Однако не выдерживают критики попытки отождествления социальной базы центризма (в том числе либерального) с какой-то одной социальной (или профессиональной) группой, тем более в обществе с неустоявшейся социальной структурой.

Со второй половины 1990-х гг. наметился «тренд» на изучение региональной специфики либеральных партий. При этом в поле зрения исследователей попали не только отделения кадетской партии в провинции, но и актив местных политических организаций либералов-центристов⁵. В результате сделан вывод об «укорененно-

¹ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов: Документы и материалы. 1906-1916 гг. / Сост. Н.Б. Хайлова. М., 2002.

² См.: Хайлова Н.Б. Проблема центризма в русском либерализме в начале XX века // Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. Москва, 27-29 мая 1998 г. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1999. С. 293-305; Ее же. Центризм в российском либеральном движении (к вопросу о методологии и источниковой базе исследования) // Политические партии в российских революциях в начале XX века / Под ред. академика Г.Н. Севостьянова. М., 2005. С. 505-517.

³ Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Шелохаев В.В. На разные темы. М., 2016. С. 5-29; Его же. Либерализм в России в начале XX века. М., 2019.

⁴ Хайлова Н.Б. Центризм в российском либеральном движении (к вопросу о методологии и источниковой базе исследования) ... С. 507-508.

⁵ Потемкина Л.И. Пермская конституционно-либеральная партия 1905-1907 гг. // Вестник Пермского ун-та. Сер.: Лингвистика. 1998. № 2. С. 134-141; Петров С.Г. Прогрессисты Псковской губернии накануне и во время Первой мировой войны // Псков. 2007. № 26. С. 133-136; Братолобова М.В. Проблема либерального центризма нача-

сти» либерализма в российской «почве» как своего рода элемента национальной традиции, а также его конкурентоспособности и потенциале развития. Так, по убеждению А.А. Кара-Мурзы, Россия уже в начале XX в. могла перейти к реализации либерального проекта, причем в первую очередь через победу приверженцев данной стратегии в регионах. Ученый связывает это с высокими, по его мнению, шансами продвижения тогда на самый верх российской государственности особого человеческого типа («строителя с серьезным стратегическим, проектным мышлением»), ставшего массовым явлением на российских просторах к концу XIX в. в результате александровских реформ 1860-х гг.: «Земская и судебная реформы дали плоды в виде появления и развития “либеральной субкультуры” во многих регионах России». Кара-Мурза обращает внимание на то, что именно люди из упомянутой когорты «наладили дело у себя в регионах», а в связи с зарождением многопартийности и парламентаризма выдвинулись на авансцену истории, превратившись в реальную политическую силу на общегосударственном уровне¹. Ярким подтверждением этого стала победа либеральной альтернативы на выборах в I Государственную Думу весной 1906 г. Примечательно, что тогда в регионах нередко «брали верх» либералы-центристы, успешно конкурируя с кадетами. Что же касается объяснения конечного проигрыша либералов всех «оттенков» в политической конкуренции начала XX в., то в новейшей историографии присутствует не только традиционный (имеющий под собой веские основания) мотив «обреченности» отечественных либералов. Предлагается также и менее фаталистический взгляд: трактовка их поражения как временной неудачи².

ла XX века: региональный аспект // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. 2010. № 2. С. 65-69; Антошин А.В. Феномен либерально-центристской провинциальной прессы в дореволюционной России: костромская газета «Поволжский вестник» в период избирательной кампании во II Государственную думу // Историк, документ, цензура. Источниковедческие и историографические аспекты изучения истории отечественной и зарубежной периодики. Сб. ст. к 60-летию со дня рождения докт. ист. наук В.Ф. Блохина. СПб., 2015. С.92-93.

¹ Кара-Мурза А.А. Региональная традиция либерализма в России // Общая тетрадь. 2007. № 4 (43). С. 25-31.

² Шелохаев В.В. Либерализм в России в начале XX века... С. 494-498; Хайлова Н.Б. «Лики» либерального центризма: к вопросу о неоднородности русского либерализма начала XX века // Проблемы отечественной истории нового и новейшего времени:

Закономерным итогом историографического «прорыва» 1990-х – начала 2000-х гг. в изучении русского либерализма начала XX в. стало включение расширенных сведений о либералах-центристах в учебники и учебные пособия¹, монографии соответствующей тематики². Публикации, посвященные либералам-центристам, нашли отражение в обзорах новейшей историографии³.

Показателем динамики процесса изучения либерального центризма служат энциклопедические издания и справочники. От выпуска к выпуску обогащалась новыми персоналиями либералов-центристов книга «Российский либерализм: идеи и люди»⁴. Последнее (3-е) издание этого, по сути, энциклопедического труда, инициированного профессором Кара-Мурзой в рамках проекта «Русское либеральное наследие», включало уже 19 соответствующих биографических очерков. Они были посвящены К.К. Арсеньеву, гр. П.А. Гейдену, кн. В.М. Голицыну, И.Н. Ефремову, И.И. Иванюкову, М.М. Ковалевскому, А.И. Коновалову, В.Д. Кузьмину-Караваеву, Н.Н. Львову, А.С. Посникову, П.П. Рябушинскому, А.М. Рыкачеву, В.Ю. Скалону, М.М. Стасюлевичу, кн. Е.Н. Трубецкому, кн. С.Д. Урусову, С.И. Четверикову, А.И. Чупрову, Д.Н. Шипову⁵. К настоящему времени статьи о лидерах либерального центризма имеются в целом ряде универсальных, региональных, а также специальных (по различным отраслям знания) энциклопедий⁶.

сборник научных статей в честь профессора Валерия Васильевича Журавлева. М., 2018. С. 158-161.

¹ См., напр.: Хайлова Н.Б. Партия демократических реформ; Шевырин В.М. Партия мирного обновления; Шелохаев В.В. Прогрессисты // Политические партии России: история и современность / Под ред. А.И. Зевелева, Ю.П. Свириденко, В.В. Шелохаева. Учебник для исторических и гуманитарных ф-тов высших учебных заведений. М., 2000. С. 122-150.

² См., напр.: Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910-1917). М., 2016.

³ Егоров А.Н. Российские либералы начала XX в. и власть: историографические дискуссии. Череповец, 2007. С. 202-203; Макаров Н.В. Русский либерализм конца XIX-начала XX века в зеркале англо-американской историографии. М., 2015. С. 126-154.

⁴ Российский либерализм: идеи и люди / Под общей ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2004 (2-е изд., испр. и доп. М., 2007; 3-е изд., испр. и доп. М., 2018).

⁵ Авторы статей – А.А. Кара-Мурза, Ю.А. Петров, Н.Б. Хайлова, В.М. Шевырин, С.В. Шелохаев.

⁶ См., напр., последние издания «Большой российской энциклопедии», «Новой российской энциклопедии», а также: Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия в 2-х т. / Под ред. Ю.А. Петрова. М., 2008-2009; Санкт-Петербург: Энциклопедия / Науч. ред. Б.Ю. Иванов. СПб.-М., 2004 (2-е изд., испр. и доп. М., 2006); Московская энциклопедия / Гл. ред. С.О. Шмидт. М., 2007-2014; и др.

Срединное течение в русском либерализме представлено и в энциклопедиях, посвященных общественной мысли России и Русского зарубежья¹. Крупным явлением научной и общественной жизни стала энциклопедия «Российский либерализм середины XVIII – начала XX века»², аккумулировавшая в том числе несколько десятков статей, отражающих современный уровень осмысления феномена либерального центризма. Углубление представления о «срединном» течении в русском либерализме применительно к соответствующему периоду и проблематике было достигнуто в ряде других энциклопедий, выход которых был приурочен к 100-летним юбилеям знаковых событий в истории России (созыву Первой Государственной Думы³, вступлению России в Первую мировую войну⁴, началу революции 1905 – 1907 гг.⁵, революции 1917 г.⁶), а также 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина⁷. Фигуры либералов-центристов (депутатов Государственной Думы, членов политических партий и беспартийных), их взгляды, представленные в широком историческом и общественно-политическом контексте, уточняют наше представление о прошлом и неизменно актуализируют либеральный проект для России, а также самоценность центризма. Важнейшими вехами в осмыслении парламентской деятельности либералов (в т.ч. центристов) в 1906-1917 гг. и выведении на качественно новый уровень изучения темы стали публикации ведущих специалистов по истории русского либерализма – В.В. Шелохаева, Д.В. Аронова, К.А. Соловьева⁸.

¹ Общественная мысль России XVIII-начала XX века: Энциклопедия / Рук. проекта В.В. Журавлев. М., 2005; Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2009.

² Российский либерализм середины XVIII - начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010.

³ Государственная дума России. Энциклопедия в 2-х т. 1906-2006. Т. 1: Государственная дума Российской империи. 1906-1917 / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2006 (3-е изд., испр. и доп. М., 2013); Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010.

⁴ Россия в Первой мировой войне 1914-1918: Энциклопедия / Под ред. А.К. Сорокина. В 3-х т. М., 2014.

⁵ Россия в 1905 – 1907 гг.: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2016.

⁶ Россия в 1917 году: Энциклопедия / Отв. ред. А.К. Сорокин. М., 2017.

⁷ Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2011.

⁸ Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906-1917 гг.). М., 2005; Законотворчество думских фракций. 1906-1917 гг.: документы и материалы. М., 2006; Соловьев К.А., Шелохаев В.В. История

Исследователи высоко оценили справочник «Деятели либерального движения в России»¹. В нем был значительно расширен список персоналий, в том числе приведены краткие, но емкие по содержанию справки о 93-х либералах-центристах.

К настоящему времени опубликованы воспоминания видных либералов-центристов², переиздан ряд их научных трудов³. В монографиях, посвященных П.А. Гейдену, Д.Н. Шипову обстоятельно проанализированы их общественно-политические взгляды и деятельность⁴. На страницах научных изданий имеется «россыпь» публикаций, раскрывающих различные аспекты либерального централизма – взгляды его представителей на соотношение истории и политики⁵, модернизацию⁶, в т.ч. в сфере экономики⁷, а также на

деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества. М., 2013.

¹ Деятели либерального движения в России. Середина XVIII в.-1917 г. Справочник и электронная база данных / Отв. ред. Н.В. Макаров. М., 2012.

² Ковалевский М.М. Моя жизнь. М., 2005; Четвериков С.И. Невозвратное прошлое. М., 2001; Голицын В.М. Дневник 1917-1918 г. М., 2008; Урусов С.Д. Записки. Три года губернаторской службы. М., 2009.

³ См., напр.: Ковалевский М.М. Избранные труды: в 2-х ч. М., 2010; Посников А.С. Общинное землевладение. М., 2014.

⁴ Шевырин В.М. Рыцарь российского либерализма: граф П.А. Гейден. М., 2007; Шелохаев С.В. Д.Н. Шипов: личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010.

⁵ Хайлова Н.Б. Либерал-центрист К.К. Арсеньев: размышления по поводу 50-летия Великих реформ в России // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 1. № 4(33). С. 159-163; Ее же. Имперская и монархическая идея: взгляд русских либералов-центристов начала XX в. // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Шестые «Муромцевские чтения» (Орел, 24-26 сентября 2014 г.). Орел, 2014. С. 75-87; Ее же. Историк и политика: опыт русских либералов-центристов начала XX в. // Муромцевские чтения. Труды. 2009-2013. Орел, 2014. С. 362-372; Ее же. Пятидесятилетие судебной реформы 1864 г. в России: взгляд либералов-центристов начала XX века // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 7(60). С. 49-53; Ее же. Эпоха Великих реформ: взгляд либералов-центристов начала XX в. // Сборники Президентской библиотеки: серия «Электронный архив». Вып. 4: Эпоха Великих реформ: История и документальное наследие. Ч. 1: Сб. науч. трудов. СПб., 2019. С. 65-74.

⁶ Мосейкина М.Н. К вопросу об альтернативных моделях модернизации России: партия демократических реформ начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 1. С. 27-39; Хайлова Н.Б. «Партия здравого смысла»? Либералы-центристы в начале XX века // Российская история. 2016. № 4. С. 104-108.

⁷ Хайлова Н.Б. Предпринимательство и перспективы модернизации России: дискуссия длиною ... в столетие // Историк и его время: Сборник статей. К 70-летию профессора В.В. Шелохаева. М., 2011. С. 364-382; Ее же. Центристская модель модернизации российской экономики в начале XX века. М., 2013; Ее же. Власть-бизнес-

роль религии и церкви в переустройстве России¹, подходы к решению рабочего² и национального³ вопросов, реформе местного самоуправления⁴, проблеме народного просвещения⁵, восприятие

общество: либералы-центристы начала XX в. о социальном партнерстве в России // Леденцовские чтения. Бизнес. Наука. Образование: Материалы 3-й международной научно-практической конференции (Вологда, 28-29 марта 2013 г.). В 2-х ч. Ч. 1. Вологда, 2013. С. 145-150; Ее же. Модернизация и национальное хозяйство: взгляды русских либералов-центристов рубежа XIX – XX веков // Историк и художник: сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского. М., 2013. С. 188-203; Ее же. «Считать свое дело общественным служением»: либералы-центристы начала XX века о предпринимательстве // Россия XXI. 2013. № 2. С. 44-65.

¹ Хайлова Н.Б. Либералы-центристы о роли религии и церкви в переустройстве России // Орловский мудрец, опередивший время: сборник научных статей. Орел, 2011. С. 109-122.

² Хайлова Н.Б. Партия демократических реформ о рабочем вопросе в России начала XX века // Феномен индустриального города в контексте истории: Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции, 6-8 октября 2011 г., г. Череповец, Череповец, 2011. С. 166-173.

³ Хайлова Н.Б. Либералы-центристы о национальном вопросе в России в годы Первой мировой войны (по страницам «Вестника Европы») // Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, грамматике и политико-правовой практике российского либерализма: Сборник материалов Всероссийской научной конференции (Седьмые «Муромцевские чтения»). 1-3 октября 2015 г. Орел, 2015. С. 72-90.

⁴ Хайлова Н.Б. Либералы-центристы о проблемах развития местного самоуправления в России на рубеже XIX - XX веков // European Social Science Journal (ESSJ; Европейский журнал социальных наук). 2011. № 13. С. 18-25.

⁵ Хайлова Н.Б. Либерал-центрист М.М. Стасюлевич и народное просвещение в России в конце XIX-начале XX вв. // Мыслящие миры российского либерализма: графиня Софья Владимировна Панина (1871-1956): материалы международного научного коллоквиума (Москва, 29-31 мая 2011 г.). М., 2012. С. 173-186; Ее же. Либералы-центристы и народное образование в России начала XX века // Образование и общество. 2013. № 2(79). С. 99-105.

ими власти и правительственной политики¹, программы и тактики социалистов² и т.д.

Существенно продвинулось изучение политической роли русской буржуазии в лице ее видных представителей, внесших свою лепту в становление и эволюцию либерального центризма³. Специальное внимание уделено роли религиозного (старобрядческого) фактора в складывании «национал-либеральных» установок т.н. «молодых» московских предпринимателей («кружка Рябушинского»). Анализируется роль прессы прогрессистов в поиске объединения различных либеральных элементов, ориентированных на сочетание сильной власти, социальных реформ, законности и активной внешней политики.

Показано отношение либералов-центристов к проблеме насилия, в частности, подчеркнуто своеобразие их понимания революции⁴. Раскрыта роль М.М. Ковалевского и И.Н. Ефремова как круп-

¹ Казанина Л.Ю. Российский либерализм и реформы П.А. Столыпина (1906-1911). Новомосковск, 2009; Хайлова Н.Б. «Друг порядка, основанного на свободе и праве»: М.М. Ковалевский против П.А. Столыпина // Сергей Андреевич Муромцев – председатель Первой Государственной думы: политик, ученый, педагог. Сборник научных статей. Орел, 2010. С. 206-215; Ее же. «Старое возродилось в новом...»: либералы-центристы о преобразованиях П.А. Столыпина (попытка современного осмысления) // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: К 100-летию со дня гибели П.А. Столыпина: международная научно-практическая конференция: Москва, 28-30 сентября 2011 г. М., 2012. С. 72-83; «Никогда еще он не говорил так откровенно со мною»: Воспоминания М.М. Ковалевского о встречах с С.Ю. Витте накануне 2-й Государственной думы. 1907 г. // Власть и общество в Первой российской революции 1905-1907 гг.: документальные свидетельства. М., 2017. С. 105-132, и др.

² Хайлова Н.Б. Либералы-центристы о социалистах (по страницам журнала «Московский еженедельник» // Российский либерализм: теория, программатика, практика, персоналии. Сб. науч. статей. Орел, 2009. С. 200-210.

³ Петров Ю.А. Династия Рябушинских. М., 1997; Его же Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002; Курылев К.П. А.И. Коновалов в общественно-политической жизни России начала XX в. Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2002; Вишневецки Э. Капитал и власть в России. Политическая деятельность прогрессивных предпринимателей в начале XX века. М., 2006; Уэст Дж. Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии (1909-1914) // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 299-330; Его же. Предпринимательский дискурс и гражданская идентичность в позднеимперской России: представления о буржуазии // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: вторая половина XIX-начало XX века: Сборник. М., 2007. С. 170-182; Его же. Старобрядческое видение будущего России: утопический капитализм Павла Рябушинского // Старобрядчество в России (XVII-XX вв.): сб. науч. трудов. М., 2010. С. 674-687 и др.

⁴ Хайлова Н.Б. Революция 1905-1907 гг. в судьбе либерала-центриста князя В.М. Голицына: по страницам дневника // Книжные и документальные коллекции XX века: идеологии и обстоятельства: материалы научной конференции «Вторые Ряза-

ных деятелей миротворческого движения¹. Предпринята попытка характеристики особенностей мировосприятия либералов-центристов, составления их «коллективной биографии»².

Столетие Великой российской революции 1917 г. и начала Гражданской войны в Советской России вызвали очередную волну интереса к драматичным событиям той поры. В фокусе внимания исследователей оказалась и Российская радикально-демократическая партия (РРДП). Причем традиционная ее оценка как одной из наиболее заметных политических сил в 1917 г. (наряду с эсерами, социал-демократами, народными социалистами и каде-

новские чтения» (18-19 марта 2015 г.). М., 2016. Ее же. «Лучшее средство избегнуть революции – это ее совершить»: по страницам дневника В.М. Голицына // Россия XXI. 2017. № 4. С. 82-101; Ее же. Революция как предчувствие и реальность: по страницам дневника князя Владимира Голицына // Форум новейшей восточно-европейской истории и культуры (г. Айхштетт, ФРГ). 2017. № 1. С. 7-24; Ее же. Дневник князя В.М. Голицына: новые страницы истории общественной мысли России // В ритме времени: фронтовик, учитель, историк. Памяти доктора исторических наук Б.С. Итенберга. Сб. ст. и материалов / отв. ред. О.В. Будницкий, В.В. Шелохаев. М., 2018. С. 114-175.

¹ Матиева А.Х. Петербургский пацифист М.М. Ковалевский // История Петербурга. 2003. № 6. С. 22-24; Николаев Н.Ю. Миротворческие взгляды М.М. Ковалевского в начале XX в. // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 3. С. 6-15; «Французский журнал международного права называет меня отцом примирительного производства»: Воспоминания депутата 1-й, 3-й и 4-й Государственной думы И.Н. Ефремова. 1932 г. // Исторический архив. 2014. № 4. С. 88-114.

² Хайлова Н.Б. «Терпимость – это религия будущего»: взгляд русских либералов-центристов начала XX века // Проблемы толерантности: история и современность: материалы международной научной конференции (г. Череповец, 16-18 апреля 2015 г.): сб. науч. работ. Череповец, 2015. С. 17-19; Ее же. Социальная справедливость и социальное государство: взгляд русских либералов-центристов начала XX века // Проблемы социальной справедливости и современный мир: Материалы VI Всероссийский (с международным участием) научно-практической конференции, г. Череповец, 24-26 марта 2016 г. Череповец, 2016. С. 30-35; Ее же. Совместимы ли мораль и политика? (Опыт либерала-центриста кн. С.Д. Урусова) // Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законодательстве российского либерализма: Сборник материалов Всероссийской научной конференции 6-8 октября 2016 г. Орел, 2016. С. 170-182; Ее же. Либералы-центристы в России начала XX в.: опыт коллективной биографии // Право на имя. Биографика XX века: тринадцатые чтения памяти Вениамина Иофе, 20-22 апреля 2015 г. СПб., 2016. С. 124-130; Ее же. Либералы-центристы в России начала XX в.: кто они? // Российская многопартийность и российские кризисы XX-XXI вв.: материалы дискуссии международного круглого стола в рамках научного проекта «Народ и власть» (Москва, 27 марта 2015 г.). М., 2016 [официальный портал Института социологии РАН, URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4594>]

тами)¹ была существенно дополнена. Вариант общественного развития, предложенный РРДП, был представлен как одна из возможных альтернатив для страны. Обоснован вывод о том, что эта партия стала, по существу, «конечным пунктом» в эволюции прогрессизма, будучи тесно связанной с либералами-центристами предшествующего периода как на уровне личного состава, так и по своим программно-тактическим взглядам².

Предпринята попытка проследить судьбы либералов-центристов и в Советской России. В центре внимания исследователей оказались фигуры К.К. Арсеньева, кн. В.М. Голицына, А.С. Посникова, кн. С.Д. Урусова и ряда других³. Был сделан вывод о

¹ Васильева Т., Кривенький В., Шашкова О. Российская радикально-демократическая партия // Политические партии России. Конец XIX-первая треть XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1996. С. 515-516; Соловьев К.А. Российская радикально-демократическая партия // Российский либерализм середины XVIII-начала XX века: энциклопедия... С. 803-804; Лавринович Д.С. Между либерализмом и социализмом: проблема создания Российской радикально-демократической партии (1914-1916 гг.) // Романовские чтения. Сб. трудов международной научной конференции, Могилев, 21 октября 2004 г. Могилев, 2005. С. 81-83; Его же. Российская радикально-демократическая партия и ее деятельность на территории Беларуси в 1917 г. // Первая мировая война: великая и неизвестная: материалы международной научно-просветительской конференции, 23-27 мая 1914 г. Краснодар, 2014. С. 140-143; Иваницкая С.Г. Российская радикально-демократическая партия // Россия в 1917 году: энциклопедия... С. 833-834.

² Хайлова Н.Б. Либералы-центристы в 1917 г.: реальные политики или утописты? // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: материалы Международной научной конференции (Москва, 9 – 11 октября 2017 г.). М., 2017. С. 219-225; Ее же. Капитализм, демократия, социализм: взгляд Российской радикально-демократической партии // Государство, капитализм и общество в России второй половины XIX-начала XX вв.: материалы Всероссийского (с международным участием) научного семинара (г. Череповец, 19-21 октября 2017 г.): Сб. науч. работ. Череповец, 2017. С. 106-113; Ее же. Российская радикально-демократическая партия: к вопросу о политическом центризме в 1917 г. // Либералы и революция: сборник материалов Всероссийской научной конференции. 13-14 октября 2017 г. Орел, 2017. С. 125-140.

³ Хайлова Н.Б. Либералы-центристы (прогрессисты) в годы Гражданской войны: дела и судьбы // Россия в годы Гражданской войны, 1917-1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: материалы Международной научной конференции (Москва, 1-3 октября 2018 г.). М., 2018. С. 325-330; Ее же. «Хранитель “забытых слов”»: К.К. Арсеньев в годы «великих потрясений» (1914-1918) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 16-25; Ее же. Либерал-центрист В.Д. Кузьмин-Караваев: «Государство должно идти впереди граждан, ведя их к праву, правде» // Россия XXI. 2018. № 2. С. 136-161; Ее же. Либералы-центристы в Советской России: испытание Гражданской войной // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2018. Т. (1). № 2. С. 38-50; Ее же. «Имя Посникова всегда рождает во мне воспоминание об огне...» (К вопросу о некрологе как историческом источнике) // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 12(78). Часть 2, декабрь. С. 135-139.

том, что поначалу им было свойственно сдержанно-выжидательное отношение к новой власти. Радикальная перемена в их взглядах на перспективы развития страны совпала с «Великим переломом», обозначившимся в политике сталинского руководства в конце 1920-х гг.

Далее остановимся лишь на некоторых сюжетах, иллюстрирующих новаторство либералов-центристов. Прежде всего, это касается их взглядов на партийное строительство. В новейших публикациях обращено внимание на принципиально иной (по сравнению с кадетами) подход прогрессистов к решению вопроса об организационных основах либеральной партии в России. В общем виде выводы современных исследователей сводятся к следующему. В отличие от кадетских вождей, ориентированных на создание сплоченной и строго-дисциплинированной партии, идеологи «депреформаторов» (первыми из прогрессистов вступившими в полемику со сторонниками П.Н. Милюкова) полагали, что подобный опыт, характерный для западноевропейских государств с развитой политической жизнью, абсолютно неприемлем для России начала XX в. Термин «политическая партия» трактовался ими широко – как «свободный, изменчивый в своем составе союз, участники которого, неся ответственность каждый за себя, всецело сохраняют свою индивидуальность» и стремятся «законными путями к распространению своих взглядов и осуществлению своих идеалов». Их не смущало ироничное сравнение Партии демократических реформ с «политическим салоном». Ковалевский и его сподвижники разъясняли, что видят свою задачу не в том, чтобы «идти сомкнутыми рядами в бой», а в создании условий для свободного политического выбора и сплочения соратников на широкой либерально-демократической платформе. Подобную позицию занимали и лидеры московского Клуба независимых, близкие к «мирнообновленцам». Более того, они принципиально отказались от партийного «ярлыка», заявляя, что «внепартийность не есть беспринципность»¹.

Критику прогрессистами «партийной дробности», ставшей приметой политического ландшафта России после Манифеста 17 октября 1905 г., следует рассматривать как «родовую черту» срединного течения в русском либерализме начала XX в. Вышед-

¹ Цит. по: Хайлова Н.Б. «Лики» либерального центразма... С. 146.

шее из земско-городской среды, это течение и в эпоху многопартийности руководствовалось прежним лозунгом «в единении – сила!», стремясь сохранить за собой роль важного фактора общественного движения. Партии демократических реформ и мирного обновления буквально с момента выхода на политическую арену, весной – летом 1906 г., выступали с горячей проповедью создания в Государственной Думе «конституционного центра». Эстафету восприняли прогрессисты в 3-й и 4-й Думе. Как известно, реализацией замысла «конституционного центра» стал т.н. Прогрессивный блок, образованный лишь в августе 1915 г. При этом инициативная роль именно либералов-центристов в этом деле как-то «ушла в тень...»

Объединительный настрой либералов-центристов сочетался у них с серьезным вниманием к разработке вопросов партийного строительства. В новейших публикациях высказано мнение, согласно которому лидеры «демреформаторов», В.Д. Кузьмин-Караваев и К.К. Арсеньев, путем собственных наблюдений и размышлений пришли к заключениям, по сути, аналогичным тем, которые были изложены М.Я. Острогорским в книге «Демократия и политические партии». Более того, анализ публикаций идеологов прогрессистов (К.К. Арсеньев, М.М. Ковалевский, В.Д. Кузьмин-Караваев), а также близких к ним по взглядам ученых и публицистов (А.М. Рыкачева, В.М. Хвостова) послужил основанием для еще одного вывода – о значимости самостоятельного вклада идеологов либерального центризма в общемировую «копилку» политической мысли. Это касается, в частности, постановки ими вопроса об отличиях западной и русской политической культуры, обоснования ценности т.н. «малых партий» для развития политической жизни, аргументации положения об абсурдности требования официальной регистрации партий («реестр партий, с правдивой их оценкой, может быть составлен только историей») и т.д.¹

Особо отметим попытку охарактеризовать взгляды прогрессистов по вопросу о желательной конфигурации массовой партии как исключительно новаторский проект создания партии нового типа –

¹ См.: Хайлова Н.Б. В поиске «почвенной» модели либеральной партии накануне и в годы Первой русской революции // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. Москва, 26-27 мая 1999 г. М., 2000. С. 288-305.

своего рода «сетевой» структуры – с гибкой системой членства, неформальной системой лидерства, без строгой партийной дисциплины, значительной самостоятельностью местных отделений, настроенной на взаимодействие со всеми конструктивными деятелями и группами, разделяющими ее ценности и стремящимися к достижению тех же общественно значимых целей. В будущем именно такой партии отводилась роль «политического лифта» для гражданских активистов. Что касается реальной ситуации начала XX в., то либералы-центристы считали первоочередной задачей укрепление собственных позиций в Государственной Думе путем создания влиятельной парламентской партии¹.

Особый подход был у либералов-центристов и к составлению партийной программы. В его основе – принципы идейной открытости, толерантности, недогматичного мышления, в сочетании с определенностью и решительностью в формулировке ответов на главные вызовы времени². Анализ разногласий идеологов либерального центризма с кадетами (как наиболее близкими им «партийцами») позволил вывести прогрессистов из кадетской «тени» и прийти к выводу об опережающей роли лидеров Партии демократических реформ в определении содержания ряда ключевых программных положений. В этой связи замечено, что точка зрения «демреформаторов» на реформу государственного устройства и пути решения аграрной проблемы была чуть позже воспринята и соратниками Милюкова³.

В новейших публикациях обращено внимание и на то, что именно в среде идеологов либерального центризма, а также их реформаторских проектах вопросы этики в тесной связи с церковно-религиозной проблематикой с самого начала занимали одну из передовых позиций. Известны заслуги в этом деле кн. Е.Н. Трубецкого и журнала «Московский еженедельник». По словам лидеров либерального центризма, неудовлетворительность всех партийных программ с точки зрения церковного вопроса особенно остро проявилась в период выборов в 3-ю Думу, когда духовенство, впервые активно участвовавшее в избирательной кампании, было оценено

¹ Хайлова Н.Б. Либералы-центристы о проблемах партийного строительства в России в начале XX в.: опыт истории и современность // Власть. 2012. № 11. С. 166-169.

² Хайлова Н.Б. «Лики» либерального центризма... С. 147.

³ Хайлова Н.Б. Проблема центризма в русском либерализме в начале XX века // Партии демократических реформ, мирного, обновления, прогрессистов... С. 13-14.

прогрессистами как реальная политическая сила¹. Подобный взгляд опровергает устойчивое мнение, согласно которому русский либерализм тяготел исключительно к рационализму и был чужд религиозной тематике.

Плодотворным для изучения либерального центризма представляется предложенный А.А. Кара-Мурзой подход к типологии российского либерализма. Это – стремление выделить как особое общественно-политическое течение «этический либерализм», проявлявшийся «от либеральных славянофилов к умеренным земцам типа Дмитрия Шипова, Михаила Стаховича, Николая Хомякова, князя Николая Волконского и др.» Ученый подчеркивает, что «этический подход – это иная система координат», способствующая лучшему пониманию ряда фигур, занимавших центристские позиции в либерализме². Еще раньше, по существу, ту же мысль высказал И.С. Розенталь, охарактеризовав прогрессизм не только как политическое, но «в большей мере социокультурное и ценностное» явление. Подчеркивая важность этической составляющей в либеральном центризме, Розенталь выделял именно нравственную безупречность как характерную черту идеологов этого течения³.

Обозначая проблему «христианского либерализма» в политической культуре России, современные авторы рассматривают это явление на примере видного «мирнообновленца» М.А. Стаховича⁴. Эта же фигура, по их мнению, является показательной для раскрытия еще одной проблемы русского либерализма – «свобода и порядок», до сих пор не осмысленной в полной мере ввиду стереотипного восприятия «либерала» как «разрушителя», но не «творца» социального порядка⁵.

Среди новых методологических подходов, перспективных с точки зрения изучения либерального центризма, обращает на себя

¹ Вестник Европы. 1907. № 10. С. 868-869.

² Кара-Мурза А.А. Российский либерализм: проблемы генезиса, эволюции и типологизации // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28-29 октября 2010 г. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2011. С. 426.

³ Розенталь И.С. Прогрессист Голицын и его дневник // Россия XXI. 2007. № 4. С. 125.

⁴ Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. Свобода и Вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М., 2011. С. 57-98.

⁵ Кара-Мурза А.А. Российский либерализм: проблемы генезиса, эволюции и типологизации... С. 421-422; Кара-Мурза А.А. Свобода и порядок. Из истории русской политической мысли XIX-XX вв. М., 2009.

внимание призыв к избавлению от «старого направленства» при анализе общественной мысли и практики, с которым обратился к коллегам С.С. Секиринский, один из лучших специалистов по истории русского либерализма. Выход виделся ему не только в расширении диапазона исследований, но также во внимательном отношении к «природе самого человека, не укладывающейся в прокрустово ложе различных направлений и схем». Ученый подчеркивал, что «различия “направлений” не сводятся только к интеллектуальным составляющим», но также обусловлены личностно-психологическими особенностями людей (темпераментом, характером, ментальным складом)¹. Применение подобного многомерного подхода к «распознаванию», в частности, либералов-центристов подтверждает очевидное: в реальной жизни жестких перегородок между либералами-центристами и не-центристами не было².

Секиринский отмечал, что данная ситуация создавала дополнительную основу для широкого взаимодействия разной направленности – «от объединений экстремистов разных мастей до союзов умеренных». «В последнем случае, – высказывал историк еще одно заслуживающее внимания наблюдение, – пресловутая “фракционность” российских политических партий предстает не только как свидетельство неспособности к консолидации, но и в качестве полезного корректива партийной односторонности»³. Добавим, что именно в этом идеологи либерального центризма как раз и видели главный смысл своей критики в адрес кадетов. Так, граф П.А. Гейден ссылаясь на пример из римской истории, где, согласно традиции, за колесницей триумфатора обязательно шел человек, кото-

¹ Секиринский С.С. «Направленчество» или «внепартийность»: два подхода к изучению русской общественной мысли // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28-29 октября 2010 г. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2011. С. 106.

² Хайлова Н.Б. Центризм в российском либеральном движении (к вопросу о методологии и источниковой базе исследования) ... С. 511-514. Примером может служить ситуация в Красноярском отделении Конституционно-демократической партии в разгар избирательной кампании в 1-ю Думу. Тогда лидер правой группы местных кадетов В.А. Караулов, весьма болезненно реагируя на упреки в уклонении от кадетской программы, был на грани выхода из партии. В свое оправдание он сослался на солидарность с взглядами «такого представителя к.-д. партии, как М.М. Ковалевский» // Хайлова Н.Б. «Лики» либерального центризма... С. 148.

³ Секиринский С.С. «Направленчество» или «внепартийность»: два подхода к изучению русской общественной мысли... С. 106.

рый его порицал, «чтобы он не заносился слишком высоко в облака»¹.

Размышления Секиринского созвучны подходу к идентификации адептов тех или иных идей, предложенному профессором О.В. Волобуевым. Он подчеркивает исключительную роль «инициативного меньшинства» в генерировании преобразовательных проектов и организационном сплочении единомышленников². Стремление историков найти новые «ключи» для адекватного понимания общественных процессов в прошлом и настоящем разделяет известный культуролог А.П. Давыдов. Он ввел в научный оборот понятие – «середина», «поиск середины», «медиация» (лат. *mediana* – середина, англ. *mediation* – поиск середины), «срединоспособность»³.

Значимым вкладом в изучение природы прогрессизма (либерального центризма) стали публикации И.С. Розенталя⁴. Первым среди исследователей «присмотревшись» к термину «прогрессизм» с учетом особенностей политического словаря начала XX в., ученый пришел к выводу о вовсе не случайном самоназвании российских приверженцев срединного течения в русском либерализме. Разъясняя суть явления, Розенталь констатировал: «"Прогрессизм" был шире "либерализма", в границах этого понятия размещались и беспартийный либерализм легальных общественных объединений, неформальных групп и частных лиц, и либеральная пресса. Сотрудники "прогрессивных" газет обычно принадлежали к разным партиям»⁵. Закономерным был интерес ученого к русскому масонству начала XX в. Изучение этого сюжета⁶ позволило ему прийти к

¹ Вестник Европы. 1907. № 8. С. 740.

² Волобуев О.В. Инициативное меньшинство – движущая сила истории // Задавая вопросы прошлому... М., 2006. С. 8-24.

³ Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России // Россия: путь в третье тысячелетие. Калуга, 2000. С. 130-152. См. также: Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России. М., 2012; Давыдов А.П., Розин В.М. Спор о медиации: Раскол в России и медиация как стратегия его преодоления. М., 2017.

⁴ Розенталь И.С. Прогрессист Голицын и его дневник... С. 118-137; Его же. К вопросу о прогрессе: большевизм и прогрессизм // Культура и менталитет России Нового и Новейшего времени: к 80-летию со дня рождения Анатолия Евгеньевича Иванова: Сборник. М., 2018. С. 303-315; Его же. «Тот самый Давыдов...» Об истоках прогрессизма в России и о нетипичном бюрократе // Мастерство историка... С. 396-418.

⁵ Розенталь И.С. Прогрессист Голицын и его дневник... С. 121.

⁶ Розенталь И.С. Масоны и попытки объединения политической оппозиции в России начала XX века // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 52-67; Его же. Социал-демократы и масоны // Политические партии России. Страницы истории. М., 2000. С. 93-100; Его

выводу о том, что «новейшее масонство задумывалось не как новая партия или сверхпартия, а как средство внедрения в политически активную часть общества идеи согласия и компромисса. Принципы масонства, противопоставленные нетерпимости и фанатизму, должны были, согласно этому замыслу, получив известное распространение, приостановить дробление сил оппозиции»¹. Исследуя биографии и взгляды прогрессистов В.М. Голицына и Н.В. Давыдова, бывших «нетипичных бюрократов», Розенталь углубил представление об истоках прогрессизма, его широкой и разнородной социальной базе. Выводы ученого подтверждаются и при обращении к материалам о жизни других общественных деятелей, соратников упомянутых либералов-центристов².

Созвучным методологическим поискам российских исследователей следует признать особый акцент английского историка Дж. Хоскинга на изучении проявления в прошлом феномена «доверия». Отмечая, что в наши дни вопрос доверия является ключевым³, ученый полагает, что историки могли бы внести большой вклад в разработку проблемы, исследуя природу общественного согласия, многообразные модели и формы функционирования доверия в различных обществах, на разных уровнях (между обществом и властью, а также – отдельными индивидами, социальными группами, представителями различных национальностей, конфессий, идеологических и политических направлений, и т.д.). С доверием тесно связаны такие ключевые характеристики гражданского общества, как терпимость, согласие, лояльность, социальная сплоченность, консенсус и др. Все это – базовые ценности российских либералов-центристов начала XX в., а потому изучение опыта последних с по-

же. «Жидомасонский заговор»: из истории восприятия мифа // Россия XXI. 2001. № 2. С. 144-175 и др.

¹ Розенталь И.С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905-1914 гг. М., 2004. С. 165-166.

² См.: Хайлова Н.Б. «Вам сердечно преданный...» (по страницам переписки Н.В. Давыдова и А.Ф. Кони) // Мастерство историка... С. 242-263.

³ «Доверие – один из наиболее распространенных и, быть может, поэтому наименее замечаемых аспектов общественной жизни... – подчеркивает ученый. – Если мы не будем систематически изучать структуры доверия и социальную солидарность, то рискуем не заметить важные характеристик общества и совершить серьезные ошибки в подходах к нему» // Хоскинг Дж. Почему нам нужна история доверия // Вестник Европы. М., 2003. Т. VII-VIII. С. 226. См. также: Хоскинг Дж. Доверие: история. М., 2016.

зиций, предложенных Хоскингом и его российскими коллегами, представляется весьма перспективным.

Что же касается современной историографии либерального центризма, то знакомство с ней позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, очевиден значительный массив публикаций, в которых с разной степенью полноты и оригинальности рассматриваются многочисленные сюжеты, связанные с историей центризма в русской либеральной мысли и практике начала XX в. Во-вторых, несмотря на заметные успехи, обобщающий труд по данной проблеме пока не создан. Это обусловлено как масштабностью и сложностью задачи, так и состоянием источниковой базы, весьма ограниченной и «распыленной». Дальнейшее постижение сущности и потенциала либерального центризма связано как с использованием новых методологических подходов, так и с расширением диапазона научного поиска, привлечением новых источников. Перспективными представляются, в частности, следующие направления: продолжение изучения регионального аспекта проблемы; пополнение персональной базы данных представителей «срединного» течения в русском либерализме с целью воссоздания адекватной картины их многообразного вклада в разные сферы российской жизни и реакции современников на их труды; исследование механизмов трансляции и восприятия массовым сознанием взглядов прогрессистов; анализ опыта либералов-центристов в области заимствования достижений зарубежной науки и практики.

М. Банашкевич¹

**ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПЕРИОДИКА И ТРАНСФЕР ИДЕИ
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (НА
ПРИМЕРЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ОБЗОРОВ ИНОСТРАННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ)²**

¹ Банашкевич Миколай – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, Ягеллонский университет (Краков, Польша).

² Исследование выполнено при финансовой поддержке National Science Centre, Poland, в рамках проекта № 2016/21/D/HS3/02433.

Перевод с польского Никиты Кузнецова.

Пореформенная Россия – благодатный объект для изучения трансфера и рецепции идей. В этом процессе либеральная печать сыграла роль, которую трудно переоценить. В условиях резкого расширения публичной сферы она стала главным распространителем понятий, почерпнутых из западноевропейского политического лексикона, и популяризатором новых моделей общественной жизни. Поэтому периодические издания остаются бесценным источником знаний о намерениях идеологов и активистов российского либерализма. Значение ежедневных газет и журналов как исторического источника особенно велико при рассмотрении периода до первой русской революции, когда не было легальных массовых платформ, объединявших людей с либеральными убеждениями. Звучавший некогда призыв к углубленному изучению либеральной печати¹, несмотря на несомненный прогресс в данной области, по-прежнему актуален.

В настоящей статье я представлю выводы из анализа «Вестника Европы», главного либерального органа печати в пореформенной России, касающиеся восприятия иностранной литературы на тему парламентаризма². Использованный материал позволит воссоздать типичные для тогдашнего либерализма представления о достоинствах и преимуществах этой формы правления. Однако прежде всего он наглядно покажет воздействие заимствованных идей на общественное мнение. Ведь выводы о прочитанном читатель делал не на основании самостоятельных размышлений над главными тезисами книги. На самом деле он знакомился с ней с помощью своеобразного резюме, содержавшего лишь избранные части текста и подчеркивавшего ценности, близкие комментатору-рецензенту. Независимо от оценки реальной силы воздействия библиографических обзоров на политические взгляды читателей,

¹ Итенберг Б.С. Некоторые вопросы изучения русского либерализма XIX века // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 499.

² Краткий очерк истории «Вестника Европы» и общая характеристика его идейной направленности – см. Хайлова Н.Б. «Вестник Европы» // Российский либерализм середины XVIII-начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 98-101. Последнюю попытку написать монографическую работу по истории журнала предпринял Fedyashin A.A. *Liberals under Autocracy. Modernization and Civil Society in Russia, 1866-1904*. Madison, IW, 2012. P. 9.

мы должны признать, что обзоры эти, несомненно, переносили иностранные идеи в русские условия, способствуя их экспансии¹.

Поскольку дореволюционный политический словарь был далек от однозначности и точности, необходимо сразу сделать терминологическое замечание. В русской общественной мысли идея парламентаризма уступала по содержательности конституционализму. Это не должно удивлять, если учесть инклюзивные особенности термина «конституция» (часто *implicite* предполагающего наличие парламента) и изменение его значения в русском дискурсе XVIII и XIX вв. Для контраста стоит отметить, что популярные в пореформенной России словари расходились во мнениях относительно тесной связи между институтом парламента и конституционным строем². Отобранный мною материал рассматривает парламентаризм автономно. Такое решение было продиктовано тем, что конституция, определенная как основной закон, включает в себя ряд вопросов, выходящих за рамки институциональной сферы.

Обширный библиографический отдел «Вестника Европы» (наряду с аналогичным отделом выходившей с 1880 г. «Русской мысли») выгодно отличал издание М.М. Стасюлевича от большинства остальных. Это наблюдение подкреплено мнением знатока российского издательского рынка З.Ф. Либровича, который утверждал, что «в то время [в 60-е, 70-е и 80-е гг. XIX в.] отдел библиографии в газетах и журналах был в полном загоне и редакции крайне неохотно печатали заметки о книгах»³. Усилия редакции либерального журнала, направленные на то, чтобы восполнить этот пробел, предпринимались не только в меркантильных целях. Скорее, главную роль сыграла идейная мотивация редактора-издателя «Вестника». Он был убежден, что отечественная история — неотъ-

¹ На роль библиографического обзора в формировании мировоззрения либералов обратила внимание Селезнева Л.В., *Западная демократия глазами российских либералов начала XX века*. Ростов-на-Дону, 1995. С. 43-46.

² Ср. *Парламент // Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон)*. Под ред. Ф. Толля. Т. 3. СПб., 1864. С. 30-31; *Парламент // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля*. Изд. 2. Т. 3. СПб., 1882. С. 15; *Парламент // Настольный энциклопедический словарь*. Т. VI. М., 1897. С. 3749-3753; *Парламентаризм // Энциклопедический словарь (Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон)*. Т. XXIIa. СПб., 1897. С. 816-817.

³ Либрович С.Ф. На книжном посту. Воспоминания, записки, документы, Пг.-М., 1916. С. 378.

емлемая часть всемирной¹. А значит, наследие западной философской, экономической и общественно-политической мысли должно быть частью интеллектуального инструментария россиян. Такому видению действительности в немалой степени способствовал грантур, предпринятый Стасюлевичем в 1856-1858 гг. По прошествии лет его восхищение богатством интеллектуальной жизни европейских государств нашло отражение на страницах журнала.

За почти пятьдесят лет существования «Вестника Европы» его структура претерпевала весьма незначительные изменения. С самого начала довольно много места на страницах журнала занимали обзоры книжных новинок — как русских, так и зарубежных. Сперва их печатали в отделе «Литературная хроника», посвященном отечественной и всемирной истории. В 1868 г., когда ежеквартальный журнал стал ежемесячным, отдел поменял название на «Литературные известия» и с тех пор писал о книгах, посвященных разным научным дисциплинам, сохраняя разделение на русскую и иностранную литературу. В 1870 г. библиографический отдел разделили на две части: «Новейшая литература» и «Новые книги». Спустя два года первая из них разделилась на «Русскую литературу» и «Иностранную литературу». В 1875-1878 гг. две вышеупомянутые рубрики исчезли, чтобы в 1879-м возродиться в виде «Литературного обозрения», объединявшего рецензии на отечественные и иностранные публикации. В 1889 г. оно ограничивалось обсуждением книг, выходящих в России, а рецензии на остальные новинки были включены в «Новости иностранной литературы». Такая схема сохранялась и в дальнейшем на протяжении долгих лет. Часто публиковались и обширные анализы (одобрительные или полемические) в виде эссе-рецензий, которые не входили ни в один из постоянных отделов журнала. Наконец, начиная с первого номера «Вестника» его последнюю страницу занимал «Библиографический листок», содержащий краткие характеристики важных книг, для которых не хватило места в других рубриках. Подводя итог, можно сказать, что неизменной особенностью редакционной политики «Вестника Европы» было постоянное и значительное по объему присутствие библиографического отдела, включавшего зарубежные книжные новинки. Это однозначно свидетельствовало о приверженности

¹ Итенберг Б.С. Из истории «Вестника Европы» // Российская интеллигенция и Запад. Век XIX. Очерки, М., 1999. С. 107.

М.М. Стасюлевича и его сотрудников миссии приобщения читателей к западной интеллектуальной пище.

Библиографический отдел не мог полностью удовлетворить ожидания либерального читателя — не только потому, что порой редакции было трудно выловить из потока издававшейся литературы наиболее ценные произведения. Гораздо более существенными ограничениями были цензурные соображения, отражавшие повороты политики правительства. Фактически рецензии на зарубежные книги проходили контроль цензора дважды — прямой и косвенный. Сначала Комитет иностранной цензуры определял, можно ли допустить книгу к легальной продаже, а значит, решал и вопрос, можно ли об этой книге дискутировать в печати. Затем проверку внутренней цензуры проходила сама рецензия. Невозможность предсказать вердикт стражей благонадежности во времена ослабления контроля была предметом непрестанной тревоги редактора-издателя. Не менее мучительные чувства охватывали его и в те периоды, когда цензурная политика не давала надежды на открытое выражение мнений, и приходилось довольствоваться гоголевским «габерсупом»¹. Несмотря ни на что желание информировать читателей о последних западноевропейских интеллектуальных течениях должно было отступать перед необходимостью сохранить журнал.

В настоящей статье я ограничиваю анализ рецензий периодом правления Александра III. Решение это обосновано двояко. Во-первых, я хочу показать, что даже в крайне неблагоприятных для либерализма условиях трансфер идеи парламентаризма шел и способствовал укреплению веры в существование политической альтернативы самодержавному статус-кво. Несомненно, политика правительства в 80-е и 90-е гг. XIX в. была отрицанием конститутивных черт эпохи великих реформ. Строго говоря, были приостановлены и повернуты вспять законодательные инициативы царя-освободителя, которые давали возможность представителям общественности действовать более свободно за счет административного аппарата. Недвусмысленным знаком отношения преемника

¹ Это выражение, отсылающее к «Ревизору», употребил в письме редактору «Вестника Европы» известный либеральный публицист В.Ф. Корш (письмо от 19/31 января 1876 г.) — М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. В 5 т. Т. 2. СПб., 1912. С. 515.

Александра II к этому наследию был его отказ от проектов центрального представительного органа в том виде, который предлагал граф М.Т. Лорис-Меликов, и Земского собора, за который выступал граф Н.П. Игнатьев. При таком положении дел систематическое ознакомление общественного мнения с тезисами последних работ о парламентаризме было важным элементом стратегии либералов, суть которой заключалась в том, чтобы сохранить в памяти временно неосуществимые концепции изменения государственного строя, присутствовавшие в политическом дискурсе 60-х и 70-х гг. XIX в. Трудно переоценить значение этих усилий для формирования (а порой «только» укрепления) сознания противников автократии, которые неоднократно обосновывали свои высказывания и действия зарубежным опытом. В результате требование преобразовать абсолютную монархию в конституционную стало определяющим в публичной сфере задолго до революции 1905 г.¹

Однако есть и другая причина сужения временных рамок исследования. Она не имеет ничего общего с внутренним положением Российской империи в царствование Александра III, хотя удивительным образом совпадает с ним по времени. Дело в том, что в 80-е гг. XIX в. на западном книжном рынке появились многочисленные публикации, ставившие под сомнение достоинства парламентского строя. Разумеется, это не было чистой случайностью. Прошло уже десять лет со времени образования во Франции Третьей республики, что склоняло ученых и публицистов к формулированию обобщающих оценок. В свою очередь важные социально-экономические реформы, предпринятые британским парламентом во второй половине XIX в., не оставили равнодушными участников и наблюдателей политической жизни на берегах Темзы. На европейском континенте общественное мнение занимала также парламентская борьба в Германской империи. Наконец, много эмоций вызывали перипетии конституционного строя в Америке, где заметную роль играл Конгресс. Труды, представлявшие парламентаризм в критическом свете, не встречали препятствий со стороны русской

¹ Как заметил современный исследователь, русские конституционалисты (сторонники появления в России представительного органа — М.Б.) эпохи великих реформ считали «немедленное введение ... конституции неизбежным и логическим следствием реформ Александра II» — Гусман Л.Ю. Основные этапы развития русского эмигрантского конституционализма 1840-1860-х гг. // Очерки истории и идеологии русского конституционализма «эпохи великих реформ», СПб., 2017. С. 182.

цензуры. Как это ни парадоксально, именно вышеупомянутое обстоятельство позволило либеральным периодическим изданиям непрерывно, хотя и закамуфлированным образом, популяризировать идеалы государственного устройства, далекие от самодержавия. По сути дела, почти все публиковавшиеся ими тексты представляли собой полемику с рецензируемыми произведениями.

Автором нижеизложенных рецензий и эссе-рецензий был Леонид Слонимский, выпускник юридического факультета Киевского университета, опытный публицист, связанный как с ежедневными газетами (с консервативным «Русским миром», либеральным «Порядком»), так и с узкоспециальными юридическими журналами. С конца 1882 г. он начал постоянно сотрудничать с «Вестником Европы», на долгие годы став одним из его столпов. В либеральном журнале он вел «Иностранное обозрение» и интересующие меня «Новости иностранной литературы»¹. Хотя все его тексты были подписаны фамилией или инициалами, их можно считать официальной позицией редакции, поскольку они должны были получить одобрение М.М. Стасюлевича. «Ничто не решалось и не делалось без его санкции», — описывал принцип единовластия редактора-издателя сам Слонимский².

Посмотрим, какую оценку получили в 1881-1894 гг. на страницах «Вестника Европы» книги, разоблачавшие пороки парламентаризма, и с помощью каких аргументов либеральный публицист защищал доброе имя своей излюбленной системы государственного устройства. Аргументация эта была неотъемлемой частью объявленного Стасюлевичем и его интеллектуальными союзниками крестового похода против консерватизма. Недаром К.К. Арсеньев, другой многолетний сотрудник журнала, написал в своих автобиографических заметках: «Борьба всегда велась «Вестником Европы» вправо»³.

¹ Самой обширной биографической заметкой об этом публицисте по-прежнему остается написанная при его жизни энциклопедическая статья: Слонимский, Леонид-Людвиг Зиновьевич // Энциклопедический словарь (Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон). СПб., 1900. Т. 30. С. 428-429.

² Цит. по: Хайлова Н.Б. Михаил Матвеевич Стасюлевич: «Где правительство называют кормильцем и благодетелем, там государство останется навсегда в состоянии детства...» // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2007. С. 314.

³ Цит. по: Алафаев А.А. Русский либерализм на рубеже 70-80-х гг. XIX в. Из истории журнала «Вестник Европы». М., 1991. С. 113.

Антипарламентские диатрибы, к которым охотно прибегали русские консерваторы, должны были создать впечатление, что законодательные собрания обладают дестабилизирующим потенциалом. Однако уверенность в пагубных последствиях представительного устройства для государственности была присуща не только защитникам самодержавия. Западных наблюдателей тоже неоднократно коробило то от засилья партий, то от чрезмерной раздробленности парламентских фракций и групп. По мнению противников представительной демократии, второй случай был особенно опасен для государства, поскольку расшатывал ориентиры и делал политику нестабильной (Эмиль де Лавеле. Парламентарный образ правления и демократия. Ярославль, 1888). Рецензент «Вестника Европы» не ставил под сомнение частичную правильность такой точки зрения, но упрекал ее приверженцев в односторонности. На примерах, почерпнутых из последних десятилетий истории Франции накануне революции (кадровая политика Людовика XV и Людовика XVI), из истории Германии (метания монархов между разными направлениями внешней политики) и Испании (решающее влияние армии на политику), он показывал, что нестабильность свойственна не только парламентаризму. Наблюдаемый кризис, утверждал Слонимский, не имеет ничего общего с формой правления, но вытекает из необходимости создавать условия для удовлетворения человеческих нужд, которые до сих пор искусственно подавлялись¹.

Позиция «Вестника Европы» по вопросу устойчивости парламентаризма к политическим пертурбациям идеально вписывалась в универсальную аргументацию либералов на данную тему. Долговечность правительств, которая для консерваторов была ценностью самой по себе, для их противников не играла существенной роли. Постоянство политики также не оценивалось либералами положительно, если политика противоречила изменчивой воле суверена. Тем самым подрывалось коронное утверждение критиков представительной системы (например, Henry Sumner Maine. *Popular government*. London, 1885). По мнению публициста русского либерального журнала, парламентская система правления отличается гораздо большей устойчивостью к общественным потрясениям, нежели монархия. Это вытекает не из доктринального превосходства над другими формами организации общества, но из живущей в

¹ Литературное обозрение // Вестник Европы. 1883. Кн. 11. С. 114-116.

сознании граждан потребности в явной дискуссии об общественных делах. В этом смысле парламент представлялся эманацией народного представительства, которое, в свою очередь, отражало потребность людей участвовать в решении своей судьбы. Иначе говоря, в западноевропейских странах миссией парламентов было укрепление демократического духа¹.

Несмотря на веру в первичность общественного сознания по отношению к политическим институтам, в редакции «Вестника Европы» понимали, что синтез парламентаризма и демократии не происходит без препятствий. Более того, русские либералы признавали, что демократизация парадоксальным образом может ослабить доверие общественного мнения к парламенту, поскольку общество будет ожидать, что законодательный орган решит все проблемы, а это выходит за пределы его возможностей. Впрочем, обременение парламента слишком большим количеством дел привело бы к его дисфункции и, хуже того, могло бы вылиться во всемогущество государственных структур. Рецензент новостей иностранной литературы был полностью солидарен с мнением (Xénocrate Spiridon Combothecra. *Essai sur le regime parlementaire*. Paris, 1889), согласно которому условием правильного функционирования парламентского строя является хорошо организованное местное самоуправление, уменьшающее нагрузку на законодательную и исполнительную власть. Ибо центральный представительный орган должен прежде всего отвечать за политическое воспитание народа, прививать всем общественным группам навык служить общему благу и, наконец, примирять монархические, аристократические и демократические тенденции².

Реально существующие парламенты и шедшие в них дебаты, как правило, были пародией на идеализированный образ этой формы правления. Несомненно, этому способствовали низкие умственные и моральные качества политической элиты. Вскрывавшиеся в ходе заседаний корыстолюбие, ограниченные интеллектуальные горизонты или забота о собственных интересах за счет общей пользы — все это давало основания для выводов о деструктивном влиянии парламентаризма на общественную жизнь (Jules Simon.

¹ Слонимский Л.З. Новейшие критики парламентаризма // Вестник Европы. 1888. Кн. 7. С. 227-231, 240-241.

² Л.С. Новости иностранной литературы // Вестник Европы. 1889. Кн. 4. С. 865.

Nos hommes d'état, Paris, 1887). Рецензент «Вестника Европы» отвергал эту аргументацию, исходя из того, что низкий уровень народных представителей не имеет непосредственной связи с политическими институтами — это лишь симптом болезни, снедающей общество. Он позволил себе также заметить, что в других политических системах (здесь он явно имел в виду абсолютную монархию) ситуация выглядела бы еще хуже из-за ограниченной свободы — в частности, свободы открыто говорить о кризисе¹.

Одной из главных практических проблем парламентаризма было всеобщее активное избирательное право. Оно отождествлялось с осуществлением демократических идеалов в их самом радикальном варианте и вызывало споры и протест критиков эгалитаризма. Русские либеральные публицисты отвергали мнение, дезавуировавшее сам принцип выборности как источник бед и неудач. Примером может послужить негативная реакция на книгу французского экономиста Поля Леруа-Больё (*L'état moderne et ses fonctions*. Paris, 1890), которую рецензент упрекал в крайней тенденциозности. По его мнению, отказ от сравнительного метода не позволил автору дать честную оценку парламентской системе правления, которую следовало бы сравнить с порядком дореволюционной Франции и Второй империей².

Впрочем, неодобрительное отношение к антиреспубликанскому перевороту Луи-Наполеона и к демократическому цезаризму, лицемерно рассуждавшему о свободе, — постоянный мотив библиографического отдела «Вестника Европы». Рецензия на нашумевший труд, разоблачавший механизм узурпации и уступчивость элит перед лицом переворота (Corentin Guyho. *Études d'histoire parlementaire. Les hommes de 1852*. Paris, 1889), дала либеральному публицисту предлог для завуалированных упреков по адресу самодержавия. Трудно по-другому интерпретировать замечания о том, что Вторая империя держалась исключительно за счет внешней конъюнктуры и искусственного блеска, пока в 1871 г. ее не постигло поражение в войне с Пруссией. Еще более убедительно звучало предостережение, «к каким печальным результатам приводит забвение общественных и народных прав во имя преклонения пред

¹ Слонимский Л.З. Новейшие критики парламентаризма // Вестник Европы. 1888. Кн. 5. С. 106.

² Л.С. Новости иностранной литературы // Вестник Европы. 1890. Кн. 2. С. 895-896.

личностью»¹. Империя — конструкция, прочность которой требует адаптации к требованиям современности, особенно к принципу избирательности народного представительства, — вот очевидный вывод из этих рассуждений.

Исторический триумф демократического принципа, возможный после принятия всеобщего избирательного права, беспокоил не только сторонников абсолютной монархии, но и некоторых ярких приверженцев парламентаризма, либералов до мозга костей. Они выдвигали обвинение в том, что парламентская система возводит на пьедестал всеобщее голосование за счет уменьшения веса традиции или долгосрочного политического планирования. Многие опасались, что предпочтения и ожидания избирателей заслонят собой реализацию общегосударственных интересов или даже сделают ее полностью невозможной. Такой аргумент появился, в частности, в работе французского академика, предлагавшего превратить Францию в либеральную демократию (которая действительно ограничивает влияние суверена на его представителей), будто бы свободную от изъёнов, слишком далеко вторгавшихся в жизнь граждан имперской и республиканской демократии (Étienne Vacherot. *La démocratie libérale*. Paris, 1892). Рецензент «Вестника Европы» явно открещивался от представленной таким образом критики парламентаризма, особенно же яростно отвергал тезис автора о том, что учет воли народа неизбежно приведет к укреплению государственного социализма².

Несмотря на уверенность редакции «Вестника Европы» в превосходстве парламентаризма над другими формами государственного устройства, журнал не умалчивал и о его типичных системных недугах, от которых всеобщее голосование вовсе не уберегало. Явлением, подрывавшим веру в результат выборов как отражение подлинного волеизъявления суверена, был низкий уровень участия в голосовании. По мнению некоторых публицистов, панацеей от этой болезни должно было стать принудительное участие в выборах под угрозой лишения политических прав (Paul Laffitte. *Le suffrage universel et le régime parlementaire*. Paris, 1888). Рецензент российского либерального журнала предупреждал, что принятие подобного решения лишь способствовало бы еще более сильному

¹ Л.С. Новости иностранной литературы // Вестник Европы. 1889. Кн. 5. С. 411-412.

² Л.С. Новости иностранной литературы // Вестник Европы. 1892. Кн. 5. С. 424-425.

разделению общества на группы политически индифферентных и живо участвующих в общественных делах граждан. По его мнению, суть конфликтов, обнаруживающихся на парламентском форуме, заключается в общественных антагонизмах¹.

В анализируемых рецензиях большое внимание уделено также проблематике социальной справедливости. Решительный протест либерального публициста вызвала филиппика знаменитого социолога Герберта Спенсера против якобы чрезмерного вмешательства британского законодательства в различные сферы жизни граждан, что привело к ограничению их свободы (Herbert Spencer. *The man versus the state*. London, 1885). То, что в социальных реформах второй половины XIX в. Спенсер усмотрел принуждение и стеснение свободы, типичные для монархического деспотизма, Слонимский счел морально недопустимым. Ведь речь шла о таких элементарных вещах, как запрет на эксплуатацию детей и женщин в промышленности, введение обязательного школьного обучения или государственная поддержка для рабочих и крестьян. Рецензент подчеркивал, что регламентация межчеловеческих отношений государственными структурами – явление не новое. Изменение заключается в том, что современный парламент учитывает благо всех, а не только привилегированных слоев². Вот такая расстановка акцентов была характерна для мышления русских либералов, видевших в реформах орудие социальной инженерии, которая должна устранять сословное неравенство и ликвидировать нормы и институты, сохраняющие *status quo ante*.

Решительный протест русских либералов вызывали попытки дискредитировать современный парламентаризм путем противопоставления его формам общественного представительства в предыдущие эпохи, особенно в Средние века. Автор одной из таких попыток восторженно описывал корпоративный дух Средневековья, рассматривая его как образец гармоничной организации представительства. По его мнению, парламентаризм XIX в. отражал поворот к спекулятивному мышлению, являя собой противоположность органическому развитию общин в давние времена (Adolphe Prins. *La démocratie et le régime parlementaire*. Bruxelles – Paris, 1884). Глав-

¹ Л.С. Новости иностранной литературы // Вестник Европы. 1889. Кн. 1. С. 440.

² Слонимский Л.З. Новейшие критики парламентаризма // Вестник Европы. 1888. Кн. 5. С. 111-113, 115.

ным аргументом рецензента «Вестника Европы» против подобных утверждений было характерное для русского либерализма обращение к совести и общественной восприимчивости читателей. Он напомнил о многовековом притеснении и страданиях низших слоев, что опровергает теории об идиллических отношениях, якобы господствовавших в прошлом¹.

Вышеприведенный обзор подтверждает важное место идеи парламентаризма в размышлениях русских либералов о зарубежных книгах. Тематическое разнообразие рецензий на труды, посвященные этой форме правления, свидетельствует о том, что редакция «Вестника Европы» вписывала вопросы государственного устройства в более широкий контекст модернизации России. Вероятно, исследователь политических доктрин расценил бы это как поиски ответа на вопрос о русском варианте «социального либерализма»². Для исследователя же либерализма как общественного движения, стремившегося преобразовать самодержавие в парламентскую монархию, намного важнее констатация, что публицистика либерального журнала вызывала тревогу у стражей лояльности печати к престолу. В конце 80-х годов XIX в. один из цензоров охарактеризовал редакционную линию «Вестника Европы» следующим образом: «Тонко, осторожно, но неутомимо, по строго начертанной программе, редакцией журнала... будируется общественное сознание, глухо пропагандируется недовольство существующими порядками общественного и государственного строя»³. Приверженность «Вестника Европы» концепции эволюционного прогресса и вера сотрудников журнала в возможность превращения России в современное государство позволяют рассматривать рецензии и эссе-рецензии, посвященные идее парламентаризма, как попытку установить на дореволюционном перепутье стрелку, указывающую путь к далекой цели. Трудно представить себе более наглядное исповедание веры в либерализм как альтернативу развития, произнесен-

¹ Слонимский Л.З. Кризис парламентаризма // Вестник Европы. 1884. Кн. 9. С. 343-346.

² Ср. Китаев В.А. Об особенностях либерализма «Вестника Европы» (1870-1880-е гг.) // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 549.

³ Цит. по: Кельнер В.Е., Человек своего времени (М.М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция), СПб., 1993. С. 236.

ное наперекор позиции властей и преобладающим мнениям консерваторов¹.

Ф.А. Селезнев²

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В
1906–1914 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОПРОСА
П.Н. МИЛЮКОВА В ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ
КОМИССИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА)³**

Пришедшее к власти после Февральской революции Временное правительство собиралось устроить суд над представителями свергнутого царского режима. Для сбора материала против них была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия (далее ЧСК)⁴. В качестве свидетелей обвинения ей был допрошен ряд политиков, в том числе П.Н. Милюков. Он в течение двух дней дал обширные показания⁵. Причем, прежде всего (судя по характеру вопросов, задававшихся ему в первый день) от него ждали сведений, позволявших учесть Николая II в попытках вернуться к неограниченному самодержавию, ликвидировав Государственную Думу или низведя ее до положения совещательного органа.

В данной статье дается подробный анализ этой части показаний Милюкова. Основное внимание уделено взглядам лидера кадетов на наиболее важные эпизоды взаимоотношений Государственной Думы и царского правительства в 1906–1914 гг., а также его по-

¹ Омелянчук И.В. Парламентаризм в идеологии российских консерваторов начала XX в. // Вопросы истории. 2015. № 2. С. 13-35.

² *Селезнев Федор Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского.*

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Россия накануне великих потрясений: Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства», проект № 19-09-00252.

⁴ Лукоянов И.В. Наказанные без вины: Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства и ее подследственные // Власть, общество и реформы в России в XIX - начале XX в.: исследования, историография, источники. СПб., 2009. С. 226-240.

⁵ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства. Редакция П.Е. Щеголева. Л., 1924. Т. V. М.-Л., 1926. С. 295-372.

ниманию феномена российской политической системы, сложившейся после 17 октября 1905 г.

Как полагал Милюков, учреждение Государственной Думы являлось уступкой Николая II. Ее вынужденный характер, как считал Павел Николаевич, заставлял самодержца тяготиться ей. Это делало «все политическое положение шатким»¹. «Неполнота и неопределенность этой уступки характеризовались тем, что к ней никогда не мог быть приложен термин, который характеризует *конституционное устройство* (курсив в тексте. – Ф.С.)», – объяснял следователям ЧСК Милюков. В подтверждение своей мысли он привел слышанные им лично от С.Ю. Витте и П.А. Столыпина замечания о том, что «это слово – конституция – не может быть употреблено, потому, что оно не соответствует намерению дающего эту уступку» (с. 296).

Взгляды Николая II на государственное устройство России, сложившееся в 1905–1906 г. недавно проанализировал К.А. Соловьев. По его мнению, Основные государственные законы, подписанные царем 23 апреля 1906 г., стали результатом «протоестественного синтеза» двух конфликтующих моделей – парламента, олицетворяющего всю нацию как единое целое, и, в силу этого обладающего законодательной властью, и Земского собора, представляющего различные корпоративные интересы и экспертные сообщества, чье мнение для монарха носит характер совета².

Творцом этой системы наряду с Николаем II был и Витте, у которого, как отмечал Милюков, присутствовало «несколько славянофильское настроение». «Славянофильство» Витте, нашедшее поддержку высших «сфер», по Милюкову, заключалось, во-первых, в мысли, что «можно ограничиться минимальной уступкой и, дав Думе законодательную власть, не делать из этого вывода, что власть монарха ограничена»; во-вторых, в убеждении, что поддержку надо искать среди крестьянства, а не среди дворянского сословия» (С. 296).

Стремление опереться на крестьянство (по Милюкову – «крестьянско-монархическое направление») существовало в верхах от

¹ Там же. С. 295. Далее ссылки на этот документ даются в тексте статьи в круглых скобках.

² Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизм взаимодействия (1906-1914). М., 2011. С. 40-41, 45-47.

начала составления Булыгинского проекта. Оно проявилось, в частности, в законе о выборах, благодаря которому в I Думе оказалось большое число депутатов, выступавших за дополнительное наделение крестьян землей. Чтобы иметь возможность взаимодействовать с «крестьянской» Думой, Витте сработал на опережение и поручил Н.Н. Кутлеру подготовить проект принудительного отчуждения помещичьих земель¹. Однако в верхах, кроме «крестьянско-монархического», было сильно и «дворянско-монархическое» направление, противившееся аграрной реформе. Установкам Витте и Кутлера было противопоставлено мнение о том, что нужно создать крестьян-собственников, «и этим покончить с требованием земли». Его представлял И.Л. Горемыкин, предлагавший «распустить Думу на аграрном вопросе». Витте, наоборот, «не брал на себя роспуска Думы на аграрном вопросе», что и стало одной из причин его отставки (С. 297).

Впрочем, уход Витте еще не означал окончательного поражения «славянофилов» в царском окружении. В дни работы I Думы их олицетворял Д.Ф. Трепов. Милюков рассказал о своих переговорах с ним в июне 1906 г. по поводу условий привлечения кадетов в правительство. «Трепов заявил, что он на принудительное отчуждение согласен, что, по его мнению, это царь даст, но с той оговоркой, что он сам издаст манифест об этом», – вспоминал Павел Николаевич (С. 297).

Стремление решить аграрный вопрос царским манифестом, помимо Государственной Думы, являлось одним из характерных проявлений «славянофильского» настроения Николая II. Однако кадеты не пошли в Совет министров, и I Дума, как планировал Горемыкин еще до ее созыва, была распущена из-за своего земельного законопроекта.

Слова Милюкова о заранее существовавшем плане борьбы с ней чрезвычайно заинтересовали председателя ЧСК Н.К. Муравьева. «Вы изволили сказать, что весь план борьбы с Государственной Думой был уже составлен к моменту ее создания, т.е. раньше, чем первая Дума начала функционировать, уже был со-

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 195-217; Николаев М.Г. Царский министр делает советские деньги. Страницы биографии Н.Н. Кутлера – одного из творцов денежной реформы 1922-1924 гг. М., 1999. С. 19-23.

ставлен план борьбы с ней и с идеей народного представительства вообще?» – спросил он (С. 297–298).

Милюков, однако, не стал прямо подыгрывать Муравьеву. Он дал ответ, видимо, не столь ожидаемый тем, но интересный с точки зрения понимания взглядов лидера кадетов на российскую политическую систему предреволюционного периода. Павел Николаевич заявил, что со стороны власти борьба шла «не столько с идеей народного представительства, сколько с идеей конституции, т.е. за монархическую власть, каковой народное представительство, понятое в славянофильском смысле, не мешало» (С. 298).

Однако председатель ЧСК нуждался в четких юридических аргументах для подготовки обвинения и сформулировал нужную ему мысль за Милюкова («Один материальный признак конечной цели, которую задавалось правительство, вы изволили сейчас определить: это исключение законодательного признака Государственной Думы и замена его законсовещательным»). Павел Николаевич, казалось бы, согласился с ним («Эта мысль проходит красной нитью»). Но затем сделал оговорку («В дальнейшем она не всегда была ясна, т.е. не всегда выдвигалась на первый план»). Затем Милюков пояснил, что имел в виду: «Если бы оказалось, что законодательные функции Государственной Думы не противоречат молчаливому соглашению относительно сохранения старых прерогатив власти», то может быть вопрос о превращении Думы из законодательной в законсовещательную и «не пришлось бы выдвигать» (С. 298).

Суть названного «молчаливого соглашения», по Милюкову, заключалась в признании всеми участниками политического процесса того, что в обычных ситуациях Дума законодательствует (и ни один закон не может быть принят без ее согласия!), но «в исключительных случаях исторические права власти остаются теми же, чем они были» и «старая власть сохраняет за собой верховные права даже над законодательной властью» (С. 298). (Примером такого применения верховных прав самодержца на практике стало издание избирательного закона 3 июня 1907 г. в обход Думы, что противоречило Основным законам Российской империи). «Так что это идет красной нитью через всю историю этих лет, – заключил Милюков, – попытка так формулировать законодательную власть, чтобы она не мешала признанию сохранения за верховной властью ее полно-

ты...» В противном случае (если бы Дума «мешала») следовала «попытка превратить ее в законосовещательную», «причем в каждый момент ослабления народного представительства всегда ставился на очередь по существу вопрос о законодательной власти» (С. 299).

Очень интересна характеристика, которую в рамках этой системы Милюков дает Столыпину. Тот для Милюкова являлся проводником «монархически-дворянской» политики, восторжествовавшей над политикой «монархически-демократической» («славянофильской»). Но в российской политической традиции альтернатива славянофильству – это западничество, т.е. конституционализм. Поэтому неслучайно для Милюкова Столыпин «является под флагом конституционализма и желания сохранить этот конституционализм, на чем основывается его союз с Гучковым и октябристами» (С. 300).

Но, как подчеркнул Милюков, премьер-министр не был уполномочен на подобную политику Николаем II: «Это был его личный почин, личная надежда – что он может сохранить себя у власти и сохранить некоторую видимость конституции» (С. 301). Соглашаясь в этом с Милюковым, современный историк должен, на наш взгляд, все-таки увидеть в столыпинской политике сотрудничества с октябристами не случайную прихоть временщика, а закономерную тенденцию, характерную не только для российского парламентаризма, но для парламентаризма вообще. В государстве с законодательным органом власти любое правительство для проведения разрабатываемых им законопроектов должно иметь поддержку депутатов. В парламентских республиках это достигается путем формирования кабинета министров из депутатов победившей на выборах партии. В «президентских» государствах возможны другие варианты, один из которых нащупывался в Российской империи Столыпиным. Для осуществления своих реформ он должен был опираться на парламентское большинство. Другое дело, что не он выдвигался этим большинством (как это происходило в Великобритании, чей политический опыт Петра Аркадьевича чрезвычайно интересовал), а наоборот сам его формировал для проведения через парламент правительственных законопроектов.

Если продолжить аналогии с Англией, то там, в случае конфликта между парламентским большинством и главой кабинета, премьер-министр уходит и вместо него назначается другой. В Рос-

сийской империи в подобной ситуации Столыпин начал создавать под себя другое парламентское большинство.

«Началом разрыва» союза между Столыпиным и октябристами Милюкову виделся отказ Думы одобрить выделение средств на строительство четырех новых броненосцев. (Указанное событие произошло в марте 1908 года)¹. «Конец разрыва» Милюкова знаменуется событиями марта 1911 г. («конституционным кризисом» марта 1911 г. и демонстративным уходом А.И. Гучкова с поста председателя III Государственной Думы). В рамках этого периода правительство приступило к попыткам «из наличных элементов Думы составить группу более надежную, чем октябристы, отделив от крайне правых более надежные элементы и соединив их с правым центром националистов» (С. 302). Плодом этих усилий стало создание Русской национальной фракции. Она возникла 25 октября 1909 г., когда по инициативе Столыпина объединились фракция умеренно-правых и национальная фракция правых². «Но все-таки эта политика не дала большинства, – рассказывал Милюков, – и продолжением ее являются выборы в 4-ю Думу» (С. 302).

Далее лидер кадетов повел речь о влиянии правительства на ход избирательной кампании путем «дирижирования» голосованием выборщиков-священнослужителей, которые, как представители церковной недвижимости, могли иметь большой вес в курии землевладельцев. По его сведениям, состоялся союз министерства внутренних дел с обер-прокурором Святейшего Синода В.К. Саблером, «в результате которого было намечено 150 мест для священников» (С. 302).

Милюков не сказал, когда был заключен этот союз и кто его олицетворял со стороны МВД. Однако поскольку обстановка, при которой проходили выборы в IV Думу, для Павла Николаевича была ничем иным, как «исканием нового большинства», то, несомненно, он считал, что это произошло при Столыпине. Курс на вмешательство в избирательную кампанию был действительно намечен Петром Аркадьевичем. Позднее (в эмигрантских воспоминаниях) В.Н. Коковцов признал, что еще в 1910 г. Столыпин, как министр

¹ Шацилло К.Ф. Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны. М., 1968. С. 183-185.

² Демин В.А. Русская национальная фракция // Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.). М., 2006. С. 557.

внутренних дел, ссылаясь на то, что «ни в одном государстве правительство не относится безразлично к выборам в законодательные учреждения», потребовал от министра финансов (и получил!) «крупные суммы на так называемую подготовку выборов»¹.

После гибели Столыпина эта «подготовка» по линии МВД продолжалась, но уже только по инерции. У заменившего Петра Аркадьевича на посту министра внутренних дел А.А. Макарова собственных политических амбиций не было. Новый премьер-министр Коковцов «всегда отгораживался от ответственности и солидарности с тем, что делало министерство внутренних дел» (с. 303). Поэтому стоило журналистам в июне 1912 г. поднять шумиху вокруг предполагаемого активного участия в выборах духовенства, как преемники Столыпина пошли на попятную. Министр внутренних дел разослал на места циркуляр, согласно которому увеличение числа священнослужителей в Думе признавалось нежелательным. Степень и способы воздействия на результаты избирательной кампании отдавались на усмотрение губернаторов².

«Таким образом, план правительства был разрушен», – подвел итог Милюков. «В чем он состоял, – прямых сведений я не имею, – признался следователям Павел Николаевич, – но в то время говорили очень определенно, что план этот состоял в создании такого большинства, которое само ходатайствовало бы о превращении Думы из законодательной в совещательную» (с. 303). В соответствии с планом, те депутаты-октябристы, «которые оказались строптивыми» и возражали правительству – «все они были заподозрены, и под тем или иным предлогом удалены от участия в выборах». В подтверждение Милюков назвал депутата от Черниговской губернии Юрия Глебова (С. 302).

Правда, приведенный пример заставляет усомниться в существовании в 1912 г. названного плана. Коковцов в своих воспоминаниях рассказал, что Ю.Н. Глебов (помещик Черниговской губернии, в III Думе – товарищ председателя фракции Союза 17 октября) не стал депутатом из-за противодействия губернатора Н.А. Маклакова, сводившего «свои местные счеты», а отнюдь не по указаниям сверху³.

¹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1911-1919. М., 1991. С. 67.

² Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910-1917). М., 2016. С. 188-190.

³ Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 141.

Характерно, что в эмигрантских работах Милюков Глебова уже в этом контексте не упоминал. Однако сама мысль о том, что при выборах 1912 г. «имелось в виду создать правое большинство, которое пошло бы на добровольное сокращение прав Думы», была зафиксирована Павлом Николаевичем в тексте 1925 г.¹

Вероятно, она имела какую-то фактическую основу. В частности Коковцов, несомненно, хотел иметь карманную фракцию, рассчитывая в этом смысле на «центр» IV Думы, «в котором верховодили Крупенский и Бобринский» (С. 303). Недаром наблюдательный публицист князь В.П. Мещерский в конце 1912 г. заметил рождение партии «ко-ко» – «консервативно-конституционной» (во главе с Балашовым и Крупенским) – названием которой остроумный князь явно намекал на прозвище премьера («Ко-ко»)².

Но было ли гипотетическое соглашение «Коковцов – центристы» нацелено на превращение Думы в законосовещательный орган? Милюков утверждает, что «следы» этой договоренности можно отыскать в заявлениях Бобринского и Пуришкевича, выступавших в ответ впервые посетившему IV Думу Коковцову, – они «неожиданно сошлись на одной программе». Первоначальная редакция речи премьера «была, по-видимому, построена тоже под лад этим заявлениям». Но, так как результаты выборов не позволили сформировать устойчивое центристское большинство и поскольку затем в Думе оппозиция (кадеты и левые) выступила с протестующим заявлением, а к оппозиции присоединились октябристы, «и Родзянко заговорил о конституции после своего избрания в председатели», то Коковцову пришлось внести изменения в текст своего заявления (С. 303).

Родзянко действительно сразу после избрания председателем Думы, 15 ноября 1912 г., демонстративно провозгласил: «Я всегда был и буду убежденным сторонником представительного строя на конституционных началах, который дарован России великим манифестом 17 октября 1905 г., укрепление основ которого должно составить первую и непреложную заботу русского народного представительства»³. Сведения, сообщенные ЧСК Милюковым, позволяют

¹ Милюков П.Н. При свете двух революций // Исторический архив. 1993. № 1. С. 164.

² Икс [Мещерский В.П.] Речи консерватора // Гражданин. 1912. № 47. С. 2 // Цит. по: Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 212.

³ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912-1913 гг. Сессия I. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 7.

понять, почему эту фразу нового спикера депутаты со всех скамей трижды (!) прерывали возгласами «верно», «браво» и продолжительными рукоплесканиями.

Хорошо вписывается в гипотезу Милюкова и содержание правительственной декларации, озвученной Коковцовым 5 декабря 1912 г. Глава кабинета заявил, что, как полагает правительство, предстоящая IV Думе законодательная деятельность должна быть направлена «и к отысканию новых путей для всестороннего усовершенствования русского государственного и общественного быта», но оно (это усовершенствование) должно покоиться «на строго правовых основаниях, установленных Высочайшим манифестом 17 октября 1905 г.»¹.

И все же сам Милюков признал, что Коковцов, который «старался себя свести к прежней своей специальности – к финансам» и «очень заботливо и брезгливо сторонился ответственности за внутреннюю политику», «не был человеком, который мог бы выполнить этот план». «Вероятно это обстоятельство, – предположил лидер кадетов, – и повело, в конце концов, к уходу Коковцова и к появлению на его месте Горемыкина, который начинает довольно открытую борьбу, если не за уничтожение основных законов, то за их ограничительное толкование» (С. 303).

По впечатлению Милюкова, «Горемыкин сразу начал поход, и один за другим последовал ряд нападений на самые основные начала наших парламентских работ». Во-первых, новый премьер игнорировал один из парламентских запросов, заявив «что он не должен отвечать на запрос, обращенный к нему как к председателю совета министров», поскольку «совет министров есть совещание, учрежденное при государе» и, следовательно, его глава не ответственен перед Думой. Второе столкновение вызвала попытка правительства ограничить возможность осуществления думской законодательной инициативы. Причиной третьего конфликта стало последовавшее 19 апреля 1914 г. решение первого департамента Государственного совета привлечь депутата Н.С. Чхеидзе к судебной ответственности за произнесенную 11 марта речь о предпочтительности для России республиканского строя. Депутаты увидели в этом покушение на депутатскую свободу слова (С. 305).

¹ Там же. Стб. 262.

Интересно, что в результате этих покушений на депутатские права, закрепленные практикой нескольких лет, произошло сплочение Думы вокруг кадетского ядра. Возникло такое большинство, которое, как вспоминал Милюков, шло с фракцией Народной Свободы «на неутверждение бюджета не только деловое, но и демонстративно-политическое» (С. 305).

Впоследствии это большинство стало основой Прогрессивного блока. Между тем в историографии хорошо обоснована идея о том, что названная политическая конструкция в августе 1915 г. сколачивалась по инициативе А.В. Кривошеина под кабинет во главе с ним¹. При этом известно, что тот же Кривошеин дирижировал действиями Горемыкина в первой половине 1914 г. Сам Милюков по этому поводу вспоминал: «Горемыкина выдумал Кривошеин...»². А из мемуаров непосредственного участника событий М.А. Таубе мы знаем, что, по крайней мере, один из трех правительственных уколов весны 1914 г., болезненно воспринятых Думой, был инспирирован Кривошеиным. (Речь шла о лишении депутатов возможности составлять свои законопроекты по делам, законодательный почин по которым был уже взят на себя одним из министерств)³. Кривошеин таким способом, по нашему предположению, начал сплочение нужного ему думского большинства, на которое он впоследствии хотел опереться.

Подводя итог анализу взаимоотношений царского правительства и Государственной Думы с момента ее создания и до начала Первой мировой войны, как они рисовались Милюковым в его ответах на вопросы ЧСК, можно сделать вывод о том, что каждый глава кабинета (реальный или фактический – если речь идет о Кривошеине) стремился создать себе прочную опору в парламенте. Но в итоге никому этого сделать не удалось. Причиной, на наш взгляд, являлось недоверие депутатов к монарху и его правительству, которых они постоянно подозревали в стремлении низвести Государственную Думу до уровня совещательного органа.

¹ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны 1914-1917 гг. Л., 1967. С. 99-103; Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 41-44, 55, 63-64.

² Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). Т. 2. М., 1990. С. 140.

³ Таубе М.А. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900-1917). М., 2007. С. 174-175.

СВОБОДА СОЮЗОВ В ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ²

В ходе Первой русской революции в России были провозглашены и законодательно закреплены многие политические и гражданские свободы. В их числе были свободы собраний и союзов, вероисповеданий и печати.

С 1906 г. в законотворческом процессе в области осуществления прав и свобод личности заметную роль играла Государственная Дума. Нижняя палата российского парламента становится трибуной, с которой осуществлялась полемика по вопросам сущности и содержания прав человека в условиях установления «обновленного строя», где происходила выработка гарантий их обеспечения и механизмов защиты. Депутаты Государственной Думы разработали серию законодательных предположений³, относящихся к гражданским и политическим свободам. Они раскрывали содержание свобод слова, союзов, собраний, совести, неприкосновенности личности и гражданского равенства⁴.

¹ Туманова Анастасия Сергеевна – доктор исторических и юридических наук, профессор, профессор Департамента общих и межотраслевых юридических дисциплин, ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

² Статья подготовлена при поддержке Фонда фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках Программы фундаментальных исследований, проект «Резервы устойчивого развития негосударственных некоммерческих организаций в Российской Федерации» в 2019 г.

³ Согласно ст. 32 «Учреждения Государственной думы» 1906 г., Дума была правомочна возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов. Законодательными предположениями именовались вносимые членами Думы в количестве не менее тридцати заявления об издании законов вместе с проектом его основных положений и объяснительной запиской. Заявления рассматривались Думой. В случае согласия Думы с группой депутатов соответствующий законопроект разрабатывался и вносился в Думу министром, в ведении которого данный вопрос находился. Если министр отказывался готовить законопроект, то Дума создавала для его выработки комиссию, которая разрабатывала соответствующий законопроект.

⁴ Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906-1917 гг.). М., 2005. С. 236-295; Законотворчество думских фракций. 1906-1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006 С. 450-482; Шелохаев В.В. Либерализм в России в начале XX века. М., 2019. С. 299-327.

Авторство думских законодательных предположений о правах и свободах принадлежало преимущественно депутатам от конституционно-демократической партии. По своей профессиональной принадлежности многие из них были юристами. Так, философ права и основатель школы «возрожденного естественного права» П.И. Новгородцев значился первым парламентарием, подписавшим законопроекты о неприкосновенности личности, свободе печати, гражданском равенстве, был в числе первых подписантов проектов о свободах союзов, собраний и совести. Теоретик права и цивилист Г.Ф. Шершеневич числился среди наиболее активных разработчиков законопроектов о свободах совести, собраний и союзов. В обсуждении законопроектов о собраниях активное участие принимал государствовед и лидер социологической школы М.М. Ковалевский.

Названные правовые доктрины признавали законодательное обеспечение и последовательное осуществление прав и свобод личности назревшей задачей государства. Проекты либеральных правоведов-думцев были нацелены на создание правовых гарантий для осуществления прав личности и на обеспечение ответственности власти по их соблюдению. Гарантиями осуществления прав и свобод личности признавались установление единых и равных для всех граждан позитивного права и суда, а также утверждение принципа надзора суда над администрацией.

Открывшаяся 27 апреля 1906 г. Государственная Дума первого созыва считала замену указов о свободах, изданных под влиянием событий Первой русской революции в форме временных правил, законами своей первостепенной задачей. В адресе Государственной Думы, обнародованном в заседании 4 мая 1906 г., подготовка законов о неприкосновенности личности, свободе совести, слова и печати, союзов, собраний и стачек признавалась первоочередным делом представительного органа власти. Народные избранники высказали убеждение, что «без точного установления и строгого проведения этих начал, заложенных уже в Манифесте 17 октября, никакая реформа общественных отношений неосуществима»¹. Совет министров, приветствуя желание Думы заменить временные правила о свободах постоянно действующими законами, предлагал составить их таким образом, чтобы дать правительству возмож-

¹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв I. Сессия I. СПб., 1906. Стб. 184.

ность «предотвращать злоупотребления дарованными свободами и противодействовать посягательствам, угрожающим обществу и государству»¹.

Внесение в Государственную Думу первого созыва законодательных предположений о правах и свободах личности было заслугой партии конституционных демократов (кадетов) и ее думской фракции. Получив во время выборов в Думу первого созыва абсолютное большинство голосов избирателей, кадеты внесли на ее рассмотрение пакет законопроектов о личных и политических свободах². Осуществление прав и свобод личности признавалось кадетами назревшей потребностью государственного и общественного развития России, необходимой предпосылкой и условием для политического освобождения личности, становления гражданского общества и правового государства.

Определивший тактическую линию конституционных демократов в Думе январский 1906 г. съезд партии отнес выработку законов о свободах к числу первоочередных задач народного представительства, реформ не обычного законодательного, но «учредительного» характера, нацеленных на коренное переустройство российской государственности на конституционных началах³. Лидер кадетов П.Н. Милюков признал, что только Дума может подготовить законы о свободах вместо временных правил, усматривая в этом существо учредительной работы думских либералов. Выдвижению законов о свободах на первый план способствовало, по его словам, и то обстоятельство, что кадеты считали их наиболее безопасными, не способными вызвать столкновений с правительством, в отличие, например, от аграрного вопроса⁴.

Думская фракция кадетской партии занялась разработкой проекта закона о союзах и внесла его на рассмотрение Думы первого и четвертого созывов. Основные положения кадетского законопроек-

¹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв I. Сессия I. СПб., 1906. Стб. 321.

² Проекты перечислены в той последовательности, в которой они были внесены кадетами в Государственную Думу первого созыва.

³ Второй съезд конституционно-демократической партии 5-11 января 1906 года: Отчет о дневном заседании 6 января; Доклад Ф.Ф. Кокошкина // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. 1905-1907 гг. М., 1997. С. 74-75; Постановления второго съезда конституционно-демократической партии // Там же. С. 184; Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 334, 356.

⁴ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 360-361.

та о союзах оформились существенно ранее, уже в рамках земских съездов 1904-1905 гг.; они получили отражение в конституционных проектах, принятых Союзом освобождения. Право создания союзов входило в первый раздел программы конституционно-демократической партии – «Основные права граждан» – и было сформулировано следующим образом: «Все российские граждане имеют право составлять союзы и общества, не испрашивая на то разрешения»¹.

С открытием Государственной Думы первого созыва воззрения кадетов на свободу союзов оформились в виде законопроекта. Его подготовкой занимались законодательная комиссия Партии народной свободы и ее парламентская фракция. Параллельно кадетами велась разработка законопроекта о собраниях. Указывая на тождественность обоих проектов, основанных на «признании за гражданами права на самодеятельность», кадеты планировали объединить их в единый акт, однако отказались от данной затеи «по практическим соображениям»².

Законопроект о союзах был направлен в Думу 1 июня 1906 г. и назначен к слушанию на 4 июля. В числе подписавших его были известные деятели кадетской партии и видные правоведы М.М. Винавер, В.Д. Набоков, П.И. Новгородцев, Г.Ф. Шершеневич, Л.И. Петражицкий, товарищ председателя Думы князь Петр Д. Долгоруков³.

Однако законопроект о союзах так и не был обсужден в Думе ни 4 июля, ни позднее ввиду ее отпуска 8 июля 1906 г. Не успело состояться предварительное его рассмотрение на предмет направления в комиссию. Кадеты сделали тогда ставку на законопроект о собраниях. Объяснение этому было дано юристом А.И. Каминкой: «Вся страна жила усиленным темпом, главным образом интересами данной минуты; этим интересам собрания служат лучше, нежели союзы, рассчитанные на более продолжительное существование»⁴.

¹ Конституционно-демократическая партия. Съезд 12-18 октября 1905 г. М., 1905. С. 9.

² Каминка А.И. Проект закона о союзах // Первая Государственная дума. Вып. II. Законодательная работа. СПб., 1907. С.100-101.

³ Председатель I Государственной думы С.А. Муромцев – министру внутренних дел П.А. Столыпину 3.06.1906 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. 1906. Д. 135. Л. 17.

⁴ Каминка А.И. Проект закона о союзах... С. 100-101.

В объяснительной записке к законопроекту кадетские лидеры признавали свободу союзов «одним из самых ценных благ гражданской свободы», которая должна развиваться в обновленной России. Они призывали отказаться от воззрения полицейского государства, с опасением и ревностью относившегося к возникновению общественных организаций, в результате чего «личная инициатива не получила достаточного развития» и «много областей культурной жизни нуждались в коллективной деятельности». Подчеркивался высокий потенциал, заложенный в общественной самодеятельности: «Нет ни одной стороны общественной жизни, где бы совместная, планомерная и продолжающаяся деятельность людей, направленная к достижению тех или иных культурных или экономических целей, не приносила бы плодотворных результатов и не увеличивала бы во много раз продуктивность индивидуального труда». В доказательство необходимости реализации свободы союзов в России приводился пример европейских стран, покрытых «бесконечной сетью всевозможных союзов» и постоянно предпринимавших попытки реформирования законодательства в направлении устранения правовых препятствий для их развития¹. С учетом европейской законодательной традиции, а также теоретических установок российского либерализма кадетами разрабатывалось содержание свободы союзов. Составители законопроекта опирались на французские и германские законы, предоставлявшие гражданам возможности для самоорганизации.

Кадеты выступали за признание за российскими подданными права «составлять союзы в целях непротивных законам или добрым нравам, не испрашивая на то разрешения правительственной власти». Планировалось, что общественные организации станут получать права юридического лица при наличии у них уставов и регистрации у старшего нотариуса в недельный срок путем внесения в нотариальную книгу. На отказ нотариуса в регистрации учредители могли приносить жалобы в судебном порядке².

Поскольку образование обществ и союзов не было обусловлено в законопроекте либералов разрешением административного орга-

¹ Объяснительная записка к законопроекту о союзах, внесенному в Государственную думу кадетской фракцией 1 июня 1906 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906. Д.135. Л. 18.

² Проект закона о союзах и обществах, внесенный в Государственную думу кадетской фракцией 1 июня 1906 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906. Д. 135. Л. 18об.-19.

на власти, либо соответствующим заявлением, явочный принцип осуществлялся в нем более последовательно, чем в действующих Временных правилах об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. Явочный порядок там декларировался, но не получал реальных гарантий для осуществления. Наиболее крупным достоинством проекта его составители считали судебную регистрацию обществ и союзов. По утверждению кадетского правоведа и публициста В.Д. Набокова, законопроект был «огромным шагом вперед», поскольку «ставил регистрацию союзов ... не в зависимость от ... полицейских соображений» и делал ее «функцией не полиции, а старшего нотариуса, который регистрирует притом только те союзы, которые хотят обладать правом юридического лица»¹.

Другим достижением законопроекта признавался предоставленный им общественным организациям широкий объем прав. По мнению Каминки, кадетский законопроект шел дальше взятых за основу при его составлении французского и германского законов, допуская свободное возникновение всех, не исключая и политических, союзов с самыми широкими правами².

За властью сохранялась возможность воздействовать на союзы, «вступающие в противоречие с правовым порядком». Общественные организации закрывались за действия, «противные уголовным законам или добрым нравам». Прекращение их действий признавалось прерогативой окружных судов, хотя предложение о закрытии того или иного союза вносилось начальником полиции. Выносимое судом постановление о закрытии союза могло быть обжаловано в судебной палате.

Утверждая, что России необходима широкая свобода союзов, кадеты, тем не менее, не понимали ее как свободу неограниченную. Ее пределом должны были служить другие неотъемлемые права граждан и общества в целом. Положение законопроекта о недопустимости союзов, «противных уголовным законам и добрым нравам», устанавливало естественную границу этой свободы, вытекавшую из общих принципов договорного права, которым, по мнению его составителей, должны были быть подчинены союзы. «Само собой разумеется, – замечал Набоков, – что... ни одно культурное

¹ Набоков В.Д. Законопроекты партии народной свободы и их критика // Право. 1906. № 49. Стб. 3852.

² Каминка А.И. Проект закона о союзах... С. 103, 108.

государство не может допускать союзов любителей чужой собственности, например, или союзов шулеров... словом сказать, таких союзов, которые явно преследуют цели, запрещенные уголовными законами»¹. Ограничение свободы союзов с точки зрения интересов населения, а не административной власти, выгодно отличало кадетский законопроект от Временных правил. Характерной чертой законопроекта являлось также предельно широкое понимание союзов: к ним были отнесены как единичные организации, именуемые «обществами», так и соединение нескольких обществ, т.е. союзы². Тем самым союзы и общества ставились в одинаковое положение, что не было характерно для действовавшего законодательства, относившегося к союзным объединениям весьма настороженно.

Таким образом, широко трактуя свободу союзов и создавая правовые гарантии для ее осуществления, кадетский законопроект больше соответствовал принципам обновленного строя, чем Временные правила. В то же время Министерство внутренних дел, игравшее в союзном вопросе «главную скрипку», оценило его достаточно критически. МВД признало право общественных организаций создаваться без разрешения правительственной власти и без всякого заявления администрации, лишавшее администрацию рычагов для регулирования жизнедеятельности обществ и союзов³, существенным недостатком данного акта.

Несмотря на то, что законопроект о союзах в Думе первого созыва не рассматривался, прозвучавшая в его адрес критика, а также острые разногласия, возникшие в нижней законодательной палате при обсуждении построенного на сходных принципах проекта о собраниях, давали основания считать, что его судьба в Думе второго созыва будет непростой. Ввиду этого, а также избранной кадетами тактики «бережения» Думы кадетский законопроект о союзах во II Думу, как и в III Думу, внесен не был.

¹ Набоков В.Д. Законопроекты партии народной свободы и их критика... Стб. 3853.

² Под «союзом» составители законопроекта понимали «всякое соединение нескольких лиц, избравших предметом своей совокупной деятельности определенные цели (религиозные, нравственные, благотворительные, научные, политические и общественные экономические цели общения, развлечения, развития духовного, физического и т. п.)», а также «соединение двух или нескольких союзов непосредственно или посредством их уполномоченных» (ст. 1).

³ Замечания Департамента общих дел на думский законопроект о союзах // РГИА. Ф.1284. Оп.187. 1906. Д.61 (е). Л. 444-446.

Однако у Думы третьего созыва имелись заслуги в организации контроля над осуществлением свободы союзов. Дума активно воспользовалась предоставленным ей запросным правом и занялась предъявлением правительству запросов о нарушениях администрацией «Временных правил об обществах и союзах». Посредством запросов Дума не только осуществляла свое право наблюдать за действиями исполнительной власти и обращала внимание общественности на имевшиеся злоупотребления.

Предметом подавляющей части думских запросов являлось преследование властями рабочих профсоюзов. Заметный общественный резонанс приобрело обсуждение внесенного в Думу 4 апреля 1908 г. социал-демократической фракцией запроса о преследовании профессиональных союзов, адресованного министрам юстиции и внутренних дел. Этот основанный на обширном документальном материале запрос обнаруживал произвол ряда местных по делам об обществах присутствий по отношению к профессиональным организациям – незаконные отказы в регистрации, высылки, аресты, обыски, запрещение собраний и профессиональной печати, предъявление требований об изменении уставов и закрытии обществ. Составители запроса требовали ввести действия присутствий по регистрации и запрещению профсоюзов в установленные законом рамки¹.

При обсуждении в комиссии, а затем и в общем собрании Государственной Думы выявилось различие мнений по запросу между фракциями, в самих фракциях, а также между Думой и МВД, давшим свое объяснение обстоятельств дела. Так, комиссия о неприкосновенности личности под председательством октябриста Я.Б. Гололобова, в которую был передан запрос, не обнаружила в приведенных в нем материалах фактов незаконных действий властей. Высылка членов профсоюзов была, по мнению членов комиссии, обоснованной, поскольку производилась на основании законов об исключительном положении. Выступая за отклонение запроса, Комиссия рекомендовала жаловаться на незаконные действия присутствий по регистрации и закрытию обществ в Сенат, а не призывать к ответу правительство. Членам Думы, признающим действи-

¹ Государственная дума. Приложения к стенографическим отчетам. III созыв. I сессия. 1907-1908 гг. СПб., 1908. Т. I. Стб. 1369-1378.

ющий закон об обществах и союзах неудовлетворительным, следовало, по ее мнению, внести проект нового закона¹.

В то же время на стадии обсуждения запроса в заседании Думы 18 февраля 1909 г. за его принятие высказалась фракция октябристов. Выступавший от ее имени Л.Г. Люц говорил о необходимости создания благоприятных условий для развития профсоюзов при условии, что они «будут преследовать лишь культурные задачи и стремиться к поднятию своего материального состояния». После выступлений в поддержку запроса представителей конституционно-демократической и социал-демократической фракций Думы он был принят 144 голосами против 92².

В заседании 28 октября 1909 г. свои объяснения по запросу представил товарищ министра внутренних дел П.Г. Курлов. Он поделился с Думой имевшимися в распоряжении Департамента полиции сведениями о рабочих профсоюзах. По словам Курлова, многие из них подменяли интересы рабочих революционными задачами. Ведя борьбу с такими профсоюзами, МВД боролось не с профессиональным движением, а с противоправительственной пропагандой. Если правительство не примет мер против превращения профессиональных союзов в противозаконные общества, утверждал шеф полиции, «мы встретимся сначала с политической забастовкой, а потом ... и с вооруженным восстанием». «Министерство, сознающее свой долг перед Государем и родиной, – говорил Курлов, – этого допустить не может и не допустит»³.

На недопустимость различного толкования присутствиями профсоюзного закона указывали октябристы Д.Д. Протопопов и А.Ф. Мейендорф. Со свойственной юристу по образованию скрупулезностью Мейендорф доказывал, что МВД обязано принять меры для установления единообразия в применении Временных правил, поскольку управление посредством анархии нежелательно и опасно. Разрушительной называл профсоюзную политику правительства кадет П.В. Герасимов. По его словам, разрушение профессиональных рабочих организаций вошло у правительства в систему,

¹ Третья Государственная дума. Материалы для оценки ее деятельности. СПб., 1912. С. 76.

² Государственная дума. Приложения к стенографическим отчетам. III созыв. II сессия. 1908-1909 гг. Т. 2. СПб., 1909. Стб. 1938, 2469.

³ Государственная дума. Приложения к стенографическим отчетам. III созыв. III сессия. 1909-1910 гг. Т. 1. СПб., 1910. Стб. 944-954.

подобную той, какой была в свое время «зубатовщина», чреватую негативными последствиями – «водворением анархии среди рабочих», их «озлоблением и раздражением», тяжелыми потрясениями экономической жизни страны.¹

В результате различия позиций думских фракций по запросу о преследовании рабочих профсоюзов было вынесено пять резолюций: трудовиков, кадетов, социал-демократов, прогрессистов и октябристов. Все они указывали на важность профессиональных организаций и необходимость обеспечения свободы их образования и действий. Принятая 120 голосами против 106 резолюция октябристов гласила: «Находя, что неустойчивая практика местных по делам об обществах присутствий подрывает доверие к этим учреждениям, затрудняя российским подданным осуществление законного права образовывать союзы и общества в целях, не противных законам, Государственная дума выражает пожелание, чтобы министр внутренних дел принял зависящие меры для исполнения подлежащими учреждениями Временных правил 4 марта»².

Однако с 4-й сессии (1910–1911 гг.) тактика октябристов, игравших в III Думе главную роль, изменилась, и они начали регулярно отклонять запросы о нарушении властью прав союзов. Эти запросы, как правило, оказывались «похороненными» еще в комиссиях и на обсуждение общего собрания Думы не попадали. III Думой были отклонены внесенные социал-демократической фракцией запросы по поводу преследования с.-петербургским градоначальником Д.В. Драчевским профессиональных рабочих организаций (запрос от 17 декабря 1910 г.), незаконного закрытия в Петербурге двух обществ рабочих – по металлу и графических искусств (от 27 февраля 1912 г.)³.

Сходную судьбу имели запросы, внесенные в III Думу кадетской партией. Так, заявленный кадетами 24 марта 1911 г. запрос о незаконном закрытии министром внутренних дел профессионального общества служащих в сельском хозяйстве и сельскохозяйственной промышленности Юго-западного края был отклонен комиссией. По утверждению кадетов, общество, заботившееся исключительно о

¹ Государственная дума. Приложения к стенографическим отчетам. III созыв. III сессия. 1909–1910 гг. Стб. 1376–1378.

² Там же. Стб. 1389–1390.

³ Третья Государственная дума. Материалы для оценки ее деятельности. С. 78–79.

материальных нуждах своих членов, было закрыто по причине преобладания в нем поляков. Не дошел до общего собрания Думы и внесенный парламентской фракцией Партии народной свободы 15 ноября 1910 г. запрос по поводу незаконного закрытия обществ избирателей и обывателей. По мнению отклонившей его думской комиссии, циркуляр МВД об упразднении указанных организаций не противоречил закону, поскольку основывался на решении Сената¹.

Непросто сложилась и судьба законопроекта об обществах и союзах, внесенного в Думу четвертого созыва 3 декабря 1912 г. Острую полемику вызвал механизм его рассмотрения. В думском заседании 13 февраля 1913 г. представители октябристской фракции предложили предварительно направить его в судебную комиссию для изучения на предмет желательности. Реакцией на такое предложение служила ответная речь кадета Н.Н. Щепкина, известного общественного деятеля и предпринимателя, гласного Московской городской думы, который подверг резкой критике непоследовательное поведение думской фракции октябристов, «которая прикрывается знаменем манифеста 17 октября, где ясно и твердо... было возведено право свободы союзов». «Неужели же этим людям, опытным в деле государственного строительства, – говорил он, – ... неизвестно, что единение людей есть громадная культурная сила, без которой ни одна страна не может идти вперед, в особенности же Россия, где личная инициатива так слабо развита? Наконец, неужели же они, живя в России, не знают того трагического положения, в котором находится страна; неужели они не видят, что закон 4 марта о союзах не только не дал свободы союзов, а дал в руки правительства орудие для закрытия тех союзов, которые до тех пор действовали? Неужели они не видят, что при полном отсутствии свободы союзов на деле развиваются совершенно свободно союзы, вредные для общества и государства, а закрываются и преследуются союзы культурные, которые следовало бы поддерживать»².

¹ Там же. С. 79-80.

² Свобода союзов и октябристы (Речь Н.Н. Щепкина по вопросу о желательности законопроекта о свободе союзов в заседании Государственной думы 13 февраля) // Четвертая Государственная Дума. Сессия I-я. Фракция народной свободы в период 15 ноября 1912 – 25 июня 1913 г. Отчет о деятельности фракции. СПб., 1913. С. 58-59.

Эмоциональное выступление Щепкина непрерывно прерывалось возгласами правых депутатов. «Господин председатель, выгоните эту обезьяну», – требовал лидер правых В.М. Пуришкевич. «Дайте московскому прощельге говорить!», – убеждал правых националист П.Н. Крупенский, возглавлявший в IV Думе проправительственную фракцию «центра»¹.

Несмотря на увещевания председателя, шум не прекращался, поэтому свою речь Щепкину удалось закончить лишь двумя неделями спустя. В заседании 27 февраля 1913 г. представитель кадетов вновь упрекал октябристов в неискренности и убеждал их не обращать Государственную Думу в «буфер между нацией и законодательством». В ответ на оглашенное заявление министра внутренних дел Н.А. Маклакова о готовности правительства внести в ближайшем времени в Думу свой законопроект о союзах представитель октябристов Н.И. Антонов предложил признать кадетский законопроект о союзах желательным и передать его в комиссию по судебным реформам для доработки, что и было сделано². Однако указанная комиссия в ожидании правительственного законопроекта бездействовала.

12 ноября 1913 г. законопроект о союзах был передан в думскую комиссию для выработки законопроекта о собраниях. Однако и эта комиссия, возглавляемая октябристом Люцем, не работала эффективно. Несколько активизировались усилия Думы по разработке законопроекта о союзах в июне 1916 г., после принятого Думой 24 марта 1916 г. постановления о срочной подготовке законопроекта комиссией о собраниях. Несмотря на письменные и устные заверения членов правительства о подготовке собственного законопроекта и неприемлемости думского, поступавшие в июне 1916 г.³, комиссия законопроект обсуждала и перешла к его поэтапному рассмотрению.

Очередной тур подготовки закона об обществах и союзах прервала Февральская революция. Парламентарии проводили принцип

¹ 4-я Государственная дума. Первая сессия. 22-е заседание // Биржевые ведомости. 1913. 14 февраля. Утр. вып.

² Четвертая Государственная дума. Сессия I-я. Фракция народной свободы в период 15 ноября 1912-25 июня 1913 г. Отчет о деятельности фракции. СПб., 1913. С. 14.

³ Материалы различных комиссий Государственной Думы IV созыва 5 сессии. Пг., 1917; Думский дневник. Проект о союзах // Биржевые ведомости. 1916. 9 июня. Утр. вып.

свободы союзов более широко и последовательно, чем исполнительная власть. Их трактовка права на объединение в большей мере соответствовала обновленному строю. Однако думская альтернатива Временным правилам не состоялась. Причиной тому явилась недолговечность первых двух Дум, неспособность думских фракций преодолеть разногласия в союзном вопросе и выработать компромиссную позицию в Думе третьего созыва, а также отсутствие консенсуса в данном вопросе между законодательной и исполнительной властями.

А.П. Сопова¹

ЗАКОНОПРОЕКТ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОСХВАЛЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ВТОРОГО И ТРЕТЬЕГО СОЗЫВА

24 декабря 1906 г. император утвердил Положение Совета министров «Об установлении уголовной ответственности за восхваление преступных деяний в речи и печати»². Вводимая чрезвычайным указом норма должна была заполнить правовой вакуум, образовавшийся после отмены статьи 1035 Уложения о наказаниях, которая была упразднена Временными правилами о повременных изданиях 24 ноября 1905 г. Отмененная статья устанавливала ответственность за «оскорбительные и направленные к колебанию общественного доверия отзывы о действующих в империи законах», а также карала тех, кто позволил себе «оспаривать обязательную силу законов и одобрять или оправдывать воспрещенные ими действия с целью возбудить к ним неуважение»³.

В условиях стремительных изменений политической жизни Российской империи адекватное применение наказания за «колебание общественного доверия к действующим законам» становилось за-

¹ Сопова Анастасия Петровна – преподаватель департамента общих и междо-раслевых юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

² ПСЗ. Собр. 3. Т. 26. № 28700.

³ Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1886. С. 401.

труднительным. Так, например, летом 1905 г. по ст. 1035 Уложения о наказаниях было возбуждено дело против профессора Московского университета С.Н. Трубецкого, редактора газеты «Московская неделя». Московский цензурный комитет наложил арест на тираж двух первых номеров газеты и потребовал от прокурора Московской судебной палаты возбудить судебное преследование против Трубецкого по статье 132 Уголовного уложения – за «отрицание незыблемости основных законов империи». Поводом стало то, что в номерах газеты проводилась «предвзятая мысль, будто единственный выход из современного крайне тяжелого положения России заключается во введении в ней нового представительного образа правления, который должен сменить нынешний, как безусловно несостоятельный»¹. Прокурор не увидел в представленных материалах состава преступления, однако закон требовал от него передачи дела в суд для решения судьбы арестованного тиража. В ходе переписки с министром юстиции С.С. Манухиным было принято решение возбудить дело по предусматривающей менее строгое наказание ст. 1035 Уложения о наказаниях и передать его в суд с предложением о прекращении. 20 октября 1905 г. Московская судебная палата прекратила дело по формальным основаниям: тираж газеты был арестован до начала его распространения, поэтому преступление не считалось свершившимся². Это избавило суд от необходимости через несколько дней после издания Манифеста 17 октября отвечать на вопрос, являлась ли идея о введении представительного образа правления оскорбительной для российских законов.

Для закрепления пределов провозглашенной Манифестом 17 октября 1905 г. свободы слова были изданы Временные правила о повременных изданиях 24 ноября 1905 г.³, дополнения к ним от 18 марта 1906 г.⁴ и правила для непериодической печати 26 апреля 1906 г.⁵. Они отменяли предварительную цензуру для всех непериодических и для основной части периодических изданий и полно-

¹ Переписка прокурора Московской судебной палаты по делу кн. С.Н. Трубецкого, редактора «Московской недели» // ЦГАМ. Ф. 131. Оп. 92. Д. 6.

² С.Н. Трубецкой скончался 29 сентября 1905 г., но этот факт не упоминается в переписке прокурора и определении судебной палаты. Позиция прокурора о передаче дела в суд с предложением о прекращении была сформулирована ранее.

³ ПСЗ. Собр. 3. Т. 25. № 26962.

⁴ ПСЗ. Собр. 3. Т. 26. № 27574.

⁵ Там же. № 27815.

стью устраняли административные взыскания – существовавшие до этого момента крайне широкие полномочия министра внутренних дел карать редакции газет и журналов во внесудебном порядке. Деятельность Главного управления по делам печати и отдельных цензоров теперь была направлена на выявление в содержании печатных изданий признаков преступлений. Чиновники цензурного ведомства продолжали ежедневно просматривать выпускающуюся из типографий печатную продукцию, но «запрещению могло подвергаться только то, что могло быть подведено под определенную статью Уголовного уложения или Уложения о наказаниях»¹.

При этом переходное состояние уголовного законодательства создавало значительные сложности для правоприменительной практики. Параллельно действовали два кодекса – Уложение о наказаниях в ред. 1885 г. и частично введенное в действие Уголовное уложение 1903 г. Оба они разрабатывались в условиях всеохватывающего административного контроля за печатью, когда у правительства не возникало необходимости привлекать деятелей легальной прессы к уголовной ответственности. Поэтому уголовные законы предусматривали крайне суровые наказания за политические преступления, которые могли быть совершены с использованием печатного слова. В этом видели основную проблему представители либерального направления в юридической науке. «Ведь нельзя же забывать, что наши кодексы: и Уложение о наказаниях, и Уголовное уложение 1903 г., – были написаны тогда, когда не было ни свободы совести, ни свободы слова, ни свободы печати, ни свободы собраний, ведь эти кодексы написаны тогда, когда в России иметь политические убеждения было преступным деянием», – так характеризовал состояние уголовного законодательства Российской империи В.Д. Кузьмин-Караваев на заседании Государственной Думы 18 мая 1907 г.².

Но для правительства проблема заключалась в другом – в отсутствии уголовных запретов по вопросам, которые раньше решались в административном порядке. Поэтому после отмены предварительной цензуры усилия Совета министров были направлены на внесение изменений в уголовное законодательство для борьбы с

¹ Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009. С. 269.

² Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. Т. 2. СПб., 1907. Стб. 823.

новыми явлениями общественной жизни. Временные правила о временных изданиях 24 ноября 1905 г. ввели уголовную ответственность за призывы к стачкам, к прекращению занятий в учебных заведениях, к организации запрещенных законом скопищ и т.д.¹ В феврале 1906 г. также был издан закон, уточнявший ответственность в Уложении о наказаниях за распространение заведомо ложных слухов о деятельности государственных органов, и введивший ответственность за возбуждение «вражды между отдельными частями или классами населения, между сословиями, или между хозяевами и рабочими» в виде п. 6 в статье 129 Уголовного уложения².

Перечисленные нормы были приняты до начала деятельности Государственной Думы и не подлежали рассмотрению народных представителей. В отличие от них, закон 24 декабря 1906 г. был издан между сессиями парламента в виде чрезвычайного указа в порядке ст. 87 Основных государственных законов и внесен в Государственную Думу Министерством юстиции с предложением о сохранении его действия. 18 мая 1907 г. Государственная Дума начала его обсуждение первым в ряду других чрезвычайных указов. Как и другие указы об усилении репрессий, закон 24 декабря 1906 г. был предварительно рассмотрен и рекомендован к отклонению Комиссией о неприкосновенности личности. С докладом Комиссии по законопроекту выступал член фракции кадетов О.Я. Пергамент.

Законопроект в общем собрании Государственной Думы обсуждался на двух заседаниях – 18 и 21 мая. Позицию Министерства юстиции в прениях 18 мая представлял товарищ министра М.Ф. Люце, 21 мая перед депутатами выступил сам министр юстиции И.Г. Щегловитов. В прениях также выступали 18 мая октябрист А.З. Танцов и председатель Комиссии о неприкосновенности личности В.Д. Кузьмин-Караваев. 21 мая выступили эсер С.Ф. Тигранян и социал-демократ В.А. Сташинский. Прения были прекращены досрочно «в виду выясненности» вопроса, после чего депутаты проголосовали за отклонение закона.

Причиной отклонения стала неубедительность позиции министерства по формальным и юридическим основаниям, на что в сво-

¹ Лазаревский Н.И. Временные правила о печати // Право. 1905. № 48-49.

² Об установлении уголовной ответственности за распространение ложных сведений о деятельности правительственных установлений и должностных лиц // ПСЗ. Собр. 3. Т. 26. № 27395.

ем докладе указывал Пергамент. С точки зрения процедуры рассмотрения чрезвычайных указов, депутатам нужно было отклонить закон, даже если они были с ним не согласны лишь частично. Только в этом случае чрезвычайный указ прекращал свое действие, в то время как обсуждение поправок и дальнейшее рассмотрение законопроекта сохраняло действие чрезвычайного указа на неопределенный срок. В этом заключался основной формальный довод Комиссии: так как закон содержал явные юридические несовершенства, Государственная Дума должна была остановить его действие¹.

С юридической точки зрения, закон 24 декабря 1906 г. повторял не введенную в действие статью 133 Уголовного уложения, но в отличие от нее устанавливал ответственность за восхваление любых преступных деяний, в то время как статья 133 должна была наказывать только за восхваление преступлений и тяжких преступлений². Кроме того, статья 133 предусматривала наказание в виде ареста до шести месяцев, закон 24 декабря – заключение в тюрьме на срок от двух до восьми месяцев, либо арест на срок до трех месяцев, либо штраф не свыше 500 руб. Таким образом, состав преступления был расширен, а максимальная мера наказания увеличена.

А.В. Бельгард, занимавший в 1905-1912 гг. должность начальника Главного управления по делам печати, вспоминал, что в годы Первой революции ему неоднократно приходилось быть свидетелем борьбы в правительственных кругах «между сознанием необходимости проведения в жизнь тех свобод, которые были возведены в Высочайшем Манифесте, и стремлением как-нибудь остановить безудержно осуществлявшееся злоупотребление этими свободами и восстановить пошатнувшееся значение правительственной власти»³.

Представляя в Государственной Думе закон 24 декабря 1906 г., Министерство юстиции видело свою задачу в борьбе с «колебанием основного условия бытия государства – обязательной

¹ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. Т. 2. СПб., 1907. Стб. 809-814.

² В терминологии Уголовного уложения преступные деяния делились на проступки, преступления и тяжкие преступления. За проступки в качестве высшего наказания предусматривался арест или денежная пеня, за преступления – заключение в исправительном доме, крепости или тюрьме, за тяжкое преступление – смертная казнь, каторга или ссылка на поселение.

³ Бельгард А.В. Указ. соч. С. 266.

силы закона». При этом в сравнении с отмененной 1035 статьей, каравшей за выражение неуважения к законам и возбуждение сомнения в их обязательности, предлагаемая конструкция ответственности за восхваление преступлений носила гораздо более ограниченный характер. «Восхваление» преступных деяний к тому же предполагало более определенное содержание по сравнению с их «одобрением» и «оправданием»¹.

Министр и его заместитель настаивали на том, что наказуемым должно быть восхваление любого правонарушения, так как каждое нарушение закона в равной мере подрывает его авторитет. Тем не менее, в циркуляре Совета министров, опубликованном 24 декабря 1906 г. вместе с чрезвычайным указом, прямо говорилось о том, что применять его нужно для борьбы с публичным восхвалением терроризма². С этих же позиций выступал поддерживавший в прениях закон Министерства юстиции, октябрист А.З. Танцов: «Самым чудовищным в наше, так называемое, «революционное» время, представляется то, что ужасные, дикие преступления совершаются юношами, почти детьми, а взрослые люди довольствуются восхвалением преступных деяний в печати и на словах прямо или косвенно, а в лучшем случае – воздерживаются от осуждения их, – говорил Танцов. – Всем нам известно, господа, что в настоящее время многие писатели, многие ораторы добывают себе славу и деньги ценою жизни политических младенцев»³.

Но, стремясь получить орудие для борьбы с восхвалением террористических актов, правительство не учитывало, какое применение могут найти неточные формулировки закона при буквальном их толковании в ситуациях, далеких от политических преступлений. Кузьмин-Караваев, выступая в прениях, указывал, что по этому закону уголовной ответственности должен подлежать журналист, восхваляющий, например, деревенского врача, занимающегося прививанием населения от оспы без получения разрешения. Более того, журналист мог подвергнуться гораздо более строгому

¹ Об оставлении в силе временного закона 24 декабря 1906 года об установлении уголовной ответственности за восхваление преступных деяний в речи или печати // РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 433. Л. 12-17.

² Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. Т. 2. СПб., 1907. Стб. 822-823.

³ Там же. Стб. 814.

наказанию (до 8 месяцев тюрьмы), чем сам нелегальный оспори-
ватель, которому мог грозить штраф не более 3 руб.¹

Таким образом, Комиссия о неприкосновенности личности вы-
ступила против законопроекта отнюдь не из стремления легализо-
вать оправдание терроризма. «Я, имея некоторую юридическую
опытность и навык, берусь вам в любом газетном номере какой
угодно газеты, не исключая правых или средних, я ручаюсь, что я
найду состав преступлений, я там найду несомненно восхваление
преступных деяний в том условном понимании, как это нам фор-
мально сейчас предписывается признавать в Уголовном уложении
или в Уложении о наказаниях», – настаивал Кузьмин-Караваев².
Столь широкая формулировка закона предопределяла его избира-
тельное, а значит, произвольное применение.

Отклоненный II Государственной Думой законопроект об от-
ветственности за восхваление преступлений был вновь внесен Ми-
нистерством юстиции в Государственную Думу третьего созыва,
28 июня 1908 г. передан в Комиссию по судебным реформам и
29 января 1909 г. ею рассмотрен. Членом Комиссии
Г.Г. Замысловским был подготовлен доклад с рекомендацией при-
нять указанный законопроект в редакции, учитывавшей все основ-
ные замечания, прозвучавшие на заседаниях Государственной Ду-
мы второго созыва. В исправленном проекте устанавливалась от-
ветственность только за восхваление преступлений, за которые
могло быть назначено наказание не ниже заключения в тюрьме.
Сохранились размеры наказания за восхваление, но с уточнением
– не выше наказания, которое положено за деяние, бывшее пред-
метом восхваления. Кроме того, в качестве предмета наказуемого
восхваления в новой редакции была указана «личность преступни-
ка, по поводу учиненного им преступного деяния»³. Это дополне-
ние, однако, не являлось принципиальным новшеством. Оно было
заимствовано из Объяснительной записки к статье 133 Уголовного
уложения (хотя в тексте самой статьи отсутствовало), где говори-
лось, что «восхваление может относиться и к преступнику только

¹ Там же. Стб. 821.

² Там же. Стб. 824.

³ Государственная дума. Третий созыв. Приложения к стенографическим отчетам. Сессия II. Т. 2. СПб., 1909. № 243.

при том условии, что основою для восхваления лица было именно учиненное им преступление»¹.

Таким образом, Комиссия по судебным реформам устранила из законопроекта основные недостатки, которые стали причиной его отклонения Государственной Думой второго созыва, и рекомендовала законопроект к принятию. Однако в общем собрании Государственной Думы законопроект остался нерассмотренным до конца полномочий депутатов третьего созыва². В 1913 г. в IV Государственную Думу законопроект об ответственности за восхваление преступлений был внесен уже Министерством внутренних дел (в редакции Комиссии по судебным реформам) вместе с проектом нового Устава о печати³, но также не был рассмотрен общим собранием.

Тем не менее, правительство нашло способ ввести в действие норму, которая в первой редакции была прямо отвергнута Государственной Думой, а во второй редакции не успела пройти процедуру законодательного утверждения.

Отклоненный 21 мая 1907 г. Государственной Думой закон в соответствии со статьей 87 Основных государственных законов прекратил свое действие. Сообщение об этом было официально опубликовано в Собрании узаконений и распоряжений правительства от 29 мая 1907 г. Однако 3 июня, в день роспуска II Государственной Думы и издания нового положения о выборах, в большинстве губерний были опубликованы подготовленные по единому образцу обязательные постановления местных властей, содержащие, в числе прочего, пункт: «Воспрещается всякого рода публичное восхваление преступного деяния, равно как и распространение или публичное выставление сочинения либо изображения, восхваляющих такое деяние»⁴.

Это было сделано на основании «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., которое наделяло местные власти полномочиями издавать обязательные постановления «по предметам, относя-

¹ Ширков В.П. Преступные деяния печати по Уголовному уложению // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 8. С.70.

² Толстой П.М. Обязательные постановления о печати в порядке охраны // Свобода печати при обновленном строе. СПб., 1912. С. 108.

³ Указания Совета министров и соображения Министерства финансов по законопроекту о печати 1913 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1046. Л. 86об.

⁴ Толстой П.М. Указ. соч. С. 107.

щимся к предупреждению нарушения общественного порядка и государственной безопасности» и наказывать за их нарушение во внесудебном порядке. При объявлении в местности усиленной охраны наказание составляло арест до трех месяцев или штраф до 500 руб., при чрезвычайной охране – заключение в тюрьме или крепости на 3 месяца или штраф до 3000 руб.¹

В годы Первой русской революции и после ее завершения тот или иной вариант исключительного положения действовал почти на всей территории Российской империи. Начиная с 3 июня 1907 г., практика издания одинаковых обязательных постановлений местными властями превратилась для правительства в эффективный способ установления новых охранительных мер в обход Государственной Думы. Особенностью обязательных постановлений в отношении печати являлось то, что в большинстве своем они подменяли собой текст действующих статей уголовного законодательства и, таким образом, отменяли для печати судебный порядок преследования, заменяя его на административные взыскания, налагаемые местными властями². Фактически обходным путем была восстановлена система административного воздействия на печать, отмененная Временными правилами 24 ноября 1905 г.

В случае же с ответственностью за восхваление преступлений исполнительная власть посчитала возможным прямо проигнорировать тот факт, что эта мера уже была отклонена Государственной Думой, и использовала обязательные постановления вопреки воле законодательного учреждения. Характерно, что после того, как в Государственной Думе третьего созыва законопроект был дополнен указанием на ответственность за восхваление личности преступника, в некоторых местностях были также изданы новые обязательные постановления, позаимствовавшие эту формулировку из еще не утвержденного закона³.

Судьба законопроекта об ответственности за восхваление преступлений иллюстрирует ценностные противоречия между думскими либералами и правительством. Первые считали, что в революционное время особенно важно охранять права личности от

¹ ПСЗ. Собр. 3. Т. 1. № 350.

² Государственная дума. Третий созыв. Приложения к стенографическим отчетам. Сессия V. Т. 3. СПб., 1912. № 421. С. 21

³ Толстой П.М. Указ. соч. С. 108

чрезмерного государственного вмешательства. Правительство же, напротив, было готово жертвовать точностью формулировок правовых норм и нарушать законотворческую процедуру во имя борьбы с политическими преступлениями, хотя и признавало, что «в правовом государстве, призванном с высоты престола к обновлению на предначертанных Манифестом 17 октября 1905 г. началах гражданской свободы» подобные исключительные меры «не могут иметь длительного характера и, с восстановлением обычного порядка в стране, подлежат постепенной отмене»¹.

О.Л. Протасова²

ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ И ТРУДОВОЙ НАРОДНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ В 1917 г.*

В 1917 г. Партия народной свободы позиционировала себя как внеклассовая партия широкой демократии, считавшая «единственным Хозяином русской земли весь русский народ вкупе, а не один какой-нибудь класс населения, не один город, не одно племя»³.

Этим заявлением кадеты «отстраивались» от политических конкурентов, среди которых основными они справедливо считали социалистов-революционеров. Партия эсеров на гребне революционной волны заработала большой политической капитал, обрела множество сторонников, став самой массовой российской партией. По части демократизма своей социальной базы революционные неонародники превосходили марксистов: в отличие от последних, они не сбрасывали со счетов в качестве потенциальной опоры революции и творцов будущего социализма крестьянство и трудовую интеллигенцию.

¹ РГИА. Ф. 560 Оп. 26 Д. 1046. Л. 28.

² Протасова Ольга Львовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Тамбовского государственного технического университета.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00059А.

³ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-216. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

Эсеры были пассионарны весной 1917 г. Они приобретали все новых членов и последователей, участвовали в Советах, имели (в т.ч., не без «помощи» террора) славу признанных борцов с самодержавием, и кадетам необходимо было найти уязвимое место в платформе эсеров, которое могло оттянуть от них часть электората. Аграрный вопрос испокон веков был труднейшим для российских властей, и социалисты народнического направления, считавшие основной своей «целевой аудиторией» крестьянство, оправданно полагали этот пункт в партийных программах базовым. Именно в деревне они видели и причину отсталости страны, и залог ее естественного исторического развития, подчеркивая при этом, что много лет в России богатства систематически перекачивались из деревни в город, из частного хозяйства в казну. Даже австрийский классик-марксист К. Каутский признавал, что «русская революция... не может закончиться до тех пор, пока не будет удовлетворено русское крестьянство»¹.

В идейно-политической борьбе 1917 г. кадетам нельзя было сбрасывать со счетов и представителей так называемого либерального (эволюционного, умеренного) неонародничества – народных социалистов. Это направление во многих отношениях «было генетически скорее связано с кадетами, нежели с эсерами»², хотя можно встретить утверждение (особенно распространенное в советской историографии и, на наш взгляд, недостаточно обоснованное) о том, что энесы – правое крыло эсеров³, впоследствии отколовшееся от партии. В области знания крестьянского вопроса и умения работать с жителями деревни народные социалисты легко могли соперничать с эсерами: за спиной многих энесов был опыт земской деятельности и сотрудничества с крестьянскими общественными организациями. К тому же, 22 июня 1917 г. произошло долгожданное событие в народнической среде: после 11-летней подготовки народно-социалистическая партия, наконец, объединилась с Трудовой группой на социалистической платформе (ранее трудовики видели залог своего успеха в деревне именно во внепар-

¹ Каутский К. Путь к власти. М., 1959. С. 34.

² Разиньков М.Е. Трудовая народно-социалистическая партия в Воронежской губернии в 1917-1918 гг.: политический карлик или центр самоорганизации интеллигенции // Народники в истории России: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Воронеж, 2019. С. 181.

³ См., напр.: Советская историческая энциклопедия. В 16 т. М., 1976. Т. 16. С. 597.

тийности, отстраненности от политики и не принимали термина «социализм»¹). Объединению предшествовали съезды тех и других. Приветствовавший съезд энесов от имени Трудовой группы ветеран народнического движения Н.В. Чайковский обратился к народным социалистам «как к самой близкой нам партии – и по навыкам, и по темпераменту. И мы, и народные социалисты не бросаем в массы неосуществимых лозунгов»². Объединение заметно усилило партию, и без того игравшую видную роль в создании новой политической системы России. Деятели ТНСП входили в состав ВЦИК, Особого совещания при Временном правительстве. На первой сессии Главного земельного комитета им принадлежало 14 голосов из 55³.

Как в знании проблем крестьянства, так и в публичной риторике, рассчитанной на широкие массы, эсеры и народные социалисты опережали либералов в силу долгого опыта работы с «простым» населением, хорошего понимания его жизни, настроений и, главное, языка, в то время как кадеты – значительно более зрелая в возрастном отношении партия⁴, состоявшая преимущественно из интеллигентов, имела богатую парламентскую практику, отличных теоретиков-профессионалов, ученых с мировым именем, но лицом к лицу с «народными массами», по сути, не сталкивалась.

Из-за запоздания в России политической модернизации и парламентаризма с партийно-конкурентной борьбой, кадетская партия оказалась самой молодой среди всех европейских либеральных партий. Либерализм – идеология, подходящая Западной Европе со времен «свободы, равенства, братства» и еще более органически подходящая индивидуалистической Америке, не находила столь же горячих симпатий на русской почве с ее традициями патернализма, общинности, круговой поруки. Тем не менее, у российских либералов были надежды, что с развитием общей культуры, ростом гражданского самосознания соотечественникам постепенно привьется

¹ Протасов Л.Г., Протасова О.Л. Народные социалисты // Родина. 1994. № 10. С. 78.

² Цит. по: Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. М., 1977. С. 142.

³ Там же. С. 79.

⁴ К 1917 г. деятели политических партий России подошли в следующих «средних возрастах»: правые – около 60 лет, октябристы – 51 год, кадеты – 50 лет, народные социалисты – 45-47, эсеры, меньшевики, левые эсеры и анархисты – 35-38 лет (источник: Политическая элита российской провинции от эпохи Николая II до Сталина. Тамбов, 2013. 160 с.).

вкус к этой идеологии независимых, самостоятельных, знающих и уверенно осуществляющих свои права людей.

После Февральской революции Партия народной свободы вдруг стала самой правой из реально действовавших политических организаций. Несмотря на столь незавидное в условиях революционной вольницы размещение в партийном спектре, российские либералы летом 1917 г., когда на первый план вышел вопрос государственно-институционального переустройства, смело пошли в предвыборную атаку с вопросом, в котором ориентировались, пожалуй, наименее уверенно – аграрным. Они оставались едва ли не единственными открытыми поборниками частной собственности, в т.ч. на землю, среди окружавших их социалистов – марксистов и народников, и уповали на хозяйскую, собственническую жилку крестьян. Главным же козырем в крупномасштабной политической деятельности либералам должна была послужить именно внеклассовость, а также предложение социального компромисса в сложившейся обстановке путем установления каждым классом определенных самоограничений.

Выступая с программными тезисами на выборах в органы местного самоуправления летом и, особенно, в предвыборной кампании во Всероссийское Учредительное собрание, кадеты заявляли, что всегда считали крестьян вправе свободно распоряжаться своей землей. Крестьяне-собственники должны юридически и фактически сохранить свою собственность – землю, а не лишиться ее, как предполагалось при национализации, социализации и муниципализации, планируемых социалистами. Кадеты старались внушить избирателям из крестьян, что при реализации аграрной программы любой социалистической партии сельские жители не будут распоряжаться обрабатываемой ими землей: слишком многим она обещана, на всех ее не хватит. «Социалисты хотят сами распоряжаться вашей землей, – доказывали либералы, – и для этого придумали такие планы и программы, какие не приняты ни одним народом в мире»¹. В доказательство они приводили таблицу с расчетами, сколько может быть предоставлено земли для наделов в Европейской России. Географическое уточнение здесь существенно, поскольку в Сибири аграрный вопрос не стоял так остро, как к западу от Урала. Сибирский крестьянин не знал многолюдства и малозе-

¹ ГАВО. Ф. И-216. Оп. 1. Д. 1. Л.18.

мелья, как не знал и крепостного права. Главной особенностью сибирского землепользования было то, что, «в отличие от казаков, владевших землей на правах общины, крестьяне, как правило, арендовали ее у государства»¹. Земля именно европейской территории была предметом интереса и межклассовой борьбы в русской деревне на протяжении веков. Из расчетов кадетов следовало, что:

- казенной земли в наличии 4 000 000 десятин;
- удельной – 1 950 000 десятин;
- церковной и министерской – 2 000 000 десятин;
- Крестьянского банка – 2 000 000 десятин;
- частновладельческой – 40 000 000 десятин.

Итого 49 950 000 десятин.

При этом безземельных дворов – 1 600 000, земли для них нужно 16 000 000 десятин (такую «трудовую норму» принимали и социалистические партии).

Малоземельных дворов – 8 400 000, земли для них нужно примерно, прибавляя в среднем по 5 десятин на двор, 42 000 000 десятин. Следовал вывод: дефицит земли крестьянству и земледельцам составит около 8 000 000 десятин.

На вопросы: 1) кому должна принадлежать земля?; 2) на каких условиях произвести отчуждение помещичьих и других частновладельческих земель?; 3) как лучше получить землю крестьянам и другим земледельцам: в аренду, во временное или бессрочное пользование?, Партия народной свободы отвечала так:

1) Земля должна принадлежать только трудовому крестьянству и земледельцам.

2) Отчуждение земли у помещиков и крупных землевладельцев из купцов следует произвести с вознаграждением от государства по справедливой оценке, не нарушая местных норм землеустройства крестьян-собственников, общин и т.п.

3) Наделить малоземельных и безземельных крестьян землей в бессрочное пользование без выкупа, но с выплачиванием части % за выкупной капитал в небольшом размере: 3-4 рубля за десятину².

¹ Хандорин В.Г. К вопросу об аграрных взглядах сибирских кадетов в период революции и гражданской войны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.docme.ru/doc/1613633/k-voprosu-ob-agrarnyh-vzglyadah-sibirskih-kadetov-v-period....> (дата обращения 13.06.2019).

² ГАВО. Ф. И-216. Оп. 1. Д. 1. Л.27.

Таким образом, главный тезис кадетов, который мог обеспечить им симпатии крестьянства, состоял в недопущении к земле чужеродных, «пришлых» элементов, которые вдруг захотят обзавестись земельной собственностью и, не имея навыка или даже намерения обрабатывать свой участок самостоятельно, начнут наживаться на наемном труде, лишая при этом настоящих земледельцев возможности получить наделы в полном объеме по трудовой норме.

Правые народники в силу своего преимущественно разночинского социального происхождения и, главное, социальной ориентации размышляли о крестьянстве и аграрном вопросе гораздо более предметно и детально, чем урбанизированные либералы-западники. «Когда для русского крестьянства откроется широкая возможность развить свои потребности, тогда и только тогда придет очередь расцвести индустрии»¹, – заявлял еще в 1903 г. автор аграрной программы народно-социалистической партии и Трудовой группы А.В. Пешехонов. Неудивительно, что В.И. Ленин видел в Пешехонове выразителя стремлений мелких землевладельцев, именуя его «крестьянским кадетом»². 22 июня 1917 г. произошло ожидавшееся более десяти лет объединение народных социалистов и трудовиков в Трудовую народно-социалистическую партию. Правые неонародники также активно участвовали во всех революционных начинаниях, включившись в дело построения в России демократии. Среди прочих идейных и организационных разработок они представили и свою аграрную платформу, популяризованную для массовой публики специально к выборам в Учредительное собрание. Они подчеркивали, что в сложившихся политических условиях согласны сотрудничать и даже, возможно, объединяться с другими партиями демократического социализма: «Мы не враги другим социалистическим партиям, мы во многом, но не со всем согласны с ними и можем действовать с ними заодно в Учредительном собрании при решении большей части вопросов. Но необходимо, чтобы там был услышан и наш голос»³. Идеологи ТНСП доказывали, что их партия может стать своеобразной площадкой компромисса для всех тех, кто стоит за учреждение в России демократической республики и постепенное проведение в жизнь социализма, но не

¹ Русское богатство. 1903. № 6. С. 135.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 16. М., 1967. С. 262, 329.

³ ГАВО. Ф. И-312. Оп. 1. Д. 33. Л. 12об.

совсем согласны с эсерами и социал-демократами (имелись в виду, конечно, меньшевики). По возможности (если речь не шла о принципиальных идеологических несогласиях) сотрудничество с каде-тами также признавалось полезным и целесообразным.

В обращении к населению, предварявшем программный документ, народники напоминали о том, «как громко с трибуны Государственной Думы раздавались голоса представителей Трудовой группы в защиту крестьянства, как сильно звучали речи о воле и земле» ее председателя в Думе – А.Ф. Керенского¹, «как высоко держали знамя земли и воли народные социалисты... в журнале “Русское богатство”, – всем известны имена... писателя В.Г. Короленко и министра [продовольствия Временного правительства – О.П.] А.В. Пешехонова»².

Как убежденные социалисты, энесы заявляли о своем стремлении к ликвидации частной собственности на землю, «чтобы вся земля с ее недрами и водами стала достоянием всего народа..., чтобы сам народ мог распоряжаться землей» – национализации земли. С этой целью партия намеревалась требовать, чтобы все земли: казенные, бывшие царские (кабинетские и удельные), церковные, монастырские и частновладельческие, были объявлены Учредительным собранием всенародной собственностью и переданы бесплатно в пользование всех трудящихся, и, прежде всего, земледельцев, которые желают своим трудом обрабатывать землю. При этом партия выступала против того, чтобы земледельцы платили выкуп за землю, и считала необходимым, чтобы расходы, которые потребуются для передачи земли трудовому народу, падали не на получающих землю, а на все государство. Народно-социалистическая партия находила несправедливым отбирать бесплатно землю у тех крестьян, что приобрели ее за свои деньги свыше количества, планируемого оставлять в одних руках. Столь же неприемлемым она считала отбирать бесплатно землю у владельцев, не имеющих других средств существования, кроме земли. Если у владельца есть иные доходы (от капиталов, домов, торговли, промышленных предприятий и т.п.), государство должно дать им вознаграждение за землю меньше, чем «живущим одной землей», а у наиболее обеспеченных, в крайних случаях, – изъять ее и

¹ Там же. Л. 10.

² Там же.

вовсе без компенсации. Тон документа в этом разделе был предельно обходителен и тактичен, затем следовала замечательная фраза: «Наша партия будет настаивать, чтобы государство никого не выгоняло на улицу голым и голодным»¹.

По замыслу правых народников, у каждого хозяина должно быть оставлено столько земли, сколько его семья сможет сама обрабатывать – т.е. в зависимости от количества в семье работников и едоков. Партия считала важным не только наделить народ землей, но и содействовать развитию производительности сельского хозяйства. Хотя, по мнению народных социалистов, общинное хозяйство было более выгодным, чем единоличное, они не планировали насильно насаждать общину там, где население привыкло к подворному владению землей. Партия выступала также против захвата земель до Учредительного собрания и вообще против всяких насилий с любой стороны. При этом народные социалисты настаивали, чтобы волостные, уездные и губернские земельные комитеты, избранные в своем большинстве из крестьян, широко развивали свою деятельность, обеспечивая полный засев полей и справедливое пользование выгонами и лесами². Трудовая народно-социалистическая партия призывала граждан-земледельцев образовывать земельные комитеты и товарищества-кооперативы, чтобы, максимально сплотив силы, спокойно проводить намеченные меры в интересах трудящихся. Особо оговаривалось намерение партии требовать обеспечения сельскохозяйственных работников предметами первой необходимости (а это в условиях войны было очень актуально) – железом, кожей, тканями и т.п., при этом революционное правительство должно было установить и гарантировать твердые цены на все эти продукты. Показательно, что эта решимость проявлялась на деле: лидер энесов Пешехонов, возглавлявший министерство продовольствия Временного правительства три месяца – с мая по август, и, по признанию многих, достаточно эффективный министр, покинул свой пост из-за того, что при всех героических усилиях, ему и его помощникам не удалось сохранить твердые цены на хлеб.

В итоге на выборах в Учредительное собрание кадеты получили около 2200 тыс. голосов (4,5%) и провели 14 депутатов по пар-

¹ Там же.

² Там же. Л. 10об.

тийным плюс еще несколько человек по непартийным спискам¹. Трудовая народно-социалистическая партия собрала порядка 400 тыс. голосов² и провела на форум А.С. Суханова и Н.В. Чайковского, которые вместе с присоединившимися к ним в Таврическом дворце двумя эстонскими трудовиками составили фракцию народных социалистов³. По сравнению с триумфом эсеров (почти 40% признанных действительными бюллетеней) эти цифры мало впечатляют, однако справедливость требует признать достойными уважения позиции обеих рассмотренных нами партий. Кадеты в очень неблагоприятных для них условиях второй половины 1917 г. твердо придерживались своих идеологических установок, в то время как общий политический курс страны сместился резко влево, и не быть социалистом уже фактически считалось дурным тоном. 28 ноября кадеты и вовсе были объявлены «врагами народа»⁴. Следуя резолюции конспиративного совещания, и в целях безопасности кадетские депутаты не явились на открытие Учредительного собрания, за что подверглись критике со стороны народных социалистов, полагавших, что, «если от граждан можно требовать мужества, – то именно в такие моменты и на таких постах»⁵. Однако энесы отнюдь не демонизировали кадетов и не считали их основными виновниками провала демократии в России. Гораздо более едко они отзывались о своих соседях слева по народническому лагерю, высказав сомнение в честности победы на выборах в Учредительное собрание расколовшейся к тому времени ПСР: избиратели голосовали еще за единую партию, до официального распада на две принципиально разные в политическом смысле организации. Обман избирателей был в глазах умеренных народников не меньшим проступком, чем недостаток воли к власти, проявленный всеми меньшевистскими депутатами.

Первый (и, увы, на долгое время вперед последний) опыт народо-властия в России оказался неудачным. Однако нельзя сказать, что предшествовавший ему выборный процесс стал бесполезным.

¹ Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / автор-составитель Л.Г. Протасов. М., 2014. С. 192.

² Там же. С. 442.

³ Протасов Л.Г., Протасова О.Л. Указ. соч. С. 80.

⁴ Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия. С. 192.

⁵ Пешехонов А.В. Провалилось ли народо-властие // Русское богатство. 1918. № 1-3. С. 318.

Он отразил расстановку внутри- и межпартийных сил, политические вкусы и настроения электората и селектората и прочие объективные и субъективные компоненты, способствовавшие становлению в России демократических начал и тормозившие их. Самое же главное, что удалось выявить, при всех программных расхождениях, – искренние человеческие симпатии, общую приверженность нравственным императивам либералов и правых социалистов, чьи пути впоследствии часто пересекались в годы борьбы с большевизмом на Родине и затем в эмиграции.

Ф.А. Гайда¹

П.Н. МИЛЮКОВ В БОРЬБЕ ЗА ЕДИНСТВО КАДЕТСКОЙ ДУМСКОЙ ФРАКЦИИ (1912-1917)

После 1907 г. Конституционно-демократическая партия находилась в ситуации политической изоляции и организационного кризиса. Имели место и серьезные идейные споры. Основными орудиями борьбы кадетской партии в рамках третьеиюньской монархии оставались печать и думская трибуна. В подобных условиях сохранение единства фракции выступало важным фактором успеха партийной стратегии. Председателем фракции был П.Н. Милюков: наиболее влиятельный член кадетского ЦК, фактический руководитель газеты «Речь», основной разработчик партийного курса. Фракция после Выборгского воззвания 1906 г. не включала наиболее ярких представителей партии, лишенных избирательных прав, что лишь усиливало значение председателя. Именно Милюков выступал главным персональным гарантом единства кадетских рядов. Он, по замечанию А.В. Тырковой, обладал замечательным тактическим «чутьем» и мог вносить порядок в кадетский «хаос мыслей»². По свидетельству И.В. Гессена, «споры сразу прерывались при по-

¹ Гайда Федор Александрович – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России XIX века – начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, профессор-консультант Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта.

² ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 18. Л. 7 об.

явлении Милюкова, с ним никто не решался вступать в прения, считая это бесцельным»¹. Как отмечал А.Я. Аврех, сила Милюкова заключалась в том, что он отстаивал принципиальную партийную позицию; союз с октябристами и прогрессистами отрезал бы кадетам любую возможность контактировать с левыми и сразу привел бы партию к краху². Как и Аврех, В.С. Дякин рассматривал активность правого крыла как стремление не организовать раскол, а подвинуть всю партию вправо³. Внутрифракционная активность левого крыла в историографии практически не рассматривалась.

На выборах 1912 г., вопреки существовавшим пессимистическим прогнозам, кадетами удалось сохранить относительно крупную партийную фракцию и даже немного увеличить ее ряды (с 53 до 58 депутатов). Тем не менее, по поводу только что открывшейся Думы А.И. Шингарев писал жене: «Сейчас положение очень неясное и неопределенное. Для нашей группы единственное дело – продолжить то, что мы делали и в III Думе. Большинство, во всяком случае, будет против нас и успех наших усилий, в смысле практическом, в ближайшее время не может быть большим»⁴. В ответ на подобное настроение правое крыло ЦК (П.Б. Струве, В.А. Маклаков, А.В. Тыркова) выступало за поиск контактов с левыми октябристами и прогрессистами⁵. 9 декабря 1912 г. стала выходить газета «Русская молва», призванная сплотить правых кадетов и прогрессистов (издателем являлся Д.Д. Протопопов, влиятельную позицию в редакции занял Струве)⁶.

Руководство фракции было намерено в первом же заседании новой Думы внести запрос об административных злоупотреблениях на выборах и три законодательных предположения: о всеобщем избирательном праве, неприкосновенности личности, свободе печати,

¹ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Кн. 11. Т. 22. М., 1993. С. 328.

² Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 219-221.

³ Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг. Разложение третьеюньской системы. Л., 1988. С. 104.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 581. Л. 2547.

⁵ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 2. М., 1997. С. 142-153; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 27. Т. 1. Лл. 25-26.

⁶ Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках А.С. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн и др. М., 1997. С. 502. С.Н. Булгаков – А.С. Глинке, 27 декабря 1912 г.

собраний и союзов¹. 14 ноября на заседании фракции было решено не претендовать на места в президиуме. Однако сразу же произошло столкновение: правый кадет М.В. Челноков (избранный в 1912 г. в Думу от I городской курии Москвы вместо октябристского лидера А.И. Гучкова) выступил против немедленного выдвижения предположений. Если кадетское большинство выступало за то, чтобы «Думе не жалеть», Челноков был за сохранение новоизбранного созыва и не хотел давать повода правительству для роспуска парламента. Однако большинство фракции воспринимало это как начало реализации плана Маклакова и Челнокова по ее расколу и созданию нового объединения с прогрессистами. Левый кадет Н.Н. Щепкин отметил в частном письме: «Было бы полезно этим господам напомнить, что без ручательства партии при всех их талантах они политически являлись бы нулями. Фракция включает элементы, потерявшие политическое воспитание. Придется много работать над выучкой и сглаживанием шероховатых мест»². Однако уже 1 февраля 1913 г., оценив общую ситуацию в стране и слухи о возможной ликвидации законодательной Думы, кадетский ЦК выступил за то, чтобы думская тактика не обретала более радикального характера. Была отвергнута идея голосования против бюджета³.

Правое крыло фракции выступило против внесения партийного законопроекта о всеобщем избирательном праве. Милюков отказался обсуждать вопрос во фракции и добился принятия нужного себе решения в ЦК. Челноков назвал этот поступок «диктаторским». 15 марта ЦК отклонил протест 12 депутатов правого крыла⁴. Еще один конфликт разразился, когда Челноков решил войти в состав военно-морской комиссии Думы, что было «крайне важно» для избравшей его I московской курии (его предшественник Гучков в 1907-1910 гг. был председателем комиссии)⁵. Фракция поддержала Челнокова, после чего Милюков сложил полномочия председателя и покинул заседание. Лишь по телефону его уговорили вернуться

¹ Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 12.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 582. Л. 2683. Н.Н. Щепкин – Н.М. Щепкину, 15 ноября 1912 г.

³ Протоколы. Т. 2. С. 171-176.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 27. т. 1. Л. 25-26.

⁵ Там же. Оп. 265. Д. 919. Л. 392. Н.М. Кишкин – П.Н. Милюкову, 21 февраля 1913 г.

обратно¹. Челноков вынужден был пойти на попятную². На кадетской конференции 25-26 мая был поддержан доклад Милюкова, включавший и думскую тактику. Конференция констатировала организационный развал партии на местах и в сложившихся обстоятельствах посчитала невозможным созыв партийного съезда³. Тем самым, по признанию самих партийцев, милюковская линия не имела серьезной альтернативы. 20 августа 1913 г. закрылась и «Русская молва», не нашедшая значительного числа подписчиков.

Однако полевение октябристов привело к новым попыткам правых кадетов повлиять на ситуацию. 8 августа 1913 г. Челноков написал одному из самых верных соратников Милюкова Шингареву о необходимости новой линии партии, предполагавшей деловое соглашение в Думе при сохранении принципиальной позиции. Шингарев отвечал ему: «В результате ведь получается довольно противоречивая комбинация соглашения с большинством по массе мелочей и самая резкая форма борьбы по существенным пунктам. Первая часть не прибавит нам ни лавров, ни влияния в стране, вторая хороша только при успехе, но ведь он-то мне и представляется проблематичным»⁴. На пленарном заседании кадетского ЦК 5 октября большинство (Челноков, Н.М. Кишкин, кн. Д.И. Шаховской и др.) высказалось за соглашение с октябристами с целью проведения земской и городской реформ. Милюков категорически возражал, но оказался в незначительном меньшинстве⁵.

Раскол октябристов в декабре 1913 г. спровоцировал новую волну активности. Прогрессистская газета «Утро России» сообщила о возможном создании в Думе «либерального центра» из левых октябристов, «многих» прогрессистов и «некоторых» правых кадетов, объединившихся вокруг Маклакова и Челнокова⁶. Если бы Маклаков со сторонниками ушел к прогрессистам, именно он, в отсутствие Гучкова, по мнению октябристской газеты «Голос Москвы», стал бы

¹ Прогрессивный центр // Утро России, 17 марта 1913 г.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 921. Л. 537. М.В. Челноков – Н.М. Кишкину, 15 марта 1913 г.

³ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 2. М., 2000. С. 496-500.

⁴ ГА РФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 489. Л. 1 об.-2 об.

⁵ Там же. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 27. т. 1. Л. 60-61.

⁶ Утро России. 1913. 8 декабря; Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. М., 2002. С. 323.

главной фигурой левого центра¹. Пошли слухи о создании Маклаковым национально-либеральной партии². 23 февраля 1914 г. он выступил со статьей в кадетской газете «Русские ведомости», где потребовал смены думской тактики: «Соглашение на конкретной программе, хотя и не кадетской, но прогрессивной, определенное и последовательное отношение к приемам управления, отстаивание прогрессивного минимума всеми доступными средствами покажет правительству его изолированность в той среде, на которую оно хочет рассчитывать, управлять *без которого оно не сумеет*; а это создаст то правовое и психологическое давление на власть, значение которого будет определяться вне Думы». Маклаков отмечал, что это была бы политика «менее эффективная и благодарная, более ответственная; но она – единственная, к которой может сейчас идти тот, кто еще не утратил если не веры (вера уже утрачена), то по крайней мере *желания* найти выход из тупика без революционных взрывов, без помощи внешних неудач и катастроф» [курсив автора – Ф.Г.]³.

Статья получила поддержку как справа, так и слева. Умеренно-социалистический «День» считал логику Маклакова верной⁴. «Защитник реальной политики» Маклаков противопоставлялся «Голосом Москвы» Милюкову – «стороннику «профессиональной оппозиции»»⁵. Рупор прогрессистов «Утро России» посчитал статью Маклакова знаменательной и выступил за объединение оппозиции на почве Манифеста 17 октября⁶. Милюков ответил Маклакову в «Речи»: кадетский лидер отмечал, что Маклаков «ломится в открытую дверь», когда пишет, что кадеты мешают октябристам полететь, октябристы «прекрасно знают», в каких вопросах кадеты их поддерживают, потому деловое соглашение фракций как таковое не имело смысла⁷. 16 марта на заседании Московского отделения ЦК Маклаков подверг критике тактику фракции, сосредоточившейся на парламентских запросах и отвергшей участие в военной комиссии⁸. В

¹ Г-й. Маклаков и прогрессивный центр // Голос Москвы. 1913. 3 декабря.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 27. Т. 1. Л. 61.

³ Маклаков В. Тактика оппозиции // Русские ведомости. 1914. 23 февраля.

⁴ Смирнов Е. «Старая» или «новая» тактика? // День. 1914. 27 февраля.

⁵ Задачи оппозиции // Голос Москвы. 1914. 25 февраля.

⁶ Брожение среди единомышленников // Утро России. 1914. 25 февраля.

⁷ Милюков П. Новый путь? // Речь. 1914. 25 февраля.

⁸ Протоколы. С. 281.

ответ «Русские ведомости» опубликовали статью Милюкова «На распутье», в которой он констатировал: ни правительство, ни думское большинство не в состоянии измениться, а потому, прозрачно намекал он, революционная перспектива становилась неизбежной; фракция в ожидании грозных событий могла лишь занять принципиальную позицию¹.

Весенний кризис 1914 г. в Государственной Думе перечеркнул перспективы левоцентристского объединения и, тем самым, похоронил стремления правого крыла кадетов. Начало Первой мировой войны серьезно изменило положение кадетской фракции. В связи с провозглашением «священного единения» кадетское правое крыло фактически слилось с центром. Челноков, утвержденный на посту московского городского головы, ради этого должен был покинуть ряды кадетской партии; затем он возглавил Всероссийский союз городов. Фракция возобновила свою активность только через год, с возобновлением регулярной работы парламента. Однако летом 1915 г. кадетам удалось захватить инициативу в Думе в свои руки, в результате чего был создан Прогрессивный блок. Шингарев возглавил военно-морскую комиссию. В парламентском большинстве кадеты заняли позиции на левом фланге, а потому в 1915-1916 гг. угроза единству фракции уже исходила от ее левого крыла (М.М. Винавер, М.С. Аджемов, Д.Д. Гримм, Н.К. Волков, кн. В.А. Оболенский и др.). Лидером левых кадетов являлся товарищ председателя Думы, один из руководителей масонского надпартийного объединения Н.В. Некрасов, который среди партийных товарищей был знаменит своими «демагогическими заявлениями»².

17 октября 1915 г. на праздновании десятилетия партии в московском городском комитете левые кадеты М.Л. Мандельштам, В.П. Обнинский и А.А. Кизеветтер в присутствии партийного лидера резко раскритиковали политику блока: «Милюков завел партию в болото. <...> Ложной тактикой ровно ничего не достигнуто в борьбе с правительством и вместе с тем вырыта пропасть между кадетами и более левыми кругами общества, теми кругами, которые могут явиться единственной реальной угрозой правительству»³. На

¹ Милюков П. На распутье // Русские ведомости. 1914. 9 марта.

² Долгоруков П.Д., кн. Великая разруха. Мадрид, 1964. С. 13-14; Новиков М.М. Моя жизнь от Москвы до Нью-Йорка. Нью-Йорк, 1952. С. 175-176.

³ Буржуазия накануне Февральской революции. Сб. док. и мат. под ред. Б.Б. Граве. М.-Л., 1927. С. 68-71.

VI съезде кадетской партии в феврале 1916 г. Милюков отстаивал политику блока как единственно верную и выгодную партии¹. Внятной критики со стороны левых не прозвучало. Однако во время отсутствия Милюкова в России (в апреле-июне он находился в союзных державах в составе парламентской делегации) в ЦК и во фракции произошел настоящий бунт.

26 апреля кадетский ЦК рассмотрел законодательную программу текущей думской сессии. Н.М. Кишкин и председательствовавший Винавер потребовали внести на рассмотрение собственные кадетские законопроекты, не обращая внимания на блок. Большинство ЦК эту позицию не поддержало². Затем левые кадеты поставили вопрос о специальном обсуждении в Думе еврейского вопроса и внесении поправки в законопроект о крестьянском равноправии, в соответствии с которой евреи получали законодательные гарантии возможности занимать места в органах крестьянского самоуправления. Блок постановил вопрос отложить³. Кадетское большинство с подачи разработчика законопроекта Маклакова выступало за смягчение поправки и замены слова «иудей» на слово «инородец» с тем, чтобы законопроект был принят думским большинством⁴. На заседании ЦК в Москве 10-11 мая левые кадеты воспользовались своим численным преимуществом для изменения партийного курса⁵. По требованию Винавера было решено бороться за «еврейскую поправку». Он также добился резолюции о внесении на рассмотрение текущей сессии законопроектов об отмене черты оседлости и профессиональных ограничений для евреев. Кроме того, «в значительной степени» прошло предложение Некрасова о новой тактике фракции – «согласно резолюциям съезда, но несогласно с прежней тактикой к блоку». Было постановлено, «чтобы независимо от законодательства в Думе велась борьба с правительством всеми парламентскими способами»⁶.

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 259-260.

² Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3. М., 1998. С. 291-303.

³ РГИА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 237. Л. 47-48.

⁴ Протоколы. Т. 3. С. 263-264.

⁵ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 527. Л. 1 об.

⁶ Протоколы. Т. 3. С. 303-304; ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 527. Л. 1.

После этого, «хотя и не без труда», «еврейская поправка» по настоянию Некрасова, Щепкина и Аджемова была принята фракцией (17 голосами против 12). Против нее выступили Маклаков и крестьяне – члены фракции, которые резонно указывали на то, что в результате законопроект, нужный именно им, крестьянам, будет провален думским большинством¹. 19 мая в Петрограде состоялось новое заседание ЦК, на котором Ф.И. Родичев «поднял бунт против еврейской поправки». Его поддержал В.И. Вернадский, а большинство (причем, даже А.А. Корнилов) сослалось на то, что во фракции решение уже было принято. Аджемов предложил даже шантажировать умеренное крыло блока, обязав его голосовать за законопроект об отмене черты оседлости. «Если они оставят за собой свободу голосования, значит – нет блока!», – воскликнул он². Однако блок от столкновения уклонился. 9 июня Дума отклонила поправку, что было поддержано и Маклаковым³. Таким образом, левым кадетам не удалось расколоть блок; они не смогли закрепить своего курса даже на уровне фракции.

Милюкову удалось полностью восстановить свой авторитет во фракции после знаменитой речи 1 ноября 1916 г. Фракция горячо приветствовала своего лидера за этот поступок⁴. «После последних событий в Государственной думе, кажется, и самые демократические элементы признали Милюкова своим руководителем. Теперь мы ждем новых событий. Если нас не распустят, и если они [правительство – Ф.Г.] не уйдут, то борьба будет продолжаться. Боязно всегда за октябристов, но думаю, что на этот раз и они выдержат», – писал кадет А.А. Эрн⁵. В результате именно под руководством Милюкова фракция, партия и блок пришли к победе над «старым порядком». Левые кадеты вполне сочувствовали подобному исходу.

Итак, правый уклон во фракции существовал в 1912-1914 гг. и был связан со стремлением создать левоцентристское парламентское большинство на деловой почве. Полевение октябристов способствовало этой перспективе, но последовавший раскол октяб-

¹ Протоколы. Т. 3. С. 310; Новое время, 19 мая 1916 г.; ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 527. Л. 1 об.

² Протоколы. Т. 3. С. 310-312, 317; ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 527. Л. 1 об.

³ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стенографические отчеты. Пг., 1915-1916. Стб. 5044-5048, 5061, 5074, 5076.

⁴ Речь. 1916. 3 ноября.

⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 961. А.А. Эрн – Н.А. Эрну, 8 ноября 1916 г.

ристской фракции сделал ее невозможной: большинство октябристов весной 1914 г. склонилось к идее правого центра. В 1915-1916 гг. в кадетской фракции обозначился левый уклон, связанный с критическим отношением к Прогрессивному блоку. 1 ноября 1916 г. левая угроза единству фракции и блока была ликвидирована путем «штурмового сигнала» – организованной Милюковым резкой радикализации политической борьбы. Милюков успешно опирался на большинство ЦК и фракции в обстановке развала местных партийных структур и неспособности других кадетских лидеров сформулировать альтернативный курс. В случае крайней необходимости он мог подать в отставку с поста председателя фракции – и этим добивался принятия нужного ему решения. В борьбе с правой и левой оппозицией партийный лидер исходил из перспективы грядущей революции: в довоенной ситуации она мыслилась как не связанная с третьиононьской Думой, а в период Прогрессивного блока – как руководимая парламентским большинством во главе с кадетами. В любом случае Милюков стремился к сохранению действующего парламента: опыт Выборгского воззвания давал себя знать.

Н.Г. Карнишина, В.Ю. Карнишин¹

ЛИБЕРАЛЫ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: ВОСПРИЯТИЕ НОВАЦИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОЕ НАЧАЛА XX в.

Восприятие перемен, связанных с трансформацией государственного строя начала XX в. позволяет вновь вернуться к проблеме адаптации либеральных ценностей в российской провинции, места и роли политиков в российской глубинке, отличавшейся иным уровнем (чем в столицах) политической и правовой культуры. Озлобление, ненависть к государственному порядку и «эксплуата-

¹ *Карнишина Наталья Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История Отечества, государства и права» Пензенского государственного университета.*

Карнишин Валерий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История Отечества, государства и права» Пензенского государственного университета.

торам», изменения в крестьянском «мире» с его нормами и ценностями достаточно остро воспринимались сторонниками либералов. Напомним важное замечание В.В. Шелохаева, обращавшего внимание на то, что реальная историческая ситуация обнажает кричащие противоречия между идеальной формой либерального проектирования и реальным состоянием государства и общества, которые нуждаются в переустройстве¹.

Восприятие либеральных установок в российской глубинке оказывалось в сфере внимания либеральных политиков. П.Н. Милюков, констатировавший, что «вековая тишина» решительно уступает место самым острым и противоположным политическим настроениям», подчеркивал наличие в провинции «гаммы оттенков и переходов» в политических предпочтениях, которые и определяют судьбу русской революции².

Либеральные политики из обеих столиц, посещавшие провинциальные города до событий 1905 г., неоднократно отмечали «вялую монотонность, на фоне которой популярная лекция приезжего лектора являлась целым событием»³. Подобная «вялая монотонность» являлась следствием ряда обстоятельств. Одно из них было связано с достаточно сильным контролем местных администраторов над общественной жизнью.

С.Д. Урусов, занявший в 1904 г. должность тверского губернатора, констатировал, что «опасные» вопросы на заседании губернского земского собрания в январе 1905 г. так и не были поставлены в повестку дня. Однако либералы-гласные предпочли выбрать иную форму протеста, избрав в новый состав земской управы своих единомышленников⁴. Впрочем, во многих губерниях земцы-либералы не могли заявить о себе более внятно, оказавшись в явном меньшинстве.

¹ Шелохаев В.В. Этико-нравственные основы русского либерализма (некоторые несовременные размышления) // Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законотворчестве российского либерализма: Сборник материалов Всероссийской научной конференции 6-8 сентября 2016 г. Орел, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева. Орел, 2016. С. 13.

² Милюков П.Н. Год борьбы Публицистическая хроника. 1905-1906. СПб., 1907. С. 167-168.

³ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881-1914). М.-Берлин, 2016. С. 220.

⁴ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы / Вступ. Статья, подгот. текста, сост. и коммент. Н.Б. Хайловой. М., 2009. С. 516-517.

Либералы-интеллигенты, пытавшиеся воплотить свои взгляды в кропотливой деятельности на ниве просвещения в глубинке, с течением времени приходили к выводам о том, что эффективность перемен возможна только при коренных преобразованиях государственного строя. К ним относились инспекторы народных училищ Пензенской губернии литератор В.Н. Лодыженский и будущий депутат I Государственной Думы Н.В. Езерский, которые предпочли после окончания Училища правоведения и Московского университета столичной жизни будни подвижников в удаленных от губернского центра уездах. Свое разочарование они могли высказывать исключительно в частной переписке, поскольку местный официоз «Губернские ведомости» не мог публиковать материалы с жесткой критикой властей.

Изменения, последовавшие после издания Манифеста 17 октября 1905 г. и Временных правил о печати 1905-1906 гг., упразднивших полностью предварительную цензуру для городских изданий, дали импульс для выпуска в провинции либеральной периодики. Ее изучение позволяет уяснить особенности восприятия новаций в государственном строе провинциальными либералами, а также нравственную составляющую либеральной политико-правовой практики (последнее обстоятельство приобретает особое значение для осмысления исторических условий, предопределивших невозможность реализации либеральной модели в поздней имперской России)¹.

Эйфория от обнародованного 17 октября Манифеста овладела частью провинциального общества. Как отмечалось в отчете Саратовского инспектора по делам печати, «редакторы всех саратовских газет стали выпускать номера своих изданий без предоставления их на цензуру, основываясь исключительно на манифесте и не обращая никакого внимания на то, что укрепление и развитие провозглашенных в Манифесте принципов и основ гражданских свобод (в том числе свободы печати) должно было произойти в порядке законодательном, что, с другой стороны, прежние законы о цензуре и

¹ Аронов Д.В. Методологические аспекты изучения нравственной составляющей либеральной политико-правовой практики начала XX в. (на примере дискуссии в Конституционно-демократической партии о месте и роли думской трибуны в партийной работе) // Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законотворчестве российского либерализма: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 6-8 октября 2016 г. С. 226.

печати продолжали действовать, как не отмененные новыми, и что, наконец, остается в полной силе Уложение о наказаниях»¹.

Газета «Перестрой», отражавшая точку зрения пензенских кадетов, выражала серьезную озабоченность усугублением общественного кризиса, который «угрожает всему государству». «А именно теперь, – подчеркивал редактор газеты Езерский, – государственные соображения и общенародные интересы должны выступить впереди классовых, которые столь часто заслоняют первые...». Автор возлагал надежду на то, что «только коренные реформы, обещанные с высоты престола, могут вывести страну из переживаемых бедствий»².

На страницах «Уральского края» выход России из системного кризиса усматривался только на основе создания демократической парламентской системы. По мнению публицистов издания, «бюрократический» режим, опирающийся на состоятельные слои населения, проявлял явную неспособность к проведению столь необходимых преобразований, совершенствования законодательства, призванных обеспечить формирование правового государства³.

Поддержка системных реформ, на которых настаивали октябристы, мирнообновленцы, прогрессисты, сопровождалась реализацией курса левого крыла либералов-кадетов, направленного на давление на власть с целью «переплавки» обещаний Манифеста 17 октября в определенные конституционные законодательные формы, гарантирующие необходимость завоеваний «общенациональной революции» и замены старых властных институтов и структур ответственным министерством⁴. Подобный радикализм был неприемлем для правого фланга либералов-октябристов. Казанский земский деятель, профессор А.В. Васильев (впоследствии депутат I Государственной Думы) отстаивал свои взгляды о том, что избирательная система, основанная на классовом или сословном принципе, будет лишь способствовать разложению основ госу-

¹ Чистаоль Я.В. Саратовская пресса в начале XX века // Власть. 2008. № 7. С. 78.

² Карнишин В.Ю. Николай Федорович Езерский: «Носитель власти, даже микроскопический, склонен забывать, что он член общества ... // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2007. С. 730.

³ Пухов Д.Ю. Леволиберальная политическая субкультура в российской провинции в годы думской монархии // Электронный архив УГЛТУ. С. 36.

⁴ Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 134.

дарственности. По его мнению, общие государственные интересы сохраняют лишь представители от народа при всеобщем и равном избрании. Дискуссия в стенах губернского дворянского собрания с участием будущих кадетов и октябристов в июне 1905 г. завершилась голосованием, итогом которого была победа сторонников словесного принципа избирательной системы¹.

В губерниях Европейского Севера большинство провинциальных либералов представляли левые позиции в Конституционно-демократической партии. Небезынтересно, что кадеты сотрудничали с левыми партиями (ранее эта тенденция была обстоятельно изучена Ф.А. Селезевым²), что означало, по мнению А.Н. Егорова, факт объединения провинциальных структур общероссийских партий не на идейной основе, а по отношению к властям и при решении конкретных вопросов. Отсюда – особенности риторики кадетских листовок, обращенных к трудящимся, в которых в широких обещаниях проблемы государственного переустройства оказывались на втором плане: предпочтение отдавалось доступным для большинства населения социально-экономическим установкам³.

Восприятие новаций в государственном строе было связано и с осмыслением роли региональных особенностей поздней имперской России. Либералы осознавали проблему соотношения Центрального управления и специфики развития Области Войска Донского и Сибири. Либеральные установки на утверждение начал автономии, казачьего самоуправления, как оказалось, были достаточно перспективны в силу того, что представляли собой попытку ввести казачьи этнополитические ценности в либеральный дискурс⁴. Это обеспечивало кадетам на Дону успех, поскольку в отличие от других партий, они смогли более внимательно отнестись к ожиданиям населения Войска Донского. Как отмечалось, казачьи областниче-

¹ Усманова Д.М. Депутат от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906-1917. Казань, 2006. С.100-101.

² Селезев Ф.А. Либералы и социалисты-предшественники кадетской партии // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 22-34.

³ Егоров А.Н. Либералы Европейского Севера России на выборах в I и II Государственные думы // Российский либерализм: итоги и перспективы изучения. Сборник материалов Международной научной конференции. 28-29 сентября 2018 г. Орел, ОГУ им. И.С. Тургенева. Орел, 2018. С. 382, 383.

⁴ Братолобова М.В. Конституционные демократы в области Войска Донского в начале XX века: особенности формирования либеральных идей // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков (1859-1943). Материалы международного научного colloquiuma. Москва, 23-25 сентября 2009 г. М., 2010. С. 101.

ские тенденции, не получившие должного внимания в общепартийной программе кадетов, стали объектом сочувствия их единомышленников в области Войска Донского, давая шанс на перспективы и завоевания новых сторонников¹.

Представления сибирских либералов о государственном строе страны тщательно исследованы О.А. Харусь. В ее выводах отмечен ряд особенностей. Во-первых, речь шла об узости круга либерально настроенных интеллектуалов в регионе. При этом правоведа принципиально отвергали гетерономию личности как один из принципов социалистического государства. Во-вторых, в программных документах сибирских кадетов содержалось согласие с общепартийными установками, ориентированными на поддержку начал конституционной монархии с народным представительством. В-третьих, либералы обращали внимание на решение проблем, которые являлись следствием неравноправного статуса Сибири в составе Российской империи (речь шла о введении земства, суда присяжных, упразднении института крестьянских начальников). И все же, как справедливо отмечает Харусь, общероссийская идентичность сибирских либералов доминировала над региональной, что не позволяет говорить о становлении особого «сибирского» типа либерального мировоззрения².

Таким образом, в восприятии новаций государственных изменений в российской провинции либералы солидаризировались с базисными положениями программных установок своих партий. Вместе с тем, обсуждение региональных особенностей в местных структурах либеральных партий (проблемы автономии, самоуправления) отражало понимание сложностей социально-экономических и государственных трансформаций позднеимперского периода.

¹ Она же. Взгляды донских либеральных деятелей начала XX века на проблемы политической реорганизации общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. -№ 1.(17). С. 33.

² Харусь О.А. Либерализм в Сибири: региональные особенности или особый региональный тип // Российский либерализм: итоги и перспективы изучения. Сборник материалов международной научной конференции. 28-29 сентября 2018 г. С. 373-376.

**ВЫБОРЫ В I ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ И
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОГРАММЫ
КАДЕТОВ: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ И ОЦЕНКА
ИМПЕРСКИМИ ВЛАСТЯМИ²**

На втором съезде Конституционно-демократической партии, проходившем в Санкт-Петербурге 5–11 января 1906 г., Л.И. Петражицкий в ходе прений по вопросам участия партии в избирательной кампании в Государственную Думу и программе, с которой следует в ней участвовать, обратил внимание собравшихся на позитивный потенциал предложенного партией решения национального вопроса: «Одно отношение партии к национальному вопросу чего стоит! Бессмысленный и зловредный со всех точек зрения и для всех национальный гнет накопил громадную разрушительную энергию, которая ... при теперешних же особых обстоятельствах может и должна ... погнать многие миллионы избирателей к избирательной урне за конституционно-демократическую партию»³. Мысль Петражицкого о том, что национальный вопрос, решаемый имперской властью через русификацию и политику угнетения в многонациональной стране в итоге приведет к ее разрушению, и необходимость воспользоваться либералам недовольством угнетенного нерусского населения в качестве союзника в борьбе с самодержавием, в 30-е гг. XX в. найдет отражение в работе В.А. Маклакова «Власть и общественность на закате старой России». В ней автор обвинит освободителей, а затем кадетов, в заигрывании с национальными

¹ *Дмитриева Наталья Валерьевна – старший преподаватель кафедры отечественной истории средних веков и нового времени Южного федерального университета, младший научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук.*

² Публикация подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

³ Второй съезд Конституционно-демократической партии 5-11 января 1906 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 1. 1905-1907 гг. М., 1997. С. 95.

окраинами при поиске союзников в ходе избирательной кампании в I Государственную Думу¹.

Принятая II съездом программа конституционно-демократической партии подтвердила пункты по национально-государственному устройству России, утвержденные первым съездом в октябре 1905 г. А именно: первый раздел программы конституционно-демократической партии был посвящен основным правам граждан и правам национальностей. Вторая часть программы включала в себя положения о реформировании местного самоуправления и предоставления автономии Царству Польскому и Великому Княжеству Финляндскому, а пункт 24 программы предполагал предоставление для всего российского государства возможности установления местной автономии и областного представительства. Следует отметить, что пункт, касающийся прав и свобод граждан, был сформулирован представителями российского либерализма как часть политической программы еще в 1902 г. на страницах журнала «Освобождение». В первом номере была опубликована программная статья «От русских конституционалистов», подготовленная П.Н. Милюковым, А.А. Корниловым, Д.И. Шаховским и И.И. Петрункевичем. Авторы статьи обозначили «те требования, которые во всех культурных государствах давно уже легли в основу свободной общественной жизни», а именно: личная свобода и равенство всех перед законом. При этом под вторым подразумевалась «отмена всех исключений и изъятий национальных, сословных и религиозных». В первую очередь признавалось необходимым решить вопрос об уравнивании в правах еврейского и польского населения с титульной нацией империи, а именно: «отмена ограничений в сфере личного и имущественного права относительно евреев и поляков»². Приведенные цитаты свидетельствуют о сохранении практически в неизменном виде положения о гражданском равноправии с момента зарождения освободительного движения до его оформления в политическую партию. Именно с этими положениями конституционно-

¹ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Ч. 1. Париж, 1936. С. 222.

² От русских конституционалистов // Освобождение. 1902. № 1.

демократическая партия примет участие в избирательной кампании в первую Государственную Думу в 1906 г.

Одним из первых доступных для кадетской партии способов агитации стало тиражирование и распространение среди населения через местные группы программы, устава, листовок с подробными разъяснениями первых двух. Сформулированная в европейских традициях программа партии оказалась не всегда доступной для понимания основной массе населения России. В частности, у российского населения возникало много вопросов по поводу предоставления автономии Польше. Потребность в максимально доступном разъяснении избирателям пункта программы об автономии Царства Польского объясняется тем, что и ораторы из центрального комитета кадетской партии, и представители местных отделений зачастую сталкивались с отождествлением автономного статуса с предоставлением независимости.

Подобные вопросы стали основой для появления листовок с названием «Чего хочет конституционно-демократическая партия»¹. П. 1 листовки, озаглавленный «Свободная Россия должна быть государством единым и неделимым», гласил: «Единство и неделимость России должны покоиться на внутренней и духовной связи ее окраин с центром. Железными цепями принуждения, политикой насилия и произвола – государственного единства не создать», а п. 14 содержал подробное разъяснение необходимости предоставления полякам автономии с целью сохранения этого единства: «Мы стоим за единство и нераздельность России. Это единство должно основываться на внутренней и духовной связи разных частей государства. Поэтому мы должны настаивать, чтобы Польше был дарован сейм при всеобщем избирательном праве. Этот сейм будет решать дела о народном просвещении, о земском деле и о других делах, не касающихся всего Российского государства и не имеющих особой государственной важности. Русский язык должен оставаться официальным языком в государственных учреждениях, в армии и во флоте (которые должны быть общие для всего государства) ... для Польши свой

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 523. Оп. 1. Д. 272. Л. 1об.

сейм, подобно тому, как теперь более мелкие местные дела ведают земства»¹.

Еще одним способом продвижения политической программы конституционно-демократической партии стало проведение популярных политических лекций с привлечением ярких ораторов – членов ЦК партии, что позволяло кадетам подробно и в максимально доступной форме излагать пункты своей программы для всех категорий населения. Именно поэтому одним из основных занятий ЦК кадетской партии после второго съезда стала организация поездок влиятельных членов партии в провинциальные города с целью объяснения и защиты программы. География таких поездок была достаточно обширной и включала преимущественно города европейских губерний империи, из окраин наиболее популярными направлениями были Западный край, Остзейские губернии, в меньшей степени Привислинский край. Анализ сведений Вестника Партии народной свободы, который публиковал отчеты о подобных командировках, позволяет проанализировать частоту встречаемости вопроса об автономии Польши. Поднимался он преимущественно не на окраинах, а в губерниях центральной России, что объясняется, с одной стороны, непониманием населением термина автономия, с другой стороны – активной антипропагандой со стороны правых партий и партии Союз 17 октября. Столь пристальное внимание указанных партий к пункту кадетов об областной автономии и автономии Царства Польского представители местных отделений кадетской партии объясняли тем, что, «прикидываясь народолюбцами, они не решились нападать на другие пункты программы партии народной свободы, боясь скомпрометировать себя в глазах демократических избирателей. ... И вот враждебные конституционалистам-демократам партии остановились на автономии, как на вопросе, наименее понятном массам, а потому и наиболее пригодном для неразборчивой в средствах агитации»².

Необходимость распространения программы и устава партии среди населения национальных окраин ставила перед ЦК задачу их перевода на множество местных языков и наречий. На это

¹ Там же. Л. 5.

² Выборы в Государственную Думу. Н.-Новгород // Вестник Партии народной свободы. 1906. № 5. С. 298.

обращали внимание представители местных комитетов на втором партийном съезде в январе 1906 г. Партийную литературу предлагали переводить на татарский (Г.Ф. Шершеневич), эстонский (Н.А. Золотавин), украинский, польский и даже местное еврейское наречие (И.В. Лучинский)¹. Специфика ряда территорий империи обязывала учитывать многонациональный состав даже отдельных губерний. Например, в Лифляндской губернии, где проживало население, говорившее на русском, немецком и латышском языках, плакаты с доступным изложением партийной программы печатались на трех языках сразу². Подготовкой литературы на местных языках занимались региональные комитеты кадетской партии. Часть из них, наиболее крупные, печатали литературу самостоятельно, например, в Киеве. Малочисленные группы, включавшие в себя преимущественно третий элемент, обращались за финансовой помощью в ЦК, например, в Нарве.

Подтверждение данных свидетельств можно найти и в правительственных материалах о выборах в I Государственную Думу. С.Ю. Витте, заинтересованный в сборе материала о ходе избирательной кампании, поручил В.А. Дмитриеву-Мамонову подготовить обширный аналитический отчет по наиболее актуальным вопросам предвыборной работы на местах. Данный отчет содержит информацию об образовавшихся и действовавших в регионах политических партиях и их комитетах, о способах агитации, партийных печатных органах и т.п. В частности, в данном отчете подтверждаются сведения губернаторов о широкой поддержке программы Конституционно-демократической партии среди инородческого населения: «К этой партии примыкает огромная масса еврейского и польского населения Северо-Западного края. Интересы партии поддерживались в Северо-Западном крае многими печатными органами и в том числе: "Северо-Западным Голосом", "Новою Зарей", "Миром". В качестве самостоятельной политической партии конституционалисты-демократы мало группировались и почти вовсе не агитировали от

¹ Второй съезд Конституционно-демократической партии 5–11 января 1906 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 1. С. 57, 61.

² Лифляндская губерния, г. Рига // Вестник Партии народной свободы. 1906. № 5. 28 марта. Ст. 285.

имени партии, перенеся свою деятельность в национальные группы польских, литовских и еврейских организаций»¹.

Не менее активной была деятельность кадетов и в Юго-западном крае империи: «Конституционно-демократическая партия» (Народной Свободы) особенно агитировала среди населения рассылкой своих программ, брошюр и воззваний. По приблизительному подсчету, сделанному местной прессой, областной комитет партии в продолжении зимних месяцев – 1905 и 1906 гг. распространил среди населения Юго-западного края 15000 экземпляров брошюры "Чего хочет конституционно-демократическая партия", 41000 экземпляров издания "Народного права" и до 100000 экземпляров программы партии на русском языке. Также в большом количестве экземпляров рассылались программы партии на еврейском языке»². Вышеперечисленные избирательные технологии принесли кадетам на выборах в I Государственную Думу определенные результаты: их фракция составила в народном представительстве большинство, насчитывавшее 178 депутатов, 69 из которых представляли губернии национальных регионов.

Подобный успех кадетской партии обратил на себя внимание имперских властей. 28 марта 1906 г. губернаторам была разослана циркулярная телеграмма министра внутренних дел П.Н. Дурново с запросом подробного мнения местных властей о причинах успеха на выборах в Думу крайних партий. В качестве возможных объяснений были предложены условия существующей системы выборов с конкретными указаниями этих условий, равнодушие умеренных классов к избирательному процессу, активная пропаганда крайних партий. Министра внутренних дел также интересовало первое впечатление о добросовестности проводимой предвыборной агитации, информация о случаях подкупа, угроз, злоупотреблений. Таким образом, министр пытался выяснить причины победы крайних партий, с тем, чтобы понять, можно ли направить в дальнейшем избирательный процесс в требуемое власти русло. Телеграмма была направлена на национальные окраины, а именно: в Северо-западный край, Юго-западный край и Бессарабию. Большинство представителей коронной

¹ Отдел рукописей РНБ. Ф. 1072. Т. 15. Л. 10об.

² Там же. Л. 64-64об.

администрации на местах отмечали четкость и продуманность агитационных мероприятий конституционно-демократической партии, имеющийся у них политический опыт работы в форме нелегальных политических организаций. Не менее значимой, по мнению всех губернаторов, ответивших на запрос министра внутренних дел, являлась и этноконфессиональная составляющая партийной программы кадетов.

Бессарабский губернатор А.Н. Харузин сообщал, что победа конституционно-демократической партии относительная и в Бессарабии объясняется исключительно тем, что к этой партии примкнуло решительно все еврейское население¹. Как ранее отмечалось, решение еврейского вопроса в частности, и в более широком контексте, вопрос о гражданском равноправии в России, стали одними из первых при формировании как протопартийной либеральной организации «Союз освобождения», так и сформировавшейся на ее основе конституционно-демократической партии. Витебский губернатор также отмечал существенную роль этнического фактора в победе левых партий на выборах в I Государственную Думу. По его мнению, сельскому населению было предоставлено значительно меньшее право участия в выборах, чем городскому. Основная масса избирателей в городах Витебской губернии была представлена евреями, которые «составляя сплоченную массу, охваченную постоянным брожением, недовольством по отношению действий Правительства и зараженную революционными идеями, конечно, вели усиленную тайную агитацию, как среди своего общества, так и среди других партий..., которая имела несомненное влияние на исход выборов»². Витебский губернатор в своем отчете отмечал еще одну специфическую черту: разноплеменное население губернии в ходе выборов объединялось в единый блок, «препятствовавший избранию русских»³. Таким образом, в ходе избирательной кампании в первую Государственную Думу на национальных окраинах отчетливо проявляется политическое противостояние, основанное на этнической почве.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1327. Оп. 2. Д. 40. Л. 13.

² Там же. Л. 16об.

³ Там же. Л. 17.

Представитель Юго-западного края Российской империи подольский губернатор Александр Александрович Эйлер в качестве одной из главных причин победы на выборах конституционно-демократической партии (хотя от самой губернии в Думе не было ни одного кадета) называл глубокое равнодушие общества к политике, на фоне которого резко выделялись стремления к участию в ней инородцев, а именно евреев и поляков, преследовавших исключительно свои интересы, выражавшиеся в автономии и равноправии. «Все эти блага обещаны кадетами, не разбиравшимися в средствах борьбы, почему кадетам и досталась на выборах победа»¹, – пишет в своем ответе на запрос министра внутренних дел Эйлер. Уфимский губернатор, отвечая на запрос министра внутренних дел, сетовал на то, что «абсолютное большинство избранных ни в каком случае не принадлежит к числу так сказать “лучших людей”, “достойных представителей” ... это все заурядные посредственности»². Шесть из девяти депутатов от Уфимской губернии были представителями кадетской партии. Стремясь объяснить столь неблагоприятный исход выборов по губернии, Александр Степанович Ключарёв обращает особое внимание на созданный из представителей конституционно-демократической партии и национальной мусульманской партии блок. Кадетов поддержали «сочувствующие им отчасти интеллигентные мусульмане, в распоряжении коих имелось весьма значительное число избирательных голосов мусульман сельских избирателей»³.

Обращают на себя внимание и отзывы руководства внутрироссийских губерний, в которых русское население составляло подавляющее большинство. В частности, архангельский губернатор отмечал, что в качестве причин победы на выборах конституционно-демократической партии кроме ее активной агитационной деятельности и интеллигентского состава, следует отнести такие тактические приемы, как переименование ее в Партию народной свободы и «внесение в новейшую программу этой партии поправки о целостности и неделимости России, взамен

¹ Там же. Л. 45об.

² Там же. Л. 65.

³ Там же. Л. 65об.

ранее проповедываемой автономии инородческих окраин»¹. Это привело к тому, что значительное количество избирателей из крестьян голосовали за кадетов. Владимирский губернатор писал министру внутренних дел, что конституционно-демократическая партия значительно усилила политическую агитацию непосредственно накануне выборов. С целью привлечения большего количества сторонников, по его мнению, кадеты стали применять «не вполне добросовестные приемы предвыборной агитации», к которым он отнес и «совершенно несогласное с программой партии объяснение автономии Польши»².

Олонецкий губернатор объяснял успех партии кадетов на выборах «их удивительной способностью приспособления и, как результат этой способности, умению изменить свою программу в зависимости от требований данной минуты и настроения массы. ...эластичность и крайняя неопределенность программы оказала большую услугу кадетам». В частности, среди инородцев успех достигнут обещанием автономии окраинам, при отсутствии точного определения границ этой автономии³. Орловский губернатор отмечал, что успехи кадетской партии вообще обуславливаются тем, что обещанием автономии и равноправности кадеты сплотили инородцев более деятельных и политически развитых, чем коренное население. Однако в орловском губернском избирательном собрании кадеты не были выбраны, и, как отмечает губернатор, только возможность одному и тому же лицу осуществлять избирательное право в разных куриях позволили кадетам компенсировать неудачи в уездных съездах городскими выборами⁴. Подобной же точки зрения придерживался и псковский губернатор Александр Васильевич Адлерберг. Не смотря на то, что кадеты получили поддержку только среди городского электората на уровне избрания выборщиков и не прошли в Государственную думу от губернии, Александр Васильевич, анализируя причины победы кадетов в общем, заключает, что их следует искать в дружном содействии им евреев, инородцев (кроме немцев), а также значительных средствах, затраченных на агитационную кампанию⁵.

¹ Там же. Л. 10.

² Там же. Л. 19.

³ Там же. Л. 42.

⁴ Там же. Л. 44.

⁵ Там же. Л. 47-47об.

Таким образом, национальный вопрос являлся неотъемлемой частью либеральной концепции модернизации Российского государства. Введение в систему законотворчества Российской империи представительного органа побуждало российских либералов к разработке вопроса об участии многочисленных национальных окраин в работе нового государственного учреждения. Большинство членов центрального комитета кадетской партии рассматривало избирательную кампанию в качестве площадки для апробации политической теории, выявления национальных интересов представителей различных окраин, а также возможности поиска политических союзников в борьбе с самодержавием. Аналитическая оценка этноконфессиональной составляющей программы кадетов со стороны имперских властей позволяет сделать вывод о том, что вопрос об автономии, с одной стороны, остался непонятным для основной массы населения центральных губерний империи, с другой стороны, на окраинах кадетскую партию поддерживали инородцы с целью удовлетворения собственных национальных интересов.

А.Н. Егоров¹

НОВГОРОДСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И ЛИБЕРАЛЫ НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДУМЫ

Политические изменения, обусловленные Манифестом 17 октября 1905 г., вызвали к жизни новые политические отношения в провинции – губернская административная элита теперь должна была выстраивать взаимоотношения с представителями общест-венности, получившими возможность влиять на власть через различные институты, важнейшими из которых являлись политиче-ские партии и Государственная Дума. От того, как сложатся эти взаимоотношения, во многом зависело определение путей даль-нейшего развития страны. Большая проблема заключалась в том,

¹ *Егоров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета.*

что воспитанная в самодержавной традиции служения «Престолу и Отечеству», российская административная элита не воспринимала общественные инициативы, шедшие в разрез с позицией верховной власти. М.М. Осоргин, занимавший в начале XX в. должность губернатора в Гродно, а затем в Туле, так сформулировал свою позицию: «Губернатор должен быть только закономерным исполнителем высочайших предначертаний»¹. В понимании чиновников именно самодержавная власть, имевшая четкую иерархическую структуру и законодательную регламентацию, должна была определять задачи деятельности всего государственного механизма². Система управления не могла измениться сразу после Манифеста 17 октября. Г.М. Кропоткин, рассмотревший взгляды правящей бюрократии на Манифест 17 октября 1905 г. и складывавшийся «новый строй», отмечал: «Мы почти не найдем среди руководителей правительственной политики сознательных сторонников превращения России в парламентскую монархию или тем более республику»³. При таком подходе либеральная общественность (прежде всего, кадеты) должна была лишь исполнять «высочайшие предначертания», помогать власти вести страну по пути, указанному свыше. Предлагая альтернативную модель государственного развития, кадеты превращались в борцов с самими основами существующего строя. Подобные представления, соединенные с уже сложившимися в консервативной среде негативными взглядами о либералах, привели к формированию в административных кругах образа кадета как «беспринципного революционера», союзника левых партий, чья разница с последними заключалась лишь в методах борьбы.

Местная администрация изначально считала кадетскую партию опасной и преследовала ее как революционеров. Отчасти это было связано с тем, что в начале XX в. в провинциальных городах сложилась относительно единая неопределенно-оппозиционная среда из представителей интеллигенции и деятелей местного самоуправления, для которой были характерны как либеральные, так и социалистические идеи, наблюдался их симбиоз. Из этой среды на про-

¹ Осоргин М.М. Воспоминания, или что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни, 1861-1920. М., 2009. С. 695.

² Барыкина И.Е. Государственное управление России второй половины XIX века (особые формы и специальные институты). СПб., 2018. С. 210.

³ Кропоткин Г.М. Правящая бюрократия и «новый строй» в России (1905-1907 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 29.

винциальном уровне вышли кадеты и умеренные социалисты, чье сходство бросалось в глаза губернским властям. Так, И.Ф. Кошко, занимавший должность губернатора в ряде регионов страны, полагал, что деятельность новгородского педагогического кружка, возглавляемого в начале XX в. будущими известными кадетами А.М. Коллюбакиным, А.М. Тютрюмовым и др., сыграла большую роль в назревании Первой российской революции и сплочении всех радикальных элементов края. Для Кошко, как и для многих представителей административной элиты, кадеты являлись радикалами, «освободителями», «либеральными главарями»¹.

Выборы в Государственные Думы Российской империи, безусловно, являлись наиболее важным направлением деятельности либеральной оппозиции в провинции. В Новгородской губернии в I Думу избрали двух кадетов (присяжного поверенного И.А. Корсакова (член «Беседы», «Союза освобождения», «Союза земцев-конституционалистов») и волостного судью, земского гласного Д.В. Васильева); двух либерально настроенных деятелей (череповецкого землевладельца Н.Ф. Румянцев, вошедшего в Прогрессивную группу, и крестьянина В.Т. Трифонова, примкнувшего в Думе к Партии демократических реформ); двух беспартийных крестьян С.С. Караванова и А.Е. Рябчикова².

Такой исход выборов явно не устраивал местные власти. Новгородский губернатор П.П. Башилов в отчете за 1906 г. писал: «...Нельзя сказать, чтобы в первую Государственную Думу Новгородская губерния послала действительно лучших своих людей, способных к творческой деятельности. Такие результаты выборов не могут, по глубокому моему убеждению, приписываться преобладанию противоправительственного настроения в населении губернии, а должны быть всецело отнесены к несовершенству избирательного закона 11 декабря 1905 г., давшего наименее развитой части народа численное преобладание в составе выборщиков»³. Тем самым губернатор видел причины победы оппозиционных кан-

¹ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905-1914 г.). Новгород – Самара – Пенза. Пг., 1916. С. 20.

² Егоров А.Н. Политические предпочтения депутатов Государственной думы Российской империи от северных губерний // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2015. Ч. 1. С. 256.

³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 51. Л. 641 об.

дидатов в несовершенстве избирательного закона, а не в реальных проблемах Новгородской губернии, порождавших протестные настроения. Исходя из такой логики, нужно было всеми возможными способами не допустить победы на выборах «наименее развитой части народа». Подобные настроения преобладали и в правящих кругах. Так, видный государственный деятель А.А. Половцов, назвав в своем дневнике от 4 июня 1906 г. депутатов I Думы «грязными подонками населения», утверждал: «Теперь не остается ничего иного, как распустить Думу, затем созвать ее вновь, повлияв всеми возможными средствами на выборы, а если это не поможет, то вновь распустить Думу и издать новый избирательный закон»¹.

В письме Николая II в ответ на прошение С.Ю. Витте об отставке говорилось: «Дума получилась такая крайняя не вследствие репрессивных мер правительства, а благодаря широте закона 11 декабря, инертности консервативной массы населения и полнейшего воздержания всех властей от выборной кампании, чего не бывает в других государствах»². Неудивительно, что, начиная с выборов во II Думу, власти предпринимали все возможные меры для устранения неугодных депутатов и проведения своих кандидатур. Механизмы административного воздействия на выборы отличались разнообразием. Власти могли отстранить от выборов неугодного кандидата, используя следующие методы: 1) недоставление повесток о дате выборов; 2) невыдача полицией удостоверений личности, необходимых для голосования; 3) невнесение в списки избирателей или исключение из них; 4) арест и высылка неугодного кандидата. Кроме того, для достижения нужного результата на выборах включались в число избирателей лица, не имеющие на то право; преследовались незарегистрированные партии путем запрета их собраний, агитации и т.п. Наконец, власти могли просто отменить выборы любого уровня под предлогами нарушения тайны голосования, присутствия на выборах посторонних лиц, агитации во время выборов, нарушения избирательной процедуры³. Начиная с выбо-

¹ Половцов А.А. Дневник. 1893-1909 / Сост. О.Ю. Голечкова. СПб., 2015. С. 531.

² Цит. по: Выборы в I-IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы) / Авторы концепции проекта и составители: И.Б. Борисов, Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев, В.И. Лысенко / Под общ. научн. ред. А.В. Иванченко. М., 2008. С. 423.

³ Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-т. Т. 1. Государственная Дума Российской империи (1906-1917 гг.). М., 2006. С. 447-448.

ров во II Государственную Думу, к этим приемам добавился еще один. Власти разрешили зарегистрированным партиям («Союзу 17 октября» и «Союзу русского народа») впечатывать в бюллетени для голосования, заранее рассылавшиеся выборщикам, кандидатуры своих представителей. Разумеется, выборщики могли за них не голосовать, а поддержать другие кандидатуры. Но на политически пассивных избирателей, которых всегда немало на любых выборах, такой агитационный прием мог подействовать.

Перед выборами во II Думу политическая жизнь в Новгородской губернии поляризовалась. На одном полюсе формировался оппозиционный блок из лиц, сочувствующих кадетам и умеренным социалистам различной направленности, в основном – народным социалистам, на другом – проправительственный блок с октябристами во главе. В 1904 – 1905 гг. оппозиционное движение в губернии опиралось на земство и общественные организации. Наиболее известным либералом губернии был председатель новгородской губернской земской управы, член ЦК кадетской партии А.М. Колюбакин. В 1906 г. власти административными методами сумели существенно ослабить либеральную оппозицию: в начале года отстранили от должности Колюбакина, в ходе перевыборов руководящие позиции в земстве перешли к правым элементам¹, циркуляр П.А. Столыпина о запрещении чиновникам состоять в нелегализованных партиях нанес сильный удар по местным кадетам. По сути, кадетская организация в Новгороде распалась, а сторонки партии называли себя «беспартийными конституционалистами»².

Тем не менее, либералы не собирались отступать. Накануне выборов во II Думу оппозиционные силы сплотились вокруг беспартийного «Кружка прогрессивного направления», кандидаты которого выдвинули следующую программу: 1) «Строго парламентский строй с ответственным министерством»; 2) Всеобщее избирательное право с «прямой, равной и тайной подачей голосов»; 3) Реформа городского и земского самоуправления на «началах всеобщего голосования и независимости от администрации»; 4) Передача земли крестьянам за «самый дешевый выкуп»; 5) Государственное страхование рабочих и 8-часовой рабочий день³.

¹ Веселовский Б.Б. История земства. Т. 4. СПб., 1911. С. 621.

² Ильмень. 1907. 9 января.

³ Там же. 21 января

Новгородские власти под надуманным предлогом отказались регистрировать «Кружок прогрессивного направления» и приняли ряд мер по недопущению кадетов к выборам. По законам того времени, человек не мог принимать участие в выборах, если против него возбуждалось уголовное дело. Этим и пользовались власти, возбуждая «липовые» уголовные дела для преследования политических противников. Так, сохранилось письмо новгородского губернатора прокурору Череповецкого окружного суда, в котором прямо говорится: «Дворянин А.М. Тютрюмов (руководитель местного отдела кадетской партии – А.Е.) состоит в должности Депутата дворянства. Можно удалить... в случае возбуждения предварительного следствия, прошу Вас возбудить следствие»¹.

В сентябре 1906 г. белозерское уездное земское собрание по инициативе кадета С.С. Холопова решило образовать при уездной управе особый комитет по выборам членов Государственной Думы с целью разъяснять населению все вопросы относительно выборов, пояснять, что может сделать Дума для «успокоения населения и улучшения его быта», какие требования «могут быть предъявлены населением к избираемым членам Думы», доводить до сведения населения избирательные списки и списки кандидатов в члены Думы². Новгородский губернатор это решение отменил и передал на рассмотрение губернского по земским и городским делам присутствия. Одни члены присутствия поддержали губернатора, полагая, что члены избирательного комитета могут предложить избирателям «несогласованные с намерением правительства толкования выборных прав и обязанностей» и «вызвать на деле весьма острые конфликты». Другие члены присутствия поддержали мнение представителя земства – исполняющего должность председателя губернской управы – о том, что «вспомогательная роль» на выборах подобного комитета «вполне отвечает призыву всех верноподданных Монарха к участию в созидательной работе» и будет только полезной. Точку в дискуссии поставило Особое производство по выборам в Государственную Думу, запретившее инициативу белозерского земства на том основании, что «губернские и уездные

¹ ГАВО. Ф. 923. Оп. 1. Д. 103. Л. 4.

² РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 23. Л. 4об.

земские собрания по закону не имеют никакого отношения к выборам в Государственную думу»¹.

В противовес кадетам новгородские власти поддержали октябристов, чья позиция (защита монархии, умеренные реформы после «успокоения» страны, неприкосновенность частной собственности) их вполне устраивала, тем более, что председателем новгородского отдела «Союза 17 октября» был новгородский губернский предводитель дворянства, действительный статский советник, член Государственного совета, князь П.П. Голицын. Новгородские октябристы занимали довольно правые позиции и мало чем отличались от консервативных партий. Однако, предвыборные собрания, которые проводили октябристы как легализованная партия, показали, что симпатии избирателей склоняются к оппозиции. Так, на собрании 14 января 1907 г. ведущий предложил лицам, не разделяющим программу октябристов, удалиться. В ответ собрание демонстративно покинуло около 200 человек из 250². 23 января 1907 г. на выборах выборщиков по г. Новгороду и уезду значительным большинством голосов победила либеральная оппозиция. Ее кандидаты М.Н. Николаевский, И.А. Малюковский, И.В. Баулин получили, соответственно, 938, 836 и 731 голос, в то время как их оппоненты Н.И. Грешищев, А.В. Гедевский, М.И. Петров набрали, соответственно, 477, 460 и 396 голосов³.

Подобный исход выборов власти явно не устраивал, и 27 января 1907 г. новгородская уездная по делам о выборах комиссия по протесту губернатора отменила выборы по следующим причинам: 1) Во время выборов учитель Степанов на улице на расстоянии 82 шагов от помещения, в котором производились выборы, вручил избирателю Владимирову избирательную записку с именами кандидатов от оппозиции; 2) Новгородская городская управа поручила полиции вручить 24 именных объявления о выборах лицам, проживающим в 2 верстах от Новгорода: в Колмове (городская психиатрическая лечебница) и Григорове (земская учительская семинария), хотя они должны были получить объявления лично в городской управе. Оппозиционные выборщики подали жалобу, полагая, что нарушений инструкции о выборах в данных случаях не было. По

¹ Там же. Л. 7.

² Ильмень. 1907. 21 января.

³ Там же. 28 января.

правилам того времени агитация была запрещена лишь в помещениях для голосования и снаружи у входа в эти помещения, а, значит, оппозиция имела полное право агитировать за своих кандидатов вне избирательных участков. Вторая причина вообще выглядела как мелкая придирка. Новгородская городская управа исходила из того, что избиратели, проживающие в 2 верстах от города, ежедневно бывают в нем по своим служебным обязанностям, и по существу являются скорее городскими, а не уездными жителями. Понятно, что способ вручения объявления о выборах избирателям (через полицию или лично) никак не мог повлиять на исход выборов. Поскольку отмена выборов явно не соответствовала избирательным правилам, 31 января 1907 г. новгородская губернская по делам о выборах комиссия согласилась с доводами оппозиции и признала правильными выборы от Новгорода¹. Губернатор это решение опротестовал и 5 февраля 1907 г. Сенат подтвердил отмену выборов в Новгороде. Политическая подоплека данного решения была очевидна, на что обратила внимание местная пресса².

23 января 1907 г. на выборах в Малой Вишере победили оппозиционные выборщики, близкие к кадетской партии. 28 января крестецкая уездная по делам о выборах комиссия утвердила выборы, не усмотрев в них нарушений. Однако губернатора это решение не устроило. 31 января он подал протест, по которому 3 февраля губернская избирательная комиссия кассировала выборы по следующим причинам: 1) Перед открытием съезда городских избирателей священник П. Парфинский перед началом молебна попытался произнести речь в консервативном духе; 2) Избирательная комиссия проверила права избирателей после того, как они прибыли в помещение для голосования; 3) Избирательные записки были вручены избирателям в самом помещении, а не заранее; 4) Из представленных документов не видно, чтобы для составления записок было отведено особое помещение. Рассмотревшая впоследствии эти доводы комиссия II Государственной Думы пришла к заключению, что отмена выборов в Малой Вишере «должна быть признана совершенной на основании крайне мелкой и придирчивой проверки выборного производства и крайне казуистического толкования законов и инструкций. Если бы такие правонарушения вызывали кас-

¹ Ильмень. 1907. 4 февраля.

² Там же. 11 февраля.

сацию выборов, то ни одни выборы в России не могли бы остаться в силе»¹.

Административные преследования обрушились не только на либеральную оппозицию, но и на более левых избирателей. Так, на выборах в рабочей курии 26 января 1907 г. очевидно проходили левые кандидаты, близкие к социалистическим партиям. В такой ситуации городской голова, который вел выборы, пошел на прямое нарушение закона – он пригласил себе в помощь для подсчета голосов фабричного инспектора и новгородского городского секретаря. Они не были выборщиками и не имели права принимать участие в выборах. Таким образом, на выборах присутствовали и подсчитывали голоса посторонние лица, что категорически запрещалось – выборы были сорваны². Новые выборы губернатор не назначил, хотя время для их проведения было.

Различного рода административные нарушения в Новгородской губернии были повсеместно. Наиболее вопиющая ситуация сложилась при выборах уполномоченных от волостей в Кирилловском уезде. Земский начальник 5 участка Кирилловского уезда разослал по всему уезду неправильный образец приговора о выборах, который допускал открытое голосование, чем заранее поставил выборы на незаконную почву. Выборы состоялись по действующим правилам, но все приговоры были составлены по присланному неправильному образцу, что создавало почву для злоупотреблений. В итоге кирилловская уездная комиссия утвердила выборы тех 20 уполномоченных, кому власти доверяли, а в 26 случаях выборы кассировали. Неудивительна последующая реакция II Думы на выборы в Кирилловском уезде: «Общая атмосфера произвола и беззакония, очевидно, царила по всей Новгородской губернии, и поведение земского начальника Киснемского не представляет из себя ничего исключительного»³.

Совершено по-иному власти реагировали на нарушения со стороны правых избирателей. Так, 22 января 1907 г. на съезде землевладельцев в Крестцах наблюдалось прямое нарушение закона – во время выборов агитаторы «Союза 17 октября» присутствовали в помещениях для выборов, вели агитацию, а один даже был удален

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 531. Л. 49.

² Ильмень. 1907. 4 февраля.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 531. Л. 58 об.

городовым по требованию некоторых выборщиков. В итоге, избрали правых, и Крестецкая уездная комиссия по делам о выборах утвердила избрание. Поскольку нарушение было очевидным, губернская по делам о выборах комиссия в заседании утром 6 февраля 1907 г. отменила выборы. Тогда новгородский губернатор немедленно внес по этому поводу протест в Сенат по телеграфу. В тот же день Сенат, не получив даже производства губернской комиссии, доверяя исключительно телеграфному сообщению губернатора, отменил решение губернской комиссии и в ту же ночь известил губернатора телеграммой о своем определении, благодаря чему три исключенных выборщика на второй день губернского собрания приняли в нем участие, обеспечив своими голосами победу правых. Как подчеркивала комиссия II Думы, «нельзя не отметить совершенно непостижимой доверчивости Сената, который постановляет свой указ по телеграфному рапорту губернатора без рассмотрения дела»¹.

В итоге, накануне решающего этапа голосования в губернском собрании ситуация выглядела следующим образом. Всего нужно было избрать 90 выборщиков. Власти кассировали выборы 2 выборщиков от рабочей курии, 3 выборщиков от Новгорода, 1 выборщика от Малой Вишеры. Тем самым, оппозиция потеряла 6 голосов. Из-за кассации выборов в Крестцах правые также потеряли 3 голоса. Утром 6 февраля в новгородском губернском избирательном собрании присутствовал 81 выборщик: 38 – от съезда землевладельцев, 31 – от съезда уполномоченных от волостей, 12 – от съезда городских избирателей. Собрание началось с выборов от съездов уполномоченных от волостей. Крестьянские выборщики убедительным большинством голосов (20 против 11) избрали из своей среды крестьянина Череповецкого уезда, сельского учителя, социал-демократа П.Г. Измайлова². Затем уже в общем собрании было выдвинуто 12 человек (6 от оппозиции, 6 от правых), но все они были забаллотированы. Тогда объявили перерыв до следующего дня.

В тот же вечер в Софийской гостинице, находившейся рядом с Дворянским собранием, где проходили выборы, было устроено угощение, на которое усиленно зазывались крестьяне-выборщики,

¹ Там же. Л. 56 об.

² Там же. Л. 4.

и где их уговаривали присоединиться к партии «правых». Это, конечно, не являлось нарушением избирательной процедуры. Гораздо серьезнее было другое – как уже отмечалось выше, в ночь с 6 на 7 февраля Сенат восстановил в правах 3 правых выборщиков из Крестцов и подтвердил отстранение от выборов 3 оппозиционных выборщиков от Новгорода. Тем самым 7 февраля к 81 выборщику добавилось еще 3 представителя от землевладельцев Крестецкого уезда – состав собрания увеличился до 84 лиц¹.

Утром 7 февраля вновь выдвинули 12 человек, и снова все они были забаллотированы. Председатель собрания объявил перерыв до 6 вечера. Во время перерыва обе соперничающие стороны – октябристы и оппозиция – совещались в разных помещениях о своих кандидатах. К этому времени определилась промежуточная группа беспартийных выборщиков, преимущественно из крестьян Старорусского уезда, чьи голоса могли быть решающими. Тогда октябристы предложили им одно место в Думе при условиях, что они поддержат октябристов, а их представитель (крестьянин П.Е. Ефимов) войдет в парламенте во фракцию октябристов. Для закрепления договоренностей выборщик от Тихвинского уезда священник Н.И. Соколов привел к присяге 7 крестьян от волостей Старорусского уезда и 1 от Тихвинского уезда в том, что они будут голосовать за намеченных на совещании кандидатов. Священник снял с себя наперсный крест, дал целовать его участникам совещания, заставляя предварительно произносить слово «клянусь». Узнав об этой «процедуре» оппозиционные выборщики заявили протест, на который священник Соколов возразил, что он не к присяге привел выборщиков, а прочел им только для назидания молитву. Присягнувшие выборщики уклонились от разговора, заявляя, что они уже связаны целованием креста².

В итоге следующий тур голосования принес победу правым кандидатам крайне незначительным большинством голосов. За Г.С. Константинова (дворянин, землевладелец, октябрист, в Думе – мирнообновленческая группа), К.Н. Тимирева (дворянин, земский начальник, октябрист) и Н.И. Богатова (крестьянин, волостной старшина, в Думе – фракция октябристов) было подано по 43 голоса «за» при 41 – «против». Результаты М.И. Мельникова

¹ Там же. Л. 5.

² Там же. Л. 57 об.

(крупный лесопромышленник, октябрист) и П.Е. Ефимова (крестьянин, в Думе – фракция октябристов) были чуть лучше: по 46 голосов «за», 38 – «против». Оппозиционные кандидаты получили от 37 до 40 голосов «за» и от 44 до 47 – «против»¹.

Итоги голосования показывают, что без прямого административного воздействия на выборы октябристы вряд ли смогли бы победить. Неудивительно, что после созыва II Государственной Думы в нее поступили жалобы от кадетов И.А. Корсакова, С.С. Холопова, А.И. Малюковского, М.Н. Николаевского и др. Так, в одной из коллективных жалоб говорилось: «Такое неодинаковое отношение губернской администрации к различным группам выборщиков является актом незаконным и, нося характер личного усмотрения, может быть объяснено только намерением администрации оказать воздействие на результаты выборов в губернском избирательном собрании»². Корсаков отмечал, что при проведении выборов «было допущено явно одностороннее и пристрастное отношение местных властей. Поэтому, в результате состав выборщиков явился искусственно подобранным в отношении ослабления левых политических партий и усиления правых»³.

На эти жалобы Председатель новгородского избирательного собрания князь П.П. Голицын дал ответ, больше похожий на издевательство: «Существенными частями всех этих жалоб является жалоба на одностороннее и пристрастное, будто бы, отношение как местных властей, так даже и Правительствующего Сената, последствием чего некоторые выборщики были лишены своих избирательных прав. Так как жалобы эти не касаются самого производства выборов, то по этим пунктам никаких объяснений не считаю себя в праве давать»⁴.

2 мая 1907 г. VII отдел Государственной Думы, рассмотрев доклад члена отдела Д.В. Уразова о проверке выборов в Новгородской губернии, принял решение об отмене выборов в губернии (за исключением выборов П.Г. Измайлова) по следующим основаниям: 1) Власти Новгородской губернии «действовали крайне пристрастно, по одним и тем же причинам отменяя выборы, либо с назначе-

¹ Там же. Л. 5 об.

² Там же. Л. 23.

³ Там же. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 65 об.

нием новых, либо без назначения новых, по одним и тем же основаниям»; 2) В губернское собрание «не были допущены выборщики, которые должны были в него допущены, и были допущены те, избрание которых следовало бы кассировать»; 3) В кассации и утверждении выборов, «в спешности и медлительности этой процедуры власти проявили явное пристрастие»; 4) Оказывалось давление на совесть избирателей (имелось в виде целование креста); 5) Сенат принимал решения, не изучая дела, только по голословным протестам губернатора¹. В итоге, административное воздействие на ход выборов «совершенно изменило соотношение сил политических партий, имело решающее влияние на исход выборов и дало от Новгородской губернии несоответствующее представительство». II Государственная Дума до своего роспуска не успела на пленарном заседании рассмотреть этот вопрос, и поэтому выборы в Новгородской губернии так и не были отменены.

Административное воздействие на выборы в Новгородской губернии не было чисто местным явлением – подобные факты имели место по всей стране². Недаром видный кадет В.А. Маклаков назвал выборы во II Думу «войной правительства с оппозицией»³. На сегодняшний день нет полной статистики нарушений на выборах, но отдельные цифры имеются. По данным В.А. Демина, I Дума аннулировала выборы 11 депутатов от 1 округа, III Дума аннулировала выборы 1 депутата и признала неправильными выборы 5 депутатов⁴. На выборах во II Думу современники насчитали 70 случаев кассации выборов, из них в 3 случаях отменено избрание проправительственных выборщиков, в 67 случаях – оппозиционных. На выборах в III Думу губернаторы обжаловали 184 решения уездных комиссий и 15 губернских⁵. Позиция губернских властей, занятая ими на выборах в Государственную Думу, исключала всяческую возможность компромисса между властью и либеральной оппозицией. Как с горечью констатировал в эмиграции последний министр

¹ Там же. Л. 60.

² Малышева О.Г. Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905-1917. М., 2018. С. 140-142.

³ Цит. по: Выборы в I-IV Государственные думы Российской империи (Воспоминания современников. Материалы и документы). С. 426.

⁴ Демин В.А. Государственная Дума России (1906-1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 31.

⁵ Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-т. Т. 1. Государственная Дума Российской империи (1906-1917 гг.). С. 447-448.

финансов российской империи П.Л. Барк: «Трагедия России заключалась в том, что различные круги, искренне убежденные, что они одни – патриоты, одни понимают настоящие национальные цели страны и находятся на правильном пути к достижению процветания России, – с полным недоверием и даже ненавистью относились к инакомыслящим. Нетерпимость к другим вместо содружества... погубила великую империю»¹.

О.А. Харусь²

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСЕРВАТИВНЫХ ЛИБЕРАЛОВ СИБИРИ В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ ПАРТИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (КОНЕЦ 1905 – НАЧАЛО 1906 гг.)³

Манифест 17 октября 1905 г. придал импульс процессу политической модернизации в стране, создав легитимные предпосылки для участия в нем новых акторов – политических партий. Практическая реализация предоставленной им возможности влиять на формирование и деятельность органа народного представительства зависела от множества обстоятельств: правовых, политических, социокультурных. Одним из важнейших факторов кампании по выборам I Государственной Думы стала способность различных инициативных групп к созданию организаций из единомышленников и «сочувствующих». И если леворадикальный фланг общественно-политического движения в стране к этому времени уже был представлен реально действующими партийными структурами, то либералам только предстояло в сжатые сроки создать жизнеспособные политические организации.

Истории создания либеральных партий в России начала XX в. посвящено значительное число исследований, однако остаются

¹ Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914-1917: В 2 т. Т. 2. М., 2017. С. 251.

² Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета.

³ Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

«белые пятна», в том числе связанные с необходимостью выявления специфических нюансов партогенеза в отдельных регионах страны. Целью данной статьи является определение особенностей процесса партийной самоидентификации правого фланга либерального движения в Сибири.

Принципиальное неприятие нелегальных форм деятельности при отсутствии земских учреждений, ставших для умеренных либералов Европейской России основной организационной формой проявления социальной активности, ограничивало возможности консолидации сторонников этого направления в Сибири вплоть до 1905 г. Лишь после издания Манифеста 17 октября они сочли возможным включиться в политическую жизнь страны и приступить к созданию необходимых для этого организаций. Отсутствие опыта такого рода деятельности, с одной стороны, и сколько-нибудь полной оперативной информации об организационных усилиях консервативных либералов в центре – с другой, породило многообразие форм и способов самоорганизации правого фланга либерального движения в регионе.

Первой политической организацией, придерживавшейся консервативно-либеральных позиций, в Сибири стал красноярский «Союз мира и порядка» с девизом «Царь и свобода, мир и право, порядок и труд». С 22 октября 1905 г. его заседания проходили ежедневно. Провозгласив своей целью «достижение и поддержание в городе мира и порядка, обеспечивающих каждому гражданину вообще и членам союза по преимуществу возможность существовать без всяких опасений за неприкосновенность личности и имущества и за правильное, никем ненарушимое в их непрерывности течение занятий», лидеры «Союза» во главе с его председателем, священником А.Г. Смирновым заявили о намерении «восстановить спокойствие в населении путем гуманных приемов». Это позволило им дистанцироваться от организаторов погромов, которыми 21 октября закончилась инициированная «Союзом» патриотическая манифестация. Подчеркивая отсутствие «чувства вражды к согражданам иных с нами мнений и политических воззрений» и стремление объединить всех, «кому дороги мир и порядок», лидеры организации рассчитывали обеспечить пополнение ее рядов. Адресованное всем гражданам «без разбора нации и положений» приглашение вступить в «Союз мира и порядка» сопровождалось также поясне-

нием о том, что условия членства в этой организации не исключают возможности принадлежности по политическим воззрениям к любой партии¹.

Декларации, сопровождавшие процесс организационного оформления красноярского «Союза мира и порядка», свидетельствовали, с одной стороны, об его консервативно-либеральной ориентации (монархизм в сочетании с принципами свободы и порядка), а с другой – об отсутствии четкой партийно-политической самоидентификации. Возможности последней существенно ограничивались локальными по своему характеру задачами, которые первоначально преследовал союз в своей деятельности (обеспечение мира и порядка в городе). Включение же красноярцев в «большую политику» в связи с выборами I Государственной Думы ознаменовалось их официальным присоединением к октябристской партии. В феврале 1906 г. «после небольших дебатов», как сообщала местная пресса, «Союз мира и порядка» принял программу «Союза 17 октября»². В марте Центральное бюро октябристской партии получило от руководства красноярской организации телеграмму о присоединении к этой партии³.

В отличие от красноярского «Союза мира и порядка», созданное 13 ноября 1905 г. «Тобольское отделение партии центра» (ТОПЦ) с самого начала ставило задачи общегосударственного масштаба: «Способствовать сохранению единства и целостности Российского государства; скорейшему установлению конституционного образа правления на началах Манифеста 17 октября и умиротворению страны для предоставления населению возможности осуществить без замедления право представительства»⁴. И если деятели красноярского «Союза» демонстрировали стремление к созданию по возможности массовой организации, то тоболяки в процессе организационной консолидации придерживались строгих правил, которые должны были в перспективе привести к созданию группы политических единомышленников. Как сообщала местная газета «Сибирский листок», все приготовления «партии центра» держались в строгой тайне, на учредительное собрание доступ

¹ Сибирские известия. Томск, 1905. 3 ноября.

² Голос Сибири. Красноярск, 1906. 24 февраля.

³ Слово. СПб., 1906. 21 марта.

⁴ Родной голос. Тобольск, 1906. 4 ноября.

имели лишь обладатели билетов, которые выдавались под предварительное обязательство не возражать против подготовленной лидерами партии программы¹.

Тобольская организация довольно энергично приступила к популяризации своих воззрений, пользуясь при этом покровительством и прямой поддержкой губернской администрации. В ее распоряжение сразу же поступила «Неофициальная часть» местных «Губернских ведомостей». Выпустив в ноябре-декабре 1905 г. десять номеров «Неофициальной части», с 1 января 1906 г. тобольская «партия центра» приступила к изданию собственной газеты «Родной голос»². Партийная газета, по оценке редакции, насчитывала 700 подписчиков из числа частных лиц и учреждений³. Издавался «Родной голос» с разрешения тобольского губернатора без предварительной цензуры, как, впрочем, и все выпускавшиеся «партией центра» брошюры и воззвания⁴. С целью создания в губернии разветвленной сети уездных и сельских филиалов организации ее лидер, чиновник губернского управления по крестьянским делам Н.Ю. Шильдер-Шульднер в ноябре 1905 г. обратился к представителям уездной администрации и крестьянским начальникам с предложением организовывать местные отделения и привлекать в их ряды горожан и крестьян⁵. Однако это предложение не встретило того отклика, на который было рассчитано, и тобольская «партия центра» сохранила статус городской организации.

Программа ТОПЦ представляла собой весьма своеобразную эклектику требований кадетской и октябристской партий. С одной стороны, в ней было представлено октябристское видение таких проблем, как сущность конституционного устройства России (на началах Манифеста 17 октября), принципы избирательной системы, национальный вопрос, совершенствование рабочего законодательства. Вместе с тем, тобольские «центристы» позаимствовали у кадетской партии перечень основных прав граждан, положения о полномочиях народного представительства и органов местного самоуправления, большинство требований в области финансовой и экономической политики, аграрного законодательства, раздел, по-

¹ Сибирский листок. Тобольск, 1905. 17 ноября.

² Родной голос. Тобольск, 1906. 4 января.

³ Родной голос. Тобольск, 1906. 25 марта, 4 ноября.

⁴ Родной голос. Тобольск, 1906. 4 января; Время. Томск, 1906. 1 февраля.

⁵ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 19. Д. 32. Л. 49.

священный вопросам просвещения¹. Тем не менее, лидеры ТОПЦ с самого начала существования организации подчеркнуто дистанцировались от конституционно-демократической партии. На общем собрании 26 февраля 1906 г. редактор партийной газеты Н.М. Харченко пояснил: «Мы взяли у кадет все хорошее, но мы расходимся с ними по коренным вопросам и никогда, вероятно, не сойдемся, так как они упорно стоят на своем. Кроме того, эти люди хотя и бесспорно умны и талантливы, но не имеют сердца и презирают все русское»².

Действительно, в идейно-политическом отношении «центристы» оказались более близки октябристам, чем кадетам. С «Союзом 17 октября» их объединяли не только однозначная приверженность монархизму, принципам унитарного государственного устройства, отказ от демократической процедуры выборов в Государственную Думу и органы местного самоуправления и т.п., но и тактические позиции, характеризовавшиеся категорическим неприятием радикальных проявлений оппозиционности и одобрением любых правительственных мер по их пресечению. Поэтому вполне закономерным являлось принятое на общем собрании ТОПЦ 8 января 1906 г. решение о коллективном вступлении в «Союз 17 октября»³. При этом, однако, тоболяки не преминули воспользоваться правами организационной автономии, предусмотренной уставом октябристов, и заявили о сохранении полной самостоятельности своей партии, а также прежнего названия и собственной программы⁴.

В Томске с инициативой создания политической организации, придерживающейся программной и тактической линии «Союза 17 октября», выступила местная газета «Сибирские известия». В ноябре 1905 г. на ее страницах были изложены основные положения программы октябристской партии⁵. Однако в условиях бурного партийного строительства, развернувшегося в стране в конце 1905 г., умеренным либералам Томска не удалось избежать зигзагов в процессе партийной самоидентификации. В первой половине декабря в их среде неожиданную популярность приобрела идея со-

¹ Проект программы тобольского отделения партии центра // ТФ ГАТюМО. Ф. 152. Оп. 19. Д. 32. Л. 26.

² Родной голос. Тобольск, 1906. 4 марта.

³ Родной голос. Тобольск, 1906. 11 января.

⁴ Родной голос. Тобольск, 1906. 11 января, 4 марта.

⁵ Сибирские известия. Томск, 1905. 12 ноября.

здания местного филиала петербургского братства «Свобода и порядок», которое, впрочем, придерживалось тех же политических позиций, что и «Союз 17 октября»¹. Редакция «Сибирских известий» организовала сбор средств на распространение воззваний петербургской организации, обратилась к ее центральному руководству с просьбой прислать устав и прочую необходимую информацию. Одновременно последовал призыв к подписчикам и читателям газеты заявлять в редакцию «лично или письменно» о намерении примкнуть к братству с указанием фамилии, имени, отчества и подробного адреса².

В конечном итоге «правые» либералы Томска все же сделали свой организационный выбор в пользу более авторитетного и влиятельного «Союза 17 октября». 14 декабря 1905 г. состоялось учредительное собрание местного отдела октябристской партии. Отдав дань недавнему увлечению замыслами образования филиала петербургского братства, томичи решили присвоить своей организации наименование «Партия “Свобода и порядок”, томское отделение партии 17 октября»³. На собрании было принято постановление о присоединении «Партии свободы и порядка» к «Союзу 17 октября»⁴. Оформившись организационно, томский отдел с 1 января 1906 г. приступил к изданию своего печатного органа – газеты «Время» под редакцией И.А. Базанова, которая стала преемницей сыгравших столь заметную роль в консолидации умеренных либералов Томска «Сибирских известий». В течение двух следующих месяцев в Томской губернии была создана сеть уездных и сельских октябристских организаций.

Воспользовавшись предоставлявшимся в рамках «Союза 17 октября» правом выработки собственной программы, томичи приняли проект, составленный профессором Томского университета И.А. Базановым⁵. Вместе с тем, не претендуя в отличие от тобольских «центристов» на полную организационную самостоятельность, они сопроводили уведомление в ЦК о возникновении отдела просьбой выслать все издания «Союза» и руководящие инструкции.

¹ Воззвание братства «Свобода и порядок» // Сибирские известия. Томск, 1905. 1 декабря.

² Сибирские известия. Томск, 1905. 4 декабря.

³ Сибирские известия. Томск, 1905. 16 декабря.

⁴ Сибирские известия. 1905. 20 декабря.

⁵ Сибирские известия. Томск, 1905. 16 декабря.

ЦК откликнулся на эту просьбу и томичи получили необходимую литературу¹.

В Омске в период, предшествовавший организационному оформлению местного отдела октябристской партии, рупором умеренных либералов была ежедневная газета «Степь». В декабре 1905 г. ее редакция провозгласила своей задачей содействие проведению в жизнь новых начал, возвещенных Манифестом 17 октября, – установлению правопорядка и обеспечению условий для созидательной деятельности Государственной думы². Однако процесс партийной самоидентификации представителей правого фланга либеральной оппозиции в Омске затянулся. В марте 1906 г. редакция газеты «Степь» заявила о поддержке программы партии правового порядка³. В апреле омские предприниматели ходатайствовали перед Степным генерал-губернатором о разрешении открыть в городе бюро трех партий – «Союза 17 октября», торгово-промышленной и конституционно-демократической – «для ознакомления с программами означенных партий и для возможности записываться в члены той или другой партии»⁴. Заручившись согласием местной администрации, умеренные либералы в том же месяце создали объединение, организационный статус которого оставался весьма неопределенным⁵.

В мае 1906 г. в разгар кампании по выборам I Государственной Думы прооктябристски настроенные деятели выступили под вывеской «Русского Либерального Союза». Выдвинув лозунг «За царя, за свободный народ, за неделимую Россию!», союз обратился к избирателям с призывом вступать в его ряды и изложением своей программы⁶. Учитывая близость этой программы с программой октябристов, а также то обстоятельство, что в руководстве «Русского Либерального Союза» были представлены те же лица, что и проходившие осенью 1906 г. по документам местной администрации в качестве руководителей омского отдела «Союза 17 октября», эту организацию можно считать его предшественницей.

¹ Время. Томск, 1906. 11 января.

² Степь. Омск, 1905. 20 декабря.

³ Степь. Омск, 1906. 7 марта.

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 104. Л. 102.

⁵ Степной голос. Омск, 1906. 16 апреля.

⁶ Воззвание «Русского Либерального Союза за Царя, за Свободный народ, за неделимую Россию» // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 169. Л. 16.

Ярко выраженных прооктябристских позиций придерживалась и «Временная либерально-конституционная партия» в Верхнеудинске. Группа единомышленников, недовольных ростом революционного движения после издания Манифеста 17 октября, сплотилась вокруг городского головы И.Г. Федченко. Получив именные приглашительные билеты, они собрались 16 декабря 1905 г. для учреждения партии. Консолидирующей основой организации стали всемерная поддержка правительства, присоединившегося к заявленной в Манифесте программе, противодействие «крайним» партиям и умеренность политических позиций. С целью пропаганды своих идей учредители «Временной либерально-конституционной партии» организовали издание «Верхнеудинской конституционной газеты» под редакцией М. Детлинга¹.

Не располагая из-за нарушения коммуникаций с центром в связи с почтово-телеграфной забастовкой информацией об общероссийских партиях, верхнеудинцы позиционировали свою организацию как временную. Перспективы местного партийного строительства они связывали с образованием филиалов общероссийских умеренных партий. Предполагалось, что по мере «прочной констелляции» российских партий «каждый член временной партии перейдет согласно своему убеждению в ту или другую более определенно выраженного направления, а временная партия или распадется или пересоздастся»². В этой связи вполне естественной выглядела сопровождавшая программную декларацию либерально-конституционной партии реплика: «Подробные программы или требования в провинции составляться не могут, они должны исходить из столиц»³. В источниках не удалось обнаружить прямых указаний об организационном присоединении верхнеудинцев к какой-либо общероссийской партии. Однако характер и содержание публиковавшихся на страницах их газеты материалов, а также программное заявление, принятое на втором собрании партии 18 декабря 1905 г., позволяют рассматривать их как идейно-политических «соратников» октябристов, которым не

¹ Верхнеудинская конституционная газета. Верхнеудинск, 1906. 20 января.

² Там же. 21 января.

³ Программа Временной либерально-конституционной партии в Верхнеудинске // Верхнеудинская конституционная газета. Верхнеудинск, 1906. 20 января.

позволило вступить в «Союз 17 октября» лишь отсутствие необходимой своевременной информации.

«Белым пятном» на карте формирования октябристской периферии осталась Иркутская губерния. Даже в губернском центре, где был сосредоточен относительно значительный слой крупной и средней буржуазии, не сложилось местного отдела «Союза 17 октября». Политически активные представители местного предпринимательского сообщества предпочли поддержать программу кадетской партии¹.

В целом, можно констатировать, что в процессе партийной самоидентификации консервативных либералов Сибири в конце 1905-начале 1906 гг. имели место как общие тенденции, характерные для интенсивно формировавшейся в этот период многопартийной системы страны, так и некоторые особенности. Эти особенности были связаны со спецификой социально-экономических, политических, социокультурных условий региона. Отсутствие поместного дворянства, незначительный удельный вес в составе населения крупной торгово-промышленной буржуазии, дискриминационная политика правительства в отношении региона, обусловившая повышенный градус оппозиционности местной «буржуазной общественности» – все эти обстоятельства определили узость социальной базы консервативного либерализма в Сибири. Не приемля какие бы то ни было формы проявления политической активности в отсутствие для них законных оснований и будучи при этом лишены такого организационного ресурса, каким для их единомышленников в Европейской России стали земские учреждения, местные лидеры консервативно-либерального направления оказались не подготовленными к буму партийного строительства, развернувшегося в стране после издания Манифеста 17 октября.

Многообразие организаций, стремительно наполнявших формировавшееся в конце 1905 г. партийное пространство, делало политический выбор в пользу одной из них очень непростым. Для представителей инициативной общественности Сибири ситуация

¹ Харусь О.А. Иркутский торгово-промышленный союз и его планы по реформированию России: о специфике политического самоопределения провинциальных предпринимателей в начале XX века // Новый исторический вестник. 2016. № 2(48). С. 27-44.

дополнительно осложнялась удаленностью от центра и связанной с этим недостаточной информированностью о процессах партогенеза в Европейской России. В этих условиях умеренные либералы региона встали на путь «организационной самостоятельности», проявившейся в разнообразии самоназваний политических формирований этого направления, в различных принципах их организационного устройства, в формулировках программных положений. Однако в конечном итоге их идейно-политическая близость к «Союзу 17 октября» была оформлена официальным присоединением к октябристской партии.

Выбор в пользу статуса местного отдела «Союза 17 октября», по-видимому, определялся прежде всего политическим весом этой партии, являвшейся самой массовой и влиятельной организацией на правом фланге либерального движения. Дополнительным же аргументом для умеренных либералов Сибири, имевших ограниченные возможности для установления надежных и постоянных коммуникаций с центральным руководством и испытывавшим потребность в определенной организационной автономии, вероятно, могла стать привлекательность «клубного» устройства октябристской партии (право партийных комитетов разных уровней разрабатывать собственные программы и уставы, официально закрепленный уставом порядок параллельного членства в других партиях, наконец, само позиционирование «Союза» как «объединения всех партий центра, независимо от их второстепенных отличий и оттенков»). При этом сам по себе факт присоединения сибирских консервативно-либеральных организаций к общероссийской партии отражал общую логику и закономерности нового этапа политической модернизации.

ПЕТР СТОЛЫПИН В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (ФЕНОМЕН ДЛЯЩЕЙСЯ ИСТОРИИ)

1. Малое и большое время

У Михаила Бахтина было точное наблюдение – о «большом» и «малом» времени. Большое время достается великим произведениям, мыслителям, деятелям и писателям, которые преодолевают свое время, связывая своим творчеством эпохи. Люди малого времени редко понимают людей большого времени. Проживая с успехом свое временное пространство, свой хронотоп, они там и остаются навсегда. Человек большого времени редко успешен, во всяком случае, современники его, даже и понимая, не понимают до конца, не в состоянии увидеть его масштаб.

Лицом к лицу /

Лица не увидеть. /

Большое видится на расстоянии, –

писал С. Есенин. Поэтому не случайно подлинная оценка гениев литературы, философии, политики приходит очень часто после их смерти.

Масштаб Петра Столыпина, на мой взгляд, несмотря на все смертные и сегодняшние славословия, не оценен в полной мере. Разумеется, он стоит в ряду величайших государственных деятелей России – Петра Великого, Екатерины Великой и Александра Освободителя. Но в отличие от этих государей он, понимая не меньше их, будучи подлинным интеллектуалом, не обладал необходимой полнотой власти для проведения в жизнь своего понимания. Перед ним стояли две трагические проблемы, рожденные русской историей и неразрешенные до него (строго говоря, после тоже не решенные). А проблемы ключевые – для развития и становления любой культуры, любого этнического образования, особенно соединившегося в большое государственное сообщество. 1. Это произвол власти и стихия бунта, уничтожавших любые попытки

¹ Кантор Владимир Карлович – доктор философских наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ-ВШЭ), заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога НИУ-ВШЭ, член Союза российских писателей, член Общественного совета Фонда Достоевского.

правового устройства страны; 2. Общинность и отсутствие частной собственности как основы права и личности. Строго говоря, он противопоставил идею свободы (которая ограничена свободой *другого* человека) идее воли, не знающей, не видящей *Другого*. Существенно, что едва ли не единственный из всех государственных деятелей его времени он смог их осмыслить и предложить некое решение. Надо сказать, и это важно напомнить, он происходил из очень родовитой семьи, среди его родни был Михаил Лермонтов. Укоренившееся в их роду понятие чести и абсолютное мужество, которое проявил великий поэт в боях на Кавказе, вполне было свойственно и Петру Столыпину. Как написал Ф. Достоевский в «Подростке» (а за ним К. Леонтьев), именно российское дворянство структурировало Россию. К этому необходимо добавить, что Столыпин прошел полный курс классической гимназии, которая была задумана в эпоху реформ либералом-консерватором М.Н. Катковым для созидания русских европейцев, ибо, как полагал ее основатель, только мощная античная база позволит понимать современность. Столыпин свободно знал три европейских языка, в 1881 г. поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, получил диплом с отличием. Известно, что от его ответов был в восторге Д.И. Менделеев. К чему об этом пишу? Чтобы еще раз подчеркнуть, что во власть пришел едва ли не впервые свободный и высокообразованный интеллигент, словно рожденный для думских баталий, где он уверенно и спокойно мог переспорить самых больших спорщиков из так называемой русской парламентской интеллигенции.

2. Русский бунт, или Бесовщина

Начну с первой проблемы. **Это проблема русского бунта, или, как назвал ее Достоевский, проблема бесовщины.** У меня есть копия крестильной записи П. Столыпина в Дрезденском православном храме. Он родился в Дрездене в 1862 г., был там крещен, а для меня это, как для человека, который занимается историей культуры, все явления больших людей, которые находятся в большом контексте истории, символичны. Дрезден – не случайный город в этом смысле. В Дрездене, как мы помним, было первое «бесовское» выступление Бакунина – это восстание 1849 г., когда им было предложено закрыть Мадонной баррикады. В Дрездене написаны «Бесы». То есть первая борьба с бесами была, в общем-то, в Дрез-

дене. Столыпин, трагический герой русской истории, был рожден в месте ключевого столкновения разных сил русской истории, да и европейской истории тоже. И гениального осмысления этого нового в мировой культуре явления «бесовщины» Достоевским. И так, вождь наступавшей на Россию демонической или (как писал Достоевский) **бесовской** смуты опробовал себя первый раз именно в Дрездене. То есть на той земле, где родился Столыпин.

Мы должны отчетливо сознавать историческую преемственность бесовщины и русского бунта. Мыслитель, которого, как и Столыпина, сравнивали с Бисмарком (сравнивал В.В. Розанов)¹, писал: «До половины XVII века вся Европейская Россия была театром таких событий, при которых можно дивиться разве тому, что уцелели в ней хоть те малочисленные жители, которых имела она при Петре. Татарские набеги, нашествие поляков, *многочисленные шайки разбойников, походившие своей громадностью на целые армии*, – все это постоянно дотла разоряло русские области. Они опустошались также страшною неурядицею управления. <...> Если теперь производятся вещи, тысячной доли которых не мог описать Щедрин, то *рассказы наших отцов и дедов свидетельствуют, что в их времена господствовал произвол, невероятный даже для нас*» (курсив мой – В.К.)². Это была проблема русской истории. Разница была в том, что на рубеже девятнадцатого и двадцатого века этот хаос бунта возглавили люди, учившиеся (хотя и недоучившиеся!) в университете («Пугачевы из университета», как с опасением писал о грядущем России Жозеф де Местр). Это приблизительное образование рождало у этих людей удивительный цинизм, рождало полное отсутствие благородства.

В июле 1862 г., когда в Петербурге бушевали пожары, инспирированные русскими радикалами, русский литератор и либерал

¹ «Конечно, не использовать такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного строительства – было преступлением, граничащим со злодеянием. <...> С самого Петра (I-го) мы не наблюдаем еще природы, у которой каждый час бы дышал, каждая минута жила и каждый шаг обвеян “заботой об отечестве”. <...> Это – Дизраэли, которого так и не допустили бы пойти дальше «романиста», или Бисмарк, которого за дуэли со студентами обрекли бы на всю жизнь «драться на рапирах» и «запретили куда-нибудь принимать на службу». Черт знает что: рок, судьба, и не столько его, сколько России (Розанов В.В. Уединенное. М., 1990. С. 207-208).

² Чернышевский Н.Г. Суеверие и правила логики // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 5. М., 1950. С. 690.

Александр Никитенко посетил Дрезденскую галерею и провел несколько часов перед Мадонной Рафаэля. Потом он гулял по Дрездену с Николаем Страховым, сотрудником журнала, издававшегося Достоевским в это время. Зашли они к немецкому журналисту и драматургу Вольфсону, который вспомнил Бакунина. Его рассказ записал Никитенко: «Спасаясь от преследователей, Бакунин явился к Вольфсону и просил у него убежища на ночь. Вольфсон скрыл его у себя. В следующее утро на прощанье Бакунин сказал ему: “Ты оказал мне услугу, потому предупреждаю тебя: если наша возьмет верх – не попадайся мне: повешу или расстреляю”. Во время резни в Дрездене в том же году Бакунин, по словам того же Вольфсона, направлял пушки на картинную галерею»¹. Не исключено, что Страхов рассказал эту историю Достоевскому. Тема Дрездена, Мадонны и Бакунина, как видим, могла возникнуть в сознании Достоевского еще до дела Нечаева. Заметим, что в этой бакунинской угрозе своему спасителю уже видны зачатки большевистской «этики». Так В. Ленин изгнал своего учителя Г. Плеханова из России, не говоря о расстрелах вчерашних друзей – меньшевиков и эсеров. Об этой близости писал замечательный русский мыслитель, живший в Дрездене. Я говорю о Федоре Степуне, философе и писателе, тоже изгнанном большевистскими бесами из России в 1922 г. и нашедшем приют в Германии, ставшем профессором Дрезденской Высшей технической школы, откуда он был уволен нацистами в 1937 г. Он писал: «Надо ли доказывать, что следов бакунинской страсти к разрушению и фашистских теорий Ткачева и Нечаева можно искать только в программе и тактике большевизма»². По указанию Ленина, имя Бакунина было выгравировано на стеле в Александровском саду, посвященной великим революционерам.

3. Борьба с бунтом

Столыпин не случайно пришел во власть. Его привел князь Алексей Дмитриевич Оболенский – создатель первой русской конституции. Я беседовал этим летом с внучкой князя Оболенского Александрой Николаевной фон Герсдорфф. Она рассказывала: «Бабушка вспоминала, как сидел дед и граф Витте. На улице стреляли. 1905 год. Я им все время меняла свечи – они всю ночь писа-

¹ Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. Т. 2. Л., 1955. С. 286.

² Степун Ф.А. Сочинения / Вступ. ст., сост., коммент. и библиогр. В.К. Кантора. М., 2000. С. 635.

ли конституцию». Речь идет о Манифесте 1905 г., который учредил Государственную Думу, первый русский парламент с совещательными функциями, и провозгласил избирательные права российских подданных. Работа над Манифестом продолжалась. И уже Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» шел еще дальше. Государственная Дума наделялась законодательными функциями. Провозглашались неотъемлемые гражданские права: неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний, союзов, избирательные права. Манифест от 19 октября 1905 г. учреждал в России правительственный орган – Совет Министров. И именно один из людей, пытавшихся создать русские демократические структуры, князь А.Д. Оболенский рекомендовал Столыпина как человека, который сумеет противостоять «бесовщине». И Столыпин принял эту ношу. Сначала как губернатор, потом как министр внутренних дел, потом как премьер-министр. Он прекрасно понимал тот контекст, в котором развернулся бессмысленный и беспощадный бунт 1905 г. (который традиционно почему-то именуется революцией). 3 ноября 1905 г. Столыпин писал жене: «Дела идут плохо. Сплошной мятеж: в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими... Войск мало и прибывают медленно. Пугачевщина! <...> Чувствую, что на мне все держится, и что если меня тронут, возобновится удвоенный погром. <...> Убытки – десятки миллионов. <...>: Шайки вполне организованны»¹. Так называемые жестокости Столыпина при подавлении этого бунта несколько не превышали не только жестокостей восставших (тем более – если говорить о дальнейшем – большевиков), но и действий его предшественников в подавлении пугачевского бунта – Суворова, Державина, Михельсона и т.д. И они вешали восставших, мужиков, грабивших и убивавших дворян (напомню хотя бы записку Пушкина, как Державин повесил двух крестьян). Никто не посмел тогда сказать о «державинских» или «суворовских» галстуках. Сам Столыпин не раз говорил о соотношении казненных и реально заслуживавших казни, как о слишком гуманном соотношении. Тем не менее, русская думская образцовщина, поддаваясь на провокацию радикалов, пустила термин «столыпинский галстук». Ф.И. Родичев, член партии кадетов, депу-

¹ Сидоровнин Г.П. П.А. Столыпин: Жизнь за отечество. Жизнеописание (1862–1911). М., 2007. С. 135.

тат II Государственной Думы на заседании Госдумы 17 ноября 1907 г. бросил в публику эту формулу. Столыпин был не только решительный государственный деятель, но и человек лично мужественный: он вызвал клеветника на дуэль. Тот вынужден был отказаться от своих слов. А Столыпин спокойно произнес «в ответ на требование Думы прекратить военно-полевые суды <...>: "Умейте отличать кровь на руках врача от крови на руках палача"»¹. Не говорю уж о левых партиях, в сущности сторонниках русской бесовщины, даже кадеты выступили против столыпинской жесткости, полагая, что он мешает созданию правового государства.

Не буду еще раз писать о екатерининских генералах, ломавших хребет пугачевскому бунту, напомним о виджиянтах, поборовших дикий бандитизм в Северо-Американских Соединенных штатах, напоминавший русский террор. Виджиянты отказались от длительного судопроизводства. Казня захваченных на месте преступления бандитов по приговору виднейших граждан данного городка или местечка, они в течение нескольких лет подавили разгул бандитизма на американском Западе. Скажем, такой умный человек, как В.А. Маклаков, протестуя против отказа Столыпина от долгого судопроизводства при расправе с террористами, утверждал, что так революцию не победишь. Но, говоря о терроре 1906 г. уже годы спустя, Маклаков, в сущности, противореча своему несогласию со Столыпиным, писал: «В августе – взрыв Столыпинской дачи. В октябре грандиозная по смелости и удаче, экспроприация в Фонарном переулке, доставившая в революционные кассы несколько сот тысяч рублей и т.д. Индивидуальные же террористические акты были просто бесчисленны: были убиты Мин, Лауниц, Максимовский, Игнатьев, Павлов и др.; по официальным сведениям, опубликованным в “Красном Архиве”² – в 1906 г. было убито 1 588, в 1907 г. – 2 453 человека. Можно было думать, что начинался революционный штурм; что, как бывает в решительный момент войны, в него бросался последний резерв. Но уже через несколько месяцев от него осталась только “последняя туча рассеянной бури”. Сами левые партии не могли отрицать: на данный момент “Революция кончилась”. Нужна была Великая Война, чтобы снова ее подготовить»³.

¹ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. London, 1990. С. 346.

² То есть уже при советской власти.

³ Маклаков В.А. Вторая государственная дума. London, 1991. С. 18.

Сам-то Столыпин прекрасно понимал свою задачу, более того, его деятельность была как бы уроком и заветом интеллектуалам, которые могли попасть во власть.

4. Личная смелость

В конце апреля 1906 г. Столыпин объяснял западным корреспондентам причину появления военно-полевых судов: «Правительство – не цель, а средство. В чем состоит цель? Цель – порядок. Правительству, отказывающемуся защищать порядок, остается только уйти. Нормальный суд не имел в виду революционных периодов. Он установлен для карания обычных правонарушений, преступлений общего права. Для исключительных положений необходимы исключительные средства. При нынешнем строе вещей учреждение полевых судов не только объяснимо – оно необходимо. В любом государстве всякое правительство, которое не поставило себе целью общественный распад, поступило бы так же, как поступили мы. <...> Полевые суды считаются только с лицами, захваченными на месте преступления. Они судят лишь преступников, пойманных с оружием в руках»¹. Поразительно, что деятели Временного правительства, поступавшие предельно беспомощно, вопреки заветам Столыпина, не посмели арестовать и казнить большевиков, испугались движения на Петроград Л. Корнилова, передав, в сущности, власть в руки большевиков, которые средствами не стеснялись. И их террор превзошел все мыслимое человечеством формы насилия. А дело в том, что Временное правительство боялось народа, боялось «человека с ружьем». Столыпин не боялся, пытаясь защитить «личность против поглощения ее волей народа»².

Легендарная формула Столыпина «Не запугаете!» говорила о безусловной мужественности, готовности отдать за идею жизнь (не в меньшей степени, чем у революционеров, которые хвалились своей жертвенностью), именно жизнь он и отдал за свою идею и деятельность. «Крупность Столыпина раздражала оппозицию», – писала А. Тыркова-Вильямс³. Но не только оппозицию, но и власть, и прямых врагов, и людей, живших вне реальности, вроде Льва

¹ Беседа с П.А. Столыпиным 29 сентября 1906 г. // Столыпин П.А. Избранное: Речи. Записки. Письма. М., 2010. С. 95.

² Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции 20-30-гг. XX в. М., 2009. С. 61.

³ Тыркова-Вильямс А.В. Указ. соч. С. 346. Воля народа – прямо из Руссо.

Толстого, прятаясь за благодушной идеей ненасилия. От взрыва на Аптекарском острове до пули убийцы в Киеве – он шел по краю гибели, каждую секунду, как и требовал Фауст, рискуя жизнью, ведя борьбу за свободу с нахлынувшим на Россию наводнением бунта, угаданном Пушкиным в «Медном всаднике», когда стихия чуть не погубила город Петра, дело Петра:

Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна.

Как Фауст, Столыпин пытался обуздать стихию, отвоевывая у волн земельное пространство, на котором может свободно существовать человек. К нему вполне применимы слова, произнесенные перед смертью героем Гёте:

Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben,
Der täglich sie erobern muss.

В точном переводе: «Лишь тот достоин **свободы как жизни**, кто должен ежедневно бороться за нее». И Столыпин боролся за свободу *лица*, жертвуя за эту свободу жизнью. Одновременно с давлением новой пугачевщины он начал бороться с второй страшной болезнью России – отсутствием в национальной ментальности представления о частной собственности. Собственно, именно она и была причиной первой проблемы – массового разбоя. Даже дворянство чувствовало некую неуверенность в своей правоте владения собственностью, поскольку была она дана волевым актом Екатерины Великой. Собственность купцов и промышленников была целиком в лапах государства. Иван Грозный обирал купцов, когда ему было угодно, не говоря уж о церковных имениях. Отношение к купеческой собственности слишком ясно из «Ревизора» Н. Гоголя. Именно отсутствие представления о праве на собственность и породило крестьянские бунты, не верившие в правоту дворянской собственности.

Но родилось это в результате длинной русской истории. Говоря об этом, я ставлю Столыпина не только в контекст современной ему действительности. Столыпин – фигура более крупная. Это фигура из тех, которые рождаются раз в столетия. Чтобы его понять, нужен более длительный исторический период, нужно понять большое время. Я хочу напомнить, что и земельная реформа, и крепостное право – все это лишь деталь его замысла. Струве писал: «Аграрная политика Столыпина кажется консервативной, но в

существо своем она есть попытка перестроить Россию в самых ее глубинах»¹. Но дело не просто в перестройке. Дело в создании новой реальности. Дело в том, что Россия до монгольского ига обладала частной собственностью на землю.

5. Попытка самой глубокой перестройки России

Среди прочих проблем, характерных для любой юной культуры, Новгородско-Киевская Русь пережила татаро-монгольское нашествие и несколько столетий ига. Степь отучила наших предков трудиться на себя самих, ибо в результате татаро-монгольского ига в России устанавливается так называемое «монгольское государственное право», по которому, как писал К.А. Неволин, «вся вообще земля, находившаяся в пределах владычества хана, была его собственностью»². Княжества не принадлежали князьям, за правом ими властвовать они ездили за ярлыками в ханскую ставку. Земля была хана, а стало быть, в превращенном представлении крестьянина, – ничья, Божья, т.е. общая. И это совпадало с тем, что у самих крестьян собственности никогда не было. Но и дружинная собственность не несла свободы даже еще до ига. Единственной реализацией свободы было так называемое право отъезда дружинника от одного князя к другому или уход крестьянина (вполне номадически) на другой участок земли. Далее, уже в Московской Руси, чтобы укрепить боярство, служилых людей государство было вынуждено ввести крепостное право. Без земледельца земля абсолютно не имела никакой цены, а крестьянин в любой момент готов был сняться с обжитого кусочка земли, тем паче, что этот кусочек земли не был юридически закреплен за ним. Отсутствие частной собственности, ее психологическое неприятие, идущее от так называемого «монгольского права на землю» стало устойчивым в национальной ментальности. Более того, в Московской Руси возникает так называемая «Внутренняя Степь» (определение С.М. Соловьева), то есть воровские, разбойничьи шайки, терзавшие и опустошавшие страну, наподобие монголов. Столыпин хотел сделать крестьянина собственником, тем самым как бы оправдав наделение

¹ Струве П.Б. Что такое государственный человек? // Струве П.Б. Россия. Родина. Чужбина. СПб., 2000. С. 171.

² Неволин К.А. История российских гражданских законов // Неволин К.А. Полн. собр. соч. В 6-ти т. Т. 4. СПб., 1858. С. 136.

Екатериной правом на земельную собственность дворян и уравнивая в чувстве собственности крестьян с дворянами.

Но был еще важный момент российской ментальности, который хотел изменить Столыпин. Если до монгольского нашествия во внутренних ссорах и конфликтах, а также при общении с иноземцами, прежде всего с европейцами, с *немцами*, в случае какого-либо *разлюбья* существовали на Руси юридически зафиксированные, закрепленные в договоре, в праве, стоимости «обид», «бесчестья», «побоев» и «человеческой жизни» (пусть за убийство холопа платили меньше, чем за убийство вольного человека, но платили), то за весь период татаро-монгольского ига никто и не помышлял о «чести», поскольку сама жизнь человеческая потеряла всякую цену. Отсюда и выросло то свойство нашей народной психеи, то равнодушные к смерти, та беззаветная отвага, что, по замечанию П. Чаадаева, так восхищает иностранцев, но при этом, делая нас безразличными к случайностям жизни, вызывает и безразличие к добру и злу, ко всякой истине. Однако, как в который раз показала история, именно на равнодушии к жизни индивидуума, на гордости этим равнодушием держится и крепнет любая деспотия.

Струве считал земельную реформу Столыпина продолжением Александровских Великих реформ: «С политическим “конституционализмом” Столыпина неразрывно связана была его земельная реформа, по своей идее и по своему значению явившаяся подлинным вторым освобождением, или раскрепощением русского крестьянства»¹. Выстрел Д. Богрова как бы символически подтвердил эту преемственность, что заметил Розанов: «После кроваво-черного 1 марта Россия никогда еще не была так потрясена как сейчас. Обстановка убийства перед глазами Монарха, в минуту величайшего воодушевления и ликования киевлян, при открытии памятника Александру II, убийства не моментального, а с трехдневной мукой страдальца, все это заставило вздрогнуть русские сердца и занять старой болью, как после 1 марта»². Однако была деятельность Столыпина, как я хочу показать, чем-то более глубоким, глубинной перестройкой национальной ментальности. Он продолжил реформы, но перевел их в новый регистр, решив сделать народ воистину,

¹ Струве П.Б. П.А. Столыпин // Струве П.Б. Россия. Родина. Чужбина. С. 188.

² Розанов В.В. К кончине премьер-министра // Розанов В.В. Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. М., 2011. С. 222.

а не только формально свободным. Равной этой идее в русской государственно-политической деятельности не было. Он четко показал на связь стихийных бунтов и отсутствия собственности: «Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым большим. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков. Я думаю, что и все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения того вопроса, который несомненно, хотя бы отчасти, питает смуту»¹.

В то же своей знаменитой речи он произнес: «Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия! (Аплодисменты справа)»². Он не хотел пугать слушателей. В западных государствах на это потребовались столетия. Интересно сопоставить высказывание его бывшего профессора Д.И. Менделеева, близкого по взглядам Столыпину, с этими слова премьеря: «Большинство жителей России находятся в таком же положении, в каком три или четыре столетия тому назад находилось большинство стран Западной Европы. Это положение вызвало там свои исторические события (религиозные войны, бунты, революции, Наполеона и т.п.) и такой напор к переселению, что Америка и берега Африки стали живо наполняться европейскими выходцами. Часть совершающихся у нас ныне событий, без сомнения, должно приписать такому же положению, в которое мы поставлены в настоящее время»³.

Отсюда и переселенческая политика Столыпина. Но Россию он пытался провести этим путем не за столетия, а за десятилетия.

¹ Столыпин П.А. Речь П.А. Столыпина во II Государственной думе 10 мая 1907 г. // Столыпин П.А. Избранное. С. 126.

² Там же. С. 136.

³ Менделеев Д. К познанию России. СПб., 1906. С. 19–20.

Только так полагал он возможным сделать ее жизнеспособным государством.

Это было бы истинным введением России в европейское пространство и препятствием для революций. Степун писал: «Ни как колонизатор, ни как крепостной, ни как общинный крестьянин не был русский сельский работник полным хозяином своего клочка земли (Scholle). Звучащее почти сакрально в немецком языке, это слово труднопереводимо на русский. Желание привить крестьянину чувство собственности по отношению к своему клочку земли было подлинным смыслом столыпинской реформы. Столыпин предпринял это после введения Николаем II конституционной монархии, с тем, чтобы сделать крестьянина европейским земельным собственником и создать тем самым оплот против революции. То, что эта задача была поставлена только в XX столетии, указывает на нерешенность этой проблемы русской историей»¹.

Столыпин пытается перевести всю Россию в свободное состояние. И попытка невероятная. Нужно контекст этот ощутить. Замечая, что главная задача государства укрепить низы, ибо в них вся сила страны, добавляя, что их более 100 миллионов, он писал: «Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага личной свободы»². Интересно, что тема свободы, которая рождается в производстве, уже звучала в русской публицистике. Двигатель общественного развития – это самостоятельная личность: «Как вы хотите, чтобы оказывал энергию в производстве человек, который приучен не оказывать энергии в защите своей личности от притеснений. Привычка не может быть ограничиваема какими-нибудь частными сферами: она охватывает все стороны жизни, – писал Н. Чернышевский. – Нельзя выдрессировать человека так, чтобы он умел, например, быть энергичным на ниве и безответным в приказной избе»³. Столыпин впервые сознательно на всем уровне – молекулярном уровне – требует, чтобы перед нами было лицо. Владелец

¹ Степун Ф.А. Дух, лицо и стиль русской культуры // Степун Ф.А. Сочинения. С. 585–586.

² Речь П.А. Столыпина в III Государственной Думе 16 ноября 1907 г. // Столыпин П.А. Избранное. С. 150–151.

³ Чернышевский Н.Г. Суеверие и правила логики // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 695.

частной собственности – имеет лицо. Это не размазанная община: «Один – за всех, и все – за одного», где никто ни за что не отвечает. Мы можем говорить, что общинное сознание было явлением, много определявшим в России. Но опять же, как показали замечательные русские и историки, и философы, – и Б. Чичерин, и К. Кавелин, и другие – община была фискальным институтом. И, конечно, община, державшаяся на временно-обязанном труде, мешала развитию страны «Крестьяне освобождаются от крепостной зависимости: в чем же состояла крепостная зависимость? Основную и единственную законную чертою ее был обязательный труд. Итак, сохранить обязательный труд – значило бы в сущности сохранить крепостное право»¹. Труд, направленный на приумножение своей собственности, перестает быть обязательным трудом. Много спустя после революции Маклаков полностью оценил великий смысл столыпинского преодоления общинности: «Существо Столыпинской реформы было одной из форм уравнивания крестьян с другими условиями, распространением на них нашего общего права»². Как видим, здесь транслируется идея Чичерина о постепенном наделении правами и собственностью всех сословий.

б. Самодеятельная личность contra община

Менделеев в книге «К познанию России» писал, что к 1930 г. Россия будет на уровне передовых европейских стран, что совпадает со словами Столыпина 1909 г.: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России»³. Близость в датах поразительная. Убийство Столыпина привело к слову разумного европейского развития страны. Оппонентов было много. Не говоря о большевиках, напуганных успехом столыпинских действий, надо назвать Льва Толстого, упрекавшего Столыпина в европеизме, в том, что он не умеет самостоятельно думать. Писатель утверждал, что цель премьера – в его законе, «имеющим целью оправдание земельной собственности и не имеющим за себя никакого разумного довода, как только то, что это самое существует в Европе (пора бы нам уж думать своим умом)». Занятно, что письмо свое граф кончает угрозой переслать свое письмо в Европу:

¹ Чернышевский Н.Г. Устройство быта помещичьих крестьян, № XI // Там же. С. 737.

² Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. С. 360.

³ Беседа с председателем Совета министров П.А. Столыпиным 1 октября 1909 г. // Столыпин П.А. Избранное. С. 209.

«Письмо это пишу я только вам, и оно останется никому не известным в продолжение, скажем, хоть месяц. С первого же октября, если в вашей деятельности не будет никакого изменения, письмо это будет напечатано за границей»¹. Любопытно, что толстовское двоемыслие, вообще-то проявлявшееся везде (скажем, выступая против книгопечатания, он издавал бесконечно свои книги), здесь как-то особенно жалко и неприлично. Упрекая Столыпина, что он подражает в своей реформе Европе, что «пора бы уже думать собственным умом», он тут же угрожает премьеру, что если тот не откажется от самого себя, то его письмо-инвектива «будет напечатано за границей». Иными словами, в той же Европе, которая вовсе не хотела, чтобы Россия развернулась как мощная европейская держава. Вообще-то самым резким ударом по Столыпину и его реформе была статья Толстого «Не могу молчать» (1908), где всю деятельность премьера он объяснял его жалким тщеславием. Но уже «в эмигрантской публицистике, – как пишет современный исследователь, – были преданы гласности сведения о том, что когда волна погромов докатилась до усадьбы писателя, он также не смог молчать: проявил осмотрительность и вызвал полицию для охраны»². А сам писал: «Не может существовать права одного, какого бы ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землею, как собственностью. Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею»³. Но такое уже было в доисторический период, когда по земле бродили стада диких людей, а потом нечто подобное в монгольский период, когда земля лишь казалась ничьей.

Вот это монгольское право на землю перехватили большевики. Ведь в период послестолыпинский, до прихода к власти большевиков, когда собственность на землю уже была создана, что сделали большевики? Они вернулись к монгольскому периоду правления. Земля стала государственная, т.е. ничья. Столыпинская реформа, естественно, была уничтожена на корню. Когда земля ничья, когда она государственная, можно сделать с крестьянами все, что угодно. Можно провести коллективизацию, индустриализацию, не обращая

¹ Толстой Л.Н. П.А. Столыпину. 1909 г. Августа 30. Ясная Поляна // Толстой Л.Н. Письма. 1882–1910. Т. XIX–XX. М., 1984. С. 675.

² Сидоровнин Г.П. П.А. Столыпин: Жизнь за отечество. Жизнеописание (1862–1911). С. 286.

³ Цит. по: Там же. С. 285.

внимания ни на что, ни на кого. Попытка Столыпина была – после реформ Александра II, может быть, половинчатых, но, тем не менее, они были – на мой взгляд, абсолютно уникальной в истории России, попыткой человека, понимавшего, что он делает. В отличие от Льва Николаевича Толстого, который благодушеествовал и говорил: «А вот давайте, как просят мужики, земля будет ничьей!», Столыпин утверждал необходимость собственности на землю. Уже это было, когда земля была ничьей.

7. Стель против исторического пространства

Когда пришли большевики, и Ленин восстановил «монгольское право» на землю и монгольские принципы управления, Зинаида Гиппиус в «Черной книжке» записала о большевистской власти: «Что происходит с Россией. А происходит, приблизительно, то, что было после битвы при Калке: татары положили на русских доски, сели на доски – и пируют»¹. К этому стоит добавить иронические слова И. Бунина по поводу решения Западной Европы о невмешательстве «во внутренние русские дела»: «Да, да, это называется "внутренними делами", когда в соседнем доме, среди бела дня грабят и режут разбойники»². Это ощущение на новом историческом витке прихода таких же завоевателей, чужих – не по крови, а по некой ментальности – оно было очень сильно. А связано это было с тем, что принципы, которые большевики проводили в жизнь, были абсолютно допетровские. После революции это стало особенно заметно, что Россия вернулась в допетровскую Русь. Вот Бунин: «Весь огромный город не живет. Сидит по домам, выходит на улицу мало. Город чувствует себя завоеванным, и завоеванным как будто каким-то особым народом, который кажется гораздо более страшным, чем, я думаю, казались нашим предкам печенеги»³. И русские оказались вдруг в абсолютной тьме Московской и даже домосковской Руси. Петербургская Россия вся была выкинута за пределы России. В 1918 г. О. Мандельштам написал страшные строчки:

*Все чуждо нам в столице непотребной:
Ее сухая черствая земля,
И буйный торг на Сухаревке хлебной,
И страшный вид разбойного Кремля.*

¹ Гиппиус З. Черная книжка // Гиппиус З. Дневники. Мн., 2004. С. 259.

² Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1990. С. 93.

³ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 107.

Русские писатели вполне внятно отреагировали на произошедшую со страной катастрофу. Независимо от политических пристрастий, писатели и поэты определяли свою эпоху как время апокалиптически разбушевавшейся стихии, находя аналогии к происходящему в бунтах Степана Разина и Емельяна Пугачева (поэмы С. Есенина, В. Хлебникова, В. Каменского и др.). Прислушаемся к названиям произведений и «красных» и «белых» писателей: «Взвихренная Русь» А. Ремизова, «Россия, кровью умытая» А. Веселого, «Голый год» Б. Пильняка, «Рожденные бурей» Н. Островского, «Двенадцать» А. Блока, «Окаянные дни» И. Бунина, «Царство Антихриста» Д. Мережковского, «Черная книжка» З. Гиппиус, «Солнце мертвых» И. Шмелева, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Бич Божий» Е. Замятина, «Русская бездна» М. Волошина... Во всех этих названиях – ощущение смуты, охватившей страну, неуправляемых стихий, губительных для человека, рождение нового и гибель старого мира, движение масс, новые двенадцать *разбойных* апостолов, за стихийной жестокостью которых Блок провидит Христа (или антихриста?)¹, – короче, во всех этих произведениях чувствуется накал почти космической катастрофы. Даже тема Аттилы у Е. Замятина характерна в этом контексте. И даже в таком внешне нейтральном заглавии, как «Конармия» И. Бабеля, если вдуматься, скрыт тот же смысл – пробудившейся стихии. «Конармия» есть сокращение от «конной армии», т.е. ударной силы Степи, кочевников, варваров, вновь обрушившихся на цивилизацию городов. Сам Бабель, думается, именно так и понимал название своей книги. В его дневниковых записях периода, когда он был участником похода буденовской конницы, эта мысль и впрямую выговорена: «Это не марксистская революция, это казацкий бунт, который хочет все выиграть и ничего не потерять. Ненависть... к богатым, к интеллигенции, неугасимая ненависть»². Впрочем, все это можно было предвидеть, опираясь на опыт русской истории и культуры. И Столыпин это угадывал и готов был свою жизнь поставить преградой надвигающемуся бунту.

¹ См. об этом мою статью: «Антихрист» Владимира Соловьева и «Христос» Александра Блока // Соловьевский сборник. Материалы международной конференции «В.С. Соловьев и его философское наследие». 28-30 августа 2000 г. М., 2001. С. 145-156.

² Бабель И. Конармия. М., 1990. С. 178-179.

8. Лев Толстой и Ленин как враги Столыпина

Ответ Столыпина Толстому заслуживает подробного цитирования: «Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие “собственности” у крестьян создает все наше неустройство. <...> Искусственное в этом отношении оскотление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности. <...> А бедность, по мне, худшее из рабств. <...> Смешно говорить этим людям о свободе или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным»¹. Здесь четко выраженное кредо, ясно и спокойно высказанное, совпадающее с мыслью всех мало-мальски беспокоившихся о мужике честных русских людей. А далее, без малейшего самоуничтожения, слова человека, ежеминутно рискующего своей жизнью в отстаивании своих идей: «Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий – вероятно, на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину. Как же я буду делать не то, что я думаю и сознаю добром? А Вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и, главное, греха. *Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем* (курсив мой. — В.К.)»².

Столыпин писал стоически-мужественно о том, что уже произошло, уже был взрыв в его доме на Аптекарском острове, когда террористы погубили тридцать ни в чем не повинных людей, ранили сто, среди них тяжело ранены дочь и сын премьера. И вот этому герою Толстой пишет: «Пишу вам об очень жалком человеке, самом жалком из всех, кого я знаю теперь в России. Человека этого вы знаете и, странно сказать, любите его, но не понимаете всей степени его несчастья и не жалеете его, как того заслуживает его положение. Человек этот – вы сами»³. Столыпин был убит, победила

¹ Столыпин П.А. Письмо Л.Н. Толстому. 23 октября 1907 г. // Столыпин П.А. Избранное. С. 144.

² Там же. С. 142-143.

³ Толстой Л.Н. П.А. Столыпину. 1909 г. Августа 30. Ясная Поляна. С. 673.

толстовская уравниловка. Ленин ликовал, Толстой, по сути, был его союзник, ибо так же ненавидел и церковь, и государство, и Столыпина: «Умерщвление обер-вешателя Столыпина совпало с тем моментом, когда целый ряд признаков стал свидетельствовать об окончании первой полосы в истории русской контрреволюции»¹. Удовольствие так и сквозит в словах человека, через семь лет залившего кровью всю Россию. Чтобы достигнуть огромной власти, писал Бунин, нужна «великая ложь, великое угодничество, устройство волнений, революций, надо от времени до времени по колено ходить в крови. Главное же надо лишить толпу «опиума религии», дать вместо Бога идола в виде тельца, то есть, проще говоря, скота. Пугачев! Что мог сделать Пугачев? Вот «планетарный» скот другое – дело. Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек – и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди дня спорят, благодетель он человечества или нет?»² Как он и обещал, Ленин использовал отлучение Толстого для расправы над русской церковью и священниками³. Н. Бердяев напротив очень жестко написал о Толстом как идеологе нигилизма и провокаторе революционаризма: «Возвышенность толстовской морали есть великий обман, который должен быть изобличен. Толстой мешал нарождению и развитию в России нравственно ответственной личности, мешал подбору личных качеств, и потому он был злым гением России, соблазнителем ее. В нем совершилась роковая встреча русского морализма с русским нигилизмом, и дано было религиозно-нравственное оправдание русского нигилизма, которое соблазнило многих. В нем русское народничество, столь роковое для судьбы России, получило религиозное выражение и нравственное оправдание»⁴.

Самые крупные противники Столыпина – Ленин + бесы-радикалы, царь, Лев Толстой, да еще хлыст Распутин. Хлыстовство

¹ Ленин В.И. Столыпин и революция // Ленин В.И. ПСС: В 55 т. М., 1961. Т. 20. С. 324.

² Бунин Ив. Миссия русской эмиграции // Бунин Ив. Великий дурман. М., 1997. С. 132.

³ Ленин писал: «Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах» (Ленин В.И. Л.Н. Толстой // В.И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1969. С. 221).

⁴ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Бердяев Н.А. О русских классиках. М., 1993. С. 99.

победило рацию гениального премьера. Но остановимся на фигуре монарха, поддержавшего в конечном счете Распутина в противовес Столыпину. Струве писал: «Рок и трагедия его состояли в том, что, отстаивая и укрепляя реформами монархию, Столыпин как борец и реформатор не имел в монархе той поддержки, в которой он нуждался. Сейчас об этом можно просто и прямо говорить как об историческом факте. В отличие от Вильгельма I, который с некоторым внутренним сопротивлением, но всецело отдался могучей воле Бисмарка, Николай II не сделал этого по отношению к Столыпину. <...> Во всяком случае, Столыпин прежде чем погибнуть от пули революционера-охранника, едва ли <не> изнемог в борьбе с монархом, что в его лице она выпала на долю не только убежденного, но и страстного монархиста»¹. Столыпин изгнал Распутина из Петербурга, император сожалел об этом, говоря, что его волнуют «слезы императрицы». Так мог говорить семьянин, но не император.

У Столыпина были две основные линии в его деятельности: это борьба с «бесами», очень жесткая, очень четкая, и борьба за свободного русского человека. Мы часто говорим, что интеллигент не идет во власть, интеллигент боится власти. Столыпин был настоящий русский интеллигент, который пошел во власть. Надо сказать, что из кадетов, которые действительно его практически не принимали, его больше всех понял, наверное, Струве. Струве был сыном пермского губернатора. Он понимал, что такое власть. Он единственный из кадетов понимал, что деятельность Столыпина – это то, что спасает Россию. Другие кадеты были постоянные оппоненты деятельности премьера.

9. Николай I как губитель Столыпина и Российской империи

С.Н. Булгаков говорил, что все царствование Николая – это гибель империи, он губил империю на корню: «Агония царского самодержавия продолжалась все царствование Николая II, которое было сплошным и непрерывным самоубийством самодержавия. <...> К несчастью, революция была совершена помимо всяких революционеров самим царем, который влекся неудержимой злой силой к самоубийству своего самодержавия, влекся чрез Ялу, Порт-Артур и Цусиму, чрез все бесчисленные зигзаги своей политики. <...> Я ничего не мог и не хотел любить, как Царское самодержавие. <...> И, однако, неудача самодержавия в лице Николая II была настолько

¹ Струве П.Б. П.А. Столыпин. С. 188–189.

велика, непоправима, что она обрекала того, кто мог и хотел любить только самодержавие, понятое как государственная вселенская идея, на ежечасное умирание»¹... «Зигзаг Столыпина» – это как раз продуктивный зигзаг, единственный продуктивный зигзаг за все царствование Николая. Интересно, что тот же Богров, хотя рядом сидели Столыпин и император, стрелял все же в Столыпина, ибо Столыпин был главным противником русского бесовства.

И еще одно соображение. Есть какие-то ключевые имена в русской истории, и одно из них – имя Петр. После Петра Великого далее идет Петр Столыпин, как неосуществленное завершение дела Петра... Он был действительно великий Петр Столыпин, у которого не было легитимации, не было власти. Если бы он был императором, то, в отличие от Николая, он бы действительно привел Россию к благоустроенному цивилизованному государству. Но бесконечная возня в придворном болоте, бесконечные страхи и откаты самодержца от принятых премьером решений тормозили развитие России. И если бы не мать, которая без конца уговаривала Николая, чтобы он послушал, что говорит Столыпин – ибо Столыпин – разумный человек, царь много бы раз отказался от столыпинской реформы. Перед смертью сам Столыпин уже явно чувствовал, что царь отвернулся от него. Как вспоминал следовавший за Столыпиным премьер-министр Владимир Николаевич Коковцев о последних днях Столыпина перед его убийством: «Из частых, хотя и отрывочных, бесед за четыре роковых дня пребывания в Киеве мне стало известно, что его почти игнорировали при дворе, ему не нашлось даже места на царском пароходе в намеченной поездке в Чернигов, для него не было приготовлено и экипажа от двора»². Царь готов был в любой момент *сдать его*, завидуя славе и популярности Столыпина, его силе. Максимилиан Волошин написал о Николае II:

Санкт-Петербурге был скроен исполином.

Размах столицы стал не по плечу

*Тому, что стер блистательное имя*³.

Как медиум, опорожнив сосуд

Своей души, притягивает нежить, –

И пляшет стол, и щелкает стена –

¹ Булгаков С.Н. Пять лет (1917-1922) // Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1996. С. 332.

² Коковцев В.Н. Из моего прошлого (1903-1919). Мн., 2004. С. 415.

³ Речь идет о переименовании Санкт-Петербурга в Петроград.

*Так хлынула вся бестолочь России
В пустой сквозняк последнего царя.*

Россия (1924)

Столыпин хотел сохранить Российскую империю. **Понимал**, как это сделать. Пишут: «Он был хороший оратор». Что значит хороший оратор? Это не человек с хорошо подвешенным языком. В отличие от тех, кто против него выступал, он ясно видел цель, он опирался на свое понимание русской культуры, он понимал, что говорит. Достаточно почитать его речи и речи его оппонентов. У оппонентов злое, раздраженное, почти слепое нападение на действия премьера, и жесткие, четкие, спокойные аргументы Столыпина. Заметим, что возразить ему никто не мог в публичной полемике. Он переигрывал, или переговаривал всех. Не криком и не властной угрозой. Переговаривал интеллектуально. Это был, действительно, пожалуй, единственный раз в России – большой интеллектуал у власти, который позволил себе стать деятелем. Столыпин – это было явление, равного которому, я думаю, в России не являлось, если не считать его тезки и предшественника – Петра Великого.

Но в истории происходит одна странная вещь – столкновение «рацио» и иррационального начала. С одной стороны, был Распутин – человек абсолютно бесовской, демонической какой-то энергии и силы, были бесы и бесенята революции. С другой стороны, был все понимавший, умный, жесткий, строгий Столыпин. Кто победил? Победил Распутин. После убийства Столыпина он тут же вернулся во власть. И «распутинская» стихия хлынула потом на Россию.

Это был шанс, который судьба дала русской монархии, точнее, Российской империи. Но последний император был из тех, кто, по выражению Г.П. Федотова, рубил под корень Российскую империю. Не то, чтобы он отдал бесам Столыпина, но сам от него отдалился, слишком влиятелен стал премьер.. Как пишет современный выдающийся отечественный историк, «нарушение <...> принципа замыкания всех нитей управления на самодержце смертельно напугало царя»¹. Об этом писал даже лидер кадетов, бывший противник: «Роспуск Думы поставил Столыпина на первое место; он занимал его почти до самой смерти своей. Говорю “почти”, так как исключитель-

¹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 98.

ное положение свое он потерял уже раньше. Без пули Багрова¹ он, вероятно, стал бы новым примером людской неблагодарности. Только смерть возвела его на тот пьедестал, который опрокинула лишь Революция. <...> При его жизни я не раз и резко против него выступал. Но уже во время Великой Войны с трибуны высказал сожаление, что в нужное время его с нами нет. В 1929 г. в эмиграции, вспоминая про Витте, я написал, что Витте мог спасти Самодержавие, то Столыпин мог спасти конституционную монархию. Я и теперь думаю это; им обоим мешали те, кого он могли и хотели спасти»².

Император, отдаляясь от Столыпина, твердил, что Столыпин заслонял его собой, отбирая себе значение устроителя России, о чем-де твердят все газеты. На это, вроде бы, новый премьер министр В.Н. Коковцев ответил, что Столыпин не заслонял императора, а умер за него³. Но Николай оттолкнул того, кто спасал имперскую Россию. О том, что Столыпин пожертвовал своей жизнью за империю и императора, было сказано сразу после смерти премьера: «У изголовья сидела вдова покойного, Ольга Борисовна Столыпина, в белом больничном халате. Когда государь вошел в комнату, она поднялась и громким голосом, отчеканивая каждое слова, произнесла ставшую известной фразу: "Ваше Величество, Сусанины не перевелись еще на Руси"»⁴. Иными словами, жизнь и смерть Столыпина была сразу поставлена в событийный ряд исторических мифологических героев в данном случае человека из народа, заведшего воров, пытавшихся убить царя, в болото и пожертвовавшего жизнью для спасения первого Романова.

М. Лермонтов пророчествовал о грядущей катастрофе Российской империи. Один из его родственников премьер Столыпин словно пытался преодолеть пророчество поэта. Стихотворение поэта называлось «Предсказание»:

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен*

¹ Речь об убийце Столыпина Дмитрие Богрове.

² Маклаков В.А. Вторая государственная дума. С. 11.

³ См. Сидоровнин Г.П. П.А. Столыпин: Жизнь за отечество. Жизнеописание (1862-1911). С. 625.

⁴ Коковцев В.Н. Из моего прошлого (1903-1919). С. 427.

*Низвергнутый не защитит закон;
 Когда чума от смрадных, мертвых тел
 Начнет бродить среди печальных сел,
 Чтобы платком из хижин вызывать,
 И станет глад сей бедный край терзать.*

А последний Романов словно нарочно пытался сделать все, чтобы пророчество Лермонтова исполнилось. Николай I по поводу смерти Лермонтова, весьма храбро воевавшего, по некоторым версиям, даже награжденного за храбрость золотым оружием (написавшего в стихотворении «Завещание» о себе: «Что умер честно за царя, Что, плохи наши лекаря»), произнес роковые слова: «Собаке собачья смерть». История такого не прощает. Николай II столь же равнодушно отнесся к смерти последнего защитника империи. И предсказание поэта стало фактом российской жизни.

Такие люди как Столыпин в мировой истории единичны. Жизнь их особая. Хочу закончить свой текст словами Василия Розанова: «"Политика" – это не мудрость. Политика – это ярость. <...> Кто это может понять? Никто! <...> Екатерина понимала. Понимал Шешковский. Понимал вот Столыпин. Понимал Цезарь. Понимают люди каких-то совсем не наших "измерений" – не тех добрых и милых "измерений", в которых люди пьют чай с сахаром, ходят в гости друг к другу, пишут статьи в газетах и журналах. Ум их, душа их, сердце – из какой-то темной бронзы, как и их памятники»¹. Добавлю только, что это ярость творцов, которые как Моисей (из исторических деятелей им больше прочих восхищался П. Чаадаев²), пытались создать из «подлого сброда» (выражение Т. Манна) народ, умеющий жить по правовым установлениям, как это изображено в Библии и гениально выявлено Томасом Манном (новелла «Закон»). Только Моисею нечто удалось, Столыпин же проиграл.

¹ Розанов В.В. Перед гробом Столыпина // Розанов В.В. Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. М., 2011. С. 268.

² «Влияние этого великого человека на род человеческий далеко не понято и не оценено, как бы следовало. <...> Раздумывая об этом необыкновенном существе и о произведенном им на людей действии, я не знаю, чему тут более удивляться, тому ли историческому явлению, которое он вызвал, или тому нравственному явлению, которое я наблюдаю в его лице» (Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989. С. 120).

**ГУСТАВ КАРЛОВИЧ ШМИДТ – ЛИДЕР МИНСКИХ
ОКТЯБРИСТОВ И ДЕПУТАТ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ:
ШТРИХИ К БИОГРАФИИ**

Для изучения либерального движения в начале XX в. большой интерес представляет партия октябристов. Задачей данной статьи является исследование деятельности одного из наиболее известных ее представителей в западном регионе Российской империи – Г.К. Шмидта, председателя Минского губернского отдела «Союза 17 октября» и депутата III Государственной Думы.

Густав Карлович Шмидт родился 8 апреля 1852 г. в Казанской губернии в семье чиновника лютеранского вероисповедания. После окончания гимназии он поступил воспитанником в Морской корпус и в 1871 г. был произведен в гардемарины. В течение шестнадцати лет Шмидт последовательно прошел все ступеньки службы и достиг звания капитана 2-го ранга. Он принимал участие в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг. и был награжден медалью². Но блестящая карьера Шмидта вскоре оборвалась. В 1888 г. он, при помощи казанского мещанина В.П. Муруника, вступил в тайные сношения с английским и германским морскими агентами, а в 1890 г. составил план минной обороны Кронштадта и, выдавая его за утвержденный будто бы правительством, через Муруника, продал за 1500 руб. иностранным агентам. При этом, однако, секретных сведений, в план Шмидт не включил³. Но уже в том же году Муруник, подкупив писарей Главного штаба в Санкт-Петербурге, смог добыть мобилизационные ведомости Варшавского военного округа, составлявшие государственную тайну. Муруника задержали, и он выдал властям своего подельника по предыдущему делу⁴.

¹ *Лавринович Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, первый проректор УО «МГУ им. А.А. Кулешова» (Могилев, Республика Беларусь).*

² Памяти Михаила-Густава Карловича Шмидта (Статьи и заметки из «Минского Слова» от 29 ноября 1909 г. № 867). Мн., 1910. С. 7.

³ Доклады членов Государственной думы Люц, Крылова и Родзянко о проверке выборов по Минской, Иркутской губерниям и Терской области (1908 г.) // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 579. Оп. 1. Д. 42. Л. 4 об.

⁴ Там же. Л. 6 об.

Шмидт был арестован и приговором временного отделения военно-морского суда Кронштадтского порта от 5 июля 1891 г. лишен личных прав, чинов и дворянства и сослан в Иркутскую губернию¹. В ссылке отставной капитан 2-го ранга работал техником на строительстве Сибирской железной дороги. В 1896 г. по случаю коронации Николая II ему позволили перевестись в Минск на Либаво-Роменскую железную дорогу². Пытаясь загладить свою вину, Шмидт сблизается с монархически настроенными кругами, принимает православие и начинает писать «патриотические» статьи для газеты «Белорусский вестник» под псевдонимом Глеб Кузнецов³. В 1904 г. ему вернули дворянство⁴. С началом Первой российской революции он энергично окунается в политическую деятельность, выступив в защиту монархии. Хорошо знавший Шмидта, известный публицист консервативного направления Д.В. Скрынченко, живший тогда же в Минске, в своих воспоминаниях описывал его следующим образом: «С первого же знакомства меня поразили в нем энергия (не-русская), воля и ум. Роста ниже среднего, крупной кости, седой, с молодыми карими глазами, он кипел жизнью и негодовал против слабости власти при натиске революции; в интернациональном городе Минске среди упавших духом русских он представлял редкое исключение»⁵.

После издания Манифеста о «свободах» 17 октября 1905 г., Шмидт решил примкнуть к партии октябристов, которая, с одной стороны, поддержала «реформы сверху», с другой – начала открытую борьбу с революционным движением. Минский отдел «Союза 17 октября», сформировавшийся в начале декабря 1905 г., возглавил хороший знакомый Шмидта, частный поверенный при минском уездном суде, бывший полицейский надзиратель И.Д. Чигирев⁶. В отделе состояли местные чиновники, служащие, учителя и пред-

¹ Там же. Л. 4 об.

² Там же.

³ Памяти Михаила-Густава Карловича Шмидта (Статьи и заметки из «Минского Слова» от 29 ноября 1909 г. № 867). С. 2, 8.

⁴ Доклады членов Государственной думы Люц, Крылова и Родзянко о проверке выборов по Минской, Иркутской губерниям и Терской области (1908 г.). Л. 5.

⁵ Колмаков В. Дмитрий Васильевич Скрынченко: страницы жизни / В. Колмаков // Православное информационное агентство [Электронный ресурс]. 2007 // Режим доступа: <http://ros.borda.ru/?1-3-20-00000010-000-0-0> – (Дата обращения: 29.07.2019).

⁶ Переписка ЦК «Союза 17 октября» с Минским отделом // ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 74. Л. 9.

ставители православного духовенства. Всего за зиму 1905 – 1906 гг. к октябристам примкнуло 982 минчанина¹. Весной 1906 г. отделы в Бобруйске, Борисове и Любоничах были подчинены Минскому губернскому комитету, председателем которого стал Шмидт².

Сложные межнациональные отношения определили большой консерватизм минских октябристов по программным вопросам. Они выступали как защитники сильной монархической власти и единства Российской империи, борцы с национальным сепаратизмом, и в этом плане сближались с крайне правыми. Более сильно, чем в общепартийной программе, они подчеркивали необходимость сохранения и усиления унитарного характера государства, сходу отвергая идею образования национальных автономий. Шмидт, выступая на общем собрании Минского отдела в марте 1906 г., отметил, что хотя программа «Союза 17 октября» широка и прогрессивна и вокруг нее могли бы объединиться представители всех национальностей, партия останется преимущественно русской, т.к. другие народы добиваются автономии, а одним из главных принципов октябристов является неделимость России. «Между нами и другими партиями стоит непреодолимым препятствием принцип автономии. Только поэтому никто, кроме русских, не присоединился и не присоединится к отделу...», – полагал Шмидт³.

Православное белорусское население минскими октябристами рассматривалось как часть единого русского народа. Шмидт и его сторонники осуждали всех ученых и общественных деятелей, даже соратников по партии, употреблявших названия «белорусский язык» и «Беларусь». Критикуя белорусские национальные организации, минские октябристы заявляли: «Не надо нам ни белорусского, ни малорусского, ни великорусского языков, а довольно с нас одного общего языка русского, который мы любим и отлично понимаем, в десять раз лучше, чем тот белорусский язык, который преподносят нам невежды»⁴.

¹ Там же.

² Список отделений, местных организаций «Союза 17 октября» (1906-1912 гг.) // ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

³ Материалы по истории выборов в первую Государственную Думу, собранные по поручению Председателя Совета министров Графа С.Ю. Витте Графом В.А. Дмитриевым-Мамоновым // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Фонд 1072. Том 5. Л. 72-72 об.

⁴ И. С. Русские или белорусы? // Минское слово. 1906. 8 ноября. С. 4.

Минские октябристы поддержали кампанию, начатую Виленским отделом «Союза 17 октября», за изменение избирательного закона в Государственную Думу и создание национальных курий на выборах. 9 марта 1906 г. император принял делегацию от «русских людей из западных окраин», которая вручила ему челобитную с требованием изменения системы выборов. В составе делегации был и Шмидт. Челобитчики предложили издать указ о дополнительном избрании от западных губерний по одному «русскому члену Думы», а также настаивали на увеличении числа русских представителей и в Государственном совете¹. По распоряжению царя челобитная была передана на рассмотрение Особого совещания под руководством председателя Госсовета Д.М. Сольского. Совещание, в принципе одоблив основные идеи, содержащиеся в челобитной, постановило, однако, что менять избирательный закон накануне открытия Государственной Думы поздно².

На состоявшемся 12 марта 1906 г. общем собрании минского отдела «Союза 17 октября», на котором присутствовало 350 человек, Шмидт доложил о благосклонном приеме в Санкт-Петербурге ходатайства об отдельном представительстве русского населения окраин³. В то же время он высказал сомнения в способности минских октябристов самостоятельно провести депутатов в Государственную Думу из-за мощной конкуренции со стороны польских и еврейских организаций. Тем не менее, октябристы избрали своих кандидатов в выборщики, первым из которых был Шмидт⁴.

В предвыборном воззвании минского отдела «Союза 17 октября» критиковались революционные и национальные партии. «Если в представители народа пройдут люди, идущие против начал манифеста 17 октября, проповедующие борьбу за учредительное собрание, автономию окраин, одобряющие забастовки, насилия и не осуждающие в своих органах политические убийства, то они станут

¹ О разрешении выборов от русского населения на окраинах отдельных представителей в Государственную думу (1906 г.) // Российский государственный исторический архив. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 36. Л. 11.

² Циунчук Р.А. Государственная дума имперской России: проявление этноконфессиональных интересов и формирование новых национальных элит // Исторические записки. 4 (122). М., 2001. С. 201.

³ Материалы по истории выборов в первую Государственную Думу, собранные по поручению Председателя Совета министров Графа С.Ю. Витте Графом В.А. Дмитриевым-Мамоновым. Л. 71 об.

⁴ Там же. Л. 72 об.

мешать занятиям Думы и приведут страну к новой смуте...», – предупреждали избирателей октябристы. В то же время свою программу они всячески расхваливали. «Независимый суд, управление по закону, а не по усмотрению, широкая реформа городского и земского самоуправления, равноправность всех русских граждан, разрешение крестьянского земельного вопроса, – вот наши ближайшие задачи в Думе», – сообщалось в воззвании «Союза 17 октября». Сторонники Шмидта пытались сыграть на национальных противоречиях, заявляя, что русские (белорусы) должны идти на выборы, «руководствуясь своей принадлежностью к русской народности», и отдать голоса за кандидатов октябристов¹.

Сторонники Шмидта не гнушались и прямым обманом избирателей. Среди неграмотных минчан октябристы стали распространять смешанные списки, в которых рядом с фамилиями кандидатов от «Союза 17 октября» были помещены фамилии кадетов. Во время выборов, 4 апреля 1906 г., газета октябристов «Минская речь» раздавалась на улицах бесплатно². Однако, не смотря на все усилия, избирательная компания в I Государственную Думу окончилось для них поражением.

Тогда под влиянием Шмидта 15 апреля 1906 г. русские выборщики Минской губернии отправили Николаю II челобитную с просьбой введения национальных курий³. Однако, как отмечалось выше, в разгар выборов правительство не стало менять избирательный закон.

Не последнюю роль в поражении октябристов сыграли их резкие националистические выпады в адрес евреев и поляков, представлявших в те времена значительную часть населения городов и местечек Минской губернии. Антисемитские высказывания деятели «Союза 17 октября», в частности Шмидт, делали и в последующее время. Так, на втором октябристском съезде в мае 1906 г. шла дискуссия между сторонниками и противниками еврейского равноправия. С яркой речью выступил Шмидт. Он отметил, что через предоставление евреям равноправия, еврейскую проблему не разрешить. Причина обособленности евреев, по мнению оратора, заклю-

¹ Там же. Л. 81.

² Там же. Л. 89 об.

³ Г.Ш. [Г.К. Шмидт]. Причины провала русской партии в Минске // Белая Русь. 1906. 21 апреля. С. 4.

чалась в их образе жизни. Шмидт заявил, что евреи «это народ не государственный, а паразитический»¹. Выступление минского октябриста произвело впечатление на собравшихся. Делегаты съезда постановили, что не находят возможным «немедленное и безусловное разрешение еврейского вопроса»².

Шмидт решительно выступал и против идеи краевой автономии, которую отстаивали местные польские организации. На съезде «Союза 17 октября» он от имени минских октябристов объявил: «...автономию окраин, под какой бы кличкой она нам ни преподносилась, каким бы, по кулинарному выражению, «гарниром» она ни сдабривалась, мы безусловно отвергаем по глубокому и неистребимому убеждению»³. На партийных собраниях Шмидт: «...звал русских людей стать на определенную позицию, не стыдиться своего имени, считать за почетное прозвание «черносотенец»»⁴. В «Минском слове» он не стеснялся делать выпады и в адрес местных властей, которые, по его мнению, были «подкуплены» поляками. Досталось даже губернатору Я.Е. Эрдели, который после этого стал относиться к Шмидту довольно враждебно⁵.

Летом 1906 г. в минском отделе «Союза 17 октября» возник раскол: часть членов предложила присоединиться к Партии мирного обновления⁶. Шмидт, наоборот, отстаивал курс на сближение с крайне правыми. Несколько собраний отдела было сорвано, часть членов ушла из партии. Но Шмидту все же удалось настоять на своем.

В августе 1906 г. он совместно с И.Д. Чигиревым задумал издавать новую газету – «Народная нужда», вместо обанкротившейся «Минской речи». Предполагалось, что газета за счет правительственных субсидий будет «неуклонно стремиться к проведению в народные массы идей порядка и законности»⁷. Орган кадетов газета «Свободное слово» так оценила это намерение: «Конечно, "Народная нужда" будет иметь успех среди жандармов, полицей-

¹ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: В 2 т. Т. 1: Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905-1907 г. М., 1996. С. 344.

² Там же. С. 345.

³ Там же. С. 141.

⁴ Памяти Михаила-Густава Карловича Шмидта (Статьи и заметки из «Минского Слова» от 29 ноября 1909 г. № 867). С. 2.

⁵ Колмаков В. Указ. соч.

⁶ Минские вести // Голос провинции. 1906. 11 августа. С. 3.

⁷ Наши корреспонденции // Свободное слово. 1906. 1 ноября. С. 3.

ских чиновников губернского правления и прочих "верных слуг царя и отечества", но с уверенностью можно сказать, что газета не будет пользоваться успехом среди крестьянства, на которое погромщики [т.е. Шмидт, Чигирев и их сторонники. – Д.Л.], главным образом, рассчитывают»¹. Понимало это видимо и правительство, отказавшее минским октябристам в субсидиях на издание.

С началом избирательной кампании во II Государственную Думу осенью 1906 г. минские октябристы вновь начали борьбу за создание национальных курий на выборах. 7 – 9 октября в Вильно состоялся «съезд русских людей западных окраин», на который съехались монархисты из Минска, Витебска, Гродно, Ковно, Варшавы и Прибалтийского края. Заседания съезда проходили в помещении «Русского собрания». Председателем единогласно был избран Шмидт². Собравшиеся постановили возбудить очередное ходатайство перед правительством об изменении избирательного закона. На это раз председатель Совета министров П.А. Столыпин пообещал добиться от Николая II дарования западным окраинам дополнительного представительства³.

Вторым постановлением октябрьского съезда в Вильно было решение об образовании Русского окраинного союза (РОС) с самостоятельным Центральным комитетом, областными и приходскими отделами, задачами которых было мобилизовать все «русское» население западных губерний для поддержки проправительственных кандидатов на выборах в Государственную Думу⁴. Шмидт активно включился в работу по созданию РОС. В начале ноября 1906 г. ему при помощи епископа Минского и Туровского Михаила удалось таки наладить издание новой газеты «Минское слово». Ежегодно Шмидт получал 5 тыс. руб. на ее издание от известной деятельницы Союза русского народа Е.А. Полубояриновой через лидера Русской монархической партии И.И. Восторгова и И.Д. Чигирева⁵. Минский отдел РОС был открыт в январе 1907 г. Его члены ве-

¹ Там же.

² Обозрение событий и окраинная жизнь. Вильна // Окраины России. 1906. 15 октября. С. 548.

³ Обозрение событий и окраинная жизнь // Окраины России. 1906. 26 ноября. С. 658.

⁴ Там же. С. 648.

⁵ Газетные вырезки о жизни, служебной и общественной деятельности: Шмакова А.С., Шмидта П.П., Шмидта Г.К., Шнейдера, Шнеура Вл., Артура Шмулера, Е.Г. Шольпа, Б. Шоу, Шпильегена // ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1447. Л. 18 об.

ли активную агитацию среди населения Беларуси, устраивали вечера, спектакли, лекции.

Под флагом окраинного союза Шмидт рассчитывал пройти во II Государственную Думу, пытаясь привлечь на свою сторону, прежде всего, крестьян. Еще 1 октября 1906 г. в местечке Ляды Игуменского уезда Минской губернии состоялся съезд делегатов от крестьян, состоявших в рядах «Союза 17 октября», посвященный разработке методов пропаганды и выборной тактики¹. Лидерам минских октябристов удалось склонить к сотрудничеству бывшего депутата I Думы крестьянина С.И. Готовчица. Совместно с ним Шмидт и Чигирев написали и начали распространять среди крестьян воззвание «Как и кого выбирать в Государственную думу», затем во всех газетах проправительственного направления от имени Готовчица появилось «Открытое письмо к крестьянам»². Реальным же автором последнего был Шмидт. В письме он призывал крестьян голосовать на выборах за кандидатов РОС.

Как и во время избирательной кампании в I Думу Шмидт снова с резкими нападками обрушился на евреев, поляков, а также чиновников, которые, по его мнению, им покровительствовали. Резко шовинистические высказывания Шмидта вызвали активный отпор со стороны польского общества и чиновников, чьи действия он критиковал. За нарушение избирательного закона минская уездная избирательная комиссия исключила Шмидта из списка выборщиков. Ее решение было подтверждено и губернской комиссией³. В результате лидер минских октябристов не смог участвовать в выборах. За оскорбление же членов губернской комиссии по выборам в жалобе Сенату против него было возбуждено судебное преследование. В целом, однако, итоги выборов оказались более благоприятными для октябристов, чем в прошлый раз. В Минской губернии во II Государственную Думу в рамках РОС были избраны 6 представителей «Союза 17 октября»⁴.

Изменения избирательного закона 3 июня 1907 г. и поддержка правительством еще более укрепили позиции октябристов и их союзников. В период выборов в III Государственную Думу Шмидт вновь

¹ Минские вести // Голос провинции. 1906. 4 октября. С. 2.

² Минские вести // Голос провинции. 1906. 17 сентября. С. 2.

³ Минские вести // Голос провинции. 1906. 24 декабря. С. 4.

⁴ Забаўскі М.М. Расійская Дзяржаўная дума ў лёсах Беларусі (1906 – 1917 гг.). Мн.: БДПУ імя М. Танка, 2008. С. 91.

выставил свою кандидатуру в депутаты от города Минска. Как и прежде, избирательная кампания лидера октябристов сопровождалась резкими выпадами в адрес евреев и поляков, а также чиновников. В ответ, по воспоминаниям Д.В. Скрынченко, губернатор Я.Е. Эрдели решил не допустить избрания Шмидта. По поручению начальника губернии смотритель губернской типографии Савельев съездил в Санкт-Петербург в морское министерство и добыл компрометирующие сведения на лидера минских октябристов, которые были переданы его оппонентам¹. В сентябре 1907 г. в либеральной газете «Окраина» появились статьи, напоминавшие о привлечении Шмидта к ответственности по обвинению в государственной измене, когда он служил на флоте. В минскую уездную избирательную комиссию поступила жалоба от избирателей о том, что Шмидт, как бывший преступник, лишенный избирательных прав, не может участвовать в выборах. Комиссия исключила его из числа выборщиков. Но в начале октября по ходатайству минского епископа Михаила Николай II приказал выдать Шмидту новый указ об отставке без упоминания совершенного им преступления². В итоге минская губернская избирательная комиссия отменила решение уездной комиссии, и предводитель октябристов снова стал выборщиком.

В ходе выборов октябристы и РОС, оказывая давление на избирателей, добились избрания Шмидта депутатом III Государственной Думы. Корреспондент либеральной газеты «Русь» так описывал процедуру выборов в Минске: «...происходила свободная агитация союзников [РОС. – Д.Л.]. Они заняли все входы, проходы и лестницы и насильно отбирали у многих бюллетени Александрова [кандидата кадетов. – Д.Л.] и давали свои с именем Шмидта»³.

Известие о выборе депутатом бывшего осужденного попали на страницы общероссийских либеральных газет. Шмидт возбудил ходатайство о перемене имени и фамилии на Георгия Николаева. Но оно было отклонено⁴. Руководство партии октябристов, боясь быть скомпрометированным, решило отмежеваться от Шмидта. Ему

¹ Колмаков В. Указ. соч.

² Доклады членов Государственной думы Люц, Крылова и Родзянко о проверке выборов по Минской, Иркутской губерниям и Терской области (1908 г.). Л. 5.

³ Газетные вырезки о жизни, служебной и общественной деятельности: Шмакова А.С., Шмидта П.П., Шмидта Г.К., Шнейдера, Шнеура Вл., Артура Шмулера, Е.Г. Шольпа, Б. Шоу, Шпильгегена. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 17.

предложили сложить с себя депутатские полномочия. За помощью Шмидт обратился к крайне правым. Собрание депутатов-монархистов под председательством В.М. Пуришкевича решило, что никакого преступного деяния минский октябрист не совершал, и постановило взять его под свою защиту¹. Октябристы исключили Шмидта из фракции². В ответ он заявил о выходе из состава «Союза 17 октября». Вместо него председателем минского губернского комитета союза был избран Чигирев.

Между тем, Шмидт попытался привлечь на свою сторону других депутатов от западных губерний, выступив с идеей создания самостоятельной окраинной фракции с целью защиты русского населения от «инородцев»³. Однако это предложение не прошло. Против него выступили депутаты-священники, не желавшие раскола монархических сил в Думе. К тому же Шмидт не подходил на роль фракционного лидера из-за политической изоляции его со стороны большинства депутатов. Позднее Шмидт вообще был лишен депутатского звания. На закрытом заседании Государственной Думы 5 февраля 1908 г. за него проголосовало всего лишь 25 человек, в основном из числа правых крестьян и священников⁴. На следующий день Сенат отменил решение Минской губернской избирательной комиссии о внесении Шмидта в избирательные списки, тем самым, признав, что он был избран незаконно⁵.

После выбытия из Государственной Думы Шмидт попытался баллотироваться гласным в минскую городскую думу, но неудачно. Тогда минское православное духовенство избрало его своим представителем в городской думе. В ответ прогрессивные гласные заявили протест и добились исключения бывшего лидера октябристов из городского самоуправления⁶.

Шмидт, как и прежде, продолжал нападать в «Минском слове» на поляков и евреев. В частности, обвинил польские общества

¹ К делу Шмидта // Голос Москвы. 1907. 8 ноября. С. 2.

² Печатная записка о решении Государственной думы о праве Шмидта быть членом Государственной думы в виду его судимости за изменнические сношения с иностранной державой (1908 г.) // ГА РФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 225. Л. 1.

³ Газетные вырезки о жизни, служебной и общественной деятельности: Шмакова А.С., Шмидта П.П., Шмидта Г.К., Шнейдера, Шнеура Вл., Артура Шмулера, Е.Г. Шольпа, Б. Шоу, Шпильегена. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 15 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 17.

«Освята» и «Огниско» в том, что они тайно подготавливают создание литовского герцогства в Несвиже во главе с Радзивилами. Редактора же газеты «Окраина» он «уличил» в содержании публичного дома в Москве. За клевету суд приговорил Шмидта к 1 месяцу и 2 неделям ареста¹.

В апреле 1909 г. Шмидт был признан виновным в оскорблении членов минской уездной избирательной комиссии и приговорен к 3 неделям ареста при военной гауптвахте, однако отбыть наказание он не успел². 28 ноября того же года Шмидт умер от разрыва аорты. Спустя два дня он был похоронен на Сторожевском кладбище в Минске³. Характерно, что на гроб Шмидта были возложены венки от самых разных монархических организаций: Союза русского народа, Русского окраинного общества, народного братства и других. Венка от «Союза 17 октября» не было, хотя давний соратник Шмидта Чигирев выступил у могилы с речью, пообещав «употребить все свои силы на продолжение великого и святого русского дела»⁴.

Таким образом, Шмидт являлся одним из самых активных и известных деятелей партии октябристов, а также других монархических организаций на территории Минской губернии.

¹ Там же. Л. 16 об.

² Дело по обвинению отставного капитана флота Г.К. Шмидта в оскорблении членов Минской губернской комиссии по выборам в Государственную думу в жалобе в Сенат на действия комиссии (19 марта – 11 сентября 1907 г.) // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Фонд. 183. Оп. 2. Д. 18658. Л. 38–39.

³ Памяти Михаила-Густава Карловича Шмидта (Статьи и заметки из «Минского Слова» от 29 ноября 1909 г. № 867). С. 1, 14.

⁴ Там же. С. 13, 16.

**АЛЕКСАНДР БОРАТЫНСКИЙ:
ВНУК ПОЭТА, КАЗАНСКИЙ ЛИБЕРАЛ И
ДЕПУТАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ**

Среди депутатов, представлявших в Государственной Думе население Казанской губернии, особое место занимает *Александр Николаевич Боратынский*² (4.07.1867-18.09.1918) – сын Николая Евгеньевича Боратынского (1835-1898) и Ольги Александровны Казем-Бек (1843-1918), внук знаменитого поэта Евгения Абрамовича Боратынского (1800-1844) по отцовской линии и не менее знаменитого арабиста, профессора Казанского и Санкт-Петербургского университетов Мирзы Александра Казем-бека (1802-1870).³ Принадлежность Боратынского старинному дворянскому роду была зафиксирована в 6-й части родословной книги дворян Казанской губернии⁴.

Высшее образование Боратынский получил в Санкт-Петербургском Императорском училище правоведения. После окончания престижнейшего учебного заведения (1889) поступил на государственную службу по ведомству Министерства юстиции. С 1890 г. служил помощником секретаря 1-го уголовного отделения Казанского окружного суда, с 1891 г. – городским судьей 2-го участка г. Чистополь. В 1893-1897 гг. состоял товарищем прокурора Симбирского окружного суда, а в 1901-1902 гг. являлся почетным мировым судьей Казанского судебного округа. Имел ряд наград: серебряная медаль в память Александра III, ордена Св. Анны 2-й

¹ Усманова Дилляра Миркасымовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.

² Биографию А.Н. Боратынского см.: Айнутдинова Л.М. А.Н. Боратынский // Татарская энциклопедия: В 5-т. Казань. 2002. Т. 1: А-В. С. 451; Усманова Д.М. Боратынский А.Н. // Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т. 1 Государственная дума Российской империи (1906-1917). М., 2006. С. 68; Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России: 1906-1917. Казань, 2006. С. 305-307.

³ Валеев Р.М., Темирбеков М.-Н.А. Александр Касимович Казем-Бек. 1802-1870. Казань, 2005. С. 17.

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 97. 31 л.; Казанское дворянство 1785-1917 гг. Генеалогический словарь. Казань, 2001. С. 101-102.

степени, Св. Владимира 3-й и 4-й степеней, Св. Станислава 1-й степени и др.

Однако на государственной службе Боратынский состоял недолго. С начала XX столетия основные его заботы были посвящены общественной деятельности. Придавая большое значение деятельности земских учреждений, Александр Николаевич длительное время состоял гласным Казанского уездного и губернского земских собраний. Также он являлся участником Всероссийского съезда земских деятелей (1904). В феврале 1909 г. выступал в защиту необходимости отмены исключительных положений, в пользу большего доверия земским учреждениям¹.

Боратынский являлся одним из активнейших казанских общественных деятелей, состоял гласным Казанской городской думы (1905 - 1917), в составе городской управы – членом училищной комиссии, комиссии по народному образованию². Помимо работы в городской думе вел активную деятельность в сфере просвещения: являлся членом попечительского совета Мариинской гимназии и училищного совета Учительской семинарии, выступал организатором сельских школ по примеру яснопольской школы Л.Н. Толстого. В казанском доме Боратынских на Большой Лядской улице проводились регулярные встречи земских учителей. Боратынский состоял председателем Императорского экономического общества, возобновившего свою деятельность после окончания срока его депутатских полномочий и возвращения в Казань³. Разносторонней была и литературная деятельность Александра Николаевича Боратынского. Он являлся автором третьего поэтического сборника под общим названием “Друзьям на память” (1914)⁴, одним из организаторов выставки “Художественные сокровища Казани” (1916) и пр.

По социальному положению семья Боратынских принадлежала к довольно крупным собственникам: на момент третьих выборов (1907-1908 гг.) Александр Николаевич владел четырьмя домами в Казани, оцененных в 54375 руб. Чуть позднее, в 1913-1914 гг. его имущество (по доверенности от матери) оценивалось в 31870 руб. В Казани Александр Николаевич проживал в собственном доме по

¹ Россия. 1909. 24 февраля.

² НАРТ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1201. Л. 64-65.

³ Камско-Волжская речь. 1913. 1 января.

⁴ Друзьям на память. Стихотворения А.Н. Баратынского. Казань, 1914. Первый и второй выпуски сборника появились в 1882 и 1904 гг.

адресу: Казань, ул. Жуковская, дом № 7. Лето семья Боратынских проводила в родовом имении в селе Киндери. Также он владел землей в размере 1075,8 десятин у села Кирилловка Каймарской волости Казанского уезда и двумя домами в Казани¹.

В 1899-1917 гг. Боратынский являлся предводителем дворянства Казанского и Царевококшайского уездов, в 1905 г. в течение полугода (с января по июнь) исполнял обязанности предводителя дворян Казанской губернии. Будучи одним из руководителей дворянской корпорации, он принимал участие в наиболее важных мероприятиях членов дворянского сословия. После обнаружения булыгинского рескрипта о созыве законосовещательной Думы (18 февраля 1905 г.) в течении года в Казани было созвано несколько чрезвычайных губернских дворянских собраний для обсуждения вопроса о народном представительстве. В работе этих собраний принимали активное участие некоторые будущие казанские депутаты, включая и Боратынского (помимо него, также участвовали профессор-перводумец А.В. Васильев, профессор В.В. Марковников, к этому времени сложивший обязанности губернского предводителя, но сохранявший свое влияние, Н.Д. Сазонов, также избранный в Думу 3-го созыва, а также члены Госсовета Ю.В. Трубников и Н.Н. Галкин-Враский)².

В середине марта 1905 г. депутация казанского дворянства в составе Боратынского, Марковникова и П.И. Геркена ездил в Москву для участия в съезде губернских предводителей дворянства, созванном для обсуждения текущего момента и происходящих в стране политических перемен. Казанская депутация, как это было сформулировано в ее программе, ставила перед собой цель объединить все российское дворянство. Поездка оказалась не слишком удачной в силу того, что дворянство как сословие к этому времени оказалось чрезвычайно неоднородным, аморфным и раздробленным. Раздираемое внутренними противоречиями и различными интересами, оно не могло определиться в своем отношении к происходящим переменам, а часто просто не поспевало за этими переменами. Столкновение различных позиций, порой взаимоис-

¹ НАРТ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 938; Ф. 419. Оп. 1. Д. 435. Л. 8. Ныне – Высокогорский район РТ.

² Материалы и журналы дворянских собраний 1905-1907 гг. см.: НАРТ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 833.

ключающих, наблюдалось и на собраниях казанского дворянства. Попытка отказаться от обсуждения вопроса о характере народного представительства рассматривалась некоторыми как извечное стремление уйти от решения сложных проблем, как желание действовать согласно пословице “вот барин приедет, барин и рассудит” (Марковников).

В одном из своих выступлений в рамках этих собраний Боратынский подверг острой критике ненавистный “приказно-бюрократический строй”, сложившийся в стране к началу XX столетия, породивший анархию и казнокрадство, приведший к национальным поражениям и трагедиям, подобно Цусиме и Мукдену. Выступление свое оратор завершил призывом к объединению, к отказу от классовых или сословных интересов, к объединению всего населения страны для свержения ненавистного бюрократического строя и обновления всей жизни, единению народа с царем¹.

Одним из остро дебатированных вопросов стал вопрос об организации процедуры выборов, о механизме предвыборной кампании. Камнем преткновения стал вопрос о том, какие интересы и принципы должны доминировать – сословные, классовые, государственные, народные или иные? Более радикально настроенный профессор Васильев полагал, что избирательная система, основанная на классовом или сословном принципе, не принесет стране успокоения, а будет лишь способствовать разложению основ государственности. Общие государственные интересы, по его мнению, сохранят лишь представители от народа при всеобщем и равном избрании. Однако это мнение было чересчур радикальным для казанского дворянства (как и российского в целом). Против всеобщих выборов, которые неизбежно повлекут за собой предвыборную агитацию и общественное оживление, выступали такие члены собрания, как Н.Д. Сазонов, Н.А. Мельников, С.А. Бекетов и другие. В то же время, дворяне Марковников и Боратынский были против сословных выборов. По мнению Марковникова, если осуществить в существующих условиях “особое дворянское сословное представительство в Государственной Думе, то завтра будет революция”².

¹ НАРТ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 833.

² Чрезвычайное собрание казанского дворянства, состоявшее 1-3 июня 1905 г. Цит. по: НАРТ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 833. Л. 273. Свое несогласие с мнением казанского дворянства представители меньшинства выразили и в печатном виде: Боратынский А.,

Такой же позиции придерживался и Боратынский. Тем не менее, когда на голосование был поставлен вопрос о принципах избирательной кампании, большинство членов собрания высказалось именно за сословные выборы: за сословные – 63, против – 26; за классовые – 14, против – 75. О всеобщих выборах речи не было вовсе. Подобное решение большинства не могло удовлетворить всех казанских дворян, особенно левое их крыло. Председательствовавший на собрании и.о. губернского предводителя Боратынский высказался против принятого решения: «сословное начало вносит рознь, а наше народное дело требует объединения, требует на призыв Минина отклика Пожарского»¹. Таким образом, накануне учреждения представительного органа на общесословных собраниях Боратынский высказывался за умеренный курс, призывая действовать с учетом доминирующих общественных настроений.

В период выборов в первую и вторую Думы (1906-1907 гг.) Боратынский участвовал в съезде землевладельцев по Казанскому уезду, был избран выборщиком на губернском съезде, однако в депутаты не прошел². Во время второй избирательной кампании в качестве уездного предводителя дворянства председательствовал на собрании выборщиков Казанского уезда, на котором были проведены основные мусульманские кандидаты (Садри Максуди и др.), что вызвало недовольство правоконсервативных кругов и критику последними действий председательствующего³. Поэтому в это время Боратынский завоевывает репутацию левого октябриста. В период выборов в Думу 3-го созыва (осень 1907 г.) он вновь подвергся нападкам ораторов с крайне-правого фланга как излишне «левый кандидат»⁴.

Тем не менее, Боратынский был избран депутатом Думы 3-го созыва – правда чуть позднее основной волны, после того, как казанский депутат Н.А. Мельников досрочно отказался от депутатского звания (октябрь 1908 г.)⁵. В Думе казанский депутат также вошел

Марковников В.В. Отдельное мнение об организации представительства и выборного начала в России. Казань, 1905.

¹ НАРТ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 833. Л. 128.

² Новое время. 1907. 21 января; НАРТ. Ф. 350. Оп. 1. Дд. 1841, 1844; Ф. 419. Оп. 1. Д. 435.

³ Юлдуз. 1907. 20 января.

⁴ Новое время. 1907. 11 сентября.

⁵ Боиович М.М. Члены Государственной Думы. Портреты и биографии. Созыв 3. М., 1907.

во фракцию октябристов (что логично, поскольку он был членом казанского комитета «Союз 17 октября»), но, в отличие от своего предшественника, примкнул к левому флангу этой фракции. Перед отъездом в столицу вновь избранный депутат выступил с публичной речью перед студентами Учительской семинарии с напутствием служить общему делу «во имя божественных начал, идеалов добра и красоты», бороться не «с людьми, хотя бы злыми», а со злом, «не с грешниками, а с грехами»¹.

В Государственной Думе Боратынский входил в состав ряда комиссий: (1) продовольственной; (2) судебных реформ; (3) по делам местного самоуправления (товарищ секретаря комиссии); (4) народного образования; (5) о гимназиях и подготовительных училищ (председатель комиссии). Очевидно, что основные его усилия были направлены на вопросы земского самоуправления и реформирование системы просвещения. С думской трибуны Боратынский выступал не часто и в основном по указанным выше проблемам народного образования. За весь думский период Боратынский только один раз исполнил обязанности докладчика комиссии, т.е. выступал с представлением законопроекта, и еще несколько раз участвовал в дискуссиях во время прений. Таким образом, казанский депутат не входил в число ведущих думских ораторов. Также Боратынский довольно редко подписывал думские запросы: из 112 запросов, поддержанных казанскими депутатами (а всего за Думу 3-го созыва было внесено 199 запросов), он подписал только 6 запросов. Для сравнения, самым «минималистичным» в этом деле был Г.Х. Еникеев (2 запроса), а самым «щедрым» на подписи – кадет А.Л. Лунин (51 запрос). Помимо этого, Боратынский поддержал своей подписью 24 законопроекта и стал инициатором одного законопроекта².

Как уже было отмечено, одним из главных в деятельности российского парламента был вопрос о народном образовании. И для Боратынского эта проблема была центральной. Комиссия по народному образованию в составе 55 депутатов была образована 10 ноября 1907 г. Ее состав отражал расклад партийных сил в Ду-

¹ Боратынский А.Н. Прощальная речь в семинарии перед отъездом в Петербург. – Казань, б.г. С. 1. Цит. по: Куницын Б. «Боратынского, бывшего предводителя дворянства, расстрелять...» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. № 2. С. 184-189.

² Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России: 1906–1917. Казань, 2006. С. 438.

ме. Председателем комиссии был избран октябрист В.К. фон-Анреп. Из казанских депутатов в нее входили Г.Х. Еникеев (от мусульманской фракции), а также трое октябристов – Боратынский, И.В. Годнев и М.Я. Капустин. Последние двое представляли высшую школу. Первые двое больше внимания уделяли именно начальной школе – будь то земской или мусульманской. Рассмотрение правительственного законопроекта о начальном образовании в комиссии по народному образованию было начато в ноябре 1907 г. и завершилось только весной 1910 г. Обсуждение затянулось, поскольку министерство народного просвещения представило свой проект “Положения о начальных училищах” лишь весной 1909 г. Следовательно, между правительственной декларацией и реальным внесением министерских законопроектов в комиссию оказался довольно длительный временной зазор, что сказалось на динамике рассмотрения такого важного законопроекта. Помимо этого, министерский законопроект довольно радикально расходился с решениями думского совещания. Среди различных пунктов расхождения был и вопрос о языке обучения в начальной школе. Согласно правительственной редакции, языком обучения повсеместно объявлялся русский язык. «Природные» языки допускались только в течение первых двух лет в территориях со смешанным населением и при условии, что дети не владеют русским языком. Ряд депутатов, представлявших инородческое население империи, внес предложения по корректировке министерского проекта в сторону большего учета мнения различных народностей. Представлявший многонациональный регион и проживавший длительное время среди мусульманского населения, Боратынский занимал двойственную позицию: с одной стороны, он поддерживал министерский проект, а, с другой, пытался рассеять сомнения татар, что правительство посягает на религиозные убеждения и культурную самобытность татар. Именно такую компромиссную позицию он защищал и в думской комиссии при обсуждении министерского законопроекта, и позднее, выступая перед мусульманской общественностью Казанской губернии. В частности, на заседании училищной комиссии Казанского уездного земского (10-11 января 1912 г.) Боратынский выступил с обстоятельной речью, защищая законопроект и реформирование народной школы в такой компромиссной формуле¹. Оратор апел-

¹ О мерах к просвещению мусульманского населения // Камско-Волжская речь. 1912.

лировал к образованным представителям татарской общины, которые, осознавая важность просвещения, должны выступать в поддержку усилий земств и министерства по расширению сети образовательных учреждений.

Наряду с введением всеобщего начального образования, внимание депутатов было уделено и проблеме реформирования средних учебных заведений (гимназий и реальных училищ). Казанские депутаты, тесно связанные со средней школой в качестве родителей или же членов попечительских советов различных гимназий и училищ, включая Боратынского, Годнева и Капустина, принимали активное участие в разработке и дальнейшем обсуждении таких законопроектов. Показательно, что единственный законопроект, инициированный Боратынским, касался именно средней школы: «Об изменении некоторых узаконений о мужских и женских средних учебных заведениях и об изменении состава попечительских советов». Законопроект был внесен в Думу 22 марта 1911 г. и утвержден нижней палатой 23 мая 1912 г.¹ Вероятно, успешности прохождения этого проекта способствовало то обстоятельство, что он носил частный характер.

В качестве активнейшего члена комиссии народного образования Боратынский практически все свои речи и законотворческие усилия посвящал решению этой проблемы. Особенно можно выделить его речь по смете Министерства народного просвещения, произнесенную в марте 1910 г.² В ней казанский оратор остановился на проблемах профессионального и общего среднего образования. По его словам, профессиональное образование является той основой, на которой будет произрастать благополучие и процветание народа и страны в целом. Касаясь профессионального образования, Боратынский отметил, что существующие в стране подобного рода учебные заведения подчиняются различным ведомствам: при министерстве народного просвещения имеется 6 высших учебных заведения, 59 средних технических и 203 ремесленных; при министерстве торговли и промышленности – 3 высших и 523 других, при

12 и 13 января; Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России: 1906-1917. Казань, 2006. С. 233-234.

¹ Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России: 1906-1917. С. 87.

² ГД. Стенографический отчет. Третий созыв. Сессия III. Часть II. СПб., 1910. Стб. 3069-3075.

министерстве земледелия – 4 высших и 220 других, при министерстве путей сообщения – 2 высших и 36 технических и т.д. По мнению казанского оратора, следует все учебные заведения профессионального характера, за исключением вузов, передать из Министерства народного просвещения в более соответствующие по профилю ведомства и министерства. Министерство народного просвещения не имеет ни материальных возможностей, ни средств, ни достаточного количества специалистов, способных контролировать и направлять деятельность специальных учебных заведений. В то же время министерство должно обратить особое внимание на общеобразовательную среднюю школу, которая поражена многочисленными недугами и пороками. Среди них самый серьезный – это фальсификация знаний, фальсификация всего школьного дела, подмена истинного образования эрзацем знаний.

Недостаточность обращения правительства в целом и министерства народного просвещения в частности к положению и нуждам средней школы вынуждала депутатов выступать с собственными законодательными инициативами. В частности, членами Думы 3-го созыва 11 марта 1911 г. был внесен в виде законодательной инициативы проект “О реформе средней школы”. Законопроект был разработан и инициирован членами октябристской фракции И.С. Ключевым, И.В. Годневым и Е.П. Ковалевским. Среди 116 депутатов, поддержавших его своими подписями, помимо октябристов, были также прогрессисты и кадеты. Из десяти казанских депутатов проект поддержали четверо – И.В. Годнев, Боратынский, А.Л. Лунин, С.В. Дунаев. Поскольку Министерство народного просвещения отказалось от выработки соответствующего законопроекта, а думское большинство признало думскую законодательную инициативу желательной, то было образовано совещание. Председателем и докладчиком был избран Ключев. Однако, к тому моменту, когда участники совещания проработали проект и внесли его на заключение в комиссию по народному образованию, срок полномочий Думы 3-го созыва подошел к концу.

Депутаты, имевшие до переезда в столицу значительный опыт общественной деятельности, опыт работы в органах местного самоуправления, весьма важной считали поддержку Думой усилий местных земств в деле народного образования. Да и сами земства, как и городские управы, прибегали к помощи депутатов в решении

различных проблем. Например, весной 1910 г. Казанская городская управа обратилась к членам Государственной Думы Годневу, Карякину, Капустину и Боратынскому с письменной просьбой лично подержать перед министром народного просвещения ходатайство города о субсидии на введение в Казани всеобщего образования¹.

Второй важнейшей сферой применения усилий Боратынского, как и ряда других казанских депутатов, стал вопрос о расширении полномочий земств и уменьшении государственной опеки и мелочного контроля. Во время обсуждения бюджета на 1909 г. представитель октябристской фракции Боратынский заявил, что министерство внутренних дел относится к земскому самоуправлению с точки зрения полицейского сыска. Однако «пора перестать смотреть правительству на страну в щель сыска, нужно взглянуть на нее в широкое окно, нужно взглянуть взглядом благожелания и умиротворения»². Эти слова Боратынского были лейтмотивом высказываний большинства казанских депутатов по вопросам развития местного самоуправления и укрепления в стране основ гражданственности.

Также в статусе земского деятеля и имея уже за плечами статус и репутацию бывшего члена общеимперского парламента, Боратынский был вовлечен в обсуждение вопроса о строительстве в регионе новой железнодорожной линии. После того, как работы по строительству линии железной дороги Казань-Екатеринбург были начаты, внимание казанской общественности вновь было обращено к проекту заволжской железной дороги (в направлении Оренбурга). Состоявшееся 10 августа 1913 г. губернское земское собрание вновь подняло эту проблему, оказавшуюся на четыре года в тени второго проекта. В обсуждении вопроса наибольшую активность проявляли депутаты Годнев, Марковников (автор проекта и экономической записки 1909 г.) и Боратынский. В целом, земство высказалось за поддержку проекта заволжской дороги и постановило образовать комиссию (в которую вошли и депутаты) для продвижения данной инициативы в правительственных кругах³. Но с началом Первой мировой войны реализация этих проектов была отложена на неопределенный срок.

¹ Камско-Волжская речь. 1910. 25 февраля.

² ГД. Стенографический отчет. Созыв третий. Сессия II. СПб., Часть 2. 1909. Стб. 2268. Заседание № 58 от 23 февраля 1909 г.

³ Камско-Волжская речь. 1913. 13 августа.

После окончания срока депутатских полномочий Боратынский вернулся в родной город. В 1912-1916 гг. основная деятельность его была сосредоточена на вопросах просвещения в рамках губернского земства и городской думы. Несмотря на то, что по оценкам прессы, Боратынский имел хорошие шансы попасть в новую Думу, он категорически отказался выставить свою кандидатуру¹. По-видимому, годы пребывания в Таврическом дворце отвратили его от т.н. «большой политики». Возможно, в своей деятельности на ниве земского просвещения он видел больше смысла и отдачи.

В сентябре 1918 г. Боратынский был арестован ВЧК как «анти-советский элемент» и после непродолжительного следствия по приказу председателя Казанской ЧК М.И. Лациса расстрелян. Фактически Боратынский был расстрелян по классовому принципу, как дворянин, а также в числе других заложников, чьи дети предположительно находились в составе Белой армии. 18 сентября Александр Боратынский был расстрелян на окраине города, недалеко от Архангельского кладбища, где и похоронен. Чуть позднее перезахоронен на Арском кладбище г. Казани².

Несколько слов о семье. Супруга Александра Николаевича – Надежда Дмитриевна Шипова – умерла в 1903 г. Таким образом, он вплоть до кончины оставался вдовцом. Довольно трагично служилась судьба у детей Боратынского. Старший сын Дмитрий (1892-1933) был репрессирован в Советской России. Накануне ареста (28.04.1932) работал фотографом в Москве. Был обвинен в контр-революционной деятельности, осужден Коллегией ОГПУ СССР к высшей мере наказания (27.10.1932) и расстрелян (10.01.1933). Похоронен на Ваганьковском кладбище³. Сын Александр (1899-1918) погиб в период Гражданской войны, сражаясь на стороне белых в армии А.В. Колчака. Дочь Ольга (1894-1991), в замужестве Ильина, после гибели отца была вынуждена покинуть Казань (09.1918). После нескольких лет скитаний в Сибири (ее супругом был царский офицер, белогвардеец Кирилл Ильин) оказалась в эмиграции в Харбине, проведя долгие годы в Манчжурии. Впоследствии переехала в Сан-Франциско, где и скончалась. Все дети Боратынского

¹ Там же. 1912. 14 июля.

² Боратынская-Алексеева К.Н. Мои воспоминания. М., 2007. С. 385-443.

³ Жертвы политического террора в СССР. База данных общества «Мемориал». См.: URL: <https://base.memo.ru/person/show/2636771> Расстрельные списки: Ваганьковское кладбище, 1926-1936. М., 1995.

обладали литературными способностями, но именно Ольга Ильина-Боратынская была отмечена поэтическим талантом, оставив значительное поэтическое и мемуарное наследие¹.

А. Босяцки²

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ НА ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ РУССКОГО РАЗДЕЛА В СВЯЗИ С ВЫБОРАМИ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ДО 1917 г.

На польских территориях периода разделов (1795-1918 гг.) не было лоялистских политических концепций для построения политической системы или восстановления независимости Польши в составе России. Примечательно, что это явление, безусловно, не произошло и не может быть идентифицировано. В отличие от времен Первой Речи Посполитой, в основном во времена последнего короля Польши, Станислава Августа Понятовского (1732-1798, правившего до падения государства в 1764-1795), когда существовала концепция реформирования государства в сотрудничестве с Россией. Однако это было квалифицировано как измена, данная точка зрения получила широкое распространение в польском обществе и попытки сосуществовать с царизмом, как всегда называли русскую систему в Польше до 1917 г., окончились неудачей. В некоторой степени это отношение изменилось после октябрьского манифеста 1905 г. и объявления о первых выборах в Государственную Думу. Важным, но малоизвестным вопросом в функционировании Государственной Думы 1906-1917 гг. и возможностью развития идеи российского либерализма – также на территориях польских разделов – в то время является польский контекст функционирования основных законов 1905-1906 гг. В польской литературе, в отличие от историографии других стран, попытка формирования институтов конституционализма и парламентаризма в России, вызвала большой исследовательский интерес. Тридцать семь депутатов от территории

¹ Ильина О. Канун Восьмого Дня. Казань, 2003. 400 с.

² *Босяцки Адам – доктор юридических наук, профессор, Варшавский Университет, Факультет права и управления (Варшава, Польша).*

бывшего польского королевства образовали собственную фракцию, заседавшую в Государственной Думе Первого созыва. На сегодняшний день в обеих странах не получил развития ни классический, ни ультралевый либерализм, а то, что существует сегодня в Польше и России в настоящее время отождествляется, главным образом, с посткоммунистическим захватом собственности олигархами, а не с естественным элементом политической системы.

Как и во всей Российской империи, выборы в Государственную Думу в Царстве Польском состоялись в марте и апреле 1906 г. Предвыборная кампания началась в январе. Все польские партии и политические движения, ранее в основной массе действовавшие нелегально, активно отреагировали на выборы. Польская социалистическая партия и недавно созданная Социал-демократическая партия Королевства Польского и Литвы объявили бойкот выборам в Думу. Социалисты выдвинули в качестве главного требования стремление к полной независимости Польши путем свержения царизма. Позиция СДКПиЛ была идентична позиции русских социал-демократов, в программе которых требование социальной революции стояло на первом месте. СДКПиЛ также выдвинула лозунги польской автономии. Однако партия не имела широкого социального влияния в массах.

С другой стороны, об участии в выборах заявили партии правого крыла политического спектра. Единственным консолидированным политическим движением здесь была только так называемая национальная демократия, но, вместе с тем, были и более мелкие группы, такие как Реальная политическая партия и Прогрессивно-демократический союз, игравшие в то время весьма важную роль.

Национальная демократия была, в так называемом, бывшем «Конгрессном Королевстве» самым мощным политическим движением. В него вошли политическая партия, известная под названием «Национальный демократический союз», и многие небольшие общественные организации. Она также выступила как партия, представившая мощный блок своих кандидатов на думских выборах.

Выборы в Государственную Думу (то есть выборы депутатов избирателями) состоялись на территории бывшего Королевства Польского 3 мая 1906 г. В общей сложности из 80 выборщиков шестьдесят представляли национально-демократическую партию.

Она получила 34 места из 36 предназначенных для поляков в Государственной Думе.

Наиболее известные лидеры национальной демократии, в том числе Роман Дмовский (1864-1939), фигура номер два в довоенной политической жизни Польши (1918-1939), не получили мандатов. Это было связано с ограничениями и, в частности, цензом оседлости, требовавшим определенную продолжительность проживания в округе, от которого они были кандидатами.

В Первую Думу был избран 51 поляк. Это была четвертая по численности национальность, представляющая в общей сложности 11,3% депутатов. Это, конечно, не означало, что все, заявившие о принадлежности к польской нации, чувствовали себя как-то связанными с польскими вопросами. Естественно, что это число было больше, чем количество мест, предусмотренных для территорий бывшего Королевства Польши в положении о выборах, потому что поляки также избирались и из других областей Империи. Такими районами были не только так называемые «Захваченные земли», т.е. коронные территории бывшего Речи Посполитой. Присутствие поляков в жизни русских было значительным, благодаря массовой миграции населения, том числе и вынужденной, связанной со ссылками в Сибирь и другие районы собственно русской территории.

Лица, объявившие о польской национальности, получили мандаты в Санкт-Петербурге, где компактно проживали эмигрировавшие поляки, а также в Пермской губернии. Лев Петражицкий (1867-1931) – заведующий кафедрой философии права в Санкт-Петербургском университете, известный теоретик права, который всегда признавался в своих польских корнях, получил мандат от Санкт-Петербурга. Из Пермской губернии депутатами Государственной Думы первого созыва стали адвокат Александр Бабянский (1853-1931) и промышленник Винсент Козелл-Поклевский (1853-1929).

Лица польской национальности также получили мандаты депутатов, идя на выборы от российских политических групп. В дополнение к трем упомянутым ранее лицам известно, как минимум, семь таких случаев. Однако, объявляя о польской национальности, некоторые из них чувствовали себя русскими или евреями или по разным причинам не ощущали никакой связи с польским населением. К таким людям относятся, в частности, председатель большевист-

ской фракции Роман Малиновский, и всегда заявлявшие о своей польскости Габриэль Шершеневич (1863-1912), а также Александр Ледницкий (1866-1934).

Первый из них, признанный одним из величайших теоретиков гражданского права, получил мандат кадетской партии от Казани. Как и Петражицкий, Шершеневич никогда не входил в Польское коло. Однако оба ученых сыграли важную роль в работе Первой Думы. Оба были также приговорены к трем месяцам тюремного заключения после подписания так называемого Выборгского воззвания в знак протеста против роспуска Императором Государственной Думы первого созыва.

Александр Ледницкий получил мандат от Минской губернии. Как представитель земской среды он стал депутатом по списку кадетской партии, к которой он присоединился в октябре 1905 г. Получив образование в Московском университете и в Ярославле, в качестве юриста он участвовал во всех основных политических процессах рубежа веков. Он завоевал репутацию чрезвычайно эффективного и квалифицированного адвоката. Не был чужд преподаванию. Читал лекции, среди них выделяют курс уголовно-процессуального права в Московском университете. Он постоянно подчеркивал свою польскость и поддерживал контакт с польскими обществами в России. Как Петражицкий и Шершеневич он подписал Выборгское воззвание и был приговорен к трем месяцам тюремного заключения. С образованием Временного правительства в марте 1917 г. он стал председателем Ликвидационной комиссии Королевства Польши.

Польский кружок (Польское коло) образовался в Думе с первых дней его создания. Название избрано идентично названию польского представительства в парламентах двух других участников разделов, прежде всего в Австро-Венгрии. По итогам выборов 27 депутатов объединились в Польское коло, и еще семь присоединились на рубеже мая и июня 1906 г. Как уже отмечалось выше, не все поляки были в рамках Коло, несмотря на торжественное обращение последнего к ним с призывом к объединению. В частности, за пределами Польского Коло остались депутаты, которые получали мандаты на территории Литвы, Белоруссии и Украины. Они сформировали свой блок, который назывался «Польско-Литовско-Белорусская группа» («Польско-Литовско-Белорусская группа»), а позднее – «Западно-пограничная группа» (также Западно-

Украинская группа), основывая свою позицию на том, что они также были выбраны людьми этих национальностей (не желая терять из-за вхождения в Польское коло голосов избирателей непольской национальности).

В первой Думе Польское коло не вошло в так называемую группу автономистов, объединяющую национальные меньшинства Российской империи и большую группу беспартийных депутатов. Александр Ледницкий, который не являлся членом Польского коло, стал председателем этой группы автономистов. Формула участия в Коло предполагала, что Польское коло полностью независимо и что отдельные члены не могли быть членами группы автономистов.

Программу Круга разработал Роман Дмовский, который, как было сказано, не баллотировался в Первую Думу. Спустя годы Дмовский назвал эту программу программой требования необходимости учитывать польскую проблему в России и стремиться к восстановлению независимости (построению государства). Однако на момент разработки программы лозунг о восстановлении государства в явной форме в ней отсутствовал.

Программа была разработана, чтобы завоевать благосклонность автономии Королевства Польского среди всех политических движений в Думе. Было также отмечено, что полякам следует предоставлять автономию в исключительном порядке. Соответственно предоставление автономии литовцам, белорусам и украинцам не предполагалось. Если говорить о частных вопросах, вошедших в программу, то там было требование создания польских научных учреждений на территории Королевства Польша, в том числе университета, и предоставление права использовать польский язык в административных учреждениях, начиная с сельских властей. Также предполагалось восстановить широкое польское местное самоуправление в городах.

Реализация программы «Польского коло» должна была осуществляться путем реализации так называемой стратегии, подчиненной борьбой за автономию. С российской стороны было отмечено, что Польское коло является очень дисциплинированной группировкой, она всегда голосует единообразно и в некотором смысле остается независимой от действий других в Думе.

Депутаты Польского коло в Думе подчеркнули, что оно является представителем всех политических кругов Королевства Польского.

Этот факт подчеркивался в том смысле, что Коло всегда представляет польские интересы. В политическом смысле это было только предположение. Думу вошли в подавляющем большинстве представители партии национальной демократии. Было подчеркнуто, однако, что Польский круг в Государственной Думе не представляет политическую партию национальной демократии, которой в то время называлась Национально-демократическая партия (Stronnictwo Narodowo-Demokratyczne).

Несмотря на заявленный нейтралитет в тактических вопросах, они, очевидно, должны были определить свою позицию в базовых вопросах реформирования российского законодательства, обсуждавшихся во время парламентского законотворческого процесса. В Государственной Думе первого созыва наиболее важной проблемой была проблема аграрной реформы (*аграрный вопрос*), также актуальная и в Королевстве. Первоначально существовало мнение, что Коло не занимало самостоятельной позиции по этому вопросу. Это была сенсация среди групп, представленных в Думе. Было также заявлено, что этот вопрос должен решаться самостоятельно польским автономным сообществом. Это была утопическая позиция, но она была очень хорошо принята обществом в Королевстве. Вынужденное объяснить позицию Думы и общественных кругов Королевства, Коло избрало, как выразился Роман Дмовский, менее радикальный вариант, чем тот, который был предложен Думе. Поэтому концепция покупки земли, постулированная трудовиками, постоянно не совпадала с подходом к реформе сельского хозяйства, сложившемся у польской общины в Королевстве Польском.

Тактика отказа от решения вопросов, принятых Думой, конечно, не могла принести успеха. Однако в случае с Первой Думой это не имело большого значения, потому что, как известно, она была быстро распущена.

По российским оценкам, Польское коло в Думе первого созыва практически не участвовало в парламентской жизни. Однако было отмечено, что члены Круга обычно голосовали так, как конституционные демократы. Они высказались за то, чтобы направить запрос правительству, проголосовали за отмену смертной казни, за разработку законопроекта о собраниях и, самое главное, за проект ответного Адреса Императору на его речь перед открытием Думы. Эта позиция была определена как одобрение требований демокра-

тизации российского государства. В то же время, однако, они отказались подписать Выборгское воззвание и после роспуска палаты вернулись в Королевство Польши.

В Польше результаты деятельности Коло в Первой Государственной Думе в Конгрессе были названы неудовлетворительными. Такую оценку сделала Национально-демократическая партия, основная политическая сила в лагере национальной демократии. Спустя годы Роман Дмовский также не был удовлетворен достижениями депутатов, хотя и воздерживался от критики своей собственной группы на постоянной основе по тактическим соображениям. Очевидно, что оппозиционные круги, как центристские, так и левые, весьма негативно охарактеризовали результаты работы Коло.

Однако партия одобрила деятельность Польского кола в сфере взаимодействия с прогрессивными политическими силами в Думе. Позитивное отношение также преобладало и среди российской общественности. Деятельность Польского кола была положительно оценена как монархистами, так и конституционными демократами, которые были тогда ведущей политической силой в Думе. Первые заметили, что польская фракция противостоит революционным идеям во время обсуждения аграрной реформы и не подписала Думский адрес. Либералы, в свою очередь, подчеркивали общность своих взглядов с позицией Польского кола, проявившиеся при голосовании в Первой Думе. Так или иначе, его тактическим достижением стало восстановление на работе около двухсот польских учителей, которые были освобождены от работы в Королевстве. Также были даны разъяснения в отношении лиц, приговоренных к смертной казни во время событий 1905-1907 гг. С другой стороны, Польское коло не занималось вопросом об отмене военного положения на территории бывшего Королевства Польского.

Выборы во Вторую Думу в Королевстве Польши привели к такой же поляризации политических взглядов, как и раньше. Национальная демократия выступала за выдвижение кандидатов в депутаты от бывших территорий Польши, в основном против центристских и левых групп.

Как и в случае с Первой Думой, основой для формирования Польского кола и членства в нем был принцип солидарности депутатов и деятельность в целях достижения автономии Королевства Польского. Соглашение было достигнуто еще до выборов.

Роман Дмовский стал председателем Польского коло. Так же во фракции было еще девять человек, которые уже имели опыт думской работы. Это Владислав Грабский, Альфонс Парчевский, Франциск Новодворский и еще шесть человек уже были депутатами. В число депутатов польской национальности, избранных в Думу первого срока полномочий, в палату не вошли, в частности, три видных польских адвоката того периода: Александр Ледницкий, Лев Петражицкий и Габриэль Шершеневич. Направленность политической деятельность Коло во Второй Думе сместилась в сторону оппозиционных партий. Коло обычно голосовало против правительственных инициатив, обычно аналогично конституционно-демократической партии.

В начале созыва Польское коло, вероятно, поддерживало создание так называемого думского центра. Это была совместная инициатива правительства и кадетской партии. Можно предположить, что эта политическая ориентация соответствовала общей стратегии Коло, однако, в конце концов, из этого ничего не вышло, по-видимому, главным образом из-за позиции Коло, которое долгое время оставалось независимым от двух главных противостоящих сил в Думе.

Петр Столыпин рассчитывал на поддержку польской фракции круг в своем знаменитом разоблачении. Однако Коло заняло по отношению к премьеру, негативную позицию, а ответа на благоприятный тон не последовало (голосование по кандидатуре, как известно, не ожидалось). Программа Столыпина была справедливо названа антипольской, поскольку в ней не было обещания автономии, не затрагивалась проблема образования и администрирования в пределах границ Польского королевства.

Аналогично практике Думы первого созыва, Польское коло подняло вопрос о земельной реформе. С трибуны палаты Роман Дмовский заявил, что по этому вопросу, подобно другим социальным реформам, только польский сейм сможет оформить законную позицию, как местный законодательный институт. Идея создания законодательного института для Польского королевства была утилитарной, но факт представления такой идеи с трибуны палаты был значительной новацией в политической практике польской фракции.

Со времен Второй Государственной Думы нарастала неприязнь к полякам со стороны ряда депутатов. Негативную позицию среди прочих, занимали депутаты, избранные населением Литвы, Беларуси, Украины и, конечно же, представители крайне правых. Один из них, Сергей Килеповский (1873–1928), в ответ на тезисы представленные Дмовским, предложил отобрать польское имущество, которое можно было разделить среди русских крестьян, на том основании, что эти земли были присоединены к Российской империи с помощью оружия.

Помимо выступлений строго самостоятельного характера, как и прежде, Польское коло считалось конструктивной оппозицией. В области демократизации и модернизации государства в Государственной Думе второго созыва они совместно и по отдельности проголосовали за принятие государственного бюджета, ограничение количества людей, призываемых в армию, ликвидацию военно-полевых судов и контроль над их приговорами, ликвидацию так называемых чрезвычайных указных мер, являющиеся основанием для вынесения решений по делам об убийствах, совершенных по политическим мотивам посредством террористических актов и за проведение амнистии.

Однако самым важным вопросом, стоявшим перед польскими депутатами, была цель автономии для Королевства Польского. Проект был в основном разработан к концу первого созыва Думы. Теперь, после обсуждений на собраниях Коло, он был переработан.

Документ, представленный в конечном итоге в Думу, состоял из 24 пунктов, предлагая модель политической автономии по образцу Галиции, несмотря на ее большую степень автономии чем модель управления Королевства Польского, предусмотренная на Венском конгрессе. Император должен был назначить губернатора и министра Королевства Польского, которые должны были защищать интересы монархии. Как и в Галиции, предусматривалось создание национального сейма и польского представительства в национальном парламенте. Поэтому была предусмотрена передача всей гражданской публичной администрации (гражданского управления) и законодательства в руки избранных польских местных властей. Вопросы церкви и должностных лиц российской администрации были исключены из компетенции сейма, власть над ними должна была осуществляться исключительно императором и министром,

назначенным для королевства. Как известно, проект автономии не был принят на уровне Госдумы. В ходе консультаций с парламентскими фракциями и группами было сформировано довольно позитивное отношение к документу, хотя оно было, как правило, молчаливым. Затем проект был вынесен на пленарное заседание. Однако фактические позиции думских фракций относительно автономии для поляков были отрицательными. Павел Милюков также занял эту позицию, отраженную в газете конституционных демократов «Речь». Либеральный лидер утверждал, что проект был внесен не вовремя и предположил, что проект может стать поводом для роспуска Думы, а также осложнить отношения с Германией. Позиция конституционных демократов стала неожиданностью для Польского коло. Однако впоследствии Дмовски заявил, что на одобрение автономии они тогда и не рассчитывали. Они только хотели анонсировать проблему, провести демонстрацию, отметив, что поляки хотят изменить свой статус в России. В конечном итоге проект остался без признания.

Во Второй Думе Польское коло также представило законопроект о реформе образования в Царстве Польском. Оно предполагало внесение изменений в систему образования и создание университета. Этот проект также был отклонен.

За статьей Павла Милюкова последовал рост противоречий между кадетами и Польским коло. Оно начало немного дистанцироваться от этой партии, прилагая при этом некоторые усилия для возможного сближения с социал-демократами. Они были в составе фракции РСДРП, которую тогда представляли только меньшевики, поскольку большевики бойкотировали первые две предвыборные кампании (позднее число большевиков в палате, к тому же, было незначительным). Однако из этого сотрудничества ничего не вышло, несмотря на то, что Коло несколько раз голосовало по техническим вопросам, поднятым социал-демократами, за их предложения.

Что якобы стало приятным сюрпризом для Думы, в то время как Польское Коло проголосовал за увеличение числа призывников в русскую армию. Кроме того, это произошло вскоре после отказа от проекта автономии. Речь Генрика Коница (1860-1934), известного гражданского активиста и редактора «Газеты Судебной Варшавской». Депутат сказал, что поляки борются с правительством, а не с российским государством, и добавил, что России нужна сильная

армия для защиты своих границ. Причиной позиции Польского Круга было, конечно, желание противодействовать революционным беспорядкам, которые постепенно угасали.

Во второй Думе Польский круг также представил, по крайней мере, несколько запросов относительно репрессий в Королевстве Польском. Они касались, например, ликвидации штрафов за тайное обучение. Однако они были отклонены, хотя некоторые другие уголовные положения не были санкционированы Думой и не вступили в силу.

После роспуска второй Думы и радикального изменения избирательного законодательства возникли опасения, что польское представительство в палате может прекратиться. В манифесте, в котором также упоминался новый избирательный закон, был фрагмент, что представители других национальностей Российской империи могут иметь представителей в Думе, но у них не должно быть числа, способного повлиять на решение чисто российских вопросов. Действительно, в третьей Думе число нерусских депутатов сократилось со 105 до 39. Изначально в Польском кружке было всего 11 человек. Затем присоединились еще два депутата, избранные из-за пределов Королевства.

Как и прежде, Роман Дмовский стал председателем Польского Круга в третьей Государственной Думе. Он отказался от своего мандата в январе 1909 г. после резкой атаки на его политику в варшавском отделении Национал-демократической партии. На Дмовского тогда напали за приятность.

В Думе третьего созыва полномочий произошла смена тактики Польского Круга. Из-за столыпинской реакции на первый план был выдвинут постулат о децентрализации государства. Однако в программной речи Дмовского было четко заявлено, что *поляки никогда не смиряются с положением граждан второго сорта и никогда не смиряются с государством, в котором им была назначена такая роль.*

Очень острое выступление не вызвало у Столыпина негативной реакции. Напротив, премьер заявил, что правительство намерено представить законопроект о самоуправлении провинции. Это была типичная игра этого политика, и, конечно, в будущем не было введено местное самоуправление в Королевстве Польша. Однако речь главы правительства породила дискуссии о восстановлении мест-

ного самоуправления на уровне городов в Королевстве, что также было поддержано депутатами Союза 17 октября. Ввиду провала концепции автономии борьба за восстановление польского местного самоуправления в городах и расширение сельского самоуправления стала одним из новых предположений политики Коло. Как уже отмечалось выше, в итоге такого самоуправления создано не было.

В атмосфере, сложившейся в Третьей думе, в апреле 1908 г. на так называемых секретных встречах было рассмотрено представление Коло мест в управлении Думой. В конечном итоге этого не произошло и возможности для поляков влиять на Думу третьего созыва были несравненно меньше, чем раньше.

Коло в итоге перешло в оппозицию правительству. Что естественно, это стало основой формирования т.н. прогрессивного блока, главной оппозиционной силы в Думе. В начале февраля 1908 г. депутаты Польского Коло не участвовали в процедуре почтения Николая II. Они также не заняли никакой позиции по земельной реформе, предложенной правительством (см. ранее). Однако они проголосовали, впрочем как всегда, за принятие государственного бюджета и, опять же, за увеличение призывного контингента.

В третьей Думе Польское Коло сближается с Союзом 17 октября. Как и октябристы, они голосовали по нескольким военным вопросам, включая решения заседаний думской военной комиссии, противодействующей революционной пропаганде в армии. Коло также поддержало законопроект правительства об аграрной реформе. Тем не менее, в большинстве случаев они голосовали так же, как и прогрессисты, которые были главной оппозиционной силой.

Из-за ограничений, наложенных на Третью Думу, и из-за провала концепции автономии, стратегия Коло получила дальнейшее развитие. Сегодня это трактуется как политика урегулирования. Как уже упоминалось, это привело к размежеванию в лагере национальной демократии. На собрании Национал-демократической партии в Варшаве Роман Дмовский, который, как уже было сказано, подвергся резким нападкам за проведение такой политики, отказался от своего места в Думе. По словам Дмовского, причиной такой политики стал провал *борьбы за конституцию в России*, стремление стать ближе к группам, имеющим большинство в Думе, и независимость от оппозиции. На последнюю позицию, вероятно,

повлияло отношение конституционных демократов к автономии Королевства Польского.

Переселенческая политика была направлена на борьбу за текущие дела поляков в России. Внимание было сосредоточено на таких вопросах, как снятие ограничений для поляков в империи, введение муниципального управления, полные права на обучение и использование польского языка и равное налогообложение. Эти требования также не были выполнены. Они также стали выражением некоторой наивности поляков в отношении событий, происшедших в России.

Самым известным выражением политики поселений был неославизм, старая версия панславизма, с той разницей, что союз всех славянских народов должен был состояться не под суверенитетом России, а на равных условиях. Врагом неославистов была Германия. Роман Дмовский был автором идеологии неославизма и создателем самого термина. Естественно, что все движения, которые он курировал, следовали за ним. Идеология неославизма, народной демократии предполагали падение царской России. Конечно, речь шла о исповедуемой тактике, но дело в том, что по крайней мере с тех пор национальная демократия считалась главным врагом германского государства, в то время как в повседневной риторике она ориентировалась на более или менее расплывчатый союз с Россией. Идеология неославизма была самой противоречивой в деятельности народной демократии. Правительственная сторона России приветствовала это с осторожностью, хотя, как подчеркивалось, в перспективе имперское правительство могло сделать все для обеспечения полного культурного и экономического развития польской нации. Как известно, конечно, что касается эвакуации русских учреждений из Польского королевства в 1915 г., эти обещания также не были выполнены.

Неославизм не нашел широкого отражения в работе польского Коло в Думе третьего созыва. Российский правительственный лагерь умело разыграл славянскую карту, но, конечно без взаимодействия с национальной демократией. Идеология неославизма была отвергнута Дмовским после второго конгресса неославистов в Санкт-Петербурге в 1909 г., когда российское правительство в качестве еще одного условия сотрудничества указало согласие поль-

ского Коло исключить Холмскую волость из числа административных единиц Королевства.

В Государственной Думе четвертого созыва Польское Коло состояло из девяти депутатов. Председателем стал Юзеф Свежинский (1868-1948), доктор и помещик, а также последовательный сторонник стратегии Романа Дмовского. Польский круг проголосовал в том числе за всеобщий и равный избирательный закон, против субсидий для православных школ и за предоставление иммунитетов депутатам, связанным с выполнением ими своих полномочий. Она также выступала против льготных кредитов для создания земельных владений русскими в Королевстве польском. В 1914 г. Коло также проголосовало против государственного бюджета. Оно также подготовило проект по созданию (или восстановлению) местного самоуправления на уровне города в Королевстве Польши, который, однако, не был принят Государственным советом. Проект предполагал внедрение польского языка в местных органах власти и учреждениях.

После начала войны Польский круг поддержал ее начало как славянскую борьбу против германского мира, указав, однако, на необходимость объединения всех трех разделов. Это была, конечно, еще одна тактическая операция Дмовского, предполагавшая, что такое объединение явно укрепит поляков. На этот раз российское правительство вообще не ссылалось на такую концепцию, но было ясно, что после победоносной войны идея независимости Польши под влиянием России будет, мягко говоря, сложной.

По политическим причинам в 1915 г. Польское коло также исключило Михаила Антони Лемпицкого (1856–1930) из своей группы, в связи с тем, что он, находясь в Королевстве Польском, развил крайне высокую антироссийскую активность. Как сообщается, это вызвало осложнения для проведения в жизнь политики Коло.

Польское Коло продолжал свою деятельность и после эвакуации русских учреждений и вхождения Германии на территорию Королевства Польского в 1915 г. Оно отказалось войти в Прогрессивный блок, ограничивая свою деятельность выпуском партийных обращений. В то же время члены Коло проголосовали за принятие государственного бюджета, актов о военной цензуре, кооперативах, муниципальном и региональном управлении и введение таковых на так называемых бывших пограничных польских территориях. Рав-

ные права для крестьян на выборах также были поддержаны. Царское правительство издало обращение, в котором говорилось, что после победы России в войне Королевству Польскому будет предоставлена автономия. Польское Коло прекратило свою деятельность с отречением императора 2 марта 1917 г. Члены кружка не вошли в состав Временного комитета членов Государственной Думы.

Разумеется, никаких перспективных планов Польского Коло в Госдуме реализовано не было. Однако утверждения о том, что Польское Коло занимало промежуточную несамостоятельную позицию между отдельными думскими фракциями, как сказал Роман Дмовский в одном из своих выступлений, ошибочны. Такие обвинения уже были подняты в Думе, а затем в польской и русской политической и научной литературе. Следует также подчеркнуть, что в анализируемых выступлениях депутаты Польского Круга не участвовали в политическом служении российской стороне. Это касалось как отношения монарха, правительства, Государственной Думы, так и отдельных групп, сидящих в палате. Исключение составляют политические взгляды Круга на национальную демократию, вытекающие из политики поселений при реализации концепции неославизма, и призыв к славянам победить Германию в Первой мировой войне.

Тем не менее, почти *expressis verbis*¹ было отмечено, что участие в Думе является формой борьбы за независимость и призвано приблизить такую независимость. Судя по всему, поляки вписали несколько самостоятельных страниц в историю российского парламентаризма в рамках дореволюционной Государственной Думы.

Важность деятельности польских депутатов для демократизации России, конечно, не следует переоценивать, но Польское Коло и депутаты, не являющиеся его членами, как правило, участвовали в голосовании на стороне сторонников реформ. Это, естественно, соответствовало польскому замыслу, но это также показывает, что в палату не был избран ни один поляк с абсолютистскими взглядами. Среди польских депутатов также стоит отметить широкую представленность адвокатов, в том числе три упомянутых ранее депутата уже завоевали значительную известность в Российской империи и подтвердили это мнение своим профессионализмом как думских депутатов. Почти наверняка все депутаты, за исключением, конеч-

¹ С полной ясностью.

но, отдельных случаев, жили и боролись для того, чтобы восстановить независимость, закончили свой жизненный путь в Польше. Большая группа продолжала активную общественную деятельность в межвоенный период. Ни один из депутатов от Польского Коло, а также некоторые польские активисты, которые не присоединились к этой группе, не остались в России. Это явление было прямо противоположно судьбе польских социалистов, преимущественно из рядов СДКПил.

В дополнение к этому следует отметить, что большая группа была также местными активистами, прежде всего землевладельцами и юристами; в основном юристами и в редких случаях нотариусами. Это удивительно большая группа общественных активистов.

Как уже упоминалось, благодаря запросам Польского Коло, например, около двухсот учителей, уволенных на территории Королевства Польского, были восстановлены на работе. Отношение местных российских чиновников также изменилось по отношению к депутатам, что сделало возможным урегулировать вопросы, которые ранее считались неразрешимыми. Есть примеры получения разрешения на введение начальной школы или регистрацию Сельскохозяйственного общества. Все описанные явления заставляют оценивать деятельность поляков в Государственной Думе Российской империи в 1905-1917 гг. гораздо более позитивно, чем это кажется на наш взгляд. Нетрудно заметить, что деятельность Польского Коло была частью политического либерализма того времени: она должна была способствовать трансформации России в конституционную монархию и в то же время позволить, по крайней мере, автономии польской части российского раздела на пути к полной независимости. Несмотря на провал этой концепции, многие бывшие депутаты критически воспринимали традиции русского либерализма. Именно из-за отказа от требований, прежде всего автономии со стороны конституционных демократов, восприятие взглядов российских либералов в Польше в целом оказалось незначительным.

КОНЦЕПЦИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА РОМАНА ДМОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ПОЛЬШИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Gaziński B.

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
Warmia and Mazury University in Olsztyn

ROMAN DMOWSKI APPROACH TO POLISH STATE REBIRTH, RELATIONS TO RUSSIA AND POLAND'S DEVELOPMENT DURING THE INTER-WAR PERIOD

Abstract.

The objective of this Conference Paper is to overview heritage of Roman Dmowski, one of the key Polish politicians of the turn of 19/20 century.

For 123 years, Poland did not exist on political maps. Therefore, Polish leaders for independence followed the two options for Poland's re-birth: looking for some support from Germany, or from Russia.

Charismatic Joseph Piłsudski represented the first option and he played overwhelming role in reconstitution of the Polish state. And Roman Dmowski, after 1918, lived somewhat in shadow of the politic mainstream.

The open question remains: could the Polish-Russian relations develop following the second option? Could more conciliatory politics be possible to avoid an open conflict of Bolshevich-Polish war?

Those years in Poland, a dispute between supporters of the state intervention in the national economy and those representing more liberal approach took place. Therefore, liberal ideas of Roman Dmowski a worth to be reviewed.

Первая мировая война существенно изменила политическую карту Европы. Распад трех ведущих империй Европы – России, Австро-Венгрии и Пруссии, принес в ноябре 1918 г. независимость Польше. Столетие, прошедшее после этих событий, способствует, согласно принципу «*historia magistra vitae est*» («История – учительница жизни»), осмыслению опыта прошлого, служит лучшему пониманию польско-российских отношений, которые в истории этих соседних народов зачастую были весьма непростыми.

Роман Дмовский – один из тех политиков, которые занимают выдающееся место в возрождении польского государства спустя 123-х летней истории её разделов. Основой для создания этой работы послужили взгляды Дмовского по вопросам экономического

¹ Газински Бенон – доктор экономических наук, профессор, профессор Варминьско-Мазурского университета, г. Ольштын (Польша).

развития, поскольку он тщательно изучал их в первые годы новой польской государственности. В то время в теории шел существенный спор между «этатистами» [«état» – государство по-французски], которые выступали за большую степень вмешательства государства в экономику и сторонниками рыночного регулирования, в числе которых и находился Дмовский.

Главными достижениями Польши межвоенного периода стали, во-первых, строительство современного морского порта в Гдыне, благодаря которому рыбацкая деревня с населением чуть больше тысячи человек превратилась в современный город с более чем ста тысячами жителей, и, во-вторых, создание Центрального индустриального региона, завершение которого было прервано началом Второй мировой войны – оба проекта были в значительной степени поддержаны государством. Однако, если мы сравним уровень социально-экономического развития Польши в 1914 и в 1939 гг., то вопрос о том, не были ли правы сторонники рыночного варианта развития, остается открытым.

В 1919-1939 гг. Роман Дмовский оставался в стороне от политического мейнстрима, подавленного маршалом Пилсудским и его политическим окружением, которые были у власти до падения государства в 1939 г. Годы строительства социализма были временем, когда Вторая Речь Посполитая (Республика Польша) обычно изображалась в искаженном виде. После 1989 г., года демократического прорыва, ситуация радикально изменилась. Однако, одна вещь не изменилась – достижения Пилсудского затмевают политическую деятельность Дмовского. В настоящее время улицы имени Пилсудского встречаются практически в каждом крупном городе (в Ольштыне это одна из главных городских улиц). Места, посвященные памяти Дмовского, найти гораздо сложнее. Хуже того, авантюрные националистические круги, которые набирают силу в Польше с осени 2015 г., пользующиеся симпатией особенно среди молодого поколения и не встречающие противодействия со стороны правительства и действующего законодательства, нередко ссылаются на политические идеи Дмовского.

Настоящая исследовательская работа является результатом обширного изучения историографии проблемы и, в частности, основывается на материалах из различных политических очерков Ро-

мана Дмовского, написанных на польском языке и переведенных автором.

*Роман Дмовский. Жизнь, посвящённая политике.
Биографический очерк.*

Роман Дмовский родился в 1864 г. в семье асфальтоукладчика в Камёнеке (ныне Варшава), в те времена входившем в состав российской империи. Он умер в Дроздово, недалеко от Ломжи, в независимой Польше 2 января 1939 г. Роман Дмовский начал свое образование в Варшавской средней школе и в 1875 г. в возрасте 17 лет основал секретную молодежную организацию «Strażnica» («Сторожевая башня»), направленную на сопротивление русификации. Затем он становится членом организации «Zet», объединявшей патриотическую молодежь. Впоследствии он продолжил свою политическую деятельность в «Польской Лиге», действовавшей как в самой Польше во времена её раздела, так и в изгнании. В то же время он начал сотрудничать с еженедельником «Głos» («Голос»), а в 1891 г. становится одним из организаторов большой демонстрации в Варшаве по случаю сотой годовщины Конституции 3 Мая.

Дмовский получил степень кандидата естественных наук в Императорском Университете Варшавы в 1891 г. и поехал в Париж для продолжения учебы. После его возвращения в Россию в 1892 г., он был арестован на границе и помещен в тюрьму «Citadel» («Цитадель») для дальнейшего расследования. Выйдя на свободу в апреле 1893 г. он вместе со своими товарищами коренным образом трансформирует «Польскую Лигу», создав на ее основе «Национальную Лигу» и лично возглавляет ее.

После объявления пятилетнего запрета на пребывание в Российской Польше («Российский Раздел») он был отправлен в Митаву (в настоящее время Елгава в Латвии). Дмовский нелегально покидает Россию в 1895 г. и отправляется во Львов. Там он преобразовал «Przegląd Emigracyjny» («Обзор Эмиграции») в «Przegląd Wszepolski» («Всепопольское Обозрение»), став его главным редактором. На его страницах он публикует свои многочисленные очерки в которых описал свою политическую программу в основе которой лежит развитие национального движения, направленного на восстановление независимости и охватывающего все слои польского общества. После поездки за границу, во время которой

он побывал во Франции, Англии и Бразилии, он поселился в Кракове, куда перевозит и редакцию «Przełąd Wszepolski» («Всепольского Обозрения»).

Во время Русско-Японской войны, в 1904 г., он посетил Японию, чтобы убедить власти в том, что поддержка возможного польского антирусского восстания будет вредна для обоих народов. Впоследствии он сформулировал программу автономии Польского Королевства под российским правлением.

В результате политических изменений, связанных с революцией 1905-1907 гг., появившимися возможностями легальной политической деятельности, в феврале 1907 г. Дмовский стал депутатом Второй Думы и председателем ее Польской Группы (Польского Кола).

Уже в своих ранних работах он предсказывал начало войны в европейском масштабе, выступая решительным противником Германии, а, следовательно, союзником течения, выступавшего за соглашение с Россией.

Во время Первой Мировой войны, стремясь придать польскому вопросу международное звучание, он уезжает на Запад. Здесь он становится президентом польского национального комитета, созданного в Лозанне (но базирующегося в Париже), признанного государствами Антанты в качестве дипломатического представительства возрождающегося польского государства. Вместе с Игнацием Падеревским он представлял Польшу на мирной конференции в Париже, где вместе с ним подписал Версальский договор.¹

Роман Дмовский вернулся в Польшу в мае 1920 г. Во время советско-польской войны 1920 г. он вступил в Совет государственной обороны, из которого ушел в отставку в результате конфликта с маршалом Пилсудским. После этого он уезжает в Познань, а затем в свое первое приобретенное имение неподалеку от Хлудово.

Будучи активным политическим публицистом, он становится бесспорным лидером Национального демократического лагеря, представленного в Сейме народным Национальным союзом. В 1923 г. он недолгое время был министром иностранных дел в кабинете Винценты Витоса. Несмотря на короткий срок пребывания на этом посту, он объявил о признании Польшей СССР, что позволило установить дипломатические отношения на уровне посольств.

¹ Пресса того времени неохотно упоминала его имя: «Версальский договор был подписан Игнацием Падеревским и ещё одним поляком».

В декабре 1926 г. в ответ на Майский переворот Пилсудского он создает движение «Лагерь Великой Польши», которое через несколько лет будет объявлено властями вне закона. Будучи противником Пилсудского, он также подвергся дискриминации и после его смерти, но уже со стороны режима Санации. Полностью посвятив себя служению обществу, он не создал семью и умер, не став свидетелем гибели польской государственности, непосредственным создателем которой он был. Его похороны собрали огромное количество людей, оцениваемое цифрами порядка ста тысяч человек¹, прибывших со всей Польши².

Пилсудский и Дмовский были личностями совершенно непохожими. У них были одинаковые цели – восстановление независимости Польши, укрепление и консолидация возрожденного государства. Однако предлагаемые ими методы социальных преобразований, которые должны были применяться для ее достижения, были совершенно разными. Спор между ними начался еще в 1904 г. и продолжался собственно до 1935 г., то есть до смерти маршала.

Пилсудский был крайне властолюбив. В одном из своих писем, датированном 1891 г., он открыто признавал: «Я был воспитан таким образом, что моя вера в мои способности была привита мне, а, следовательно, и моя выдающаяся судьба». Эта обстановка с самого детства убеждала его в собственном величии. Впрочем, этому соответствовали и его личные лидерские качества, которые, несомненно, во многом способствовали его вознесению на вершину власти.

Вернувшись из ссылки в Вильнюсе в 1892 г., в качестве одного из лидеров Польской социалистической партии, он выступал за активную борьбу с российским правлением. Как политический лидер, он считал своим предназначением служением польскому государству. Можно предположить, что он считал себя политиком, который всегда бывает прав. В высшей степени он верил в свой выдающийся вклад в восстановление польской государственности.

Дмовский же, напротив, был своего рода мыслителем, который тщательно пытался осознать сложные условия протекающих поли-

¹ «Представители правительства отсутствовали», – как заметил один из его близких соратников. Белецкий [1968. С. 283].

² Этот биографический очерк основан на: Белецкий [1968]; Католическая энциклопедия; Кавалек [2009]; Петрицкий [1920]; Роман Дмовский [1939] и Роман Дмовский [www.szkolnictwo.pl].

тических процессов. Он был скорее аналитиком, обладавшим даром ясно формулировать свои мысли, переводить язык политической и экономической теории в формулы политической программы и, таким образом, привлекать последователей, нежели пламенным борцом или революционным трибуном. В отличие от своего оппонента Пилсудского, он определенно был большим сторонником эволюционных, но отнюдь не революционных методов общественных преобразований.

О себе он высказывался в гораздо более сдержанной манере. Мы можем прочесть в одном из его писем к известному писателю В. Реймунту, с которым он был в дружеских отношениях: «Я стараюсь немного ценить себя и верю, что смогу сделать что-то полезное в этом мире» [Wapiński 2017].

Разработка политической программы

Политическая мысль Дмовского хорошо документирована, поскольку он много писал и у него был уникальный талант четко формулировать свои идеи. Он принадлежал к поколению, которое родилось вскоре после поражения Январского восстания (1863). Следовательно, он вырос в обществе, в котором еще было живо полученное потрясение. Кроме того, франко-германская война 1870 г. оказала заметное влияние на политическое мышление поляков того времени. Победа Пруссии сняла польский вопрос с повестки дня большой европейской политики. Поэтому были и сомнения, и чувство беспомощности, так как рассчитывать на поддержку стремлений Польши к самостоятельности из-за рубежа означало выдавать желаемое за действительное.

Не было никакой надежды и на то, что что-то может измениться в течение ближайших десятилетий. Поэтому дипломатическая деятельность на международной арене, столь энергичная ранее, прекратилась, идея вооруженной борьбы с Россией также была оставлена. Никакой реалистичной альтернативной программы восстановления Польши не было.¹

Политическая мысль Романа Дмовского в своей основе имела идеи З. Балицкого и Я.П. Павловского, его старших идейных сорат-

¹ «Мы ничего не ожидаем от политических потрясений, войн и сокрушительных договоров, иностранных милостей, но мы доверяем только нашей собственной жизненной способности.» [Петрицкий 1920. С. 8].

ников, которые он не только перенял, но, прежде всего, описал с большим литературным мастерством.

Отправной точкой для политических размышлений Дмовского стал анализ причин падения Речи Посполитой Обеих Народов в конце XVIII в. Он решительно отверг мнение о том, что причиной этого краха стала агрессивность соседних государств, трех держав, которые поделили Польшу. Он был убежден, что в политической жизни решающим фактором является не нравственная составляющая, а аргумент силы: «в этом мире все меньше и меньше места для слабых и беззащитных». Таким образом, падение польского государства было вызвано его растущей внутренней слабостью. Обвинять в этом следовало дворянство: «польское дворянство было иной социальной структуры, чем дворянство других народов ... города только начинали развиваться, [поэтому] дворянство получило безраздельную власть». Он развил эту мысль следующим образом: «у польского дворянства не было эквивалента ни в одном из европейских обществ. ... там они должны были бороться за то, что хотели получить ... в Польше они жили как тепличное растение, без конкуренции».

Недостатки дворянства были отражением слабости всего общества. Польские политические решения опережали решения, принимавшиеся в Западной Европе. Однако в культурном отношении поляки были гораздо более молодой нацией, а значит, и, следовательно, уступали по уровню социально-экономической жизни. Отсюда такие его пессимистические мысли: «наша пассивность ... мы, по сути, одна из самых больших и благородных Наций в Европе ... основа нашего характера – пассивность. ... Жизнь общества пассивна, без заботы о будущем, так как дворянин не имел такой потребности, а крестьянин не имел возможности расширить свое влияние».

По словам Дмовского, пассивного дворянина поддерживало и еврейство, которое было «в значительной степени управляющим дворянина» ... [и] стал даже единственным источником информации из внешнего мира». Описывая все эти критические оценки польского государства после периода великолепия «золотого века» в эпоху Возрождения, пришедшего в упадок и подавленного тяжестью собственных недугов, Дмовский перешел к четкому описанию ситуации в разных частях разделенной Польши. В каждой из них польское

общество находилось в различных политических условиях, а также были разные возможности развивать свои культурные традиции.

Его оценка Прусского Раздела имела большое значение, поскольку позднее он сделал из нее вывод о том, как бороться за восстановление польской государственности. В Пруссии «польское общество было вынуждено бороться за язык, веру, даже хлеб, против экономической борьбы организованных местных немцев. ... Пруссаки, желая истребить нас полностью, оказали нам историческую услугу, а именно, создали условия для быстрого превращения в активное общество, полное боевой энергии, способное существовать в самых трудных условиях» [Дмовский, мыслитель].

В прусской части у польского общества были все условия для самоорганизации, поскольку соблюдалось действующее законодательство. Таким образом, польское население могло объединяться в различные ассоциации и союзы, такие как: сельскохозяйственные кружки, добровольная пожарная команда, кооперативные банки, общества народного чтения и народные университеты, распространявшие знания в сельской местности. Так, Дмовский высоко оценивает состояние «Польской принадлежности», ставшее вопросом защиты национальности от германского давления – «борьба на законных основаниях расширила знание закона, став примером для поляков из других разделов» [Дмовский, падение].

Поведение польского народа в русской части Польши было совсем другим. Здесь польская культура тоже противостояла русификаторской политике властей, но мощное политическое давление и наличие значительного слоя тех поляков, кто участвовал в созданной властями системе управления, на практике реализуют соответствующие формальные требования. якобы строго соблюдая российский законы¹, но в целом общество было пассивно.

Дмовский описывает интересный сюжет значительного влияния польской Петербургской эмиграции на развитие консервативной мысли: «маленький Петербургский корабль эффективно буксировал, таща тяжелый ковчег консерватизма в королевство». Ключевую роль, по его мнению, в этом сыграл В. Спасович, «отчасти по-

¹ В качестве иллюстрации этого: Михал Джимала, крестьянин из Познани, ставший известным в Европе того времени, не получил разрешения на строительство своего дома. Поэтому он воспользовался своеобразной лазейкой в законе и поселился в передвижном жилом фургоне, который каждый день перегонял с одного места своего поля на другое.

ляк, отчасти русский, тесно связанный с русским либеральным лагерем и живущий его идеологией. Ревностный борец за либерализма он стал проводником и величайшим политическим авторитетом для формировавшейся группы польских консерваторов. Удивительное и странное сочетание, должно было дать результат»¹.

Спасович был основателем журнала «Край», издававшегося в Санкт-Петербурге и либерального с момента основания. Дружественные консерватизму тона, включая уважение к церкви, постепенно укрепляли связи между петербургской группой и консерваторами из Польши.

Петербургская группа, как и Варшавская, сочла восстание 1863 г. ошибкой, выступив за сближение поляков с русским обществом. Это нашло отражение в довольно расплывчатом лозунге «вхождение в государство».

Еще одна часть Польши, включавшая в себя различные национальности, в результате раздела стала частью Австро-Венгерской империи. В отличие от двух, описанных ранее моделей включения в имперский контент, здесь практиковался принцип широкой автономии, не мешавший развитию собственной национальной культуры. Эта возможность широко использовалась польским населением. Здесь свободно говорили на польском языке даже в государственных учреждениях. Всестороннее развитие получили различные формы культурной и политической деятельности. Польские депутаты заседали в Венском парламенте, иногда выполняя министерские функции.

Несмотря на тот факт, что для нее препятствия со стороны властей отсутствовали, консервативная мысль замкнулась на беспредметных дискуссиях и не ставила задачу сформировать модель будущего развития нации. Польские консерваторы, будучи «во власти австрийского правительства», полностью пренебрегли действиями по повышению уровня информированности широких слоев населения, [что привело] к пассивному, безразличному отношению, даже в тех случаях, когда были затронуты самые жизненно важные национальные интересы». Поэтому в силу отсутствия внутренней

¹ «Спасович действительно был необычайно могучей головой», - писал Дмовский. Смотрите дополнительную информацию о нем: Смолярчук В.И. В.Д. Спасович: ученый-юрист, литератор, судебный оратор // Советское государство и право. 1982. № 10.

движущей силы польская деятельность в Галиции постепенно теряла свою независимость. Отсюда его верное для всех времен предупреждение: «великая угроза будущему нации, когда партии не группируются в соответствии с великими и фундаментальными идеями и устремлениями, а становятся общественными кружками, гарантирующими взаимное влияние»¹.

Польские проблемы, выходящие на международную арену, зарождение независимости

Шансы на восстановление независимости находились в зависимости от развития политической ситуации в трех державах, поделивших Польшу. В частности, утверждал Дмовский, Россия и Германия имели здесь ключевое значение, поскольку влияние Австрии было гораздо менее сильным. Значение России усиливалось тем, что под ее властью находились наиболее обширные территории разделенной Польши.

Мысль Дмовского можно кратко сформулировать следующим образом: Германия, с ее организацией, экономикой и приемами ведения войны, способна организовать Центральную Европу по своему сценарию, выделив для Польши роль небольшого государства, не имеющего возможности противостоять немецкому вторжению. Геополитическое положение таково, что сама логика динамики внутренних процессов побуждает их уничтожать польскую нацию в долгосрочной перспективе.

Россия, по его мнению, находилась в состоянии такого глубокого внутреннего кризиса, что она либо превратится в национально однородное государство, либо станет жертвой великой революции, в результате которой будет не только неспособной уничтожить польскую нацию, но даже удержать ее под своей властью. Даже при наличии наихудших для поляков намерений России и усилий ее правительства, она не будет в состоянии в долгосрочной перспективе предотвратить восстановление польской государственности.

Таких взглядов Дмовский придерживался уже в 1908 г. Как автор, он никогда не стремился переводить свои труды на иностранные языки. Случай с работой, обсуждаемой здесь, а именно, книгой «Niemcy, Rosja i kwestia polska» [«Германия, Россия и польский вопрос»] является исключением, из-за того, что его идея заключалась

¹ Цитируется по: Krzywielec 2009 p.VI.

в том, чтобы обратиться в этой книге не только к полякам, но и к иностранцам. Его намерением было сделать польский вопрос, забытый на десятилетия в европейской политике, снова предметом международных дебатов. Так, в 1908 г. в Париже появился перевод работы под названием «La Question Polonaise» [«Польский вопрос»], через год книга выходит в свет на русском языке, а в 1913 г. – на финском. Идея Дмовского была хорошо понята автором предисловия к французскому изданию: «Польский вопрос – это европейский вопрос, который должен быть интересен каждому европейцу, особенно французу, потому что от этого зависит сохранение или разрушение того, что осталось от Европейского баланса». Позицию Дмовского поддержал Межпарламентский Конгресс Национальной демократии, который был создан в связи с угрозой начала войны.¹ Аналогичный съезд состоялся в Закопане в июне 1914 г. На нем Дмовский представил доклад, в котором прямо говорил о надвигающейся мировой войне.

Исследования Дмовского касаясь деятельности царского режима привели его к убеждению в слабости России, он критиковал ее бюрократизацию и объективацию человека властью. Он считал, что российскому государству не хватает достаточно сильных механизмов для эффективного проведения необходимых реформ. Эти наблюдения были подкреплены ходом и результатами Русско-Японской войны. Во время этой войны в Токио встретились два политика: Дмовский, прибывший первым, и Пилсудский. Оба стремились завоевать благосклонность Японии к Польше. Однако их цели были совершенно разными. Пилсудский стремился поддержать возможное антироссийское восстание в Польше. Дмовский же, напротив, пытался объяснить японским властям, что в интересах обеих стран избежать этого. В представленных им меморандумах и во время прямых встреч он утверждал, что Россия достаточно сильна, чтобы подавить такое восстание. Поэтому состояние напряженности и неопределенности является благоприятным, поскольку оно связывает российские вооруженные силы в Польше, которые, в противном случае, могли быть отправлены на фронт.

¹ Его окончательная резолюция гласила: 1) Нужно стремиться к объединению всех земель всех разделов, с выходом к морю и восстановлением Верхней Силезии; 2) Поляки не должны поддерживать ни немецкую, ни австрийскую политику; 3) В союзе с Францией и Англией Россия менее опасна, чем Россия [INP p. 132].

В отчете, написанном его близким соратником, Дмовский описывает 12-часовой разговор с Пилсудским: «Я знал, что мы не придем к соглашению, но сколько у нас было общих забот! Я сказал Пилсудскому: «Я не буду клеветать на вас, но я буду мешать ... И я действительно старался изо всех сил, чтобы сорвать его планы». В конце концов намеченное восстание не состоялось, и японское правительство отнеслось к планам Пилсудского весьма сдержанно.

Изменения, произошедшие в России после революции 1905-1907 гг., дали возможность полякам прямо изложить свои чаяния в Государственной Думе. Дмовский был одним из ее депутатов и стал председателем Польской Группы (Коло). Когда разразилась Первая Мировая война, на внеочередном заседании Думы 26 июля (8 августа) 1914 г. член национально-демократической группы В. Ярошинский, выступая от имени группы польских депутатов сказал: «Все внутренние урегулирования должны быть отодвинуты на задний план, самое главное – отбросить тевтонцев от славян, с тем чтобы после победы могло произойти объединение нации, расколотой на три части 3 монархиями». Видя это заявление, Роман Дмовский сказал: «Никогда в нашей жизни ни один из наших политических шагов не заставлял меня так молчать. ... Он выразил наши стремления к объединению польских земель, он внес польский вопрос в военную программу в такой форме, которая выбила оружие из рук военных противников, русских германофилов, решительно подчеркнув нашу солидарность с Россией.

Вскоре после этого, 1 (14) августа, российская сторона обнародовала декларации относительно польских земель, первые среди разделяющих держав. Как и хотел Дмовский, польский вопрос вошел в повестку дня международных форумов. Он подготовил для российского министра иностранных дел проект дипломатической ноты, посвященной возрождающемуся польскому государству, в ней же постулировался тезис о том, что его границы должны включать всю Познань, Вармию и Мазурию (Восточная Пруссия).

Российские военные неудачи побудили Дмовского отправиться на Запад, чтобы искать там поддержки в решении польского вопроса. Создание в 1917 г. Национального Польского комитета в Лозанне (фактически находившегося в Брюсселе) было явным достижением политики Романа Дмовского. Страны-союзницы признали его международным представительством возрождающегося польского

государства. В июне 1919 г. Дмовский от его имени подписал Версальский договор.

Дмовский вернулся в Польшу весной 1919 г., а через год началась Советско-польская война. Он вошел в Совет национальной обороны, который, однако, покинул в мае 1920 г. в результате конфликта с Пилсудским. В независимой Польше, он вел активную журналистскую деятельность. Последние годы своей жизни он провел в своем имении в Хлудове в Дроздово близ Ломжи.

Литература.

1. Bielecki T. W szkole Dmowskiego. Londyn: Polska Fundacja Kulturalna, 1968.
2. Bułhak W. Dmowski – Rosja a kwestia polska. U źródeł orientacji rosyjskiej obozu narodowego 1886-1908, Warszawa: Instytut Historii PAN, 2000.
3. Dmowski R. Myśli nowoczesnego Polaka. Wrocław Wydawnictwo „Nortom”, 2012.
4. Dmowski R, Niemcy, Rosja i kwestia polska. Wrocław Wydawnictwo „Nortom”, 2000.
5. Dmowski R. Upadek myśli konserwatywnej w Polsce. Wrocław Wydawnictwo „Nortom”.
6. Dmowski Roman,
7. Encyklopedia Katolicka. Vol. 3. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 1985. P. 1362.
8. Kawalec J. Roman Dmowski. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2009.
9. Krzywiec G., Szowinizm po polsku. Przypadek Romana Dmowskiego (1886-1905), Warszawa: Instytut Historii PAN, 2009.
10. Mysiakowska-Muszyńska J., Muszyński W. J. Architekt Wielkiej Polski. Roman Dmowski 1864-1939. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2018.
11. Petrycki J. Roman Dmowski. Warszawa: Nakładem Księgarni Perzyński, Niklewicz i Sp. 1920.
12. Roman Dmowski 1864-1939. Życiorys – Wspomnienia – Zbiór fotografii, Poznań: Drukarnia Polska, 1939.
13. Roman Dmowski // URL: www.szkolnictwo.pl/szukaj.Roman_dmowski [access 25.06.2019].
14. Szołucha M., Roman Dmowski o przeszłości i perspektywach gospodarczych Polski, [in:] Realizm Romana Dmowskiego (ed. Brzuska R.). Lublin: Stowarzyszenie „Realitas.pl”, 2010.
15. Wapiński R., Józef Piłsudski contra Roman Dmowski, [in:] Evans C., Wielkie nienawiści wielkich postaci historii. Wrocław: Wydawnictwo "Amber", 2017. P. 89-121.

А.А. ОСТАФЬЕВ – ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕПУТАТА I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

В современной историографии изучение деятельности отдельных парламентариев является актуальным и востребованным сюжетом. Общественно-политическая деятельность нижегородского земского деятеля и депутата I Государственной Думы А.А. Остафьева уже была затронута в ряде работ, однако в них не была полностью раскрыта его деятельность как парламентария².

Александр Алексеевич Остафьев (1856–1932) начал свою карьеру в земстве. В 1889 г. он стал членом Нижегородского уездного земского собрания, с 1890 г. – членом губернского. В 1893 г. он вошел в состав губернской земской управы, а в 1900 г. стал председателем уездной. В 1901 г. он был награжден орденом Святой Анны III степени. В 1906 г. был избран нижегородским уездным предводителем дворянства.

В ходе деятельности Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1905 гг.) Остафьев принимал участие в работе нижегородских уездного и губернского комитетов. На их заседаниях он поднимал актуальные общественно-политические вопросы. Так, в уездном комитете в 1902 г. он выступил против крестьянской общины: «Крестьян община связывает, закабаливает их личность, уничтожает среди них всякую личную инициативу; они не чувствуют себя собственниками земли, а потому и

¹ Сорокин Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

² Калинин Б.Ю., Родионова Ю.В., Шустрова Е.И. Нижегородцы в российском императорском парламенте (1906-1917 гг.) // Сто лет российского парламентаризма: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 7 апреля 2006 г.). Н. Новгород, 2006. С. 166-171; Королев Б.И. Первая Государственная Дума Российской империи в представлениях нижегородского общественного деятеля А.А. Остафьева // Сто лет российского парламентаризма: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 7 апреля 2006 г.). Н. Новгород, 2006. С. 113-116.

не прилагают никакой энергии к улучшению хозяйства на своих землях»¹.

В уездном комитете он также возглавил комиссию для разработки вопроса относительно уравнивания прав крестьянского населения с другими сословиями. Комиссией был предложен комплекс мер по решению проблемы правового положения крестьян, а именно: возможность свободного выхода из общины, отмена круговой поруки, изменение системы представительства крестьян в земских учреждениях².

На заседаниях губернского комитета в 1903 г. Остафьев продолжил отстаивать необходимость уравнивания крестьян с другими сословиями в правовом отношении³. Также он ратовал за принятие программы мер по развитию народного образования. Им поддерживалась идея введения всеобщего и обязательного образования при участии правительства. По словам Остафьева, многие школы для крестьян строились на земские деньги, что обуславливало необходимость дальнейшей помощи от правительства. Также он предложил выделять больше средств на подготовку учителей⁴.

В 1904 г. Остафьев вошел в состав губернского совещания для обсуждения проектов Редакционной комиссии МВД по пересмотру законодательства о крестьянах. При его участии вновь был поднят вопрос о правовом положении крестьян, и совещание отклонило предложение Редакционной комиссии о сохранении сословного волостного суда, заключив, что принцип сословности в суде является несостоятельным, в связи с чем крестьянство должно подлежать общему суду⁵.

Остафьев принимал активное участие в деятельности земских съездов (Б.И. Королев характеризует его как сторонника шиповского неославянизма⁶). 24 мая 1905 г. на коалиционном съезде земских деятелей в Москве при обсуждении проекта обращения на имя Николая II о необходимости созыва народных представителей он

¹Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 24. Нижегородская губерния. СПб., 1903. С. 420.

²Там же. С. 441-443.

³Там же. С. 42.

⁴Там же. С. 20.

⁵Хроника // Право. 1904. № 22. Стб. 1248-1249.

⁶Королев Б.И. Распространение конституционных идей в Нижегородской губернии в период первой русской революции (1905-1907 гг.). Н. Новгород, 2016. С. 64.

подверг резкой критике правительство, назвав его несостоятельным, и отметил, что «только народные представители могут установить форму представительства»¹.

На чрезвычайной сессии Нижегородского губернского земского собрания 16 июня 1905 г. был представлен доклад управы о необходимости скорейшего созыва народных представителей². Губернатором печать и самого доклада, и прений по нему были запрещены. Сам проект фактически предусматривал «закольцевание» системы представительства на всех уровнях.

Вскоре после выхода Манифеста 17 октября 1905 г. Остафьев и председатель нижегородской губернской земской управы А.А. Савельев составили заявление следующего содержания: «Манифест фактически не дал ничего, предстоит борьба за осуществление выраженных в манифесте начал» (оно было озвучено на заседании губернского земского собрания 27 октября)³.

Избрание Остафьева в I Государственную Думу не обошлось без скандала. 12 апреля 1906 г. на имя председателя Думы поступила жалоба нижегородских выборщиков В.В. Левашова и Г.Р. Килевейна (будущего депутата III Думы), принадлежавших к конституционным демократам и требовавших признать выборы недействительными. В своем обращении они указывали, что «во время выборов выборщики от крестьян созывались неизвестными лицами в трактиры Нижнего Новгорода, где предлагалось им даровое угощение и во время угощения они склонялись подавать свои голоса за известных лиц в члены Государственной Думы»⁴. Ф.А. Селезнев указывает, что речь шла об Остафьеве и не прошедшем в Думу Н.А. Бугрове⁵. Однако 10 мая специальная комиссия выборы признала правильными, и депутаты были утверждены в своем статусе⁶.

¹Либеральное движение в России. 1902-1905. М., 2001. С. 231-232.

²Нижегородское губернское земское собрание. XL очередной сессии 4-22 января 1905 года и чрезвычайных сессий 25 августа 1904 года и 16-18 июня 1905 года. Часть 2. Нижний Новгород, 1905. С. 1066.

³Нижегородский листок. 1905. 29 октября.

⁴Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1906. Т. 1. С. 356-357.

⁵Селезнев Ф.А. История выборов в России с древнейших времен до конца XX в. (на примере Нижегородского края): учебное пособие. Н. Новгород, 2012. С. 56.

⁶Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1906. Т. 1. С. 357.

В Думе активно обсуждался проект ответного адреса на имя императора (в связи с его тронной речью). Будучи либералом, сторонником конституционной монархии, примкнувший к октябристам Остафьев предложил в ответ на тронную речь «рельефнее высказать» то, что «в России в настоящее время уже должен бы быть конституционный образ правления без всяких уступок и оговорок с конституционным монархом во главе», «чтобы возврата к прошлому, к тому беззаконию, которое царило, быть не могло». Либерализм Остафьева проявился и в том, что он подверг критике «бюрократический образ правления страной». Как либерал, Остафьев поддержал содержащийся в проекте адреса призыв добиваться полной амнистии за политические преступления и добавил, что смертная казнь «должна сойти со сцены навсегда»¹.

Лишь с положением проекта адреса по аграрному вопросу, предусматривавшим принудительное отчуждение частновладельческих земель, Остафьев неявным образом вступил в полемику. Будучи помещиком, он был против насильственного отчуждения земли, поэтому предложил свой рецепт решения аграрного вопроса, назвав четыре фактора, которые могут стать основой повышения благосостояния крестьянства: доступные кредиты, просвещение, образование, развитие промышленности². Именно их совокупность в представлениях Остафьева являлась основой повышения экономического благосостояния и культурного развития крестьянства.

Затем им был поднят аграрный вопрос. Остафьев заявил, что сущность аграрной проблемы не исчерпывается одной прирезкой земли. Но, чтобы не вызвать недовольства многочисленных депутатов-крестьян, Остафьев добавил, что нужно учесть все главные желания крестьянства: наличие земли («чтобы существовать»), платить меньше податей («страшно тяжелы»), уменьшить административную опеку («чтобы иметь полное право распоряжаться своим внутренним миром и хозяйством»). Добавив, что сам он является противником национализации земли и не считает национализацию или социализацию своевременной в текущий момент, депутат подчеркивал, что необходимо проработать и зафиксировать в об-

¹ Там же. С. 202.

² Там же. С. 80-82.

ращении механизмы получения земли¹. При голосовании, однако, сам Остафьев от своей поправки отказался².

Кроме того, он поддерживал поправку М.М. Ковалевского о включении в адрес дополнения об отношениях России с государствами Европы и народами, в которой закреплялась задача обеспечения международного мира³ (эта поправка тоже была отклонена большинством голосов при обсуждении).

На имя как отдельных депутатов, так и председателя Государственной Думы поступало значительное количество обращений от населения о произволе местных властей и применении репрессивных мер (высылка и т.д.). Нижегородские депутаты неоднократно подписывали подобные заявления и уделяли им, как и другие депутаты, значительное внимание как возможности заявить о себе в политическом пространстве и подвергнуть критике правительство⁴.

Например, один из запросов, подписанных Остафьевым, предполагал запросить сведения о намерениях правительства вести борьбу с голодом и устранить по линии МВД препятствия со стороны местных администраций для оказания помощи голодающим⁵.

Но, конечно, большая часть вопросов к министерству внутренних дел была связана с репрессивными мерами. В частности, укажем запрос за подписью 32 депутатов (в т.ч. Остафьева) о высылке в Сибирь жителей г. Ровно Волынской губернии, которые, по словам ровенчан, пославших в Думу телеграмму, никогда не были замечены в чем-либо противоправном⁶.

Запросы поступали и касательно жителей Нижегородской губернии. Так, Остафьеву от общества с. Новодмитриевка Ардатовского уезда поступила жалоба о высылке ряда крестьян в Вологодскую губернию, которые были приговорены на основании «ложного доноса бывшего старосты»⁷. На основании этой жалобы свыше 30 депутатов обратились к председателю Думы с ходатайством рассмотреть этот вопрос. В числе его подписавших были сам Остафь-

¹ Там же. С. 202.

² Там же. С. 211.

³ Там же. С. 223.

⁴ Рябухин И.В. Депутатские запросы в Государственной Думе Российской империи // Власть. 2010. № 11. С. 138.

⁵ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1906. Т. 1. С. 380-381.

⁶ Там же. С. 446-447.

⁷ Там же. С. 466-467.

ев, а также другие нижегородские депутаты –Савельев, Бугров, Я.М. Сторонкин, Н.Д. Хватков¹.

Дума крайне негативно восприняла попытки объяснить товарища министра внутренних дел Макарова по всем подобным запросам в одном из июльских заседаний. Остафьев гневно заключал, что у крестьян отняты права, а «страна снова заключена в рамки прежнего произвольного административного режима»². Напирая на то, что власть, по его мнению, фактически перешла «к олигархии», связанной круговой порукой, а правительственная власть потеряла доверие народа, депутат поднял вопрос об отставке министров³.

Остафьев был среди депутатов, подписавших проект «Основных положений законов о гражданском равенстве», оглашенный 15 мая⁴. Данный законопроект, по мнению Д.В. Аронова, больше представлял правовую декларацию, в общих чертах определяющую будущие основные направления законодательной работы⁵. Их было четыре:

- 1) устранение сословных ограничений крестьян,
- 2) отмена ограничений в сфере гражданского равенства по национальному и религиозному признаку,
- 3) устранение привилегий дворянства в сфере доступа к образованию, государственной службе, владению недвижимым имуществом, участию в местном самоуправлении,
- 4) устранение ограничений в правах женщин в части образования, избирательных и иных публичных прав⁶.

Выступления Остафьева в I Думе за недолгий срок ее существования были сосредоточены как на решении аграрного вопроса, так и на вопросах права, направленных на установление гражданского равенства и гражданских свобод.

После роспуска Думы Остафьев сосредоточился на земской деятельности. С ним связано введение всеобщего начального обу-

¹ Там же. С. 476.

² Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1906. Т. 2. С. 1925.

³ Там же. С. 1926.

⁴ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1906. Т. 1. С. 378-379.

⁵ Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной Думе (1906-1917 гг.). М., 2005. С. 261.

⁶ Там же. С. 263.

чения в Нижегородском уезде¹. После Февральской революции 1917 г. он являлся уездным комиссаром Временного правительства, выдвигался кандидатом в члены Учредительного собрания. После Октябрьской революции эмигрировал, проживал в Белграде, а затем в Париже (там он принимал участие в работе Российского Зарубежного съезда). В 1932 г. он скончался в Ницце.

О.В. Волобуев²

В.П. ОБНИНСКИЙ – СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ЛЕВОГО ЛИБЕРАЛА

Виктор Петрович Обнинский (1867, 2 апреля – 1916, 20 марта) как общественный деятель проделал путь от блестящего офицера лейб-гвардии стрелкового императорской фамилии батальона, участника балов в залах Зимнего дворца до автора анонимной, нелегально изданной книги «Последний самодержец», едко и неприемлемо разоблачающей правящую элиту империи и «хозяина земли Русской» – Николая II. Это путь индивидуального осознания, с одной стороны, кризиса дворянско-самодержавной государственности и, с другой стороны, недостаточности умеренной либеральной программы преобразований для выхода из социального тупика.

Виктор Петрович происходил из семьи осевших в Калужской губернии потомков галицийских дворян. Обнинским принадлежали земли села Белкино Березовского уезда, и деревни Пяткино Малоярославского уезда. Накануне реформы 1861 г. в Белкино насчитывалось 62 двора и 520 крестьян, в Пяткино – 11 дворов и 95 крестьян³. Название г. Обнинска (железнодорожная станция) связано с фамилией владельцев деревни Пяткино, на месте которой и возник первый наукоград России – город «атомщиков». Первоначально топоним Обнинское относился к поселку, выросшему при железнодорожной станции. Здесь, на своей земле, в 1899 г.

¹История нижегородского земства. 1864-1917. Н. Новгород, 2008. С. 8.

² *Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Московского государственного областного университета.*

³ Калужская губерния. Список населенных мест по сведениям 1959 года. СПб., 1863.

Виктор Петрович построил усадебный дом, в котором в советское время обосновалась трудовая коммуна С.Т. Шацкого «Бодрая жизнь», а уже в послевоенное время, в 1946 г. появился секретный объект Лаборатория «В».

В 1840 г. усадьбу в селе Белкино¹ после женитьбы на калужской дворянке приобрел, выйдя в отставку, полковник Наркиз Антонович Обнинский, купивший также села Шемякино, Самсоново и Кривское. Полковник участвовал в Отечественной войне 1812 г. и в заграничном походе русской армии 1813 г. В Крымскую войну, будучи уже пожилым человеком, он возглавил Малоярославско-Боровскую дружину Калужского ополчения и оставил воспоминания о ее походе в Крым².

Сын Н.А. Обнинского Петр Наркизович (1837-1904) окончил Московский университет и получил известность как видный юрист, либеральный общественный деятель и публицист. Он служил мировым посредником и мировым судьей в Калужской губернии, а затем прокурором Московского окружного суда³. Статьи П.Н. Обнинского по вопросам юриспруденции и земства печатались в «Русских ведомостях», «Юридическом вестнике», «Русской мысли», «Русском богатстве», «Русском архиве». Основная часть его юридического наследства опубликована в двух сборниках статей и представляет интерес для исследователя реформ 1860-1870 гг. и пореформенной России⁴.

По определению А.Ф. Кони, Обнинский был выдающимся человеком⁵. В краеведческой литературе ему дана следующая характеристика: «Гуманист, человек прогрессивных взглядов и большой культуры, он оставил по себе хорошую память тем, что лучшие свои земли вокруг деревни Пяткино безвозмездно отдал крестьян-

¹ См.: Чистякова Е. История усадьбы Белкино // URL: См. также: URL: https://www.liveinternet.ru/users/constanciya_russiya/post373366126. <http://www.belkino.su/hram/history.php>. Из статьи в данной работе использованы некоторые факты о семье Обнинских.

² Походные заметки Н.А. Обнинского // Русский архив. 1893. № 11. С. 329-332.

³ В Москве П.Н. Обнинский приобрел в собственность дом на ул. Пятницкой напротив церкви Святого Климента.

⁴ Обнинский П.Н. Закон и быт. Очерки и исследования в области нашего реформируемого права. Вып. 1. М., 1991; Его же. К юбилею судебной реформы. М., 1914 (Последний сборник статей подготовлен к печати В.П. Обнинским).

⁵ В музее истории г. Обнинска хранятся рисунки П.Н. Обнинского, в частности, портрет отца Наркиза Антоновича.

нам»¹. В 1885 г. Обнинский и его младший брат Анатолий выступают попечителями открытой при их содействии церковно-приходской школы в селе Белкино².

В семье Обнинского было четверо детей: Анна, Лидия, Виктор и Борис³. Старшая дочь Анна вышла замуж за московского врача И.И. Трояновского, который вращался в среде художественной интеллигенции. Он был лечащим врачом и другом В.А. Серова и И.И. Левитана. В его доме и в имениях Белкино и Бугры бывали А.П. Чехов, Ф.И. Шаляпин, И.Э. Грабарь, С.В. Рахманинов, П.П. Кончаловский. Серов писал интерьеры усадебного дома в Белкино (музей истории Обнинска), Кончаловский – картину «Зал старого дома» (Третьяковская галерея). К.А. Сомов в 1907 г. выполнил для Обнинского акварельный экслибрис. В Белкино Валерий Брюсов в 1910-1911 гг. создал цикл стихотворений «Родные степи». Атмосфера семьи Обнинских была пропитана либеральным духом и художественным восприятием окружающего мира. Идеалом Петра Наркизовича были профессора Московского университета Т.Н. Грановский и П.Н. Кудрявцев. С полным основанием его сын Виктор Петрович мог заявить: «... Я имел завидную участь принадлежать к семье, где прогрессивные взгляды господствовали задолго до реформы...»⁴. Однако дворянская идеология изживалась даже в семьях самых интеллигентных представителей этого сословия медленно и мучительно. «Я помню, – обращаясь к своим детским впечатлениям, писал В.П. Обнинский, – бывших дворовых, "Кириллычей", "Мурлышек" и т.п. кличками именуемых людей, преданность коих, может быть, и была умилительна, но лишь с крепостнической точки зрения. А мы все умилялись этой преданности, значит оставались крепостниками, несмотря на всю прогрессивность семьи и на действительно добрые отношения с крестьянами»⁵. Не случайно, со временем наблюдения за жизнью привели Виктора

¹ Черных Н. Обнинск. Тула, 1971. С. 11-12.

² П.Н. Обнинский и его супруга Лидия (в девичестве Выговская) перешли из католицизма в православие. Их сыновья были уже православными.

³ Борис Обнинский стал жертвой красного террора в 1920-1921 гг. в Севастополе. Расстрелян, как почти все в то время находившиеся в Крыму юристы.

⁴ Обнинский В.П. После освобождения // Великая реформа. Т. V. М., 1913. С. 281.

⁵ Там же. С. 282.

Петровича к выводу о «большей живучести рабовладельческих инстинктов, нежели рабских»¹.

По всей видимости, семейные традиции определили выбор пути для сына. Виктор Петрович был отдан сначала во 2-ой Московский кадетский корпус, а затем с 1884 г. в 3-е Александровское военное училище². В семье ему прочили карьеру военного юриста с прицелом на то, что по окончании училища он поступит в Военно-юридическую академию. Но, закончив с отличием училище в 1887 г., Обнинский неожиданно получил право на выход в гвардию. Служба в лейб-гвардейском 4-м стрелковом императорской фамилии батальоне, расквартированном в Царском селе и числившем в своих рядах мужскую молодежную половину дома Романовых, продолжалась до 1891 г. Эта пустая и праздная служба в привилегированном батальоне не пришлась по нраву и интересам интеллектуально одаренному молодому человеку. Знакомство с родственниками царя, придворным бытом и гвардейскими порядками позволили впоследствии изложить свои впечатления и разочарования в книге «Последний самодержец»³. Эти впечатления послужили источником для пока еще первого скромного шага в сторону от служения самодержавным порядкам. Как признается сам Обнинский, вспоминая придворный быт, ему «и в голову, конечно, не приходило анализировать происхождение всех этих сказочных богатств, сопоставлять ненужную роскошь дворцов и убожеств крестьянских лачуг»⁴. Гуманистическое воспитание не избавляло от дворянской инфантильности, которая усугублялась кадетскими корпусами и армейской, особенно гвардейской, службой.

Попытка попасть в Военно-юридическую академию окончилась для Обнинского неудачей. Оценивая впоследствии провал на экзаменах, он писал: «Поставленный смолоду на военно-судебные рельсы я мог докатиться по ним к 1907 году прямо в полевые суды и приговаривать людей к казни»⁵. Выйдя после неудачной сдачи эк-

¹ Там же. С. 284.

² Шефами училища были все три последних императора дома Романовых. В годы учебы В.П. Обнинского в училище преподавали русский язык Цветаев Ф.В., историю М.П. Боголюбов, брат министра просвещения Н.П. Боголюбова. Училище описано в романе А.И. Куприна «Юнкера».

³ Впечатления от гвардейской службы также см.: Обнинский В. Девяносто дней в одиночном заключении. Тюремные заметки. М., 1917. С. 13-22.

⁴ Обнинский В.П. Девяносто дней в одиночном заключении. С. 22.

⁵ Там же. С. 24.

заменов в Военно-юридическую академию в отставку в чине поручика, Обнинский по приглашению друзей, видимо, либеральных сверстников отправился в провинцию для оказания помощи голодающим.

Участие в организации помощи крестьянам Пензенской губернии зимой 1891-1892 гг. Обнинский считал одним из событий, определивших его дальнейшую судьбу. «Эта зима, – вспоминал он, – относится к мрачнейшим страницам моей жизни, и я прошел на голоде курс, далеко превосходившей те, что, в смысле выработки миросозерцания, могла мне дать военная академия»¹. Слишком резким, непереносимо болезненным был контраст между жизнью в Царском селе и в пензенском селе, среди 700 дворов которого не было ни одного сытого, между жизнью гвардейских офицеров, устраивавшими грандиозные кутежи, с хорами цыган, и той жизнью, «когда дети и взрослые, распухшие от голода, мертвенно синего цвета попадались почти в каждой избе, равно как больные тифом и трахомой». Увиденное недавний гвардейский офицер характеризовал с болью: «было проедено и продано все, включительно до тех платков и холстов, которые русские крестьяне берегут на случай смерти, чтоб быть положенными в гроб во всем новом»; брошенные родителями дети «лежали в овраге, видимо обреченные смерти»; цена на семена лебеды, которые употребляли в пищу вместо зерна, доходила до 2-4 рублей за четверть»². Именно с этого времени, в возрасте 24 лет, Обнинский, по его собственной оценке, начал «сознательно относиться к окружающему»³.

Огорченные провалом военной карьеры сына родители стали ратовать за чиновничью карьеру, к которой у Виктора Петровича никакой тяги не было. Но «раб семейных отношений, – объясняет он свои поступки, – я не мог долго противиться родственному давлению и поступил в московскую казенную палату для подготовки себя к должности податного инспектора»⁴. В его жизни наступает период частой смены мест работы. Уже осенью 1893 г. Обнинский переезжает в Петербург, где поступает на службу делопроизводителем в статистический отдел министерства путей сообщения.

¹ Там же.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 22.

⁴ Там же. С. 24.

Здесь он был привлечен к подготовке справочника по железнодорожной сети России. Эта деятельность заставила его изучить статистику, знание которой пригодилось ему в дальнейшем при обработке материалов о Первой российской революции. Издание справочника было связано с частым посещением министерской типографии и ознакомлением с корректурным и типографским делом, что оказалось полезным в будущем при организации собственного книгоиздательства.

Долго в министерстве путей сообщения Обнинский не продержался. В 1895-1897 гг. он, навсегда порвав с государственной службой, работает в частной компании. В свой второй (т.е. после военной службы в гвардии) петербургский период Обнинский сталкивается с жизнью рабочих. Свои впечатления от производственных условий, в которых приходилось трудиться типографским рабочим, он зафиксировал в воспоминаниях: «Созерцание низких, плохо освещенных, душных и невентилированных комнат, где над кассами с разбитым, дрянным шрифтом виднелись скрюченные фигуры наборщиков: эти лица, окрашенные свинцовой пылью, и глаза, окруженные воспаленными веками, – такие картины действуют иной раз лучше длинных социал-демократических трактатов»¹. Дальнейшее знакомство с трудовыми отношениями в среде пролетариата также нашло отражение в воспоминаниях. Хотя чернорабочие землечерпательного каравана, находившегося в ведении частной компании, где работал Обнинский, не проявляли открытого недовольства, он отмечал: «...Барыши операции все же были так несоразмерны с затратами, что опять же помимо воли закрадывалось сомнение в правильности оценки рабочего дня, обратная сторона капитализма давала себя чувствовать и где-то внутри начинала совершаться демократизация воззрений русского дворянина, помещика, гвардейского офицера, чиновника»².

Наследственная в семье Обнинских тяга к живописи свела Виктора Петровича (некоторое время он занимался в студии Академии художеств) с любителем-акварелистом англичанином Карлом Хиссом, преподавателем английского языка и неофициальным воспитателем цесаревича Николая и его брата Михаила³. Ему будущий

¹ Там же. С. 27.

² Там же. С. 28.

³ Официально назначенным воспитателем был генерал Г.Г. Данилович.

император был обязан превосходным знанием английского языка, спортивной выучкой и закалкой. Общаясь с Хисом, вспоминал Обнинский, «... я и слышал, и видел много такого, что впоследствии помогло мне разобраться в сложных вопросах абсолютизма, в отношениях царя к своим обязанностям и окружающим трон людям, в личных характерах тех членов императорской фамилии, с которыми судьба сталкивала меня во время службы моей в гвардии и теперь в доме самого Хиса»¹. Так постепенно накапливался и откладывался материал, который будет использован в книге «Последний самодержец».

1897 г. для Обнинского знаменует крутой поворот в его личной жизни: он, тридцатилетний, женится на молоденькой девушке из состоятельной помещицкой семьи – Клеопатре Александровне Саловой (1880-1927). Некоторое время молодожены жили в селе Лъзи² Новгородской губернии, часть его была выделена Клеопатре Александровне в качестве приданого. В селе имелась молочная ферма на 250 коров, с которой был заключен контракт на поставку молока в Петербург. В некоторых домах имения-села имелся даже водопровод. Но, вспоминая новгородские страницы своей жизни, Обнинский писал: «Я вырос в деревне, никогда не порывал с ней сношений, и несмотря на то, что военное образование и служба в гвардии не давали мысли сосредоточиться на положении крестьян, я не был чужд им, и быт крестьянина средней полосы России, где находилось родовое поместье моего отца, был мне хорошо знаком. Однако то, что я увидел в Новгородской губернии, превосходило самые мрачные представления; нищета, духовное убожество, безграмотность уживались бок о бок с прекрасной сплавной рекой, близкой железной дорогой, соединяющей обе столицы...»³. Как и другие либеральные помещики, Виктор Петрович связывал преодоление вековой отсталости русской деревни с земской деятельностью. Но его попытка пройти в гласные крестецкого уездного земства, чтобы, как он сам выражался, «сколько-нибудь возместить обездолженному сословию те блага, какими я воспользовался за

¹ Обнинский В.П. Девяносто дней в одиночном заключении. С. 28.

² Правильный топоним – Лъзи. Но можно встретить и другое написание – Лъзя.

³ Обнинский В.П. Указ. соч. С. 26.

счет крепостного труда, создавшего состояние моих предков...», не увенчались успехом¹.

На Новгородчине Обнинский не задержался и вернулся в родные родовые места. Стремление его к активной земской деятельности по примеру отца реализовалось после возвращения в Калужскую губернию. К тому времени Петр Наркизович, здоровье которого пошатнулось, подготовил раздел своего поместья между детьми, основав на лесных пустошах, два хутора: Бугры, ставший потом известным как дача художника Кончаловского², и Турлики, получивший позже название Морозовской дачи³. Бугры достались старшей дочери Анне, Турлики – Виктору Петровичу. В Турликах он построил дом, каменный⁴, со всеми возможными в то время удобствами, где и поселились супруги. Вскоре у супружеской четы родился сын, названный в честь дедушки – Петром.

Прошли первые три года обустройства семейного гнезда в Турликах, и Виктор Петрович с января 1902 г. становится земским гласным Боровского уезда, а позже и земским гласным Калужской губернии. В 1903 г. он почетный судья Боровского и Малоярославецкого уездов и с июня этого же года – предводитель дворянства Малоярославецкого уезда. Так начинается его карьера как либерального общественного деятеля. «В съезде земских начальников, куда восходили апелляционные жалобы судившихся в волостных судах, у мировых судей и земских начальников, где я также председательствовал, – писал, оценивая накопленный в это время опыт, Обнинский, – я прошел настоящий курс крестьянской жизни...»⁵. Немало прояснилось для него и в «личных беседах, особенно интересных в этой полосе России, где крестьяне умны, лучше развиты, грамотней и сознательней благодаря близости московского фабричного района, в заведениях которого значительная часть их и работает»⁶.

¹ Там же.

² П.П. Кончаловский купил усадьбу-дачу в 1932 г. у художницы Анны Ивановны Трояновской, дочери Анны Петровны Трояновской, урожденной Обнинской.

³ Усадьбу купила у В.П. и К.А. Обнинских в 1909 г. Маргарита Кирилловна Морозова, известная меценатка и хозяйка литературно-музыкального салона.

⁴ Особняк – старейшее каменное здание г. Обнинска. Во времена ее основателя Виктора Петровича внешний декор создавало сочетание бордового облицовочного кирпича с белой штукатуркой.

⁵ Обнинский В.П. Указ. соч. С. 31.

⁶ Там же.

Постепенно Обнинский начинает осознавать необходимость аграрной реформы: «Дед мой отдал крестьянам лучшие пахотные земли, заливные луга и леса, при чем много земли отошло к ним безвозмездно..., за отцом моим раздраженные помещики гонялись с пистолетами, чтобы отомстить за справедливое наделение их крестьян; и все-таки в наших руках оставались до самого последнего времени такие уголья, какими любой из наследников мог закабалить крестьян или вызвать волнения. Это были так называемые “прогоны” для скота. Кругом нас немало хороших дворян владело безраздельно еще и водопоями, за которые крестьяне платили деньгами и работой столько, сколько заблагорассудилось бы помещику взять. Обязательные покосы и жнивье сохранились и в нашем хозяйстве за пользование прогонами». Вывод, который делает Виктор Петрович весьма радикален: для крестьян «“барин” даже самый добрый и справедливый все же оставался враждебной стороной, думавшей о своих прибытках и сидевшей на крестьянском горбу»¹. Обнинский начинает понимать и другое: «Поместное дворянство, составлявшее большинство земских гласных, не могло отрешиться от традиционных взглядов на свое первенствующее значение в государстве и думало, что реакцией можно сохранить любые привилегии»². Именно консервативность значительной части дворянства несет в себе взрывную опасность для общества и государства.

В самом начале XX в. Обнинский уже по тем временам не такой уж молодой человек: в 1900 г. ему исполнилось 33 года. Он набрался разного опыта: своего сословного, общения в кругах художественной интеллигенции, деловых отношений помещика с крестьянами, некоторого знания положения рабочих. Он сделал первые шаги на ниве земской деятельности. И весь социальный опыт привел его к убеждению: служить надо не царю, а общественным интересам. А эти общественные интересы, прежде всего, в преобразовании помещичье-крестьянской России. На этом уровне развития своих политических взглядов земский деятель губернского масштаба Обнинский и встретит Первую российскую революцию, которая встряхнула застрявшую на историческом перепутье империю.

¹ Обнинский В.П. После освобождения. С. 282.

² Он же. Девяносто дней в одиночном заключении. С. 24.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ П.Б. СТРУВЕ

Идейная эволюция выдающегося отечественного мыслителя Петра Бернгардовича Струве подробно охарактеризована во множестве исследований². К тому же философские взгляды Струве на протяжении его жизни серьезно менялись, как трансформировались и его политические убеждения – от социал-демократических до праволиберальных. Особенно значительны были изменения в его взглядах, произошедшие во второй половине 1890-х – начале 1900-х гг. Как он писал в 1902 г., восемью годами ранее он «был в философии критическим позитивистом, в социологии и политической экономии решительным, хотя и вовсе не правоверным, марксистом. С тех пор и позитивизм, и опирающийся на него марксизм перестали для автора быть всей истиной, перестали всецело определять... его мировоззрение. Ему пришлось... искать и вырабатывать себе новый строй идей»³, причем процесс этот и в начале первого десятилетия XX в. был еще далек от завершения. В то же время экономические взгляды Струве представляются нам самым устойчивым компонентом его мировоззрения. Почти все наиболее значимые суждения по собственно экономическим вопросам, высказанные Струве в 1894 г. в первом крупном исследовании «Критические заметки: к вопросу об экономическом развитии России»⁴ (публикация которого сразу же поставила 24-летнего автора в ряд крупнейших экономистов России), в дальнейшем воспроизводились им в работах 1900 – 1910-х гг. без существенных изменений. Более того, последующая эволюция социально-философской доктрины Струве являлась, на наш взгляд, в известной степени процессом приведе-

¹ Беспалов Сергей Валериевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник РАНХиГС (Москва).

² См., например: Балуев Б.П. П.Б. Струве о роли интеллигенции в социальном миротворчестве // Миротворчество в России: Церковь. Политики. Мыслители: От раннего средневековья до рубежа XIX-XX столетий. М., 2003. С. 449-489; Гнатюк О.Л. П.Б. Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998; Иванцова О.К. Философия либерального консерватизма: П.Б. Струве: Опыт историко-философского анализа: Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2004; Пивоваров Ю.С. Два века русской мысли. М., 2006. С. 288-374 и др.

³ Струве П. Предисловие автора // На разные темы. СПб., 1902. С. I.

⁴ Струве П. Критические заметки: к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб., 1894.

ния его философских и особенно социально-политических воззрений (последовательно воплощенных затем прежде всего в «Великой России», где был сформулирован принцип приоритетности внешней политики по отношению к политике внутренней) в соответствии с ранее сложившейся экономической концепцией. В связи с этим позволим себе остановиться вначале на одном весьма любопытном эпизоде, произошедшем вскоре выхода «Критических замечаний». Эта книга, основным содержанием которой являлось опровержение народнической доктрины самобытного экономического развития России, вызвала оживленную полемику в русском обществе. Но первым внимание на то, что сформулированная Струве концепция экономического развития России вовсе не нуждается в последовательно марксистском обосновании, полностью «игнорирующем личность», обратил крупный публицист консервативного направления К.Ф. Головин, уже в 1896 г. написавший: «Если... выкинуть из книги г-на Струве довольно смутные надежды на имеющее когда-нибудь совершиться "обобществление" и освободить ее от ненужного философского балласта» – его концепция окажется вполне приемлемой, а «цельность его взглядов только выиграет»¹. Кстати, несмотря на довольно жесткую критику философских воззрений Струве, Головин – один из самых прозорливых консервативных мыслителей России своего времени, с тревогой наблюдавший за ростом в конце XIX в. популярности народнических взглядов, все чаще проникавших даже «в тайники канцелярий», обратился с удивительным, беспримерным для представителя консервативного лагеря той эпохи призывом к современникам, желавшим для России европейского будущего: «Всем людям, которым дорога будущность родины, нельзя уже сохранять нейтралитет между двумя направлениями (народничеством и марксизмом – С.Б.), с которыми они одинаково расходятся (прежде всего в неприятии их мировоззренческих основ – С.Б.), но из которых одно, по крайней мере, не поворачивается спиной к европейской культуре. Всем, кому не представляется иного пути к дальнейшему развитию нашего отечества, кроме этой культуры, надо встать под одно общее знамя и сомкнуться против общего врага – против защитников умственно-

¹ Головин К.Ф. Мужик без прогресса или прогресс без мужика (к вопросу об экономическом материализме). СПб., 1896. С. 88.

го и экономического одичания»¹. Однако, хотя именно опубликованные работы Струве и побудило Головина, увидевшего в нем потенциального союзника в борьбе против «общего врага», написать эти строки, молодой Струве не оценил должным образом этого призыва Головина и предпочел ответить ему с последовательно классовых позиций. Признав (в статье «Моим критикам», написанной в 1895 г., однако впервые опубликованной лишь в 1902-м), что в негативном отношении к народнической программе его взгляды и представления Головина весьма схожи, так же как, например, в Германии есть сходство «в оценке некоторых сторон капитализма между реакционерами и социал-демократами», Струве заявляет о своих принципиальных разногласиях с Головиным не только «насчет далекого будущего», но и относительно современного положения России, «которые все сводятся к одному общему: интересы какого общественного класса выражает данное социально-политическое мировоззрение? И ответ на этот вопрос дает единственный прочный критерий для классификации направлений»².

Однако дальнейшее развитие событий показало, что именно Головин более чем кто-либо из современников предугадал основное направление эволюции взглядов Струве (хотя нам неизвестно, вспоминал ли Петр Бернгардович слова Головина, например, в 1917 г. или в эмиграции, когда делал всё возможное для создания альянса праволиберальных и консервативных сил).

К началу 1900-х гг. мировоззрение Струве уже во многом изменилось. Для него – «социального идеалиста» – первостепенным теперь стал вопрос созидания свободной личности как важнейшей составляющей прогресса. Наконец, к концу 1900-х гг. окончательно формируется новое мировоззрение Струве, в рамках которого идеализм сочетается с признанием ведущей роли экономической сферы в развитии общества. В статье «Экономические программы и неестественный режим», опубликованной в 1909 г., он утверждает, что основным фактором общественной жизни и, более конкретно, «решающей силой в экономической жизни является всегда человек». Создание нового человека требует решения целого ряда задач, в числе которых и «утверждение конституционного правопо-

1 Там же. С. I-II.

2 Струве П. Моим критикам // На разные темы (1893-1901 гг.). Сборник статей. СПб., 1902. С. 13-14.

рядка со всеми его следствиями», и развитие народного образования. Но все же главным является вопрос «о создании нового экономического человека» применительно к большей части населения России – «хозяйственное воспитание нашего крестьянина»; и именно от того, как будет достигаться эта важнейшая цель, в конечном счете «зависит все наше экономическое и культурное развитие»¹.

Работы, посвященные осмыслению русской революции, занимают огромное место в творчестве Струве. И это вполне закономерно. Как отмечал крупнейший биограф Струве Ричард Пайпс, «русская революция, понимаемая в самом широком смысле», интересовала Струве всю жизнь. В юности он размышлял о том, как не допустить ее, в зрелом возрасте – как направить ее в созидательное русло, в старости – как с ней справиться»².

Поскольку Струве считал, что правительственная политика после 1905 г., при всех ее изъянах, в целом не только не препятствует, но даже в значительной степени способствует достижению этих фундаментальных целей, но в то же время он был убежденным сторонником расширения политических свобод, его отношение к Февральской революции неизбежно должно было оказаться неоднозначным. Пайпс утверждал, что «в отличие от многих представителей так называемой “русской оппозиции”, Струве встретил Февральскую революцию без малейшего восторга»³. С этой оценкой трудно согласиться полностью, как и с тем, что восторженные эпитеты, на которые Струве не скупился в первые недели после Февраля, Пайпс именует «беглыми похвалами в адрес революции»⁴. Но в то же время Струве, в отличие от подавляющего большинства либеральных политиков и общественных деятелей, видел и опасности, которые несет революция для России (воюющей страны!), и не скрывал эту свою тревогу. Такое противоречивое отношение к революции в полной мере отразилось уже в первом тексте, опубликованном Струве в февральские дни – статье «Освобожденная Россия»: «Вторая русская революция, завершившая дело политического освобождения нашей родины, налетела, как ураган, как разбушевавшаяся стихия, которая сломала на своём пути все пре-

1 Струве П.Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 96-97.

2 Пайпс Р. Струве: правый либерал, 1905-1944. Т. 2. М., 2001. С. 374.

3 Там же. С. 296.

4 Там же. С. 299.

грады... идется только Россия, исстрадавшаяся, смятенная, но, сквозь весь ужас ещё не утишенной смуты и борьбы, выпрямляющаяся и просветляющаяся. Слезы волнения и восторга, тревоги и умиления душат ... К восторгу от скорой победы над отжившей и ставшей совершенно негодной и нетерпимой властью примешивается чувство тревоги за Россию, перед которой в грозной готовности стоит сильный и упорный внешний враг»¹.

Неудивительно, что для избавления от эйфории по поводу соиздательного потенциала русской революции Струве понадобилась лишь пара месяцев. Приход же к власти большевиков, которого Струве так опасался и для предотвращения которого призывал объединиться все здоровые силы русского общества, был воспринят им как полномасштабная катастрофа. Как писал он в ноябре 1917 г.: «солдатский бунт, “из политики” принятый интеллигенцией страны за революцию..., превратился не в славную революцию, а в грандиозный и позорный всероссийский погром»².

Характерно, однако, что уже в ноябре 1917 г. Струве стремился дать не просто политическую, но и социологическую оценку переживаемым Россией событиям. Размышляя о том, что из себя представляет русская революция, Струве говорит о том, что она ведет своё начало не от «солдатски-рабочего бунта февраля-марта 1917 г., постепенно развивавшегося во всероссийский погром, нами переживаемый, и этим погромом не закончится». Начало русской революции, по мысли Струве, следует отнести, по меньшей мере, к 1902 г. И в 1905-1906 гг., которые стали одним из наиболее значительных этапов в истории русской революции, она «одержала гораздо более крупные победы, чем в 1917 г. И на погроме 8 месяцев, нами пережитых, русская революция не остановится»³. При этом, констатируя, что вплоть до середины 1917 г. русская революция развивалась как революция буржуазная «в глубочайшем смысле этого слова», Струве утверждает, что «русский социализм в его борьбе с буржуазией и буржуазным порядком по существу контрреволюционен и должен в историческом процессе... быть преодолен и сметен»⁴. Развивая эту мысль через несколько лет, Струве вы-

¹ Струве П.Б. Освобожденная Россия // Русская мысль. 1917. № 2. С. 3-4.

² Струве П.Б. В чем революция и контрреволюция? Несколько замечаний по поводу статьи И.О. Левина // Струве П.Б. Избр. соч. М., 1999. С. 253.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 257.

сказывался еще сильнее: «Содержанием коммунистической революции была неслыханная в мировой истории грандиозная экономическая реакция»; коммунистический переворот «явился исходной точкой и условием экономической реакции совершенно определенного характера, реакции натурально-хозяйственной»¹, в чем он видел торжество, пиррову победу скорее даже не большевистских, а народнических идей, борьбе с которыми посвятил первую половину своей сознательной жизни.

Важно подчеркнуть, что в упомянутой выше статье «В чем революция и контрреволюция?» Струве оспаривал казавшееся ему уже в конце 1917 г. весьма примитивным утверждение о том, что именно война породила революцию. По словам Струве, мировая война, в которую оказалась вовлечена Россия, «ускорила выявление революции и обнаружение ее в погромной форме, но не она ее породила и не ею определились основные черты действовавших в революции сил»². К этой мысли, остающейся абсолютно актуальной и сегодня, Струве в дальнейшем возвращался много раз и в разных смысловых контекстах. Так, например, в 1925 г., полемизируя с П.Н. Милюковым, Струве утверждал, что война отнюдь не привела к драматичному падению уровня жизни населения России в целом. Русская революция 1917 г., писал Струве (не отказываясь от своей концепции «долгой революции», начавшейся примерно в 1902 г., он в то же время считал возможным говорить и собственно о революции 1917 г.), «подтверждает общий тезис, что крупные и глубокие “революционные” движения – как бы их ни оценивать – никогда не происходят на почве обнищания и оскудения нации»³. Прежде всего, Струве утверждает, что ни о каком оскудении русской деревни в годы войны не приходится говорить; более того, «деревня никогда так не ела, как во время войны», поскольку мобилизация четырнадцати миллионов крестьян для русской деревни, по-прежнему страдавшей от аграрного перенаселения, означала не только уменьшение количества работников, но и «сокращение числа едоков, которых каждое крестьянское хозяйство должно было содержать на свои собственные ресурсы». К тому же происходило

¹ Струве П.Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства // Струве П.Б. Избр. соч. М., 1999. С. 292.

² Струве П.Б. В чём революция и контрреволюция? С. 255.

³ Возрождение. 1925. № 23.

это «в эпоху полной приостановки хлебного вывоза и при огромном военном спросе» со стороны государства. Всё это позволило Струве сделать вывод о том, что экономическое положение России в годы Первой мировой войны принципиально отличалось от экономики других воюющих стран, и в эти отличия «надлежит вдуматься и русским, и иностранцам»¹. Эта оценка Струве свидетельствует, на наш взгляд, о том, что, при всем неприятии им народнических идей, суждения представителей организационно-производственной школы, касающиеся специфики русского крестьянского хозяйства, были им глубоко осмыслены и частично приняты. Отметим в связи с этим также, что «вдумываться» в эту специфику отечественные исследователи начали лишь на рубеже 1990-2000-х гг. И первой эту проблему подняла Т.М. Китанина: «В аграрном секторе России происходили явления, не только нами еще не изученные, но даже и не понятые. В 1916 г., когда, казалось бы, все рушится, ...происходит возрождение русской деревни»².

Очевидно, что в своих оценках российской революции и установившейся в результате ее большевистской власти Струве зачастую был не просто излишне эмоционален, но и явно необъективен, порой игнорируя практически «лежавшие на поверхности» факты. «Случайно ли, – вопрошал Струве, что во главе большевистской, коммунистической власти стоит грузин Джугашвили...? Я полагаю, что это не случайно. Так же как лозунгом социальной, грабительски-уравнительной революции, начатой большевиками, было пресловутое: “Грабь награбленное”, так лозунгом той национально-государственной революции, которую они замыслили и провели, было: “Дроби Россию и уничтожай ее вместе с ее именем”». Именно соединив эти два лозунга, полагал Струве, – «социально-грабительский и социально-уравнительный и национально-раздробляющий и государственно-разлагающий, большевики объединили две необходимые для них разрушительные силы и ввели их в одно русло»³. При этом Струве был убежден, что, так же как и стремление большевиков организовать хозяйственную жизнь огромной страны «на начале и пафосе грабежа» нелепо и не может

¹ Там же.

² Китанина Т.М. Выступление // Россия и Первая мировая война: (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 533-534.

³ Струве П.Б. Два корня и два устоя большевизма – и оба они шатаются // Струве П.Б. Patriotica: Россия. Родина. Чужбина. СПб., 2000. С. 130.

привести ни к каким результатам – соответственно он не верил ни в успех (хотя бы относительный) новой экономической политики, ни в возможность советского режима обеспечить динамичный экономический рост – так же и стремление положить в основу государственного устройства «начало и пафос osobности и разъединения» лишь делает совсем близким неизбежный крах большевизма¹. Между тем в конце 1920-х гг., когда были написаны эти строки, у непредвзятого наблюдателя было уже более чем достаточно оснований для того, чтобы не считать Сталина олицетворением этого «разъединительного» начала государственной жизни. Равным образом и экономические достижения советской власти были уже и к тому моменту неоспоримы.

Конечно, Струве и сам осознавал предвзятость своих суждений о русской революции, которую он именовал великим крушением российского государства, национальным банкротством и мировым позором, и о советском режиме и его политике. Однако он считал необходимым ставить вопрос прежде всего о духовном приятии либо неприятии революции, четко заявляя: «Для меня этот вопрос давно решён непосредственным опытным восприятием и душевным переживанием революции», подчеркивая при этом, что рассматривает саму революцию 1917 г. и последующие события как единый революционный процесс². Он подчеркивал, что каковы бы ни были идеи, вдохновлявшие революцию, по сути своей она стала «разрушением и деградацией всех сил народа, материальных и духовных»³. Необходимость оценки революции именно с таких позиций, сформулированных в первые послереволюционные годы, он отстаивал и в дальнейшем; этому была посвящена, в частности, опубликованная им в 1935 г. статья «О непримиримости». Струве писал в этой работе, что «непримиримость есть не только единственное достойное состояние нашего гражданского духа, она же есть наше объективное положение, прямо-таки диктуемое нам противоположной стороной, большевиками». Поэтому многие высказывание Струве, на наш взгляд, и не следует оценивать как позицию учёного, исследователя. Не случайно множество своих статей

¹ Там же. С. 131.

² Струве П.Б. Прошлое, настоящее, будущее // Струве П.Б. Избр. соч. М., 1999. С. 320-321.

³ Там же. С. 321.

1920-1930-х гг. он публиковал под рубрикой «Дневник политика» – а политик во многих ситуациях может и должен высказываться отнюдь не беспристрастно. «Мы непримиримы к большевизму (коммунизму), – писал Струве, – не только потому, что он разрушил дорогой нам образ исторической России, но и потому, что по существу духовные и общественные основы большевизма для нас абсолютно неприемлемы... Вот почему сокрушение большевизма есть для нас первая и основная, и патриотическая и человеческая задача, перед которой буквально меркнут и исчезают все другие вопросы и проблемы»¹. Абсолютно прав был Никита Струве, когда писал о том, что П.Б. Струве «счел своим долгом пожертвовать научным творчеством ради политической борьбы»² – борьбы (добавим от себя) заведомо обреченной на неудачу. Раз за разом заявляя о невозможности коренной внутренней трансформации большевизма и заявляя о необходимости «преодоления революция», Струве, кажется, не заметил того, что революция в известном смысле была преодолена именно сталинским режимом. Правда, результатом стало отнюдь не желаемое Петром Бернгардовичем возрождение лучшего из того, что было в «исторической России», в сочетании с утверждением идеалов свободы и принципов правового государства...

Невозможно отрицать, что, рассуждая о революции и ее последствиях, Струве (так же, впрочем, как и почти все его оппоненты из числа представителей русской эмиграции) совершенно сознательно во многих ситуациях занимал позицию скорее политика, гражданина и христианина, чем ученого. И все же, несмотря на всю бескомпромиссность и даже страстность его суждений о революции и большевизме, Струве и здесь оставался подлинным Мыслителем.

¹ Струве П.Б. Дневник политика (1925-1935). М., 2004. С. 813-814.

² Струве Н.А. Мой дед П.Б. Струве // Струве П.Б. Дневник политика. С. 4.

ОБРАЗЫ ЛИБЕРАЛОВ ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В РАССКАЗЕ И.С.ШМЕЛЕВА «ГРАЖДАНИН УКЛЕЙКИН»

В раннем творчестве известного русского писателя И.С. Шмелева (1873-1950) значительное отражение нашли события российской истории 1905-1907 гг., в том числе и такое знаковое из них как выборы в Первую Государственную Думу Российской империи, некоторые провинциальные перипетии которых были описаны в известном рассказе (повести, как считают некоторые исследователи) «Гражданин Уклейкин» (1907).

Над указанным произведением Шмелев работал фактически на протяжении всего 1907 г., о чем свидетельствуют рукописи, хранящиеся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки: на первой странице черновой рукописи стоит дата начала работы – 14 января 1907 г.²; на чистовой рукописи с правкой дата окончания работы – 13 декабря 1907 г.³ Таким образом, работа велась автором некоторое время спустя после совершения ключевых для сюжета рассказа событий – выборов в Первую Государственную думу, проходивших в феврале-марте 1906 г., проводов депутатов губернского города солнечным апрельским днем на работу в Думу и ее разгона 9 (22) июля 1906 г. и возвращения депутатов домой, обозначенного Шмелевым короткой фразой: «Возвращались депутаты»⁴. Рассказ был опубликован в журнале «Русская мысль» за 1908 г., в V-VI его книжках⁵.

Центральной в рассказе является тема «маленького человека», получившая воплощение в образе запойного сапожника Дмитрия Уклейкина из провинциального губернского города, вдруг осознающего свое гражданское достоинство после принятия известного Октябрьского манифеста Николая II и организации выборов в I Госу-

¹ Новиков Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры связей с общественностью, журналистики и рекламы Череповецкого государственного университета.

² НИОР РГБ. Ф. 387. Картон 3. Ед. хр. 1. Л. 1.

³ Там же. Ед. хр. 2. Л.37 об.

⁴ Шмелев И.С. Гражданин Уклейкин // Шмелев И.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 2: 1910-1912: Мэри: повесть; Человек из ресторана: повесть; Рассказы. М., 2008. С. 376.

⁵ См.: Шмелев И.С. Сочинения: В 2-х т. Т. 1. М., 1989. С. 453.

дарственную Думу и пробуждающегося к новой жизни, но задавленного тяжелыми жизненными обстоятельствами, в конце концов приводящими его к трагической гибели, хронологически почти совпадающей с драматическим «финалом» работы Первой Думы, на который смутно намекает автор произведения.

Ключевой в рассказе становится глава, посвященная описанию предвыборного собрания избирателей по выборам в Государственную Думу, проходившего в помещении театра народного дома. (Следует заметить, что автор не указывает, в каком городе происходят описываемые им события. Но нет никаких сомнений в том, что это Владимир, где Шмелев находился с 1901 по 1908 гг., являясь чиновником по особым поручениям, хотя, конечно же, реалии губернского города получают в его рассказе художественное переосмысление, не позволяющее зачастую выявить прямые аналогии изображаемому).

«На выборах спорили две партии»¹, – отмечает автор. Он не называет эти партии. Но из описаний выступлений на предвыборном собрании кандидатов в депутаты становится вполне понятным, что это были партии власти – октябристы и черносотенцы – и либералы, представлявшие партию, которая «жаждет и может устранить»² все плохое «у нас», – партию кадетов, кстати, по итогам выборов во Владимире одержавшую убедительную победу – 3 из 6 выбранных депутатов представляли конституционно-демократическую партию³.

Уклекин симпатизирует кандидатам-либералам. Одним из первых на предвыборном собрании выступил «профессор Окунев» – «бледный седенький старичок в очках, в пиджачке и с пачкой листочков в руке»⁴. Старичок говорил цифрами, сравнивая Россию с другими странами по разным параметрам. Он говорил о ценах на хлеб, о заработной плате, о болезнях и смертности, о грамотности и т.д. «И сыпал цифрами»⁵, по словам Шмелева. Например, о сахаре он сообщил следующее: «В Англии на душу населения потребляется ... 80 фунтов! В Соединенных Штатах – 60! В маленькой Да-

¹ Шмелев И.С. Гражданин Уклекин. С. 347.

² Там же. С. 340.

³ Владимирские депутаты первых четырех Государственных дум // <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/vladimir/p/37-1-0-4168> (дата обращения: 25.08.2019).

⁴ Шмелев И.С. Указ. соч. С. 338.

⁵ Там же. С. 339.

нии – 30... А у нас... двенадцать»¹. И далее после паузы: «– И стоит он в Англии – 8 копеек, а у нас... шестнадцать!.. и выше!..»².

Уклейкину «совсем ясно было, что старичок “за нас”, – и он решил выбрать его безусловно и запомнил фамилию...»³.

Понравился ему и «господин с лихо зачесанным хохлом – адвокат»⁴. Он «говорил очень понятно, пересыпая речь остротами и прибаутками, и искал галерку. <...>. В сильных местах речи ерошил волосы, обещал сбавить налоги, дать земли неимущим», а «всех этих господ, что ходят с кокардами»⁵, обещал поставить «на точку». Уклеикин был в восторге от выступления «Лександра Ликсеича», кричал «Браво!» и «решил и его записать»⁶ (прототипами «адвоката» могли быть владимирские депутаты-кадеты – К.К. Черносвитов, бывший одно время членом Владимирского окружного суда⁷, и М.Г. Комиссаров, служивший почетным мировым судьей в Судогском уезде Владимирской губернии⁸).

Произвел на Уклейкина впечатление и кандидат от социалистов – «незнакомый человек в пальто», который «говорил такое, что жутко было слушать»⁹.

Неприятие большей части участников собрания вызвало выступление представителя «октябристов» – прокурора Балкина, который «обрушился на все партии, связал их одной общей петлей и, подведя их действия под целый ряд статей уголовного уложения, требовал “только одной справедливости”»¹⁰. Далее Балкин «горячо звал “истинных граждан”, способных постоять “за дело Божьего устройства”», «твердо обещал “устойчивость закона”, “незыблемость прав”, “непоколебимость заветов” и закончил клятвой утереть слезы страждущих и болеть за обездоленных»¹¹.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 340.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 341.

⁷ Черносвитов К.К. // <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

⁸ Комиссаров, Михаил Герасимович // <https://ru.wikipedia.org/>. (дата обращения: 25.08.2019).

⁹ Шмелев И.С. Указ. соч. С. 341.

¹⁰ Там же. С. 342.

¹¹ Там же. С. 342.

Уклейкин уже «готов был одобрить» его выступление, но, услышав возгласы галерки, стал кричать: «– Вон!»¹ А когда того выгнали со сцены, «испугался, вспомнив, что ведь Балкин-то – прокурор»². По итогам собрания Уклейкин принимает решение отдать свой голос за понравившихся ему кандидатов от либеральной партии – «непобедимого Александра Ликсеича»³ и «старичка» и некоторых других.

Интересно описание сцены выборов, на которые Уклейкин «пришел рано, к восьми утра, хотя в объявлении рекомендовалось ему явиться между 4 и 6 часами, в порядке номеров»⁴. Следует заметить, что процедура голосования значительно отличалась от современной. Нужно было прийти на выборы с уже внесенными в специальные листочки фамилиями. Причем свой листок Уклейкин заполнял не сам, а кто-то подобрал «верных» людей и «напечатал на бумажках»⁵. При этом на листочке были напечатаны не все кандидаты из тех, за кого хотел отдать свой голос гражданин Уклейкин. Так, например, был записан «лохматый адвокат, милейший и понимающий парень, обещавший всех поставить на точку»⁶, но не было старичка, эффектно оперировавшего цифрами. Правда, Уклейкину объяснили, что «старичок “обязательно пройдет” в другом городе», и он успокоился. Да и вообще – «раз пропечатали, менять не стоит»⁷.

В результате из тех, за кого голосовал Уклейкин прошел один «лохматый адвокат» – представитель либеральной оппозиции. Однако, как отмечает автор, герою «пришлось помириться с этим, тем более, что выборные были народ вострый все, умнеющий, а один даже в тюрьме сидел и может “за всех постоять”»⁸ (напомним, что выборы в Первую Государственную Думу во Владимире закончились сокрушительным поражением «октябристов», от которых был избран только один депутат, 3 – кадетов, 1 – рабочий и 1 – крестьян-

¹ Там же. С. 343.

² Там же.

³ Там же. С. 344.

⁴ Там же. С. 348.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 356.

нин¹). Апрельским солнечным днем Уклеякин принимал участие в проходах депутатов в Думу, возвращение которых домой после ее роспуска почти совпало с трагическим завершением его судьбы: он погибает от белой горячки, в приступе которой убивает изменяющую ему жену Матрену...

Таким образом, образы представителей либеральной оппозиции занимают значительное место в рассказе Шмелева «Гражданин Уклеякин», повествующего о судьбе простого сапожника Дмитрия Уклеякина – маленького человека, осознающего себя на короткое время равноправным гражданином Российской империи, что в действительности оказывается иллюзией...

*Игумен Иов (И.А. Чернышев)*²

ОЦЕНКА РУССКОГО ЛИБЕРАЛЬНОГО ТЕЧЕНИЯ В НАСЛЕДИИ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ (НЕВСКОГО)

Митрополит Макарий является одним из ярчайших представителей русского крайнего консерватизма, убежденным монархистом, который не принимал даже возможности развития русского либерализма. Хотя его труды, в основном, носят религиозно-нравственный по большей части характер, все же в его кратких высказываниях по поводу общественно-политических процессов исследователь находит лаконично выраженную оценку развития парламентаризма, свойственную большей части крайне правых соратников владыки Макария.

Митрополит Макарий, в миру Михаил Андреевич Парвицкий, родился 1 октября 1835 г. в семье причетника во Владимирской губернии³. В 1843 г. семья переехала в Сибирь, Михаил поступил в Тобольское духовное училище, а после – в Тобольскую духовную

¹Владимирские депутаты первых четырех Государственных дум // <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/vladimir/p/37-1-0-4168>. (дата обращения: 25.08.2019).

² *Игумен Иов (Чернышев Иван Александрович) – кандидат богословия игумен, Свято-Троицкого Филиппо-Ирапского монастыря; аспирант Череповецкого государственного университета.*

³ Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи в период с 1893 по 1965 (включительно). Erlangen. 1979-1989. С. 223.

семинарию, по окончании которой он трудился в Алтайской духовной миссии. В 1861 г. состоялся его монашеский постриг, а затем – хиротонии во иеродиакона и иеромонаха¹. В 1884 г. состоялась его епископская хиротония во епископа Бийского, викария Томской епархии. В 1891 г. владыка становится епископом Томским, а в 1912 г. был назначен на митрополичью кафедру Москвы².

По своим взглядам владыка, отдавший служению в Сибири почти 70 лет своей жизни, казался человеком чуждым любой либеральной идеи. Однако он не отрицал саму возможность парламентского процесса, принимая взгляды своих идеологических противников как заслуживающие право на существование и развитие. Именно с этих позиций он анализировал происходящие в обществе процессы, стараясь вынести свою оценку отечественного либерализма, указывая на жизненную необходимость сохранения монархии для России как неотъемлемого гаранта жизнеспособности парламента.

У митрополита Макария существовало два подхода к осмыслению самодержавия: религиозный и исторический. Согласно первому, монархия являлась священным установлением, данным государству от Бога, а император осмысливался как проводник Божественной власти в сферу человеческой жизни. В таком случае революция, по мысли владыки Макария, является нарушением Божественного и человеческого порядка: «Попытка низвергнуть власть была бы безумною попыткой вступить в борьбу с неизменным законом бытия. Противление власти есть противление Богу. Власть есть противница зла и поборница добра. Стремление к уничтожению власти есть желание воцарить зло и поработить злу добро»³. Причиной революционного бунта и захвата власти митрополит называл честолюбие, а механизм революции излагал следующим образом: «С одной стороны, представляется действовать закону свободы, Богом же установленному, с другой – через злого начальника наказуются злые подчиненные его, а

¹ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. М., 1994. С. 872.

² Арсений (Жадановский), еп. Воспоминания. М., 1994. С. 194.

³ Макарий, еп. Слово в день коронавания Благочестивейшего Государя Императора Николая Александровича, 14 мая 1902 года // Слова, речи и беседы. Вып. 3. Томск, 1904. С. 14.

добрым предоставляется случай для подвига терпения, смирения и преуспеяния в нравственном совершенстве»¹.

С другой стороны, существование монархии владыка оправдывал историческим путем развития России. Он писал: «Для России наилучший вид власти есть испокон-вековое единодержавие и самодержавие, живущие нераздельно с Православием. Этот вид власти осчастливил Россию, возвеличил ее»². В этом рассмотрении причиной наступающих революционных волнений в Государственной Думе становится ослабление монархической власти: «Не будь власти, не будет порядка; не будь порядка, произойдет смятение, расстройство везде: в государственной, в общественной и семейной жизни. Произойдут ссоры, брани, разделения, грабежи и убийства, захват чужой собственности, и не будет ниоткуда защиты. Откажись законная власть от своих прав, на ее место станет власть незаконная»³.

Владыка Макарий сформировал и ряд критериев, предъявляемых к стабильной власти: она «должна обладать силою для защиты страны от внешних врагов и для соблюдения внутреннего порядка. Она должна творить суд и милость. Таким образом, власть должна быть сильною, мудрою, справедливою и милостивою»⁴.

Среди укоров, которые высказывал митрополит Макарий современному ему обществу, – слабое народное почитание монархии. Пример тому – отсутствие народа в храмах на богослужении в так называемые царские дни, т.е. памятные дни российских монархов. Владыка Макарий говорил по этому поводу: «В настоящем случае благо, которого лишаются нарушающие закон о молитве за царя, есть плод этой молитвы – тихое и безмятежное житие. Кто не молится за царя, тот нарушает не один царский, но и Божий закон»⁵.

Ни монархия сама по себе, ни другие формы правления не могут автоматически доставить благо народу, т.к. «благо народов

¹ Там же. С. 10.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 10-11.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Макарий, еп. Слово в день восшествия на престол Благочестивейшего Государя Императора Николая Александровича 22 октября 1901 года // Слова, речи и беседы. Вып. 3. Томск, 1904. С. 2.

зависит не столько от того или другого образа правления, сколько от воспитания народа в повиновении власти и от развития в нем уважения к закону»¹. Теоретически митрополит Макарий не исключал смены формы правления в России, но только эволюционным, а не революционным путем. Впрочем, исторической необходимости перехода от монархии к иной власти владыка Макарий в начале XX столетия не видел. Для него возможность формирования парламентской республики становилась маловероятной не в силу ее чужеродности многовековому сложившемуся государственному институту, а в силу больших временных интервалов реализации данного процесса. Поэтому в его представлении сложившийся русский парламент является скорее предметом фантазии, чем жизненной необходимости.

Для него сама постановка вопроса о необходимости глубоких перемен в государственной, общественной и церковной жизни, воплощения в жизнь идей новых, неконсервативных мировоззрений, ставила под угрозу уклад и стабильность жизни всех подданных Российской империи. Вот что говорил владыка о предлагаемых альтернативах организации русского общества: «Социалист думает, что если переобразовать мир по его учению, если отобрать у богатых их имущество и разделить всем поровну, то все будут довольны и счастливы. Анархист думает, что счастье сойдет на землю тогда, когда не будет власти на земле... Напрасные мечты – осчастливить мир ломкою старого и введением нового порядка! Ведь не оттого люди страдают, что существующие порядки таковы, а не иные; а оттого, что у людей расстроены порядки внутренней их жизни»².

Поэтому единственный путь, согласно митрополиту Вениамину, гармоничного преодоления внутренних и внешних трудностей – это сплочение русского народа вокруг императора, максимальное воплощение в жизнь идеи самодержавия, православия и народности.

¹ Макарий, еп. Слово в день коронования Благочестивейшего Государя Императора Николая Александровича... С. 12.

² Макарий, митр. Архипастырская беседа о хранении заветов старины // Голос Церкви. 1913. Август-сентябрь. С. 23.

Отдельное внимание владыка Макарий уделял анализу задач деятельности Государственной Думы Российской империи, которая должна была быть народным представительством для помощи самодержцу в управлении государством. «Мы не утверждаем, – говорил митрополит Макарий, – что Царь, обладая неограниченной властью, не нуждается в помощи самого народа для правомерного управления страной. Для Царя нужно представительство от народа, которое излагало бы пред ним свои нужды и вместе с Царем обдумывало бы, как помочь народной скорби»¹. Государственная дума не мыслилась как аналог европейских парламентов. Митрополит подчеркивал, что она должна не ослаблять власть монарха, а служить ему вспомогательным инструментом в принятии решений на благо народа. Исторический аналог идеальной Государственной Думы – это Земский собор Руси, работа которого осуществлялась в ключе христианской традиционной государственности.

Реалии оказались далекими от теоретических представлений. В 1907 г. митрополит Макарий писал о I и II созывах Думы: «Народное представительство не дало стране успокоения. А если мы и теперь оглянемся на истекший год, то так же увидим, что оно все еще возбуждает опасения за способность его в настоящем составе водворить в стране мир и порядок. Некоторые члены этого представительства как бы написали на своем знамени: дальше от мира и порядка»²; «Не нужно и такого, каким заявила себя первая Дума наша, просуществовавшая не долго, но наделавшая вреда много»³.

Владыка оказывал моральную поддержку кандидатам от монархических партий при выборах в Государственную Думу, полагая, что только они будут способными к конструктивной работе

¹ Макарий, архиеп. Архипастырская речь, произнесенная на торжественном открытии в г. Томске Русского Народного Общества «За Веру, Царя и Отечество» // Полное собрание проповеднических трудов (слов, бесед, поучений, посланий, воззваний и наставлений) Преосвященного Макария, Архиепископа Томского и Алтайского, за все время его служения в архиерейском сане (1884-1910 гг.). Томск, 1910. С. 944.

²Цит.по: Церковь и демократия. К. П. Победоносцев. Митрополит Макарий (Невский). Протоиерей Иоанн (Восторгов). Архиепископ Никон (Рожественский). Патриарх Тихон. Послание Поместного Собора (1917-1918). Неуслышанные голоса / Сост. - священник Я. Шипов. М., 1996. С. 48.

³ Макарий, архиеп. Речь, произнесенная на торжественном открытии в г. Томске Русского Народного Общества «За Веру, Царя и Отечество»... С. 945.

на благо своего народа. В частности, он замечал: «Мнимые народники обещают водворить в стране мир, а поселяют в ней волнения, лишивши народ той спокойной жизни, которой он прежде пользовался. Они обещают водворение порядка, а водворяют нестроение, поставляя для богоучрежденной власти препятствия к отправлению ею своих обязанностей, обеспечивающих порядок. Они привели страну в такое состояние, что ей грозит опасность от безначалия, когда ни в селе, ни в городе не будет возможности поставить начальника»¹.

Итак, основные последствия революции, которые могут угрожать русскому обществу, в воззрениях митрополита Вениамина – это дестабилизация социальной жизни, крах сильной власти и возникновение безвластия, нарушения общественного порядка и потеря традиционного христианского уклада русского народа.

Жизненный путь этого церковного иерарха доказал обоснованность его опасений. В 1917 г., в результате Февральской революции, он был насильственным путем отстранен от кафедры Москвы. Находясь на покое в Николо-Угрешском монастыре, владыка на себе ощутил преследования атеистической власти, утвердившейся в ходе Октябрьской революции². Даже последние дни жизни владыки, «больного, 90-летнего, прикованного к постели старца, в буквальном смысле этого слова»³, согласно сообщению окружавших его близких, были омрачены не только суровостью жизни, но и необходимостью переселяться в ближайшее село из закрывающегося в виду агентурной разработки НКВД РСФСР монастыря.

Для апостола Алтая ход революционных событий оказался нарушением единения, в результате которого в общество наступили острые разделения и распри, причем даже в сфере церковной жизни. И это было как раз то разделение, которое владыка предвидел за несколько лет до революции: «Страна наша мятется; все основы ее колеблются. Православию веры, самодержавию Царя и русской народности грозит опасность от того

¹ Макарий, архиеп. Архипастырский призыв. Опомнимся! Покаяемся! // Прибавление к «Церковным ведомостям». 1908. № 9. С. 408.

² Иов (Чернышев), иерод. Святитель Макарий (Невский-Парвицкий) / История Угрешского монастыря. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. М., 2010. С. 152-175.

³ Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и Церковь. 1922-1925 гг. М.- Новосибирск, 1997. С. 439.

разлада, который охватил страну нашу и стал разъедать религиозную, общественную и государственную жизнь нашего отечества. Разлад производит разделение; от разделения – ослабление, а ослабление приводит к разрушению»¹.

Итак, взгляды митрополита Макария – яркий пример отношения крайних монархистов к идеям русского либерализма. В них, кроме критики существующих социальных и социалистических построений присутствует твердое убеждение, что развитие Государственной Думы как полноценного парламента может происходить только в контексте постепенной делегации власти единственным ее носителем – монархом. Однако важным видится во взглядах даже таких убежденных правых церковно-общественных деятелей признание права на существование и эволюцию Думы. Митрополит Макарий не являлся ее принципиальным противником, скорее желал быть наблюдателем роста из объявленных в 1905 г. свобод крепкого государственного института.

***Е.Д. Неверов*²**

К ВОПРОСУ О КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: НИКОЛАЙ ЛАЗАРЕВСКИЙ В 1917 г.

После Февральской революции бюрократический аппарат российского правительства претерпел существенное обновление персонального состава. Уже в марте 1917 г. руководящий состав министерств изменился почти на одну треть. А всего в течение 8 месяцев – с марта по октябрь – высшее чиновничество обновилось на 50%³. Прежде представленная в советской историографии точка зрения о том, что Временное правительство «всячески стремилось

¹ Макарий, архиеп. Архипастырский призыв. Опомнимся! Покаяемся!.. С. 407.

² *Неверов Евгений Дмитриевич – преподаватель департамента общих и межотраслевых юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».*

³ Статистика приведена по: Куликов С.В. «В самых лучших отношениях»: бюрократическая элита и Временное правительство // Отечественная история и историческая мысль в России XIX-XX вв. СПб., 2006. С. 379.

хоть что-нибудь спасти из старой системы управления» и «это особенно удалось ему в области сохранения старых кадров чиновничества, в том числе и самого высшего»¹, не подтверждается подсчетами современных исследователей². А.С. Сенин отмечает, что после Февральской революции лишились своих мест тысячи специалистов, прежде работавших в царском правительстве³. При этом источником для новых назначений становились кадры нижестоящих подразделений – заместители и подчиненные: «чиновников 1-го сорта просто заменили чиновниками 2-го сорта»⁴.

Вместе с тем, Временное правительство активно привлекало к работе общественных деятелей, лиц с думским и земским прошлым, а также присяжных поверенных и либеральную профессуру. Таким «общественным ставленникам»⁵ отводились не только министерские портфели и места товарищей министров, но и иные должности, в т.ч. в новых учреждениях и совещаниях. Так, например, в марте 1917 г. было создано Юридическое совещание при Временном правительстве, в состав которого вошли юристы из рядов кадетской партии – ученые-правоведы и профессора права, депутаты Думы, адвокаты.

Таким образом, кадровая политика Временного правительства строилась на взаимодействии двух начал. С одной стороны, бюрократические посты замещались служащими нижестоящих подразделений, т.е. людьми, сделавшими карьеру внутри бюрократической системы. С другой стороны, в ряд учреждений получили назначения люди из-за пределов бюрократического мира, которых в высшие эшелоны власти вынесла волна революционных перемен.

Особое место в вопросе о кадровой политике Временного правительства занимает история работы выдающегося отечественного юриста Николая Ивановича Лазаревского в правительственных учреждениях и юридических службах в марте-октябре 1917 г⁶. На

¹ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. М., 1980. С. 169.

² См.: Куликов С.В. Указ. соч. С. 378-381, 385.

³ Сенин А.С. Государственная служба в России. История и современность. Одинцово, 2007. С. 40.

⁴ Там же.

⁵ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 691.

⁶ В настоящей статье развиты положения, опубликованные ранее в: Неверов Е.Д. Николай Лазаревский в 1917 г.: теоретик государственного права на службе Времен-

это время пришелся пик профессиональной карьеры Лазаревского, и анализ его работы в этот период позволяет лучше понять систему формальных и неформальных связей, которая стояла за кадровой политикой Временного правительства.

К 1917 г. Николай Иванович Лазаревский сделал себе имя как выдающийся ученый-правовед. Окончив юридический факультет Петербургского университета, он был оставлен при кафедре государственного права для подготовки к профессорскому званию. Многие годы работал приват-доцентом родного университета, а также профессором государственного права на Высших женских курсах¹. С 1898 г. Лазаревский был редактором-издателем и одним из основателей либеральной юридической газеты «Право»². В «Праве» Лазаревский сошелся с Л.И. Петражицким, В.М. Гессеном, И.В. Гессеном, А.И. Каминкой, В.Д. Набоковым, Б.Э. Нольде, Д.Д. Гриммом и др. Также он участвовал в подготовке совместных издательских проектов редакции «Права» и либерального кружка «Беседа», в результате которых вышли в свет сборники, посвященные актуальным политическим вопросам. В рамках этого сотрудничества в 1905 г. Лазаревский опубликовал статью, посвященную проблемам народного представительства в сборнике «Конституционное государство»³. Благодаря этим контактам он получил опыт экспертной работы в период I Государственной Думы: при фракции кадетов была создана особая комиссия для подготовки законодательства, в состав которой Лазаревский вошел вместе с другими либеральными юристами⁴. По словам И.В. Гессена, Лазаревский представлял собой «настоящий кладезь русского госуд. права»⁵.

ного правительства // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 33-36.

¹ Скрипилев Е.А. Лазаревский Н.И. // Антология мировой правовой мысли в 5 т. Т. 5. М., 1999. С. 312-313.

² Гессен И.В. В двух веках: жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 146, 148, 152; о газете «Право» см. подробнее: Соловьев К.А. «Право» // Россия в 1905-1907 гг.: Энциклопедия. М., 2016. С. 754-756.

³ Лазаревский Н.И. Народное представительство в системе других государственных установлений // Конституционное государство. Сборник статей. СПб., 1905. С. 179-222.

⁴ Новгородцев П.И. Законодательная деятельность Государственной думы // Первая Государственная дума. Вып. 2. СПб., 1907. С. 14.

⁵ Гессен И.В. Указ. соч. С. 146.; некоторые наиболее значимые сочинения Лазаревского: Самоуправление // Мелкая земская единица: в 2 т. СПб., 1902; Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. СПб., 1905; Законность и пределы ее осуществления // Право. 1905. № 2; Гос. дума и участие ее в делах законо-

В то же время Лазаревский сделал успешную бюрократическую карьеру. В 1896 г. он был определен на службу в Земский отдел Министерства внутренних дел¹. В январе 1897 г. переведен на службу чиновником особых поручений в Министерство финансов с откомандированием для занятий по Юрисконсультской части. В 1899 г. был назначен чиновником по судебной части акцизного управления Тверской губернии². Сделав прекрасную карьеру по Министерству финансов³, Лазаревский в 1914 г. был назначен главой Юрисконсультской части министерства. Опыт, который он получил за годы работы на этом посту, оказался востребованным и после Февральской революции: Лазаревский оставался Юрисконсультсом Министерства финансов вплоть до осени 1917 г.

Свое сотрудничество с новой революционной властью Лазаревский начал уже в первые дни ее формирования. В начале марта он принял участие в разработке первого программного документа Временного правительства – Обращения «К гражданам России». Вместе с Лазаревским над этим текстом работали Н.В. Некрасов, В.Д. Набоков, А.А. Добровольский и Ф.Ф. Кокошкин. В Обращении, которое было опубликовано 6 марта, подчеркивалось, что Учредительное собрание «издаст основные законы, обеспечивающие незыблемые основы права, равенства и свободы»⁴. Устанавливалось, что задачи самого Временного правительства будут состоять в осуществлении текущего управления в стране, реализации исполнительной власти, а также рассмотрении вопросов законодательного характера до тех пор, пока форма правления не будет

дательства // Право. 1905. № 33; Автономия // Право. 1906. № 2; Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908; Давность для денежных требований казны и к казне. СПб., 1914; Причины и задачи войны 1914-1915 гг., Пг., 1915; Судебная и административная практика как источник права. Пг., 1916; Русское государственное право: в 2 т. СПб., 1913; Русское государственное право. Пг., 1917 и др.

¹ Формулярный список чиновника Лазаревского Н.И. по состоянию на декабрь 1896 г. см.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1349. Д. 2356 Л. 1-2.

² Лазаревский Николай Иванович // Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819-1917). СПб., 2012. [Электронный ресурс] URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/802-lazarevskiy-nikolay-ivanovich.html> (Дата обращения: 10.09.2019).

³ В 1909 г. Лазаревский перестал публиковаться в «Праве» и вышел из редакционного комитета. И.В. Гессен объясняет это именно занятостью Лазаревского заботами государственной службы в Министерстве финансов: Гессен И.В. Указ. соч. С. 301.

⁴ Февральская революция 1917 г.: Сборник документов и материалов. М., 1996. С. 176-177, 323.

определена Учредительным собранием. При этом Временное правительство должно было «немедленно, еще до созыва Учредительного собрания, обеспечить страну твердыми нормами, ограждающими гражданскую свободу и гражданское равенство»¹.

В первые дни марта было принято решение образовать «особую комиссию», пригласив к участию в ее работе юристов-государствоведов «для разрешения разного рода вопросов, возникающих в связи с установлением нового строя»². В число членов комиссии вошел и Лазаревский³. Заседания начались в Мариинском дворце 8 марта, а 22 марта Постановлением Временного правительства «Об учреждении при Временном правительстве Юридического совещания» этому органу был придан официальный статус под новым названием⁴. К ведению Юридического совещания были отнесены «вопросы публичного права, возникшие в связи с установлением нового государственного порядка».

Лазаревский был членом Юридического совещания на протяжении всего периода его существования. С марта 1917 г. он был товарищем председателя, а 11 июля Временное правительство назначило его председателем Юридического совещания⁵. В качестве председателя совещания Лазаревский принимал участие в работе общего присутствия Временного правительства. Самый напряженный период его работы в этом качестве пришелся на сентябрь-начало октября, когда Лазаревский принял участие в 10 заседаниях правительства⁶.

О работе Лазаревского на заседаниях Временного правительства оставил воспоминания сотрудник Канцелярии Временного правительства Борис Иванович Кошко⁷. Он подчеркивал, что Юридическое

¹ Там же. С. 177.

² Вестник Временного правительства. 1917. № 4, 9 марта.

³ Уже 9 марта Лазаревский выступил на заседании Временного правительства, см.: Журнал заседания Временного правительства № 13. 9 марта 1917 года // Журналы заседаний Временного правительства в 4 т. Т. 1. М., 2001. С. 64.

⁴ О Юридическом совещании см.: Неверов Е.Д., Туманова А.С. Юридическое совещание при Временном правительстве: правовые основания и содержание деятельности // Памятники российского права. В 35 т. Т. 21. Памятники права Временного правительства. М., 2016. С. 49-60.

⁵ Журнал заседания Временного правительства № 128. 11 июля 1917 года // Журналы заседаний Временного правительства в 4 т. Т. 3. М., 2004. С. 82.

⁶ См.: Журналы заседаний Временного правительства в 4 т. Т. 4. М., 2004.

⁷ Воспоминания Б.И. Кошко хранятся в фонде семьи Кошко в Бахметевском архиве Колумбийского университета: Koshko Family Memoirs. Bakhmeteff Archive of Russian

совещание было создано для рассмотрения «вопросов правового характера, требующих особо глубоких и тонких юридических познаний»¹. Мемуарист вспоминал, что Лазаревский «был мужчиной среднего роста, лет 50, худощавый с лимонно-желтым цветом лица, длинным несколько искривленным носом, с колючими глазами», а также, что в «его внешности было что-то птичье», он напоминал «ни то ворону, ни то галку». По мнению Кошко, «юрист он был, видимо, тонкий и в каждом самом запутанном вопросе умел находить и определять его юридическую природу и сущность»². Борис Кошко также отмечает, что у него «осталось представление об Юридическом Совещании, как об органе, к которому относились неприязненно Министры Юстиции». Такое отношение наблюдалось у П.Н. Переверзева³, «ни раз подчеркивающего, что мнение Юридического Совещания для него не обязательно, что он и сам в вопросах юридических кое-что смыслит и т.д.» Такое же отношение, по свидетельству Кошко, наблюдалось впоследствии и у А.С. Зарудного⁴.

При Юридическом совещании был создан ряд комиссий, сыгравших важную роль в системе законотворчества Временного правительства, и в них Лазаревский выступал в качестве одного из наиболее уважаемых специалистов в области публичного права. 27 июля 1917 г. была образована Особая комиссия по ликвидации сословных учреждений, председателем которой стал Лазаревский⁵. Он также был членом Особого совещания по разработке положения о выборах в Учредительное собрание⁶. С 11 октября под его руководством приступило к работе еще одно учреждение – Особая комиссия по подготовке проекта Основных законов⁷. Ее целью, по словам Лазаревского, была не «выработка текста отдельных законопроектов, но главным образом создание такого материала, который помог бы Учредительному Собранию разобраться в отдельных,

and East European History and Culture. Rare Books and Manuscript Library. Columbia University. Box 2.

¹ Там же.

² Koshko Family Memoirs. Box 2.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 1792. Оп.1 Д. 33. Л. 36.

⁶ Журнал заседания Временного правительства № 13. 9 марта 1917 года.

⁷ ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 7. Л. 1а, 3.

возникающих государственно-правовых вопросах»¹. Работа комиссии началась накануне падения Временного правительства, и поэтому юристы не успели выработать законченного проекта будущей конституции. Однако они успели определить предварительную структуру будущего проекта², и в соответствии с ней Лазаревскому была поручена разработка принципов автономии, федерализации и самоуправления³.

24 апреля 1917 г. Лазаревский был назначен товарищем министра финансов⁴. Весь период весны-осени 1917 г. он был одной из ключевых фигур в министерстве, одновременно занимая пост товарища министра и возглавляя Юрисконсультскую часть. Как товарищ министра он принимал участие в заседаниях Совещания товарищей министров, т.н. «малого совета». Примечательно, что постановления Временного правительства в порядке Совещания товарищей министров зачастую направлялись на утверждение в Министерство финансов, где те из них, которые требовали специальных юридических знаний, рассматривались в Юрисконсультской части. Таким образом, Лазаревский зачастую принимал участие в рассмотрении таких законопроектов дважды – как юрисконсульт министерства и как член совещания товарищей министров⁵. Пост юрисконсульты Министерства финансов Лазаревский занимал до 1 октября 1917 г., когда на это место был назначен Д.Д. Иванов⁶.

Работа Лазаревского в Министерстве финансов также была связана с его деятельностью в различных комиссиях и особых совещаниях. Так, в апреле он был привлечен к работе в составе Особого совещания для выработки ко времени созыва Учредительного собрания нового бюджетного закона⁷. В апреле правительство назначило Лазаревского председателем в междуведомственном совещании по вопросу о финансировании некоторых частных ме-

¹ Там же. Л. 47-48.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 48-49.

⁴ Журнал заседания Временного правительства № 61. 24 апреля 1917 г. // Журналы заседаний Временного правительства в 4 т. Т. 1. М., 2001. С. 343.

⁵ В фонде Министерства финансов в РГИА хранится дело с заключениями юрисконсульты по запискам, представляемым ведомствами, большая часть из которых направлялась в министерство именно из Совещания товарищей министров. РГИА. Ф. 560. Оп. 44. Д. 1678. Объем дела – 888 л.

⁶ Журнал заседания Временного правительства № 175. 21 сентября 1917 г. // Журналы заседаний Временного правительства в 4 т. Т. 4. М., 2004. С. 186.

⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 44. Д. 1551. Л. 27-28.

таллургических предприятий, работающих на нужды государственной обороны¹. В мае он был приглашен в Совещание по рассмотрению последовавших при прежнем строе назначений негласных пособий и выдач на известное бывшему Государю употребление, с целью установления, какие из них подлежат продолжению и какие могут быть прекращены².

В мае 1917 г. Лазаревский был назначен сенатором. В Постановлении Временного правительства от 8 мая 1917 г. указывается, что с 1 мая 1917 г. сенатором Первого департамента Правительствующего сената назначается «член Юридического совещания при Временном правительстве, юрисконсульт Министерства финансов Николай Иванович Лазаревский, с оставлением его членом названного Совещания»³.

Обращает на себя внимание тот факт, что Лазаревский в 1917 г. совмещал работу в нескольких учреждениях Временного правительства, которые были включены в единый механизм принятия административных и законодательных решений. Особенно ярко это совпадение компетенций проявило себя в период с июля, когда он стал председателем Юридического совещания, по конец сентября, когда он перестал быть главой Юрисконсультской части Министерства финансов. В это время Лазаревский принимал участие в работе Юридического совещания при Временном правительстве в качестве его председателя, и поэтому привлекался к заседаниям основного состава Временного правительства. В то же время он оставался товарищем министра финансов, и поэтому принимал участие в работе Совещания товарищей министров. На его плечах лежала основная часть юридической, в т.ч. законопроектной, работы в Юрисконсультской части Министерства финансов, но в то же время он возглавлял еще один орган правового сопровождения мероприятий Временного правительства – Юридического совещания, а также входил в состав целого ряда особых совещаний. Такое наложение должностных прав и обязанностей означает, что зачастую неформальные связи могли становиться важным фактором

¹ Журнал заседания Временного правительства № 61. 24 апреля 1917 г. // Журналы заседаний Временного правительства в 4 т. Т. 1. М., 2001. С. 343.

² РГИА. Ф. 560. Оп. 44. Д. 1551. Л. 30.

³ Журнал заседания Временного правительства № 72. 8 мая 1917 г. // Журналы заседаний Временного правительства в 4 т. Т. 2. М., 2002. С. 48.

принятия решений. При этом распределение обязанностей в одном органе могло быть продиктовано ходом дел в другом.

Работа таких невидимых связей видна на примере законопроекта об использовании силы падения воды. Еще в октябре 1916 г. юрисконсульт Лазаревский был назначен представителем Министерства финансов в Междуведомственную комиссию по вопросу об использовании запасов энергии в виде водопадов для снабжения Петрограда. Дело было инициировано Военным министерством, которое предложило использовать энергию водопадов для выработки электричества на нужды Петрограда. В ответ на эту инициативу Министерство внутренних дел и Министерство торговли и промышленности разработали противоречащие друг другу законопроекты, для рассмотрения которых и была создана эта комиссия. Тогда дело не получило окончательного решения. Однако уже в 1917 г. Юридическое совещание при Временном правительстве поручило Лазаревскому взять на себя работу над проектом Положения «Об использовании водных сил»¹, который затем был рассмотрен Временным правительством в конце июня 1917 г.² Это индивидуальное задание было поручено Лазаревскому именно потому, что он был знаком с вопросом по работе в соответствующем междуведомственном совещании.

История работы Лазаревского в правительственных учреждениях в 1917 г. также показывает, что в кадровой политике Временного правительства не было четкой границы между назначением на руководящие посты чиновников, выросших внутри прежней бюрократической системы, и привлечением представителей общественности. Лазаревский был одновременно и деятелем русского освободительного движения, известным либеральным профессором, членом партии кадетов, и в то же время чиновником, прошедшим многолетнюю школу бюрократической работы в Юрисконсультской части Министерства финансов. В постановлениях правительства его называли то «профессором» и «магистром государственного права», то «сенатором», «юрисконсультом», «товарищем министра», «председателем Юридического совещания»³. И все эти качества оказались востребованы новой властью в марте-октябре 1917 г.

¹ ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 3. Л. 56.

² РГИА. Ф. 560 Оп. 44. Д. 1550. Л. 213 об.

³ См.: Журналы заседаний Временного правительства в 4 т. Т.1-4.

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИДЕАЛЫ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.**

Один из первых проектов создания в России Государственной Думы – «Введение к уложению государственных законов» – был разработан в начале XIX в. М.М. Сперанским. Содержание данного документа, как и ряда других аналогичных проектов, составленных представителями правительственной дворянской элиты (Н.Н. Новосильцевым, Н.С. Мордвиновым, Г.Р. Державиным и др.), неоднократно подвергалось изучению историками и хорошо известно широкому кругу читателей, интересующихся историей российского конституционализма. В работах дореволюционных, советских и современных исследователей представлен детальный анализ содержания конституционных проектов, истории их создания, характера заимствования различных положений из европейских конституционных актов конца XVIII–начала XIX вв.² Однако, при всей значимости такого подхода, за пределами внимания историков до сих пор остается один из важнейших факторов, оказывавших влияние на характер восприятия конституционных идей в России в первой четверти XIX в. – оценка современниками эффективности выборов как инструмента определения кандидатов на общественно значимые должности в органы управления и судопроизводства на уездном и губернском уровне³. В данном контексте принципиально

¹ Тимофеев Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (ИИиА УРО РАН), профессор кафедры истории России Уральского Федерального университета.

² См., например: Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.-Л., 1957; Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989; Чернов К.С. Забытая конституция «Государственная уставная грамота Российской империи. М., 2007; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2014.

³ См. об истории электоральных практик в России: Куприянов А.И. Выборы в русской провинции 1775-1861. М., 2017; Он же. Городская культура русской провинции. Конец XVIII–первая половина XIX века. М., 2007. С. 225-298. В рамках исследования электорального поведения в процессе подготовки и проведения выборов в дворян-

важно определить, какие позитивные и негативные элементы электоральных практик российского дворянства использовались при обосновании необходимости или, напротив, нецелесообразности учреждения в России конституционной монархии с законодательным органом сословного представительства.

Конституционные проекты, авторами которых были представители высшей правительственной бюрократии¹, несмотря на различия в способах учреждения представительного органа при императоре (создание нового или преобразование уже существующих институтов, таких как Сенат или Государственный Совет), соотношении выборных и назначаемых верховной властью депутатов, объеме полномочий, размере имущественного ценза и других положений, имели сложносоставную идейную и практическую основу. Их авторы, с одной стороны, знали о структуре и принципах формирования органов государственной власти в странах Западной Европы и США², а, с другой, являясь сенаторами, членами Государственного Совета или министрами, участвовали в рассмотрении различных жалоб и прошений о нарушениях при проведении дворянских выборов. Такая двойственность информационных потоков обусловила положение, при котором вопрос о необходимости и своевременности создания в России выборного органа сословного представительства рассматривался на контрасте с российской действительностью, сведениями о реальном положении в различных губерниях страны. Подтверждением востребованности «выборной» проблематики в процессе работы высших государственных структур явля-

ских собраниях и органах городского самоуправления автор обращается к вопросу о влиянии выборов на восприятие в российском обществе конституционных идей.

¹ Рассмотрение факторов, оказывающих влияние на расстановку смысловых акцентов в конституционных проектах тайных обществ, требует отдельного изучения и не может быть представлено в рамках настоящей статьи.

² Одним из каналов такого знакомства были публикации в журналах «Сын Отечества», «Русский Вестник», «Отечественные записки», «Дух журналов», «Вестник Европы» выдержек из текстов зарубежных конституций. Как правило, такие публикации сопровождалась комментариями издателя журнала, общий смысл которых сводился к констатации общей для всех развитых стран мира тенденции по юридической фиксации гражданских прав и распространению принципа выборности при формировании органов государственного управления. См. подробнее: Timofeev D. V. Европейский принцип выборности в России первой четверти XIX века: идеальные модели и практики реализации // *Cahiers du Monde Russe*, 57/4, octobre-décembre. 2016. P. 743-764.

ются журналы заседаний Государственного Совета¹, постановления Сената, а также более 60 законодательных актов², изданных с целью корректировки различных аспектов подготовки избирательных списков, предотвращения «злоупотреблений» и «беспорядков при проведении выборов», определения причин для назначения на выборные должности чиновников и т.п. вопросов.

Сравнительный анализ архивных материалов РГИА, в частности, фондов Министерства внутренних дел, Сената, Государственного Совета и Комиссии составления законов выявил несколько ключевых проблем, возникших в связи с подготовкой и проведением избирательной процедуры в дворянских собраниях, а также службой дворян на выборных должностях.

1. *Проблема «недостатка» кандидатов на выборные должности*, полностью соответствовавших установленным законодательством требованиям. Показательно, что Сперанский во «Введении к уложению государственных законов», отмечая необходимость совершенствования органов «власти исполнительной» и «судопроизводства», констатировал: «Есть уезды, в коих дворянство так слабо, что некому ни выбирать, ни быть избираемым. Посему наполнение мест, хотя и чинится по выборам, но, в самом деле, зависит, большей частью, от произвола губернатора»³. Такая постановка вопроса неоднократно воспроизводилась и в донесениях губернских властей министру внутренних дел. В них отмечалось, что недостаток допускаемых к выборам дворян приводил к разнообразным нарушениям при составлении избирательных списков: в голосовании участвовали лица, не обладавшие необходимым количеством недвижимого имущества, не получившие обер-офицерского звания, ранее «оштрафованные», находившиеся под следствием или обвиняемые в совершении «неблаговидных поступков». В случае, если такие нарушения становись известны, губернатор не утверждал результаты голосования, а отстраненные таким образом дворяне подавали жалобы, в которых заявляли о несостоятельности выдвигаемых против них обвинений. Если же губернатор утверждал кандидатов, избранных с нарушениями правил, жалобу

¹ См. Архив Государственного Совета. Т. 4. Ч. 2. Журналы департамента законов. СПб., 1874. С. 102-122.

² Посчитано по: Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 г. СПб., 1830. Т. XXVI-XL (далее ПСЗ).

³ Сперанский М.М. Проекты и записки. М., 1961. С. 190-191.

подавали их противники, недовольные результатами выборов¹. Все это приводило к длительному разбирательству в различных инстанциях, в том числе, и на уровне Сената, а при отсутствии альтернативного кандидата – прямому назначению другого чиновника на выборную должность.

Характерным примером вынужденного обращения губернской администрации к министру внутренних дел о разрешении назначать на выборные должности являются представления Псковского, Воронежского, Смоленского, Олонецкого, Пензенского и Симбирского губернаторов². Дополнительным аргументом, использование которого становилось основанием для постановки вопроса о целесообразности использования выборных процедур как способа отбора квалифицированных чиновников, являлись конкретные примеры отсутствия у избранных дворян необходимых для работы знаний и навыков. Такой прагматической позиции придерживались чиновники уездного и губернского уровня. Так, например, в мае 1805 г. гражданский губернатор П.Я. Ламздорф, ссылаясь на указ от 3 марта 1805 г., в соответствии с которым в целом ряде губерний выборы земских исправников были упразднены и введен новый порядок их назначения Сенатом по представлению губернатора и министра внутренних дел³, просил распространить данное положение и на территорию Псковской губернии. Необходимость перехода от выборности к назначению земских исправников подтверждалась многолетней практикой, которая убедительно доказывала, что посредством избрания можно определить, кто из дворянства пользуется общественным доверием, но невозможно найти квалифицированных чиновников. По словам Ламздорфа, выборные в нижних Земских судах «... исправники ... не имеют и той способности и расторопности, каковыя в особенной сей части необходимо потребны...»⁴.

¹ Показательными в данном контексте являются, например, прошение помещика Енгальчева об отстранении его от должности судьи (РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а, 1814. Кн. 89. Д. 206) и жалоба предводителя дворянства С. Куприянова на неутверждение его в должности губернского предводителя дворянства (РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а, 1814. Кн. 89. Д. 231).

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 1, 1805. Кн. 22. Д. 10; Ф. 1284. Оп. 4а. Кн. 7. Д. 183; Ф. 1286. Оп. 2, 1811. Д. 293; ПСЗ. Т. XXXIV. № 27170.

³ ПСЗ. Т. XXVIII, 1805. № 21648. С. 885.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 3, 1805. Кн. 22. Д. 10. Л. 176 об.

Усугубляло негативные оценки принципа выборности еще и то, что часть избранных на должности дворян через некоторое время подавали прошение об увольнении, объясняя свое решение плохим состоянием здоровья. При этом знающие реальное положение дел дворяне утверждали, что сообщения о болезни были ложными. О масштабах проблемы уклонения от исполнения выборных должностей свидетельствуют неоднократно издаваемые законодательные акты, с помощью которых государство пыталось снизить количество отказников¹. С учетом всех указанных выше обстоятельств, ряд губернаторов подавали прошения о разрешении в управляемой ими губернии, в качестве исключения из общих правил, либо допустить к участию в выборах дворян, не соответствующих имущественному цензу и «оштрафованных» за незначительные проступки, либо назначать на выборные должности по представлению министра внутренних дел².

2. Отсутствие механизма своевременного получения достоверных сведений о соответствии кандидатов установленным требованиям. Сложившееся положение порождало, например, практику подложной купли-продажи населенных земель (имений) от одного дворянина другому с целью получения права участия в выборах. Такие имения фактически продолжали находиться в распоряжении прежних владельцев, а через некоторое время после выборов формально продавались им обратно³. Показательно, что для искоренения такого рода злоупотреблений С.К. Вязмитинов в феврале 1814 г. обратился с предложением увеличить имущественный ценз и ввести правило, в соответствии с которым дворянин должен был бы владеть имением не менее 3-6 лет до его участия в выборах.

В некоторых губерниях отсутствие достоверной информации приводило к избранию «недостойных кандидатов». Показательным является представление губернатора Олонецкой губернии, где из 44 избранных дворян лишь 7 были внесены в дворянскую родословную книгу. Не менее характерным подтверждением неспособности местных властей организовать сбор необходимых и актуальных сведений о кандидатах является донесение секретаря дворян-

¹ См., например: ПСЗ. Т. XXVI. № 19856 (пункт 5); Т. XXVII, № 20380. С. 228; Т. XXX, № 22846. С. 97-98; № 23170. С. 148-149. № 23538. С. 878-881.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 3. 1805. Кн. 22. Д. 8, 10; ПСЗ. Т. XXXIV, № 27170.

³ Там же. Оп. 4а. Кн. 89. Д. 205.

ского собрания Костромской губернии о допуске к выборам и утверждению в должности предводителя дворянства человека, который ранее был под судом по обвинению в ложной браковке рекрутов, а также уездного предводителя и земского исправника, обвиняемых в махинациях с недвижимостью и попытке сокрытия лица подозреваемого в совершении убийства¹.

3. *Использование избирательной процедуры для продвижения на различные должности «своих» людей*, которые должны были способствовать решению судебных дел и лоббировать экономические интересы при заключении контрактов с казной и т.п. дел. В донесениях губернаторов и председателей губернского дворянства нередко сообщалось о предварительном сговоре или скрытом подкупе выборщиков. Смоленский военный губернатор С.С. Апраксин 4 мая 1805 г. в представлении министру внутренних дел В.П. Кочубею о проведенных в губернии выборах сообщал: «...дворянин, желающий быть избранным, или желающий избрать кого-либо к занятию важного поста в своем уезде, прежде отъезда в губернский город составляет партию»². Создаваемая на непродолжительное время с целью повышения вероятности избрания определенного кандидата, такая «партия», по свидетельству автора, «...старается по возможности себя усилить числом, привлекая для умножения избирательных балов самобеднейших дворян»³. Потенциальным сторонникам определенного кандидата полностью оплачивался проезд до места голосования, а также все расходы, связанные с проживанием в губернском городе.

Таким образом, по сути, осуществлялся подкуп «беднейших дворян», имевших право участвовать в выборах. Нередко в качестве кандидата выдвигались родственники влиятельного дворянина или просто лица, которых он считал необходимым «устроить» на выборные должности. По мнению Апраксина, такое положение приводило к негласной зависимости дворянина от его покровителей, что имело негативные последствия не только для частных лиц, но и для государственной казны, т.к. выборные чиновники не имели «ни духа, ни намерения» принимать «решительные меры» по своевременной уплате долгов по недоимкам и пошлинам в казну,

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а. 1814. Кн. 91. Д. 231.

² Там же. Оп. 3, 1805. Кн. 22. Д. 8. Л. 167.

³ Там же. Л. 167-167 об.

«...оставляя все сие на произвол случая»¹. В данном контексте неизбежная предвыборная борьба различных группировок была направлена на извлечение лишь «частной выгоды», что позволяло поставить под сомнение «полезность» выборов для достижения «общего блага». Аргументируя таким образом неэффективность выборности как способа подбора квалифицированных и честных чиновников, Апраксин, также, как и Псковский губернатор Ламздорф, просил министра внутренних дел представить на высочайшее рассмотрение предложение о введении принципа назначения земских исправников и уездных судей от короны².

4. Еще одним следствием информации, поступающей в правительственные структуры о практике проведения выборов в различных губерниях, было понимание того, что даже та *часть дворянства*, которая выражала готовность способствовать достижению «общего блага» посредством избрания достойных кандидатов на должности в местном административном аппарате и судах, *не испытывала чувства «должного уважения к букве закона»*. Подобный вывод можно было сделать, например, после знакомства с историей выборов в дворянском собрании Саратовской губернии, где, сознательно нарушая установленную законом процедуру согласования кандидатуры с уездным предводителем, дворянство избрало на должность уездного судьи А. Каширина. При этом был составлен непредусмотренный законом «акт об избрании», в котором объяснялось, что выборы были проведены *без участия действующего предводителя*, т.к. дворяне знали о его личном нерасположении к претенденту. Аргументируя свои действия, они подчеркивали, что несоблюдение процедуры может быть оправдано тем, что результаты голосования отражают волю губернского дворянства³. Аналогичная, но доведенная до открытого конфликта с губернатором, ситуация возникла в Олонецкой губернии. После неутверждения в феврале 1811 г. губернатором В. Мертенс избранных кандидатов, допущенных к выборам с нарушением законодательства, группа дворян составила два протокола «дух неповиновения обнаруживающими». В ответ на требования губернатора представить ему копию этих документов губернский предводитель заявил:

¹ Там же. Л. 168 об.

² Там же. Л. 168-168 об.

³ РГИА. Ф. 1557. Оп. 1. Д. 88. Л. 8об-9.

«...дворянство не подвержено в движениях своих и делах ответам, и он не может доставить требуемые копии, не имея от дворянского собрания поручения»¹. В результате разбирательства по этому делу в Сенате было принято решение отстранить от должности губернского предводителя и губернского прокурора. Конечно, подобные инциденты были редким исключением из общего числа выборов, проходивших без каких-либо нарушений, и не отражали и сколько-нибудь заметную тенденцию к распространению в дворянских кругах оппозиционных настроений или конституционных идей.

* * *

В общем виде, недостаточное (даже для формирования местных органов управления и судопроизводства) количество дворян, неспособность местных администраций своевременно контролировать соответствие кандидатов установленным законом требованиям, разнонаправленность мотивации дворянства, одни из которых стремились использовать выборы для достижения коммерческих и карьерно-статусных целей, а другие предпочитали уклоняться от службы на выборных должностях – все это, в совокупности с представлением провинциального дворянства о допустимости несоблюдения формальных процедур при решении общественно значимых вопросов, становилось основанием для заявлений представителей правительственной элиты о неготовности России к созданию выборных органов представительного правления. В наиболее отчетливой форме такое скептическое отношение к российской действительности сформулировал В.П. Кочубей: *«В России, где государь есть глава всех трех частей, правительство составляющих, принадлежности законодательства не могут быть вверены никакому иному месту, как Государственному Совету. Не могут они присвоены быть депутатам губернским или, как в разных государствах называют, провинциальным штатам, ибо степень просвещения есть еще слишком ограничена, чтоб можно было нам подражать другим»*². Перспектива привлечения к системе принятия решений людей, «призванных доверенностью государя»,

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2, 1811. Д. 293. Л. 29.

² Кочубей В.П. Записка о положении империи, и мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разных отрасли, правительство составляющие (декабрь 1814 г.) // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1894. Т. 90. С. 8.

представлялась возможной только по мере распространения «познаний» и «просвещения».

На практике, в условиях российской действительности первой четверти XIX в., провозглашенная со времени правления Екатерины II обязанность любого гражданина содействовать к достижению «блага общего», сосуществовала в дворянских кругах с *электоральным клиентизмом*, который был хорошо адаптирован для достижения коммерческих и карьерно-статусных целей. Периодически воспроизводимые выборные процедуры способствовали формированию в России коммуникативной сети с относительно небольшим солидарным ядром (ближайшее окружение кандидата или его покровителя в лице вышестоящего чиновника) и слабо контролируемой периферией в лице уездных и провинциальных дворян, которые соглашались проголосовать за конкретного кандидата. И хотя, во многом благодаря выборам, в дворянских собраниях произошло осознание значимости коллективного мнения, оно не сопровождалось формированием оппозиционных настроений по отношению к властным структурам. Возникавшие конфликты имели, как правило, личностный, а не системный характер. Более того, формировавшиеся внутри дворянства «партии» не противопоставляли себя государству, а напротив, неизменно, используя различные риторические приемы, подчеркивали свою причастность к общегосударственной системе управления, стремлению к достижению «общего блага». В обращениях к министру внутренних дел или императору, оперируя понятиями «закон», «справедливость», «беспристрастие», «долг», «польза», «общее благо», выстраивалась формально строгая, иерархично организованная, но в принципе аналогичная логика взаимоотношений власти с дворянским сообществом, в соответствии с которой чиновники высшего уровня выступают в качестве арбитров в конфликтах на местном уровне. В рассматриваемый период в России еще нет конкуренции идей и программ, вместо них одновременно присутствовала конкуренция за право доступа к судебным-административным ресурсам и стремление показать принадлежность к «благородному сословию», наделенному особыми правами и привилегиями.

«БЕССМЫСЛЕННЫЕ МЕЧТАНИЯ» МЯТЕЖНЫХ ЗЕМСТВ КАК ВЫСШАЯ ШКОЛА КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Формирование конституционализма как политической идеологии происходило в XIX столетии и предшествовало первому российскому конституционному акту – Основным законам Российской Империи 1906 г. Это был период поиска баланса полномочий и прерогатив различных уровней самодержавной власти и общественного, сословного самоуправления. Власть и общество пытались выйти на новый уровень взаимодействия, часто далёкого от партнерства. Российские земства как продукт либерального реформирования страны во второй половине XIX в., таким образом, стали экспериментальной площадкой будущего парламентаризма. Почти полувековой путь общественных сил к нему был тернист. Незавершенность реформ Александра II, ярко выраженная политическая цикличность, обусловленная политическими предпочтениями новых императоров, перманентное нарушение принципа политической преемственности, – все эти обстоятельства практически обнуляли продуктивность политических резолюций земств, предлагая им реализовывать свой потенциал в основном при решении хозяйственных вопросов. Впоследствии молодой император Николай II, которому общественные силы в соответствии с привычной логикой российской политической цикличности прочили либеральное правление, стал придерживаться откровенно консервативного курса, чего стоит только его легендарный пассаж о «бессмысленных мечтаниях» тверского земства в январе 1895 г.

Однако апробирование новых форм самоуправления, выборности, гласности, репетиция на местах модели будущего центрального представительного учреждения, о котором мечтали земцы, позволили в дальнейшем, в парламентской практике, добиться видимых результатов. Припоминая слова Н.М. Пирумовой о том, что земства есть «школа постепенности в подготовке к парламентаризму», можно

¹ *Татаренкова Евгения Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.*

сказать, что оппозиционные земства, являясь кузницей кадров для будущих либеральных партий, становятся «высшей» его школой.

Особым радикализмом едва ли не с самого начала его деятельности отличалось Тверское земство. Проект региональной реализации крестьянской реформы легендарного тверского губернского предводителя дворянства А.М. Унковского, искренне не переносившего крепостничества и освободившего собственных крестьян еще до реформы, отражал стремление помещиков нечерноземной полосы к скорейшей ликвидации крепостных отношений. Тверскую губернию представляли наиболее выдающиеся представители этого течения. В 1862 г., возглавляемые Унковским тверские дворяне обратились к царю с нашумевшей радикальной резолюцией, в которой было прямо сформулировано указание на необходимое условие освобождения российского крестьянства: введение выборных институтов и отменой классовых привилегий. В формате земского воззвания фактически впервые в истории пореформенной России получил воплощение базовый либерально - оппозиционный постулат: «Собрание выборных земли русской представляет единственное средство к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных Положением 19-го февраля»¹. Данный «Адрес», впервые опубликованный в «Колоколе» Герцена, стал наиболее значительным проявлением либерального протеста против условий «Положений» и заявлением требований проведения дальнейших реформ.

Император Александр II, в отличие от внука, не выступил с драматичными заявлениями о «бессмысленных мечтаниях». Он воплотил свою реакцию на воззвание в конкретных действиях. 22 февраля 1862 г. он приказал заключить в Петропавловскую крепость на два года инициаторов составления «Адреса» мировых посредников и председателей уездных мировых съездов А.А. и Н.А. Бакуниных, С. Балкашина, А. Демьянова, П. Глазенапа, А. Кислинского, В. Кудрявцева, М. Лазарева, Л. Лихачева, А. Неведомского, Н. Полторацкого, Н. Харламова и Л. Широкова.

¹ Цит. по: Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи). М., 1994. С. 415.

Правда, через несколько месяцев император распорядился их освободить и вернуть на родину под надзор полиции.

Таким образом, первый земский призыв к реформированию России приобретал характер если не «бессмысленных мечтаний», то «идеальных устремлений» молодых тверских земцев, которые, по словам историка кадетской партии А.А. Корнилова, представляли собой «оригинальную и прямолинейную группу хранителей и наследников тверских традиций 60-х годов»¹. Это были яркие представители либерального земского движения, П.А. Корсаков, П.А. и А.А. Бакунины, младшие братья знаменитого анархиста. Братья Бакунины, по мнению их земляка, будущего выдающегося члена ЦК партии кадетов и пламенного думского трибуна Ф.И. Родичева, «задавали тон» идеям тверского дворянского либерализма, следуя традициям «эмансипации» 40-х - 60-х гг., в основе которых лежали свободолюбивые воззрения В.Г. Белинского и А.М. Унковского. Так, Родичев считал семью Бакуниных «светлым лучом, рыцарским орденом культуры в бедной, дикой, пошехонской России», подчеркивая, что их идеалом были не насилие и бунт, а долгий путь преобразования общества в духе политической свободы»².

На уездном уровне либеральная традиция явно просматривалась в деятельности Весъегонского и Новоторжского земств³. В числе их активистов выделялись все те же братья Бакунины, В.Н. Линд, Б.Е. Кетриц, П.Е. Гронский, В.А. Гольцев и П.А. Корсаков, которому принадлежит заслуга объединения кружка молодых либералов в Весъегонском уезде, что надолго определило направление деятельности местного земства⁴. Все эти люди составили ядро либерального крыла, которое одержало победу на земских выборах 1877 г. над консервативной группой. Ее тогда возглавляли князь Б.В. Мещерский и П.А. Кисловский, которого В.А. Маклаков характеризовал как унылого крепостника, а Ф.И. Родичев как «барина-самодура»⁵. Князь, однако, не мешал земским либералам проводить свою линию в собрании, так как, по замечанию Родичева, был «ручным» крепостником. Дорожа

¹ ААН РФ. Ф. 518. Оп. 5.Д. 68. Л. 76об.

² Родичев Ф. И. Воспоминания... С. 52

³ Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Прага, 1934. С. 268.

⁴ Родичев Ф.И. Воспоминания... С. 54.

⁵ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936. С. 18; Родичев Ф. И. Воспоминания.... С. 46-47.

своим положением председателя губернской управы, он по возможности старался избегать столкновений с «левыми»¹.

Как отмечал один из лидеров Тверского земства, известный публицист В.Н. Линд, направляющее значение в нем «оставалось за дворянством, и характер губернских и уездных собраний зависел исключительно от того, какая из дворянских партий – либеральная или консервативная брала перевес»².

Родичев указывал на существование в собрании и так называемого «центра» – «консерваторы в своей домашней жизни, готовые быть консерваторами и в общественной жизни, но люди чистые. Им претила грязь и злоба пошехонской старины... Я вспоминаю братьев Квашниных-Самариных. Всю жизнь они отрицали наше направление – и всю жизнь (кроме немногих случаев) на выборах и в постановлениях голосовали вместе с нами»³.

Благодаря указанным обстоятельствам, в 70-е гг. власть постепенно переходила к леволиберальной группе, «молодой Весьегонии», в конце десятилетия утвердившей свое влияние окончательно⁴. Логическим завершением этого процесса явилось избрание председателем губернской управы новоторжского либерала Н.П. Оленина⁵, сохранившего «со студенческих лет печать освободительных настроений»⁶.

Тверскую тактику одобрила и поддержала группа черниговских земцев, которую возглавляли И.И. Петрункевич и А.И. Линдфорс. Это сообщество, как самое левое крыло в земском либеральном движении семидесятых годов, вступила в 1878 г. в переговоры, с одной стороны, с народническими революционерами (В.А. Осинским и др.), призывая их к временному приостановлению разрушительной деятельности, и с городской либеральной интеллигенцией – с другой. «Если бы лучшие люди земства, – писал однажды Родичев Огареву, – сплотились в тесную организацию и в тиши теперешнего

¹ Родичев Ф.И. Воспоминания... С. 50.

² Линд В.Н. Первые шаги Тверского губернского земства // Земское дело. 1910. № 2-4. С. 130-131.

³ Родичев Ф.И. Воспоминания... С. 50.

⁴ Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. IV. С. 554.

⁵ Веселовский Б.Б. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864- 1913). Тверь, 1914. С. 562.

⁶ Родичев Ф.И. Воспоминания... С. 50.

царствования подготовили союз со столичной интеллигенцией и с пропагандистами, идущими в народ, – это была бы такая сила, которая подорвала бы всякий деспотизм и в истории оставила бы след, не менее славный, и, быть может, более плодотворный, чем 14 декабря¹. Такие планы лидеров оппозиционных земств в свое время воплотятся в переговорах 1895 г. и начала 1900-х гг. об издании нелегального оппозиционного органа за границей.

Нарастающая политическая борьба революционеров, с одной стороны, и ясно обозначившийся в условиях русско-турецкой войны 1877-1878 гг. кризис самодержавия – с другой, еще более активизировали либеральное движение. Правительственное обращение к обществу за содействием в борьбе с революционным движением (речь Александра II в марте 1878 г.) вызвало поток земских адресов, часть из которых снова содержала намеки на необходимость политических изменений в России. Исходным рубежом выступлений такого рода можно считать 1878 г., когда под руководством И.И. Петрункевича были составлены адреса Харьковского и Черниговского земств. В них либеральные земцы демонстрировали готовность сплотить свои силы с целью «встать между правительством и террором»² и выражали полную готовность в случае удовлетворения их просьб поддержать правительство в его борьбе с революционерами. Прямых конституционных лозунгов эти адреса не содержали, чего нельзя сказать о воззвании, составленном тверскими либерально настроенными гласными («Записка 22-х гласных»). Согласившись с известным публицистом М.П. Драгомановым, который отмечал, что тверской адрес представляет «как бы продолжение черниговского, но превосходит его положительностью требований, превосходя в то же время харьковский достоинством»³, стоит указать на еще одну характерную особенность: более высокая степень критики существующих в стране порядков. Так, тверское земство заявляло о своей готовности «восстать на борьбу с постоянно возрастающим злом», подчеркивая, что корень зла лежит глубже и что террор только внешний признак «общих глубоких недугов, кроющихся в нашем общественном организ-

¹ Ф. И. Родичев – Н. П. Огареву. Письмо от 31 мая 1876 г... С. 512.

² Петрункевич И.И. Страничка из воспоминаний. Сборник «Памяти В.А. Гольцева». М., 1910. С. 104.

³ Драгоманов М.П. Собрание политических сочинений. Т. II. Париж, 1906. С. 807.

ме»¹. Критикуя всевластие бюрократии, при котором «суд и закон перестают охранять личность, вполне подчиненную произволу администрации», авторы адреса заявляли, что до устранения всех этих условий русской жизни поддержка обществом правительства в борьбе с крамолой не может быть успешной. Ссылаясь на «истинное самоуправление, данное Александром II болгарскому народу», Родичев заявлял на собрании, что в данной записке поднят вопрос об «общих условиях земской деятельности и указаны те общие условия общественной автономии и личной свободы, при которых только и возможно искоренение зла, как нравственного, так и физического» и что «земство Тверской губернии смеет надеяться, что русский народ воспользуется теми же благами, которые одни могут дать ему возможность выйти, по слову государеву, на путь постепенного, мирного и законного развития»². Таким образом, Родичев выражал надежду на «поощрение тронем углубляющего реформы» курса М.Т. Лорис-Меликова, который, о его словам, «не боялся новой жизни и начинающих зарождаться земских устремлений»³. Несмотря на уникальную осторожность формулировок, слова адреса о «тех же» болгарских «благах» вкупе с пассажем об «истинном» самоуправлении представляли собой высказанные вслух мысли о необходимости конституции, которые черниговские земцы вынашивали, но не решились включить в свой адрес.

Однако, составить адрес и собрать под ним достаточное количество подписей было недостаточно, необходимо было превратить его в официальное обращение Тверского земства к правительству. Земские гласные попытались утвердить адрес на собрании экстренной сессии 21 февраля 1879 г., созванной с разрешения министра внутренних дел исключительно для рассмотрения губернаторского протеста на постановление собрания очередной декабрьской сессии и для обсуждения мер по борьбе с эпидемией чумы, и, как говорилось в донесении ГЖУ в департамент полиции, «вышли за пределы постав-

¹ Скалон В.Ю. Мнения земских собраний о современном положении России. Берлин, 1883. С. 89-91.

² Веселовский Б.Б. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864-1913). Тверь, 1914. С. 565.

³ Rodichev F. The liberal Movement in Russia (1855-1891)... P. 10.

ленных вопросов» и «вторглись в обсуждение вопросов общего государственного строя»¹.

Попытка обсудить адрес в собрании закончилась неудачей: председатель запретил ее даже зачитывать, а губернатор А.Н. Сомов не разрешил печатать его протоколы ни отдельной брошюрой, ни в повременных изданиях. Тезис о необходимости введения в России конституционного строя все более облекался в формат «бессмысленных мечтаний» вследствие усилившейся с весны 1879 г. правительственной реакции. Решение съезда о консолидации земско-либеральной адресной кампании также не было реализовано: из земских адресов, вызванных покушением на Александра II 2 апреля 1879 г., лишь очередной адрес Тверского земства содержал некие либеральные идеи.

В начале 1880-х гг. время поставило новые вопросы к земской либеральной оппозиции. Казалось бы, начало реализации политического проекта Лорис-Меликова и есть тот более чем удобный момент для радикализации старых осторожных формулировок и превращения мечтаний о конституции в комплекс легальных политических требований. Русские земские либералы не выдержали этого испытания, не оказав надлежащее давление на правительство и решительно не потребовав выполнения своих программных требований. Момент был явно упущен.

Спустя несколько дней после взрыва 1 марта новый император Александр III, принимая провинциальные депутации, поблагодарив присутствующих за оказание памяти «покойному батюшке» и пообещав никогда не забыть этого, «повернулся и ушел». ... «Что же дальше? Ничего! ... Весна 1881 года ушла на сокрушение Лориса», – вспоминал Родичев². Новому императору не пришлось формулировать крылатые фразы о «земских мечтаниях» и отказывать региональным либералам в их просьбах о представительном органе, поскольку они ничего у него не попросили. Представляется, что многие земцы, предполагая, что политика императора Александра III не будет покровительствовать освободительному движению, опустили ру-

¹ ГА РФ. Ф. 102. ДП III. 3 эксп. Оп.1878. Д. 201. Л. 12.

² Родичев Ф.И. Воспоминания... С. 72.

ки. «Фрондирование наследника при жизни Александра II вовсе не носило характера либерализма и далеко не шло», – писал Родичев.¹

Политическая активность либерального земского движения сразу после смены царствования резко снизилась. Однако своеобразным островком региональной оппозиционности все же продолжало оставаться Тверское земство. Губернское земское собрание 23 июня 1881 г. постановило: «Ввиду того, что никакие, как частные, так и общие, мероприятия или реформы не могут достигнуть цели, поставленной властью, без предварительного рассмотрения этих реформ выборными представителями всей русской земли, ходатайствовать о созыве народных представителей в особое совещательное учреждение, при содействии которого только и могут быть успешно выработаны и проведены в жизнь необходимые законодательные меры»². Тверская резолюция стала единственной, где вновь громко прозвучала мысль об «увенчании здания» народным представительством. Наступление правительства на земства в 80-е гг. создало обстановку, в которой даже отдаленные намеки на представительное правление стали невозможны. Мечты об увенчании здания земства представительным учреждением, по свидетельству В.А. Маклакова, «были покинуты, о конституции могла свободно говорить лишь одна реакция», и либеральное общество в ту пору лишь отстаивало существующие позиции³.

Политические требования, отошедшие на второй план в 80-е гг., в середине 90-х гг. снова заняли свое место в программных построениях тверских либералов: гласного губернского земства В.А. Гольцева, высланного в 1883 г. в Тверскую губернию Петрункевича, весьегонского предводителя дворянства и гласного уездного и губернского уровней Родичева. Местный губернатор П.Д. Ахлестышев в отчете за 1891 г. упоминал, что застал в губернии «диктатуру либеральной партии, твердо сплоченной и хорошо организованной», предлагая принять меры против «братьев Петрункевичей в Твери, Бакуниных в Новоторжском уезде и предводителя дворянства Роди-

¹ Там же. С. 77.

² Цит. по: Пирумова Н.М. Указ. соч. С. 135.

³Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Т. I. Париж, 1936. С. 26.

чева в Весьегонском уезде. В них все зло и зародыш движения»¹. Резкая личная характеристика Родичева, данная местными полицейскими властями в 1890 г. только подтверждала опасения губернатора: «Отъявленный лицемер-либерал, весьма неблагонадежен. Помимо обнаруживаемой им симпатии и покровительства поднадзорным, он обращает на себя внимание смелостью и резкостью суждений на дворянских и земских собраниях, всегда выступает с разного рода демонстративными предложениями, рисуясь беспощадной критикой административной власти»².

«Демонстративные предложения» обсуждались не только в кружке тверских земцев. Местные либералы постоянно поддерживали личные контакты с московскими общественными деятелями: В.И. Вернадским, А.А. Корниловым, С.А. Муромцевым, П.Н. Милюковым³. Все вопросы земской оппозиции, будь то очередные ходатайства земских собраний, планы земских съездов или нелегального издания рождались в имении Машук у Петрункевича или в Весьегонском уезде в имении братьев Родичевых.

Однако все усилия земской оппозиции на изменение правительственного курса снова не увенчались успехом. Они сменились иллюзиями, связанными с вступлением на престол Николая II. Воплотились они в знаменитом адресе Тверского земства, максимально отразившем политические притязания земского либерализма. При участии Родичева и П.А. Корсакова 1894 г. в Санкт-Петербурге, в доме В.В. Стасова состоялось частное совещание земских деятелей, где обсуждалась подготовка адресной кампании⁴. Адрес был единодушно одобрен, вызвав только одно замечание Анастасии Сергеевны Петрункевич, которая предсказала, что, скорее всего, первая фраза о «начале служения царя русскому народу» вызовет недовольство и даже гнев со стороны царской администрации. Однако Родичев настоял на включении этих слов в окончательный текст⁵. На губернском земском собрании 8 декабря 1894 г. он подчеркнул, что «земские силы желают господства закона», который и есть «ясное выра-

¹ГА ТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 112. Л. 4об.

²ГА РФ. Ф. 102. ДП III. Оп. 86. Ч. 74. 65/67. Л. 2.

³Петрункевич И.И. Из записок ... С. 267.

⁴Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет. Т. 3. СПб., 1911. С. 500.

⁵Родичев Ф.И. Из воспоминаний // Современные записки. С. 289-290.

жение мысли и воли монарха»¹. Еще до того, как был зачитан адрес, вступительное слово вызвало критику со стороны отдельных земцев. Один из них – князь В.М. Путятин, выразил сомнение в правомерности собрания обращаться к императору с адресом. Однако по требованию большинство гласных он был оглашен. В нем говорилось: «В знаменательные дни служения Вашего русскому народу, земство тверской губернии приветствует Вас приветом верноподданных ... Мы ждем, Государь, возможности и права для общественных учреждений выражать свое мнение по вопросам их касающихся, дабы до высоты престола могли достигать выражения потребностей и мыслей не только представителей администрации, но и народа русского... Мы верим, что в общении с представителями всех сословий, равно преданных престолу и отечеству, власть Вашего величества найдет новый источник силы и залог успеха...»² Более смелых высказываний в адресе не было. В нем не ставился вопрос ни о формах участия земцев в обсуждении государственных вопросов, ни о необходимости введения конституции. Это подтверждали как сам Родичев³, так и многие исследователи истории адреса, как, например, А.А. Кизеветтер, Б.Б. Веселовский и С.Г. Сватиков. Они расценивали адрес как корректную по отношению к верховной власти, более того, неловкую попытку прогрессивных земцев создать некий компромисс, нащупать такую формулу, которая, с одной стороны, не показалась бы верховной власти дерзким политическим притязанием, а с другой, – могла бы консолидировать земское движение⁴. Подобная постановка вопроса вызывала критику со стороны представителей некоторых более радикальных политических сил. Так, П.Б. Струве, будучи в ту пору одним из лидеров «легального» марксизма, называл адрес «подлинно верноподданическим заявлением», сокрушаясь при этом, что «старшее поколение, к которому принадлежали либералы типа Родичева, за время реакционного царствования Александра III со-

¹Родичев Ф.И. Воспоминания... С. 84-85.

²Цит. по: Мирный С. Адресы земств 1894/95 и их политическая программа. Женева, 1896. С. 4.

³Письмо Ф.И. Родичева к А.Р. Ледницкому. / Родичев Ф.И. Воспоминания и очерки о русском либерализме... С. 160.

⁴Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Прага, 1929. С.193; Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700-1895). Ростов-на-Дону, 1905. С.190; Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. Т. 3. СПб., 1911. С. 499.

вершенно отвыкли протестовать»¹. В то же время С.Ю. Витте расценил адрес не как «результат случайного увлечения мимолетной идеей», а как прямое следствие «удобного момента для выражения старой мысли земцев о необходимости добиться участия в законодательстве и центральном управлении»².

Однако последующие события рассеяли всяческие иллюзии на этот счет. Не питавший их никогда граф П.А. Гейден на одном из земских собраний напомнил коллегам стихи Гете о швабе Гервеге, просящего короля даровать народу свободу. – «Этого у меня нет, – отвечал король, – а вот я тебе дам двух жандармов, которые проводят тебя до границы»³.

Вскоре стало ясно, что в контексте происходящих событий строки великого немца оказались пророческими. Николай II расценил адрес тверского земства как дерзкое нарушение установленных для него компетенций и даже посягательство на прерогативы верховной власти. Адрес принят не был, а на прием, устроенный по случаю бракосочетания царя, Родичев и А.А. Головачев, входившие в состав делегации тверского земства, были не допущены. В назначенный день, 17 января 1895 г. в Зимнем дворце, на приеме земских делегаций, молодой император выступил кратко и недвусмысленно: *«Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный Родитель»*. Родичеву, как вдохновителю и инициатору этого адреса, по высочайшему повелению в течение последующих десяти лет было запрещено участвовать в сословных и общественных собраниях и выборах и выставлять свою кандидатуру для избрания⁴. Император прокомментировал свое решение: «Я чрезвычайно удивлен и недо-

¹Струве П.Б. Ф.И. Родичев и мои встречи с ним. Главы из воспоминаний // Возрождение. Париж, 1949. № 1. С. 31.

²Витте С.Ю. Самодержавие и земство. Изд. ред. «Освобождения». 2 изд. Штутгарт, 1903. С. 166.

³Там же.

⁴ГА РФ. Ф.102. ДП III. Ч. 104. Оп.672. Д. 2. Л. 2.

волен этою неуместною выходкою 35 гласных губ[ернского] зем[ского] собрания. Хорошо тоже смотрят уездные предводители»¹.

Реакция царя на Тверской адрес превзошла самые пессимистические прогнозы, вызвав недоумение даже в придворных кругах.

Через два дня после приема депутатов в Петербурге появилось и стало ходить по рукам «Открытое письмо к Николаю II». Неизвестный автор, обращаясь к царю в непривычно дерзкой и бескомпромиссной форме, писал о неадекватности его реакции на «слабый крик, вырвавшийся из груди земских людей против бюрократически-полицейского произвола», что являлось, по его мнению, демонстрацией полнейшего отчуждения верховной власти от общества. Далее, вслед за обычными для либералов высказываниями относительно пагубности существующего всевластия бюрократии, говорилось: «Вы увлеклись так далеко в ненужном охранении того самодержавия, на который ни один земский человек и не думал посягать, ... бросили земским людям вызов, и им теперь ничего не остается, как сделать сознательный выбор между движением вперед и верностью самодержавию... Вы первый начали борьбу, - и борьба не заставит себя ждать»².

Долгое время авторство этого письма приписывалось Родичеву, вероятно, как первому земцу, вступившему в полемику с царем еще на земских заседаниях. Однако в своих воспоминаниях, изданных в 1933 г., уже после его смерти, он указал, что составителем письма был Струве, тогда еще идеолог «легального» марксизма.

Интересно, что изучив ответ царю, который содержал видимый налет радикализма, земцы решили его переформатировать в либеральном духе с целью передачи в открытую печать. Написать текст предложил В.С. Соловьев, который мечтал «высказаться с полной определенностью, навлечь на себя гонение и тогда уехать из России, чтобы писать на полной свободе». По словам Родичева, Соловьев после долгих колебаний написал в «Вестнике Европы» статью «до того неясную, что ее можно было истолковать как оправдание самодержавия с религиозной точки зрения»³. Тогда брошюру, впослед-

¹ Всеподданейший доклад министра внутренних дел И.Н.Дурново 11 января 1995 / И. Н. Дурново // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 598. Л. 1

²Струве П.Б. Ф.И. Родичев и мои встречи с ним // Возрождение. Париж, С. 32-33.

³Родичев Ф.И. Воспоминания... С. 89.

ствии изданную за границей, написал Родичев, о чем свидетельствует как он сам, так и В.А. Маклаков и П.Б. Струве¹. Таким образом, и это подтверждается мнением исследователей², автором брошюры не являлся Д.И. Шаховской, на что было указано в первом ее издании, вышедшем в 1895 г. в «Сводном каталоге русской нелегальной и запрещенной печати XIX века», да и в некоторых современных работах.

Брошюра Родичева была составлена в менее резких, чем прокламация Струве, выражениях и не содержала намеков на силы, готовые к решительной борьбе. В ней опальный земец подвергал анализу царские слова о «бессмысленных мечтаниях», иронично подчеркивая, что «мечтать об участии земства через своих представителей во внутреннем управлении и вправду бессмысленно. Кто же мечтает о том, что уже давно существует?»³ Таким образом, Родичев усмотрел в речи государя смысл гораздо более зловещий, чем отрицание конституции. «Бессмысленными мечтаниями», по его мнению, самодержец назвал не конституцию, а претензию на участие земств в делах внутреннего управления. Обвиняя Николая II в нежелании «соединения с народом, гласности и торжества законности», автор делал вывод, что слова царя означали только одно: законность и обуздание административного произвола несовместимы с самодержавным курсом, которому он намерен следовать.⁴ После перечисления классических пожеланий о доверии к земцам и об ограничении всевластия бюрократии, Родичев поставил вопросы, на которые сам же и дал четкий ответ: «Разве право петиций, предоставленное дворянству, ограничивает самодержавие? Или оно будет ограничено, если такое право будет предоставлено земству? Охрана личности, вопрос об ее правах, разве это вопрос о конституции?.. Свободы требуют. Потом ее, как и счастье, берут»⁵. Эти слова прямо указывают на то, что конкретные конституционные требования, несмотря на намеки на некую абстрактную борьбу («свободу...берут») не получили в то время программного выражения. Они не содержались не

¹Родичев Ф.И. Воспоминания... С. 89; Маклаков В.А. Власть и общественность... Т. I. С. 135; Струве П.Б. Примечания к воспоминаниям Ф.И. Родичева // Современные записки. LIII. С. 296.

²Пирумова Н.М. Указ. соч. С. 164; Шлемин П.А. Указ. соч. С. 70.

³Первая царская речь. Женева, 1900. С. 4-5.

⁴Там же. С. 5, 14.

⁵Первая царская речь. Женева, 1900. С. 27.

только в Тверском адресе, но и в тексте ответа царю. Тем не менее, важность и злободневность этих документов состояла в демонстрации четкого понимания личностных качеств нового царя и стремления реализовывать либеральные требования в будущем. Кроме того, оба текста представляют довольно смелую на фоне других либеральных пожеланий попытку апеллировать к общественному мнению. Родичев, сообщая в них о народных нуждах, рассчитывал не только на то, что эти пожелания услышит царь, но что они станут достоянием широкой общественности.

До того момента, когда общественные силы России, устав «требовать», все же «возьмут» свободу, оставалось десятилетие. Летом 1903 г., некто «Старый земец» писал в «Освобождении»: «Если бы мы верили в личные силы государя, мы были бы готовы умолять его: ...Обратитесь к народу. Созовите Земский собор! Спасите страну от потрясений и кровавых жертв. Но тщетны мольбы ... Земский Собор будет созван, это видит всякий, у кого ум и совесть не на содержании у казны, но он будет созван не по указанию государственного ума и человеческого сердца, а под давлением напора событий, под давлением ненависти, ежечасно сеемой самодержавием, под давлением нужды и необходимости, скупно, неискренно, поздно»¹. Под псевдонимом «Старый земец» в «Освобождении» одновременно просителем и провидцем в который раз выступал тверской либерал Родичев, ставший позже членом ЦК кадетской партии, выдающимся трибуном всех четырех Государственных дум России.

Можно лишь предполагать, какой политический смысл в понятие Земский Собор вкладывали земские либералы начала XX в. Было ли это метафорой, неким абстрактным обозначением любого учреждения, сдерживающего самодержавие, парламента европейского типа, или они рассуждали о нем в духе политических построений «диктатуры сердца»? В любом случае, история пошла дальше прогнозов «Старого земца». В результате российской революции, 27 апреля 1906 г., «под давлением напора событий» начал работу первый в истории России парламент. Уже в Первой Государственной Думе был представлен цвет русского земства, своеобразная политическая и хозяйственная элита, сформировавшаяся в среде местного самоуправ-

¹Освобождение. 1903. № 24.

ления, среди которых 68 человек являлись членами партии кадетов - одной из крупнейших партийных фракций Думы. К ней же относились и наиболее известные земские деятели, представленные в Думе – С.А. Муромцев, З.Г. Френкель, В.Н. Радаков, Н.Н. Львов, И.И. Петрункевич Ф.И. Родичев, П.Д. Долгоруков, В.И. Гессен, Д.И. Шаховской. Решение многих вопросов думской деятельности проводилось не просто на основе теоретических размышлений, но в том числе и на опыте практической деятельности, накопленной при работе в земствах и городском самоуправлении. Можно сказать, что с включением в состав Думы депутатов-земцев позволил начать интеграцию в государственный механизм представителей альтернативной политической элиты, сформировавшейся в органах местного самоуправления. Многие земские деятели приняли активное участие в формировании и работе Государственной Думы Российской империи всех четырех созывов. Само создание данного парламентского института было подготовлено многолетней деятельностью земских представительских учреждений, в том числе и главным образом в политической сфере.

Р.М. Абинякин¹

ЗАРОЖДЕНИЕ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ И УЧАСТИЕ ВИДНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Исследованиям февральско-октябрьских событий российской революции 1917 г. не повезло дважды. В советской историографии они рассматривались сквозь исключительно политический, более того, партийный подход. В современной историографии, при всем разнообразии, чисто партийная история сохраняется, однако соседствуя с хаотическими «непартийными», а зачастую, и просто лишенными методологии точечными исследованиями. Грубо говоря, с одной стороны, имеется каскад добротных работ на запретные

¹ *Абинякин Роман Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.*

ранее темы противников большевиков, а, с другой, – часть исследований вообще игнорируют деятельность политических партий.

Поэтому попытка обозначить тему тактических контактов деятелей бывшей Государственной Думы (как представителей несомненного дореволюционного политического истеблишмента) и зарождавшейся военной контрреволюции представляется весьма целесообразной.

Занятый в большей степени фронтовыми и столичными офицерскими и прочими патриотическими организациями, Л.Г. Корнилов вошел в контакт с Москвой только накануне Государственного Совещания. Характерно, что гонец Корнилова объявил о возможном аресте Совещания, причем не уточнил, с чьей стороны. При этом в боевую готовность приводилась не только воинская команда Союза, но и широкие офицерские круги¹. Складывается устойчивое убеждение, о, как минимум, производившейся Корниловым проверке сил, не исключая и намеков военного переворота непосредственно в Москве (вдали от буйного петроградского гарнизона), как максимум. В пользу последнего говорит и заманчивая реальная возможность взять под контроль и нейтрализовать всех политиков, прибывших на Совецание (правда, за исключением части скрывавшихся большевиков).

Отказ от решительного шага произошел во многом из-за того, что Верховному Главнокомандующему и его самому горячему стороннику генерал-лейтенанту А.К. Каледину отсоветовал начинать выступление не кто иной, как П.Н. Милюков². Пугая опасностью восстановить против себя все политические партии, он, по сути, высказал ультиматум – предупреждение об отказе в своей поддержке. Действительно, кадетский лидер «ни на минуту не допускал, что Россию спасет Корнилов»³, но лишь потому, что, как увидим чуть ниже, делал ставку на собственного кандидата.

После Государственного Совещания, падения Риги и ухудшения общего положения на фронтах (при игнорировании мер, предложенных Корниловым) генерал утвердился во мнении о жизненной необходимости диктатуры. Поэтому утвержденный еще 11 августа

¹ Нестерович-Берг М.А. В борьбе с большевиками: Воспоминания. Париж, 1931. С. 15, 17-18.

² Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 310.

³ Цит. по: Булдаков В.П. Красная Смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 205.

план переброски 3-го конного корпуса к Петрограду начал выполняться. Сведения, поступавшие в Ставку из считавшихся надежными источников, прогнозировали новое вооруженное выступление большевиков 28-29 августа или 2-3 сентября. Это-то доверие и сыграло роковую роль.

Корнилов чувствовал моральную и рассчитывал на реальную поддержку со стороны крупных легальных военных организаций. 6 августа экстренное заседание Совета Союза казачьих войск отмечало невозможность смены Корнилова на посту Верховного Главнокомандующего и, в противном случае, снимало «с себя ответственность за поведение казачьих войск на фронте и в тылу»¹. К данному заявлению 7 августа единогласно присоединилась конференция Союза Георгиевских кавалеров, обещая бросить «боевой клич всем кавалерам к выступлению совместно с казачеством»². В свете формирования Георгиевских частей угроза не была беспочвенной, – впрочем, они оказались верны правительству и враждебны корниловцам, почему позднее, на Дону, Корнилов поставил на них крест и воссоздавать не разрешил.

Теперь обратимся к не столь яркой, но не менее крупной, поистине ключевой фигуре последующих событий – генералу М.В. Алексееву. Еще в свою бытность Верховным Главнокомандующим он организовал в мае в Ставке Союз офицеров Армии и Флота с целью «выразить общий голос и общий взгляд офицерства»³. Организация намеревалась не только представлять их интересы, но и сплачивать для действий. Собранный вскоре в Могилеве съезд офицеров декларировал свою аполитичность, концентрируясь на военно-дисциплинарных задачах и корпоративной защите офицерского корпуса от нападков и притеснений, неизбежных при тогдашних способах «демократизации» армии. Съезд ни единым постановлением не выразил враждебности режиму, но подверг критике военную политику правительства⁴. А.Ф. Керенский, верный свободе слова, не мог запретить Союз офицеров, вследствие чего была достигнута легальность. Однако личность Алексеева неоднократно

¹ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. В 12 кн. Б/м, 1937. Ч. 1. Кн. 2. С. 18-19.

² Цит. по: Там же. С. 19.

³ Цит. по: Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 гг. / Сост. В.Е. Павлов. В 2 кн. Кн. 1. Париж, 1962. С. 16.

⁴ Там же. С. 17.

вызывала недовольство, и военный министр добился его смещения. Этот шаг стал ошибкой правительства: к государственным соображениям присоединились личные мотивы перехода генерала в оппозицию.

Союз офицеров по праву должен считаться самой массовой и авторитетной организацией, так как создавался путем простой централизации уже *самовозникших* на местах так называемых «офицерских комитетов» (и отдельных объединений чинов Генерального Штаба)¹ – противовеса Советам солдатских депутатов. Союз состоял из отделений «в штабах армий, корпусов, дивизий и в каждой отдельной части», а также в округах². Центральным органом был Главный комитет Союза в Могилеве, где председательствовал полковник Л.Н. Новосильцев³.

Наличие достаточно серьезной силы, включившей почти все фронтовое офицерство, соединяясь с острым недовольством правительством, толкнуло Алексеева, по утверждению Керенского, к началу обширного заговора⁴. Разумеется, министр-председатель выстраивал свою версию, нередко искажая факты и их толкование. Но данное заявление, скорее, выбивается из его схемы и подтверждается обстановкой тех дней. Не случайно новый Верховный Главнокомандующий А.А. Брусилов – креатура Керенского – не посвящался в детали работы Главного комитета. Параллельно с официальной линией отделов и подотделов Союза офицеров налаживалась негласная связь через созданные в каждой дивизии «пятерки», состоявшие из представителей полков – по одному от полка⁵.

В противоположность Корнилову, не «вождь», а «организатор», признанный крупный штабной стратег⁶, Алексеев скрытно, но последовательно метил в диктаторы и сделал серьезные шаги для этого.

¹ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам: Воспоминания / Лит. запись И. Кремлева. М., 1958. С. 144-145.

² Лукомский А.С. Из воспоминаний // Архив русской революции. В 22 т. Берлин, 1922. Т. 5. С. 111.

³ Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 74-75.

⁴ Там же. С. 76-77.

⁵ Оприц И.Н. Лейб-гвардии Казачий Его Величества полк в годы революции и Гражданской войны 1917-1920. Париж, 1939. С. 43.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 69. Оп. 1. Д. 75. Л. 27.

После назначения Верховным Главнокомандующим Корнилова Союз офицеров начал сотрудничество с ним. Уже в первой половине августа появились аналогичные казачьим и георгиевским по смыслу и превосходящие их по остроте заявления: корниловские «требования, направленные к оздоровлению армии, мы будем отстаивать хотя бы нашей кровью»¹. Получив готовую и относительно отлаженную структуру, Корнилов использовал помощь чинов Главного комитета². Его эмиссары полковники Д.А. Лебедев и В.И. Сидорин прибыли в Петроград и вошли в контакт с тайным «обществом самообороны» графа Н. Палена, уже сформировавшим несколько негласных офицерских дружин³.

Исследования, в т.ч. и современные, имеют крупный недостаток: сосредотачивая внимание на Корнилове, выпускают из поля зрения Алексеева или не видят их взаимосвязи. Между тем, пути двух кандидатов в диктаторы не могли не пересечься.

Бесспорно, Алексеева беспокоил рост корниловской популярности и активности и в целом, и особенно в среде его детища – Союза офицеров. Использование Верховным Главнокомандующим Союза повышало шансы Корнилова на победу и одновременно означало крах алексеевских расчетов на диктаторство. Вспомним, что Алексеев давно неприязненно относился к «высочке» Корнилову, менее чем за год взлетевшему от командира корпуса до Верховного Главнокомандующего и обошедшему старого генерала в получении ордена Св. Георгия 3-й степени. В марте Алексеев сильно противился назначению Корнилова командующим Петроградским военным округом, а в апреле угрожал отставкой в ответ на планировавшееся назначение его командующим Северным фронтом, соглашаясь выделить лишь номерную армию⁴. Исходя из этих соображений, их столкновение вполне объяснимо.

Информация о готовящемся на рубеже августа-сентября «большевистском выступлении» в Петрограде поступала к Корнилову от Сидорина, который при этом продолжал встречи и консультации с Алексеевым. Но в действительности, восстание в *тот момент* еще не назрело, иначе заговорщики не планировали бы про-

¹ Там же. Лл. 137-137об.; Головин Н.Н. Указ. соч. Ч. 1. Кн. 2. С. 19.

² Лукомский А.С. Указ. соч. Т. 5. С. 111.

³ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. Пер. с англ. М., 1993. С. 254.

⁴ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 39, 65.

вокацию «уличного бунта» людьми Сидорина же¹. (Утверждение Керенского о поддержке Верховного Главнокомандующего Алексеевым противоречат его же словам о том, что они были *главными* соперниками.) Принимая тезис о заведомой ложности сообщения группы Сидорина, нетрудно допустить умышленную дезинформацию с подачи Алексеева. Присоединение внутренней угрозы к кризису фронта провоцировало Корнилова на выступление.

И тот же Алексеев, узнав о получении из Ставки приказа о начале «выполнения инструкций», приказал (!) Сидорину не исполнять его и даже угрожал в противном случае самоубийством². Позднее корниловские сторонники недвусмысленно заявили: «Офицерские организации Петрограда вследствие бездарности и пассивности вождей не сделали даже попытки выступить, что имело бы громадные последствия, ввиду полной растерянности и панического настроения гарнизона»³. Действительно, их бездействие, сохранившее порядок в столице, оставило правительству одного врага – Корнилова – и опровергло заявления последнего о большевистской опасности.

Более того, Алексеев обратился к уже выступившему на столицу командиру 3-го конного корпуса генералу А.И. Крымову с сообщением о полной стабильности обстановки в городе, прося «остановить войска и самому немедленно прибыть в Петроград»⁴. И произошло невероятное: Крымов, никоим образом не подчиненный «военному советнику Временного правительства», преступил приказ прямого начальника – Верховного Главнокомандующего – и подчинился полученной «просьбе». Горячий сторонник «жестокой расчистки» неожиданно потерял всю решительность.

Необъяснимое поведение Крымова становится понятным, если вспомнить и о его соперничестве с Корниловым, когда тот не согласился с его весенним планом «расчистки Петрограда» и фактически удалил Крымова из столицы. Срабатывал принцип «соперник моего соперника – мой союзник». Данный эпизод не только доказывает сильный неформальный авторитет Алексеева как заговорщика, но и подтверждает сохранение давней, еще дореволюционной связи

¹ Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 268.

² Там же. С. 268, 270.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 96. Л. 4.

⁴ Лукомский А.С. Указ. соч. Т. 5. С. 122.

Крымова с Милюковым. «Просьба» Алексеева в сочетании с анти-корниловской пропагандой Советов в войсках, фактически брошенных командиром корпуса, принесли победу правительству. При явном дилетантизме Корнилова как заговорщика¹ его поражение стало закономерным.

По сути, выдав, «подставив» соперника, Алексеев отбросил его назад. Неясная смерть Крымова тоже была ему на руку: как выразился начальник Туземной конной дивизии, «теперь все концы в воду»². Лавр Георгиевич позже узнал обо всем этом и, как свидетельствовал хорошо информированный современник, «не мог никогда простить Алексею его роли в деле его, Корнилова»³.

Именно Алексею 28 августа Милюков, близкий к панике из-за вначале казавшегося столичным кругам несомненным успеха Корнилова⁴, предложил кресло премьера; то же посоветовал Керенскому Н.В. Некрасов, мгновенно вылетевший за это из правительства⁵. Реализация означала бы полную алексеевскую победу – диктатуру законным путем или, по крайней мере, с видимостью преемственности. Но Керенский, чувствовавший себя триумфатором, не собирался уступать власть.

Г.З. Иоффе, не ссылаясь на источник, утверждает предложение министром-председателем Алексею верховного главнокомандования. Однако встреча генерала с Керенским 30 августа происходила при единственном свидетеле – представителе Земгора, заместителе начальника штаба Верховного Главнокомандующего по гражданским делам В.В. Вырубове, который об этом, насколько известно, в воспоминаниях вообще не упомянул. Сам же Керенский писал о *намерении* предложить пост Верховного Главнокомандующего, но странным образом умолчал о самом *факте* такого предложения. В итоге, после «бурной вспышки эмоций», Алексеев принял только должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего⁶.

¹ Головин Н.Н. Указ. соч. Ч. 1. Кн. 2. С. 42.

² Цит. по: Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 139.

³ Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд // Князя Трубецкие. Россия воспрянет! / Сост. А.В. Трубецкой. М., 1996. С. 56.

⁴ Войтинский В.С. 1917-й: Год побед и поражений / Под ред. Ю. Фельштинского. М., 1999. С. 223.

⁵ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 142; См. также: Грунт А.Я., Старцев В.И. Петроград – Москва. Июль-ноябрь 1917. М., 1984. С. 46.

⁶ Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 247.

Понять генерала довольно легко. Получив за день до визита Керенского гарантии своего премьерства, он неожиданно для себя увидел гораздо меньшие результаты и перспективы, поняв ошибку в расчетах. Согласие же возглавить штаб «главноуправляющего» диктовалось стремлением сохранить не только кадры тайной организации и видимость собственной непричастности, но теперь и бывшего соперника как потенциального союзника. Ничтожность Временного правительства была понята окончательно, и уже 5 сентября Алексеев подал в отставку. Вскоре Керенский распустил Союз офицеров.

Превратившись номинально в частное лицо, Алексеев внешне перестал быть в центре событий, но продолжал внушать опасения правительству. Почти сразу же Керенский предложил направить его в качестве военного представителя на общесозное совещание¹, т.е., по сути, под благовидным предлогом удалить «опасного» генерала из страны на достаточно продолжительное время. Однако Алексеев с негодованием отказался, маневр министра-председателя не удался, и генерал продолжил деятельную тайную работу.

В Петрограде центром объединения стала довольно крупная тайная группа «Русское Собрание», возглавленная известнейшим думским деятелем, монархистом В.М. Пуришкевичем. Она возникла при легальном правонационалистическом «Обществе государственной карты» при активной поддержке его председателя, редактора «Исторического вестника» Б.Б. Глинского². Именно с ней контактировал Алексеев, скрыто руководя и второй тайной структурой – чисто военной – Офицерской Объединенной организацией.

Концентрация офицерских кадров требовала маскировки. Для этого начальник военной организации, лейб-гвардии Преображенского полка полковник П.А. Веденяпин, вошел в состав лечебно-профилактического общества по борьбе с туберкулезом «Капля молока», превратив его «и в питательный пункт, и в нелегальное «управление этапного коменданта»³. За безобидной ширмой начал работать перевалочный штаб. Через торгово-промышленные круги готовился пуск бездействовавших заводов для размещения там

¹ Лембич М. Великий печальник. Омск, 1919. С. 16.

² Перекличка. 1961. № 120. С. 9.

³ Марковцы в боях и походах... Кн. 1. С. 22.

офицеров под видом рабочих¹. (И это единственное косвенное свидетельство, что в контакт с Алексеевым мог войти А.И. Гучков).

Несколько особняком стояла деятельность Алексеева вокруг общества «Белый Крест», название которого ранее ошибочно считали названием созданной им организации. Первое его упоминание в таком контексте относится к 12 октября. Но еще и через пять-шесть дней генерал писал лишь о необходимости «установить соприкосновение» с ним «для отчетности и по причинам формального характера»² – т.е. раньше оно существовало, но задействовано в алексеевской структуре не было. Это и неудивительно, ибо неофициальным главой «Белого Креста» был М.В. Родзянко³ – деятель явных симпатий к Корнилову. Более верным поэтому представляется мнение А.П. Ненарокова, увидевшего несомненную связь «Белого Креста» с Георгиевскими частями⁴, а, значит, и с Союзом Георгиевских кавалеров. Таким образом, «Белый Крест», тоже благотворительный по изначальной природе, стал лишь еще одним прикрытием алексеевской активности.

Таким образом, взгляд на складывание Белого движения сквозь призму взаимоотношения между его будущими лидерами проливает непривычный свет на расстановку политических сил в 1917 г. Выясняется, что каждый из видных политиков того времени – выходцев из думского лона – имел «своего» кандидата, если не в диктаторы, то, по меньшей мере, в соправители. Политические тандемы были чрезвычайно неустойчивы, но вполне определены: Керенский – Брусилов, Гучков – Корнилов и Милюков – Алексеев. Эти комбинации оказались недолговечными, и отражая слабость Временного правительства, и предвещая политическую нежизнеспособность генеральских режимов времен Гражданской войны. Отчаянная попытка Алексеева собрать воедино все антибольшевистские силы осенью 1917 г. безнадежно опоздала, что усугублялось потрясающей апатичностью бывших думских активистов.

¹ Там же.

² Дневники, записи, письма генерала Алексеева и воспоминания об отце В.М. Алексеевой-Борель / Публ. Н. Рутыча // Грани. 1982. № 125. С. 170.

³ Волков С.В. Первые добровольцы на Юге России. М., 2001. С. 267-268.

⁴ Ненароков А.П. 1917. Великий Октябрь: краткая история, документы, фотографии. – М., 1977. С. 155.

ВКУСОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ (КУХНЯ) В ЖИЗНЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

История политического пространства русского либерализма и Государственной Думы России начала XX в. со всеми присущими ей сюжетами представляет собой в разрезе систем политических коммуникаций крайне занимательную «кухню» своего времени. При этом прямое воплощение практической стороны метафоричности данного понятия как нельзя лучше отражает реализм пространства кухни бытовой с ее вкусовыми предпочтениями и привычками как территории особой неформальной коммуникации с позиции политической практики повседневности.

Примечательно, что за долгий период изучения политической истории России начала XX в. как-то в стороне остался взгляд на, казалось бы, простую вещь в системе исторического исследования повседневных практик жизненного пространства представителей разных политических идеологий и отечественных парламентариев – их вкусовые (пищевые) предпочтения. При этом если политик эпохи начала XX в. через «слово», «пиджак» или «сюртук» отчасти нам известен², то «человек политический» через кухонный колпак или фартук, а тем более еду на тарелке и рюмку – это кто?

Подчеркнем, что с позиции повседневности политик, депутат, министр – это прежде всего люди, которые имеют не только собственные политические убеждения и программы, но и те, кто завтракает, обедает, ужинает, а также посещает «ресторацию» и даже

¹ Щукин Денис Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе института истории и культуры ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина».

² См.: Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX в.: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006; Он же. Пиджак в российской политике: первая примерка // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Межпарламентская ассамблея государств-участников содружества независимых государств; Центр истории парламентаризма. Санкт-Петербург, 2014. С. 122-130; Патрикеева О.А. 58 квадратных саженей или думский буфет // Родина. 2015. № 1. С. 128-129; Она же. Повседневная жизнь Государственной думы России (по неопубликованным дневникам С.И. Смирновой-Сазоновой. 1906-1917 гг.) // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 133-141.

гуляет на банкете. И если «политические идеалы» представителей политического пространства России начала XX в. в целом сегодня известны, то вот какие у них вкусовые предпочтения в тарелке пока остается территорией вопроса. Что и где едят, пьют, с кем встречаются и о чем говорят за столом, чего «жалуют» из еды, а что не принимают, чем любят себя побаловать из кухни, что рекомендуют и готовят. При этом готовят ли сами или нет?

Гармонию обозначенных вопросов с вершин практик инструментов политической деятельности дополняет и статус самой кухни бытовой как:

- 1) некой территории особой неформальной коммуникации на «политические темы» с принятием тех или иных решений государственной важности,
- 2) площадки для озвучивания «революционных» идей и программ,
- 3) трибуны защиты или критики власти.

В контексте данного исследования места и роли пространства кухни в деле рядовой организации партийной жизни политических сил России начала XX в., появление в арсенале парламентария данной эпохи новых политических практик и инструментов, несет, на наш взгляд, важную составляющую в представлении общей целостной картины отечественной политической истории данного периода.

Помимо вышеобозначенных размышлений в свете исторической дискуссии по заявленной теме данной статьи перед нами стоит куда более непростая задача. А именно. Возможна ли идентификация русского либерализма (или, например, консерватизма, социализма) через институциональную семиотику пространства кухни и вкусовые (пищевые) предпочтения его представителей? Это требует своего пояснения.

Во-первых, нет сомнений в том, что еда (кухня) – это всегда неотделимая часть общего пространства повседневности – пространства бытия человека, некий идентификатор своего времени, специфический «объект-символ» той или иной исторической эпохи. Например, «царская» или «советская» кухня. Таким образом, наличие данной объективности позволяет нам моделировать повседневность того или иного времени; осуществлять через кухню, вкусовые (пищевые) предпочтения погружение обывателя в конкретный исто-

рический период времени, что является одной из прямых задач со стороны исследовательских полей исторических изысканий.

Во-вторых, что, как не кухня (еда) говорит о состоянии общества и самого человека: о его жизненной позиции, характере и причин выбора того или иного, каково его бессознательное, что он хочет сказать своими пищевыми предпочтениями, счастлив в данный момент или, быть может, испытывает внутренний дискомфорт.

Таким образом, это превращает кухню в привлекательный универсариум – территорию исследования самых разнообразных областей повседневных практик жизни человека от гигиены до культуры поведения.

При этом, с позиции пространства научного исследования (гастики и гастрософии) смысл еды – это исследование культуры путем потребления пищи¹. Многогранность же такого понятия как «культура» формирует, в свою очередь, вполне логичную постановку вопроса – возможно ли исследовать политическую культуру, политические предпочтения индивида, символы и режимы через пищу, кухню, еду, вкусовые предпочтения? Можем ли мы и на сколько экстраполировать феномен «гастрономики» на пространство политического?

В свете данного отметим следующее. Активизация развития в России начала XX в. политических практик и институтов с концентрацией вокруг Государственной Думы абсолютно логично приводят к появлению особого коммуникативного пространства, в котором, используя в том числе пространство кухни и возможности неформального общения (например, встреча за чашкой чая или деловой обед в ресторане, приглашение на блины, банкет), можно было:

- 1) выразить свое политическое мнение, привлечь круг единомышленников;
- 2) попытаться найти точки соприкосновения в том или ином спорном или неудобном вопросе;
- 3) прийти к неким договоренностям или компромиссам.

При этом в решении ряда политических вопросов шансы сделать это именно в формальной обстановке думского зала заседа-

¹ См.: Павловская А.В. Гастрософия: наука о еде. К постановке проблемы. Часть 1 // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 23-38; Она же. Гастрософия: наука о еде. К постановке проблемы. Часть 2 // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 26-41.

ний российского парламента начала XX столетия показались бы прозрачными. Одним из ярких примеров, подтверждающих тот факт, как думская и окоلودумская политика рассматриваемого периода легко переходила в неинституциональные формы, служит «свидание» П.Н. Милюкова (лидера партии кадетов) с Д.Ф. Треповым (генерал-губернатор Санкт-Петербурга, дворцовый комендант, доверенное лицо Николая II). Она состоялась накануне роспуска I Государственной Думы летом 1906 г. в кабинете петербургского ресторана «Кюба» и была посвящена, в том числе перспективам формирования в России «ответственного министерства» – правительства, подотчетного парламенту. Как пишет Милюков, «свидание протекало в очень любезных тонах. Не долго думая, Трепов вынул из кармана записную книжку и деловым тоном спросил меня, какие условия ставят к.-д. для вступления в министерство. Общее впечатление, произведенное на Трепова нашей беседой, во всяком случае, не исключало дальнейших переговоров. Как признак возникшего между нами взаимного доверия, Трепов дал мне на прощанье номер своего телефона в Петергофе и предложил сноситься с ним непосредственно»¹.

В контексте данного можно говорить о том, что именно «ресторация» как неформальное (априори нейтральное) место для общения позволяет политическим деятелям начала XX в. устанавливать контакт между собой, не смотря на принадлежность к противоположным политическим группам. Это прямо переводит роль места «кухни» из бытового, прикладного значения в плоскость «политического» формата общения, формируя тем самым в России начала XX в. новый практический инструмент в арсенале политика парламентария – неформальный диалог на «деловые темы» за тарелкой, рюмкой, обедом, ужином, чашкой чая.

Исходя из данного, любопытна следующая постановка вопроса. Государственная Дума России начала XX в. как сумма лиц от разных «кулинарий» политического поля Отечества – это сознательно подобранный и сформированный «винегрет» для целостной картины законченного перечня блюд «меню» власти или вынужденно отдельный ото всего «микс-салат» команды шеф-повара («Хозяина земли Русской») по сочетанию не сочетаемого в условиях ограниченного перечня «ингредиентов» на политической кухне России

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 251-252

рассматриваемого периода?

Однозначный ответ на это не так явен и требует своего предметного взора профессионального научного сообщества.

Таким образом, содержательная специфика обозначенных вопросов и их структурная составляющая формируют по отношению к себе, на наш взгляд, новое исследовательское поле в изучении русского либерализма и Государственной Думы России начала XX в. – изучение взаимосвязи политических и пищевых (вкусовых) предпочтений. А рассмотрение политической составляющей российской действительности начала XX в. через кухню и поиск ответов, раскрывающих образы политиков через «ресторацию» (буфет, тарелку и рюмку), необходимы для полноты образа и идентификации реализма полотна исторических событий данного времени. В конечном счете, реализация данного представляется нам крайне *une idée séduisante* (с франц. – заманчивой идеей).

Особое значение в анализе вкусовых предпочтений (кухни) в жизненном пространстве русского либерализма и Государственной Думы России начала XX в. занимают нарративные источники (дневники, воспоминания, переписка и т.д.) политических и общественных деятелей рассматриваемого периода¹. Они позволяют через окно «бытовой» кухни взглянуть не только на их личные вкусовые и пищевые предпочтения, но и на «кухню политическую» данной эпохи. Так, по словам члена ЦК партии кадетов А.В. Тырковой-Вильямс, «первые более внятные проявления освободительного движения и его нарастание мне пришлось наблюдать в писательской среде, на литературных ужинах, или банкетах, как их называли в подражание французским банкетам, которые подготовили во Франции революцию 1848 г. Для наших обедов, скромных и по обстановке и по речам, пышное название – банкет – звучало

¹ См.: Борман А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн – Вашингтон, 1964. 336 с.; Еропкин А.В. Записки члена Государственной думы: Воспоминания. 1905-1928 / вступ. ст. и коммент. К.А. Соловьёва. М., 2016; Дневники императора Николая II (1894-1918): в 2 т. Т. 2. Ч. 2 / Отв. ред. С.В. Мироненко. М., 2013; Милюков П.Н. Из тайников моей памяти. М., 2015; Набоков В.Д. До и после Временного правительства: Избранные произведения / Сост. и предисловие Т. Пономарёвой. СПб., 2015; Полнер Т.И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова: Личность, Взгляды. Условия деятельности. М., 2001; Тимашев С.И. Кабинет Столыпина: Из «Записок» министра торговли и промышленности / Ввод. статья, подг. текста и комм. Л.Е. Шепелева / С.И. Тимашев // Русское прошлое: историко-документальный альманах. СПб., 1996. Кн. 6. С. 95-130; Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 2007.

иронически. Собирались мы в кухмистерской, на углу Николаевской и Кузнечного переулка, в грязеньком помещении, где купцы справляли свадебные обеды и похоронные тризны. Неважная была еда. Неизменно подавалась какая-то таинственная рыба лабардан. Так и спрашивали друг друга:

- Что же, пойдем рыбу лабардан есть?

Платили за ужин, насколько помню, рубля полтора с физиономии, не считая вина»¹.

Примечательным здесь выступает знание сидящих за столом и испытывавших чувство гордости, которое «возвышало нас в собственных глазах», от того, что «среди лакеев, подававших нам рыбу лабардан, конечно, были агенты охраны». При этом Тыркова-Вильямс подчеркивает главную «примету» этого времени: «На банкетах в кухмистерской стихов не декламировали, но учились произносить речи. В этой длинной, прокопченной табачным дымом, неряшливой столовой и я произнесла мою первую публичную речь»².

Таким образом, с позиции кухни, период нарастания политического освобождения масс в России в начале XX в., когда «русские языки еще только начинали развязываться», и организационного оформления русского либерализма – это «лабарданские времена». Эпоха, в которую «мужчины приходили, конечно, в пиджаках», а среди женщин пока еще не было «франтих». Время, в которое «многие лозунги, которые позже были написаны на уличных знаменах, впервые были вынянчены на наших ужинах»³.

Примечательно, что с позиции пищевых практик камчатским ученым И.А. Полутовым лабардан – (рыба треска, но не вяленая)⁴ определяется с учетом своей промысловой значимости не иначе как «царица северных морей». Получается, что развитие освободительного движения в либеральной среде России начала XX в. проходило за «разделяванием и поеданием» некоего «царского». Такая своеобразная репетиция перед дальнейшей программой действий в свете намечаемого на политической кухне России начала XX в. «революционного меню». В данное гармонично укладывается и

¹ Тыркова-Вильямс А.В. Указ. соч. С. 72.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 73-74.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб.-М., 1881. С. 235.

факт лакеев – агентов охраны, которые по роду своего занятия должны были оберегать «царское» от того, чтобы «блюдо не опрокинулось», а по факту наблюдали за тем, как в либеральной среде «царским» закусывали, «нагуливая» таким образом себе «аппетит».

Попробуем экстраполировать это и на Государственную Думу данной эпохи. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона определяет лабардан как треску, посоленную в бочках или просоленную и провяленную треску без хребтовой¹. Отметим, что до февраля 1917 г. Таврический дворец как некий центр оппозиционного движения к правящей власти – это рыбное место (главное блюдо думского буфета – рыба «сига по-польски»)². При этом известно, что I Государственная Дума России начала XX в. по своему составу преимущественно была кадетской («лабарданской») и крестьянской («соль земли русской»). При этом преобладающего большинства депутатских мандатов (более 2/3) кадеты в I Думе не получили. Что это, как не просоленная и провяленная треска без хребтовой!

Пространство кухни находит свое отражение и в деле рядовой организации партийной жизни политических сил России начала XX в. либерального толка. Так, в процессе становления и развития деятельности партии Народной Свободы (кадетов) особое место сыграет открытый 24 апреля 1906 г. кадетский клуб, инициатором создания которого выступил князь Д.И. Бебутов. По воспоминаниям Тырковой-Вильямс, «... кн. Бебутов, фигура довольно комическая. Раз и я у него побывала. Он держал отличную кухарку. Ужин был на славу. Подали колоссальную индейку, нафаршированную сложнейшим фаршем. Вино было дорогое. Тосты самого зажигательного характера»³. При этом сам кадетский клуб со своей неприхотливой обстановкой, но с хорошим и дешевым буфетом, пользовался среди членов партии кадетов большой популярностью.

Через вкусовые предпочтения посмотрим и на место проведения заседаний ЦК кадетской партии. Так как первые годы председателем ЦК партии кадетов был Иван Ильич Петрункевич, то по воспоминаниям Тырковой-Вильямс, «заседания происходили в его уютной квартире в Басковом переулке. Темные обои и портьеры прида-

¹ Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. М., 2013.

² Патрикеева О.А. 58 квадратных саженей или думский буфет. С. 128-129.

³ Тыркова-Вильямс А.В. Указ. соч. С. 364.

вали столовой внушительный вид. За длинным столом свободно помещалось человек 20. На столе расставлено обильное угощение, хрустальные вазочки с вареньем, тарелочки с печеньем, сухариками, булочками, тортами. Отборные фрукты, каких я ни у кого в Петербурге не видела, присылала из своего крымского имения графиня С.В. Панина, дочь Анастасии Сергеевны от первого брака»¹.

Пространство «кухня» русского либерализма и Государственной Думы России начала XX в. имели и своего «буфетного дирижера» – лидера партии кадетов Милюкова. В своих воспоминаниях по поводу открытия в России первой в ее истории Государственной Думы он пишет следующее об этой закрепившейся за ним «должности»: «В памятный день 27 апреля я встретил у ворот Таврического дворца депутатов, возвращавшихся по Неве из Зимнего дворца в старый дворец Потемкина. С.Е. Крыжановский выражал сожаление по поводу моего (второго) разъяснения; по его мнению, я «был вреднее вне Думы, чем в Думе». Он, как и другие, был уверен, что я "дирижирую Думой из буфета". Я не могу отрицать, что я имел в Думе известное влияние. Как член ЦК партии, я мог участвовать ближайшим образом в деятельности парламентской фракции. В буфете у нас был общий стол, за которым во время завтрака спешно обсуждались текущие вопросы дня, ввиду перегруженности думской работы». При этом, по мнению Милюкова, «...все же "дирижировать" не только всей Думой, но и нашей фракцией я никоим образом не мог. Не мог бы, даже если бы был депутатом»².

Образ политиков, парламентариев, представителей русского либерализма начала XX в., запечатленный в источниках личной памяти (мемуарах, дневниках, воспоминаниях) сквозь окно вкусовых предпочтений и кухню, примечателен своей палитрой «пищевых» красок. Лидер кадетов Милюков – «шампанское»³, Н.В. Некрасов – «варенье»⁴, М.В. Челноков, В.А. Маклаков, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков – любители «стольпинской чашки чая», В.Д. Набоков – любящий «кекс», по воспоминаниям его сына.

В свете данного, примечателен и факт запечатления деятелей русского либерализма начала XX в. на том, без чего не обходится

¹ Там же. С.359-360.

² Милюков П.Н. Указ. соч. С. 243

³ Милюков П.Н. Из тайников моей памяти. М., 2015. С. 360.

⁴ Тыркова А.В. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://staging.project1917.ru/persons/891> (Дата обращения: 16.02.2018).

ни одна кухня – тарелках. Известный русский детский писатель, журналист, иллюстратор, карикатурист Валерий Вильямович (Васильевич) Каррик (1869–1943 гг.) в 1906 г. изобразил целую плеяду политических деятелей и парламентариев России начала XX в. в формате портрета-шаржа (карикатуры) на фарфоровых тарелках.

Рис. 1. – Политики на тарелках, Каррик В.В., 1906 г.

Таким образом, в политической коммуникации начала XX в., связанной с деятельностью русского либерализма и Государственной Думы, метафора «кухни» и очерчиваемое ею воображаемое поле деятельности предметно накладываются на реальное пространство ресторации (буфет, ресторан, столовая), где собирались депутаты, а «кухонные» образы становятся значимой частью языка описания власти и общественного мнения по отношению к ней. Уверенны, что площадка XI Муромцевских чтений 2019 г. позволит более обстоятельно обсудить вынесенные размышления в среде профессионального научного сообщества, найдя точки соприкосновения в пространстве исторической дискуссии.

**ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПАРТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНЦЕ XIX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКОЙ ПЕРИОДИКИ И
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

В конце XIX в. Великобритания являлась той страной, которая вызывала пристальное внимание русской общественности. Представители различных политических течений – от консерваторов до радикалов – обращали свои взоры к Англии, пытаясь найти в ее политическом строе и общественно-политической системе ответы на многие вопросы, которые представляли острейший интерес для них. Этот интерес во многом объяснялся тем, что Россия, в рассматриваемый период вступившая на путь пореформенного преобразования, нуждалась в определенном примере экономического и политического развития. Новые гражданские институты и изменения в умах людей исподволь размывали прежнюю закрытость политико-культурной системы. Российское общество было поставлено перед необходимостью восприятия Европы. Англия как раз и могла выступить в качестве такого эталона. В ее экономическом, общественно-политическом и социальном устройстве было много привлекательного для русских сторонников реформ. С одной стороны, это крупнейшая промышленная держава мира, с другой стороны, – это монархическая страна с сильными олигархическими традициями и принципами, одновременно имеющая двухпалатный парламент, полномочия которого расширялись в ходе проведения реформ.

Довольно широко Англия и англичане рассматриваемого периода представлены в российской публицистике.

Русским публицистам консервативного и умеренно-консервативного направления были свойственны определенные критические оценки государственной системы Великобритании, хотя они и признавали многие ее положительные моменты. Так, умеренно-консервативный журнал «Русский вестник» отмечал, что ан-

¹ Гелла Тамара Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

глийская конституция не представляла собой «панацеи» от радикальных преобразований, хотя и оставалась «неизменной посреди всяких революционных Европейских бурь»¹, что, по мнению журнала, было ее сильной стороной. Фактически, журнал выражал настроения тех российских общественных кругов, которые признавали прогрессивное развитие общества по пути реформ, проводимых исключительно «сверху». Недаром в одной из публикаций за 1872 г. заявлялось: «Более чем когда-либо входит во всеобщее сознание старая истина, что своевременная реформа есть единственный путь спасения народа от всяких переворотов»². Показательно, что русские публицисты консервативного толка подметили очень важную черту законодательной системы Англии – важнейшие реформы проводились тогда, когда их актуальность и необходимость становилась очевидной для всех слов английского общества.

Более критично в отношении государственного устройства Англии высказывался журнал-газета "Гражданин". Журнал являлся органом реакционных слоев русского дворянства, вел борьбу за свертывание реформ, выступал против всего прогрессивного как в России, так и на Западе. По мнению журнала, в Англии монархическая власть была сравнительно слабой, поэтому большое значение в ней придавалось борьбе партий. «... В этой родине парламентаризма борьба партий имеет такое большое значение для страны, что все управление страной зависит от того или иного исхода борьбы партий в данный момент. Какая партия одержала в известное время перевес – за такой партией следует и королевская власть», – отмечалось в нем³. «Гражданин» не дал развернутой характеристики либеральной и консервативной партий, не раскрывал их идеологических принципов. Характеристика этих двух основных политических сил на страницах журнала отличалась определенной примитивностью: консерваторы «придерживаются исторических преданий, которыми так богата Англия, и отстаивают начала, выработанные давно минувшей английской социальной жизнью», а либералы «полагают в основе своей политики массу потребностей нового времени, и стоят за необходимость постоянных реформ во всем строе английской социальной жизни». Показательно, что

¹ Русский вестник. 1872. № 9. С. 169.

² Там же. С. 168.

³ Гражданин. 1874. № 5. С. 154.

«Гражданин» был невысокого мнения о политической принципиальности английских государственных деятелей. «Ни в одной стране в мире нет столько перебежчиков из одной партии в другую, сколько в Англии...», – утверждалось на его страницах. В качестве примера приводились политические биографии У. Гладстона и Б. Дизраэли¹.

Подробные и содержательные очерки об Англии публиковались на страницах крупного российского ежемесячного журнала либерально-буржуазного направления «Вестник Европы» (издавался с 1868 по 1918 гг.). Его редактором-издателем был отставной профессор истории Петербургского университета М.М. Стасюлевич.

Вопросы государственного устройства Англии широко освещались на страницах этого журнала, выступающего за осуществление реформ конституционно-монархического направления. В связи с этим, Англия, представлявшая удачный пример сочетания монархии и парламентаризма, привлекала пристальное внимание русских либералов.

Одной из положительных черт британской политической системы авторы «Вестника Европы» считали действие двухпартийного механизма, т.е. сменяемость одной политической партии другой. В многочисленных публикациях отмечалось, что когда правящий кабинет не может предложить больше гражданам какой-либо позитивной программы, когда «страна чувствует, что ее не ведут, что у нее осталась администрация, но нет правительства в парламентском смысле слова»², тогда англичане избирают новое правительство. Таким образом, у русского читателя формировался образ страны, которая в деле развития политической свободы «достигла наилучших результатов по всей Европе».

Свою лепту в дело формирования российских представлений о Великобритании внесли представители демократической общественной мысли. В целом Англия и англичане в оценках русских демократов мало чем отличались от восприятия их русскими либералами, правда, первые больше акцентировали внимание на радиализации британских политических процессов.

Проблемы конституционного и социально-политического развития Англии нашли свое отражение на страницах «Отечественных

¹ Там же. № 23. С. 625-626.

² Вестник Европы. 1873. № 9. С. 413.

записок». Придерживаясь революционно-демократического направления, журнал знакомил своих читателей с историей политической борьбы в Англии, с проведением либеральных реформ, с той ролью, которую сыграл английский народ в их принятии. «Отечественные записки» не идеализируют конституционное устройство Англии, напротив, по его мнению, оно «... далеко не составляет такой панацеи от политических и в особенности – социальных недугов, при которых взгляды более радикальные казались бы лишними». Характерной особенностью всего хода событий во внутривнутриполитической жизни Англии в XIX столетии журнал полагал «несомненное возрастание радикального духа и стремление к полному преобразованию в либеральном смысле»¹. Весьма положительным для Англии авторы «Отечественных записок» считали расширение рабочего представительства в парламенте, потому что «рабочий элемент будет весьма важным двигателем прогрессивного и демократического духа». Более того, журнал выступал за предоставление избирательных прав женщин и предполагал, что «англичане будут вознаграждены тем благом, которое можно ожидать от участия в правлении людей, на себе испытавших всю тяжесть несправедливых законов». Пожелание российских демократов введения в политическую систему Англии более прогрессивных начал может стать наиболее понятным после неоднократного прочтения на страницах «Отечественных записок» утверждения, что Англия – «самая консервативная страна в мире» или же «преимущественно консервативная страна». Впрочем, практически всегда за этими высказываниями следовали оговорки, что в последнее время Англия сильно продвинулась по пути демократического развития.

По мнению авторов публикаций, Англия в сравнении с Россией далеко продвинулась по пути политической демократии, хотя уровень развития политической свободы в ней еще не достиг наивысшей точки и поэтому она не должна была останавливаться на достигнутом. В целом «Отечественные записки» положительно оценивали политические процессы в Англии. Например, отмечалась определенная дальновидность и осторожность политики английских монархов, готовность их идти на компромисс с политическими силами, что обуславливалось многовековым опытом истории страны. Так Марина Цебрикова в статье «Дух компромисса в Англии», напе-

¹ Отечественные записки. 1869. № 8. С. 328, 330.

чтанной в 1875 г., утверждала, что Генрих VII и Елизавета никогда не дошли до того, чтобы сказать словами Людовика XIV: «Англия – это я»; всегда была черта, перед которой они останавливались и шли на сделку с волей нации с самого основания Англии, и она поплатилась кровавым переворотом, когда Стюарты изменили этому девизу в XVII в. С тех пор развитие Англии шло путем мирного компромисса». На страницах журнала англичане представляли перед русским читателем как граждане, целью которых было учреждение «правительства всего народа, а не некоторых привилегированных ... классов»¹.

Таким образом, русская периодическая печать рисовала перед своими читателями картины многогранной политической жизни Великобритании. Влиятельной силой на британской политической арене по-прежнему оставалась либеральная партия. Последнее десятилетие XIX в. ознаменовалось для либералов серьезными изменениями в их партийной социальной структуре, что нашло отражение в их представительстве в британском парламенте.

К концу XIX в. среди членов либеральной партии увеличивается число представителей промышленных и финансовых кругов Англии². В профессиональном аспекте соотношение было следующим: к 1892 г. в палате общин от общего числа 493 либералов-депутатов заседали 24 владельца текстильных предприятий, 18 – каменноугольных, представителей финансового мира насчитывалось 81, владельцев железных дорог – 24, металлургических предприятий – 25, судостроения и других видов транспорта – 24, коммерсантов – 38, владельцев газет – 10, журналистов – 10, юристов – 64. От рабочих в палате общин заседало только 7 представителей³.

Одной из важнейших тенденций в изменении социальной структуры либеральной и консервативной партий с 1868 по 1890 гг. являлось увеличение представительства в их рядах средних классов, отражавших интересы деловых кругов и интеллигенции, и сокращение численности земельной аристократии. Правда, эта тенденция имела свои особенности применительно к каждой из партий, что

¹ Там же. С. 365.

² Галеви Э. История Англии в эпоху империализма. М., 1937. С. 13.

³ Thomas J.A. The House of Commons. 1832-1901. A Study of its Economic and Functional Character. Cardiff, 1939. P. 14.

прослеживается при анализе результатов парламентских выборов. В 1868 г. либералы в палате общин имели 563 места, представлявших совместно интересы землевладельцев, промышленников и торговцев, из них 197 или 35% принадлежали аграриям, тогда как 366 или 65% отражали "новые" интересы. В том же парламенте консерваторы имели 306 мест, представлявших интересы этих категорий депутатов, из них 185 или 60% принадлежали землевладельцам и только 121 или 40% – промышленникам и торговцам¹. В 1890 г. из 220 либералов – членов нижней палаты, представлявших совместно интересы землевладельцев, торговцев и промышленников, 20 или только 14% принадлежали аграриям и 190 или 86% – торгово-промышленным кругам. Среди депутатов от консервативной партии из 506 общего числа этих трех категорий 150 или 30% выражали интересы земельных собственников и 356 или 70% – промышленного и торгового мира². Из приведенных данных можно сделать два важных вывода: во-первых, уже к началу 1870-х гг. либеральная партия во многом была партией "нового" порядка, так как, несмотря на значительное представительство земельных интересов, среди ее депутатов в парламенте преобладали все же представители деловых кругов. К концу XIX в. это соотношение еще больше изменяется в пользу последних. Нельзя не согласиться с утверждением отечественного историка М.П. Айзенштат о том, что «типичный парламентарий-либерал после второй и третьей избирательной реформы являлся представителем среднего класса». По ее мнению, "наиболее распространенными профессиями были занятия бизнесом, либо юридическая практика"³. В консервативной партии этот сдвиг в сторону преобладания «новых» интересов на протяжении 30 лет еще более заметен. Вторым моментом, непосредственно вытекающим из первого, являлся факт сокращения численности депутатов, отражавших земельные интересы. Этот процесс наблюдается в обеих партиях, но наиболее ощутим он был среди консерваторов.

К 1890 г. численность представителей «новых» интересов, т.е. деловых кругов, в британском парламенте возрастает как в либе-

¹ Ibid. P. 20.

² Ibid.

³ Айзенштат М.П. Западноевропейский парламентаризм XVIII-XIX вв.: этапы становления и развития. М., 2001. С. 89.

ральной партии, так и в консервативной. Особенностью представительства в парламенте двух буржуазных партий, наглядно проявлявшейся с 1880 г., явилось увеличение числа депутатов в парламенте, представлявших имперские и колониальные интересы¹. Имперские и колониальные интересы либералов в последние десятилетия XIX в. сосредоточивались скорее не в рамках Британской империи, а за ее пределами – в Соединенных Штатах Америки и в Южной Америке. Имперские настроения и интересы депутатов от консервативной партии более ярко выражены. Исследователь вопросов о социальном составе британского парламента второй половины XIX в. Дж. Томас заключал, что «привычка мыслить поимперски» была привычкой, основанной на чем-то более прочном и постоянном, чем на сентиментальных чувствах².

Безусловно, анализ парламентского представительства той или иной политической партии не дает еще полного представления о ее социальной базе. Не менее важным остается вопрос о политической ориентации английского электората в последней трети XIX в. При рассмотрении вопросов о политических настроениях английских избирателей необходимо учитывать следующие моменты. Во-первых, законы о парламентских реформах 1867 и 1884 гг. значительно увеличили число избирателей, что повлияло на изменение стратегии и тактики двух политических партий в работе с избирателями. Во-вторых, на симпатии и антипатии английских избирателей влияла также непосредственная деятельность либеральных и консервативных правительств, их успехи и неудачи на внутри- и внешнеполитической арене. В-третьих, процессы, происходившие во внутрипартийной жизни либералов и консерваторов, также отражались на позициях избирателей. Например, вопрос о гомруле для Ирландии и раскол партии в 1886 г. болезненно сказались на положении либералов на политической арене страны, нанося существенный ущерб престижу партии, что отразилось на отношении к ней английских избирателей.

На протяжении трех десятилетий XIX в. социальная база либеральной партии видоизменялась и в этом процессе прослеживается определенная тенденция. В конце 60-х-начале 70-х годов XIX в., особенно после реформы 1867 г., либералам отдавали предпочте-

¹ Более подробно см.: Thomas J.A. Op. cit. P. 21.

² Ibid. P. 22.

ние крупная английская буржуазия промышленных центров Англии – Мидленда, а также буржуазия, придерживавшаяся неконформистских религиозных воззрений, часть земельной аристократии в лице виггов, мелкобуржуазные слои, а также значительная часть рабочих, особенно в тех округах, где фабричный пролетариат не составлял большинства населения. Тактика либералов на привлечение на свою сторону рабочего класса получает развитие и в последующие годы. Важной особенностью выборов 1868 г. явилось то, что они выявили популярность либеральных идей среди городского населения страны¹. Наибольшей поддержкой они пользовались на севере Англии. Фактически викторианский либерализм был определенно про-северной ориентации: Ланкашир, Йоркшир, Ливерпуль, Блэкберн, Лидс – это далеко не полный перечень городов, в которых либералы имели сильные позиции. Таким образом, можно говорить, что либерализм был политическим движением больше городского населения, чем сельского.

Результаты парламентских выборов 80-90-х гг. XIX в. свидетельствовали о тех изменениях, которые произошли в настроениях и симпатиях английских избирателей. С 1880 г. по сравнению с либералами консерваторы были более близки к успеху в проведении своих кандидатов в парламент во всех округах Британии. В последние десятилетия XIX в. тори также успешно действовали и по привлечению городских слоев населения². На парламентских выборах 1895 г. они выиграли значительное число мест как в городских округах, так и в графствах. Консерваторы были сильны на юге и в центральной Англии, на западе Мидленда и во внутренних графствах. С вливанием в ее ряды представителей средних классов партия тори превращалась в партию богатства, направления ее политики определялись интересами новых ее сторонников³.

С 80-х гг. XIX в. прослеживаются определенные изменения в социальной структуре либеральной партии. Парламентские выборы 1880 г. показали, что 74 избранных в парламент от графств либе-

¹ Более подробно см.: Hanham H.J. Elections and Party Managements. L., 1959. P. 74; Поляков А.Ю. Либеральная партия Великобритании на парламентских выборах 1868 г. Деп. рук. М., 1987. С. 17.

² Cornford J. The Parliamentary Foundations of the Hotel Cecil // Ideas and Institutions of Victorian Britain. Ed. by R. Robson. L., 1967. P. 277; Lloyd T. Uncontested Seats in British General Elections // The Historical Journal. 1965. Vol. 8. № 2. P. 265.

³ Steiner Z. Britain and the Origins of the First World War. L., 1977. P. 6.

ралов получили поддержку вигской земельной аристократии, крупных средних фермеров, мелкой буржуазии, ремесленников и лавочников. Но большинство либеральных депутатов было избрано от городских округов, причем преимущество им дали небольшие города. В собственно Англии либеральная партия сохраняла сильные позиции среди северных и центральных промышленных центров, где за нее голосовали крупная и средняя торгово-промышленная буржуазия, верхушка рабочего класса, а также мелкая буржуазия. По итогам голосования 1880 г. либералов поддерживали избиратели тех районов, которые больше всего ощущали последствия депрессии: в Йоркшире, Мидленде, северной Англии¹. Преобладающим влиянием либералы пользовались в Шотландии и Уэльсе. Таким образом, к 1880 г. либеральная партия представляла собой коалицию широких социальных сил. Массовую базу этой партии составляли торгово-промышленные круги, владельцы мелких и средних предприятий, а также высокооплачиваемые квалифицированные рабочие.

К концу 80-х и в 90-х гг. XIX в. картина в социальной структуре либеральной партии еще более изменяется. Выборы 1900 г. показали, что либеральная партия потеряла значительное число голосов в самой Англии, ее перестали поддерживать в университетских избирательных округах. Так, если в самой Англии в 1885 г. либералы смогли провести в парламент 242 своих кандидата, то в 1900 г. только 122. Правда, в Шотландии и Уэльсе либералы пользовались по-прежнему поддержкой. В частности, в Уэльсе было избрано 27 депутатов от либеральной партии, тогда как консерваторы провели только 6, в Шотландии поддержку получили 34 либеральных кандидата и 19 от консерваторов².

Одним из факторов, повлиявшим на снижение популярности либеральной партии на политической арене страны, явился выход из ее рядов в результате ирландского кризиса 1886 г. членов вигского крыла, представлявших интересы старой земельной аристократии. Переход вигов на позиции либерал-юнионизма может быть расценен как усиление деловых интересов среди этой социальной

¹ Узнародов И.М. Политические партии Великобритании и рабочие избиратели (50-е - начало 80-х годов XIX в.). Ростов н/Д., 1992. С. 163.

² Колмаков С.А. Идеология и политика либеральной партии Великобритании в первой половине 80-х годов XIX в. (1880-1886 гг.). М., 1985. С. 21-22.

группы депутатов и в целом как движение представителей крупнейших состояний в сторону консерватизма¹.

Не менее важным моментом в ослаблении позиций либералов среди британских избирателей было колебание средних и мелкобуржуазных слоев населения в пользу консервативной партии. Английский исследователь Дж. Данбебин полагал, что либеральная партия начала терять поддержку средних классов уже с конца правления первого кабинета У. Гладстона (1868-1874 гг.) и фактически к 1880 г. совсем утратила контроль над пригородами². Поворот определенной части мелкой и средней буржуазии в сторону торизма был медленным, но ощутимым для либералов.

В конце XIX в. наблюдался процесс падения популярности либералов и среди рабочих избирателей³. Объяснялся он многими причинами, из которых наиболее значимыми можно назвать следующие: рост численности рабочего класса и связанные с этим структурные изменения в нем; активизация тред-юнионистского движения и усилившееся среди рабочих стремление к созданию собственной политической партии; более резкое размежевание рабочих и мелко- и среднебуржуазных слоев. Если до 1880 г. преобладание либералов в городах держалось за счет поддержки со стороны рабочих и мелкой буржуазии, причем у последних был приоритет, то в 80-90-х гг. XIX в. такой союз становилось все труднее сохранить. Другой, не менее важной, причиной явилась в определенной степени неспособность либеральной партии отреагировать на важнейшие требования рабочих, перестроить работу в рабочих избирательных округах.

Таким образом, накануне нового столетия либеральная партия, исходя из изменений в ее социальной структуре, должна была решать важнейшие вопросы обновления программных положений для сохранения и укрепления своих позиций на политической арене страны и увеличения своего представительства в британском парламенте.

¹ Rubinstein W.D. The Victorian Middle Class: Wealth, Occupation and Geography // *Economic Historical Review*. 1977. Vol. 30. P. 205.

² Dunbabin J.P. Parliamentary Elections in Great Britain 1868-1900: A Psychological Note // *English Historical Review*. 1966. Vol. 81. № 318. P. 89-90.

³ Более подробно см.: Leyborn K., Reynolds J. Liberalism and the Rise of Labour, 1890-1918. L., 1984. P. 108.

**РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ
И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.
1906-1917 гг.**

«ХІ МУРОМЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Материалы
Международной научной конференции
11-12 октября 2019 г., г. Орёл
Часть 1

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессор Д.В. Аронова

**ООО Издательский Дом «ОРЛИК»
(«Орловская литература и книгоиздательство»)**
Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48.
E-mail: orlik_id@orel.ru www.orlik-id.orel.ru
Подписано в печать .09.2019. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 23,25. Тираж 300 экз. Заказ № 37.

Отпечатано ООО «Типография «Вариант»,
г. Орёл, ул. 3-я Курская, 20 www.variant-orel.ru